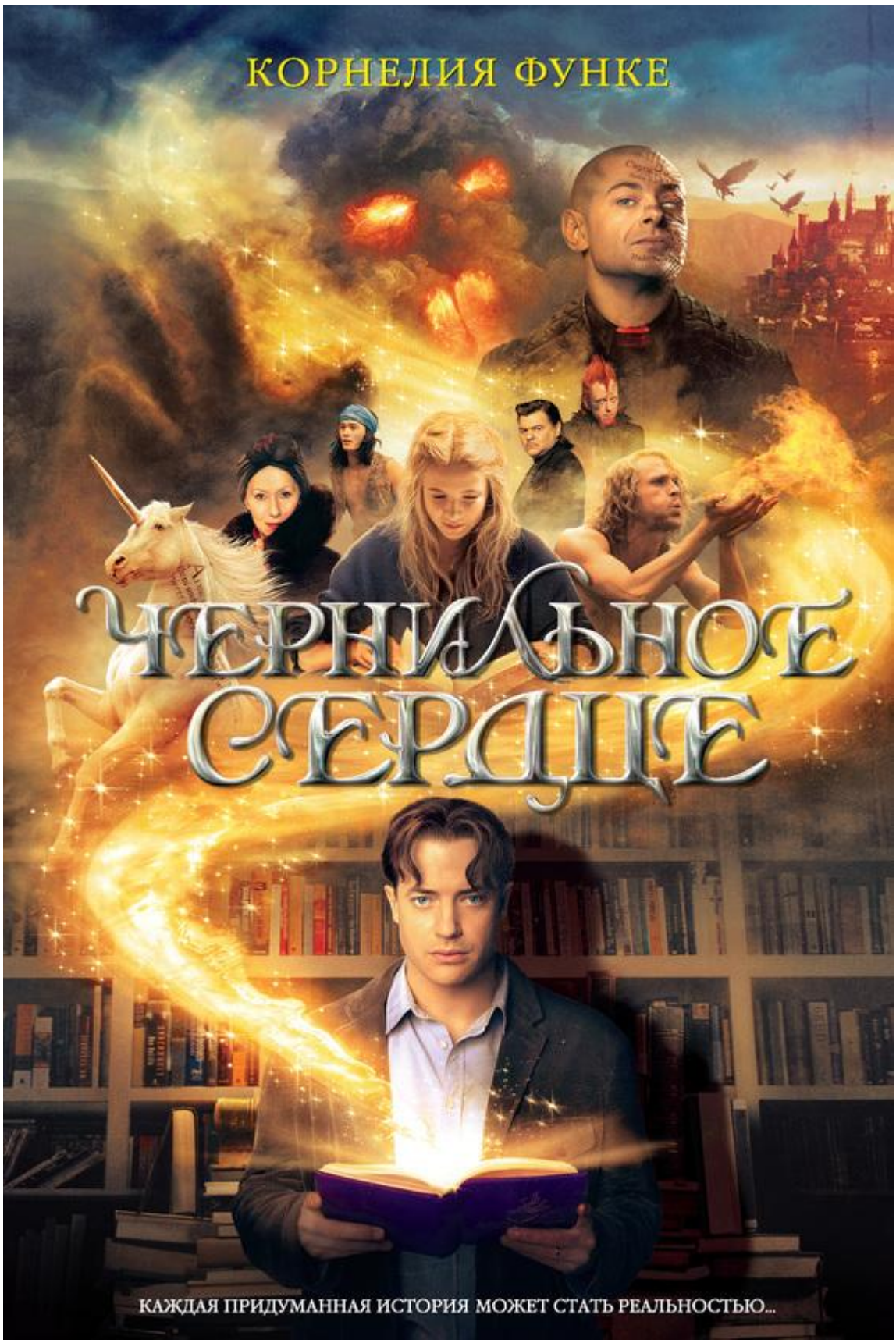
Корнелия Функе
Чернильное сердце

Чернильный мир и Зазеркалье –



Аннотация

«Чернильное сердце» – первая часть трилогии знаменитой

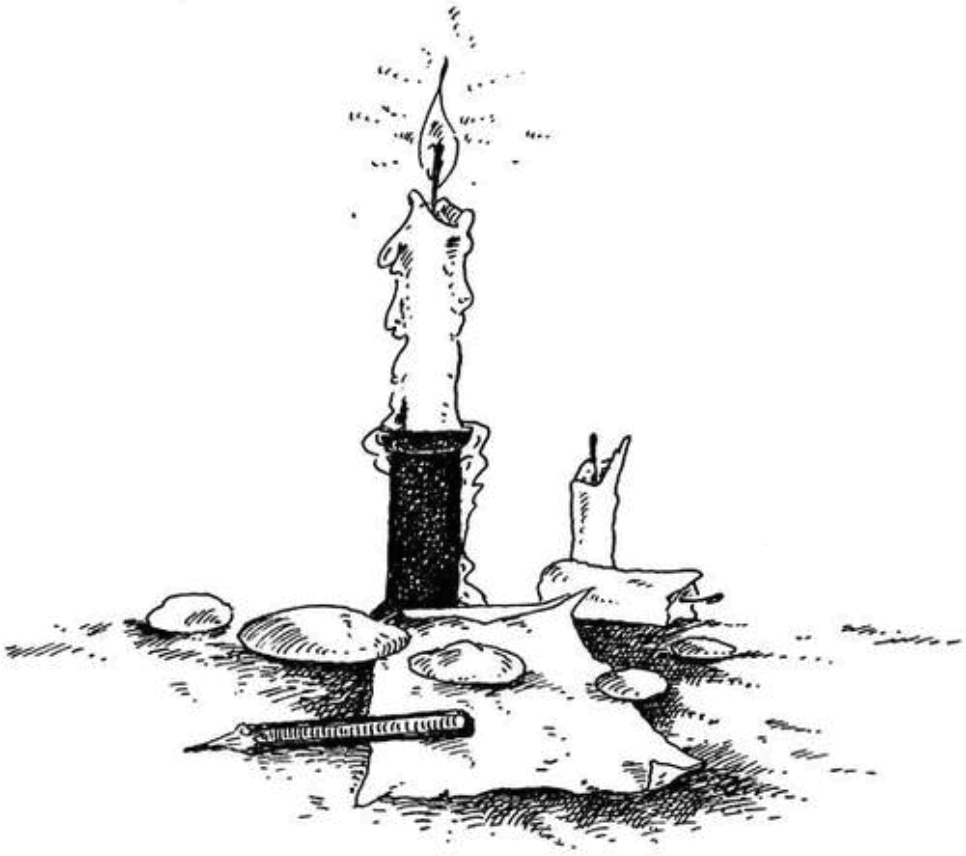
немецкой писательницы. В центре повествования – отважная двенадцатилетняя девочка Мегги и ее отец, обладающий чудесным даром: когда он читает книгу вслух, ее герои оживают. Правда, взамен кто-то из слушателей оказывается в придуманном писателем мире, а как известно, в книгах бывают не только добрые персонажи…

Книга адресована детям среднего школьного возраста, но и взрослые прочтут ее с большим интересом.

Корнелия Функе
Чернильное сердце

Анне, которая отложила
в сторону даже «Властелина Колец»,
чтобы прочитать эту книгу
(можно ли требовать от дочери большего?)

И Элинор, чье имя я позаимствовала,
хотя оно и не предназначалось
для королевы Эльбы



Вот оно, вот.
Вот оно, слово, сошло,
сошло сквозь ночь,
сиять, сиять оно хочет.

Пепел.
Пепел, пепел.
Ночь.

Пауль Целан. Узким путем
(Перевод О. Бараш)

Ночной незнакомец

Лунный свет отражался в глазах коня-качалки и игрушечной мышки, которую Толли достал из-под подушки. Тикали часы, и ему казалось, что он слышит в тишине шлепанье маленьких босых ног, а потом хихиканье, шепот и шелест, словно кто-то перелистывал страницы большой книги.

Л. М. Бостон. Дети из Грин-Ноу

Той ночью шел дождь, мелкий, шепчущий. И спустя много лет Мегги не забыла его шепот, она слышала его, лишь стоило ей закрыть глаза, – словно крошечными пальчиками кто-то барабанил по стеклу. Где-то в темноте лаяла собака, и Мегги не могла заснуть, все время ворочаясь с боку на бок.

Под подушкой у нее лежала книга, которую она читала перед сном. Жесткий переплет упирался ей в ухо, словно заманивая ее на книжные страницы.

– Как ты можешь так спать? – спросил ее отец, впервые обнаружив у нее под подушкой книгу. – Признайся, она нашептывает тебе на ухо свои истории?

– Иногда, – ответила Мегги. – Но только дети способны их услышать.

В ответ Мо слегка ущипнул ее за нос. Мо – именно так она называла своего отца, и никак иначе.

В ту ночь, что положила начало стольким событиям и так много изменила, у Мегги под подушкой лежала одна из ее самых любимых книг. И поскольку дождь не давал ей заснуть, она села в постели, протерла сонные глаза и достала из-под подушки книгу. Едва она открыла ее, как страницы тут же заманчиво зашелестели. Мегги всегда казалось, что страницы каждой книги шуршат в первый раз по-своему, и это зависело от того, знала она, о чем будет рассказ, или нет. Теперь ей нужен был только свет. В выдвижном ящике тумбочки у нее был припрятан спичечный коробок – Мо запретил ей зажигать ночью свечи. Он не любил огня.

– Огонь пожирает книги, – не раз говорил он.

Но в конце концов, ей уже было двенадцать лет, и она хорошо знала, что надо следить за свечами. Мегги обожала читать при свечах. На подоконнике стояло шесть подсвечников. Она поднесла горящую спичку к одному из черных фитилей и вдруг услышала на улице шаги. Испугавшись, она задула спичку и – как она потом вспоминала спустя много лет, – сев на колени перед мокрым окном, посмотрела на улицу. И тут она увидела его.

На фоне светлой стены дождя незнакомец казался тенью, лишь лицо его было освещено, а мокрые волосы прилипли ко лбу. Дождь струился по нему, но он не обращал на это внимания. Он стоял неподвижно, обхватив себя руками, пытаясь хоть немного согреться. Так он и стоял, уставившись на их дом.

Нужно разбудить Мо, думала Мегги, но не могла двинуться с места. Сердце колотилось у нее в груди, и она пристально смотрела в ночь, словно оцепенение незнакомца передалось ей. Вдруг он резко повернул голову, и Мегги показалось, что он смотрит ей прямо в глаза. Она вскочила с кровати, и раскрытая книга упала на пол. Мегги выбежала босиком в темный коридор. В старом доме было холодно,

хотя май уже подходил к концу.

В комнате Мо еще горел свет. Он часто не спал до глубокой ночи и читал. Именно от него Мегги унаследовала любовь к книгам. Иногда, проснувшись ночью от кошмара, она прибегала к отцу, ложилась с ним рядом и быстро засыпала под его ровное дыхание и шелест страниц. Шуршание бумаги, как ничто другое, быстро отгоняло страшные сны.

Но человек, стоявший перед домом, вовсе ей не приснился.

В ту ночь Мо читал книгу в бледно-голубом льняном переплете. Это надолго врезалось в память Мегги. Удивительно, какие мелочи хранит наша память!

– Мо, там на дворе кто-то есть!

Отец поднял голову и бросил на нее отсутствующий взгляд – так он обычно смотрел, когда она отрывала его от чтения. Каждый раз ему требовалось несколько секунд, чтобы вернуться на землю из другого мира – из лабиринта букв.

– Ты уверена?

– Да, стоит и пристально смотрит на наш дом.

Мо отложил книгу.

– Что ты читала перед сном? «Доктора Джекила и мистера Хайда»?

Мегги нахмурилась.

– Ну, пожалуйста, Мо, идем со мной!

Он не поверил ей, но пошел. Мегги с таким нетерпением тянула его за собой, что он споткнулся о стопку книг в коридоре. У них в доме книги были повсюду – не только на полках, как у всех, но и под столом, под стульями и по углам комнат. Книги лежали на кухне и в туалете, на телевизоре и в шкафу, небольшие стопки и целые горы толстых, тонких, старых, новых книг. Они встречали Мегги за завтраком, приглашая на свои увлекательные страницы, гнали прочь скуку долгих серых дней, а иногда они с отцом о них просто спотыкались.

– Он стоит там и не уходит! – шептала Мегги, ведя Мо за собой в комнату.

– Может, это оборотень?

– Перестань! – Мегги посмотрела на него строго, хотя после его шутки от страха в душе не осталось и следа. Ей даже показалось, что эта странная фигура перед окном ей померещилась, но потом она

снова пристально посмотрела в темноту и прошептала: – Вон там! Видишь?

Мо смотрел в окно, пытаясь разглядеть что-нибудь в струях дождя, и молчал.

– Разве ты не уверял меня, что грабители к нам не полезут, потому что красть у нас нечего? – тихо спросила Мегги.

– Это не грабитель, – ответил Мо, отступив от окна. Его лицо было таким серьезным, что сердце у Мегги забилось еще сильнее. – Иди спать, Мегги, – сказал он. – Это пришли ко мне.

И прежде чем Мегги успела спросить, что же это, собственно, за гость, который является посреди ночи, Мо уже и след простыл. Перепуганная, она бросилась за ним следом и услышала, как звякнула дверная цепочка. Вбежав в прихожую, Мегги увидела отца, стоявшего перед открытой дверью.

Темнота и сырость ночи проникли в дом, и дождь угрожающе зашумел.

– Сажерук, – крикнул Мо в темноту, – это ты?

Сажерук? Что за странное имя? Мегги не могла припомнить, слышала ли его прежде, но оно показалось ей таким знакомым, словно было смутным воспоминанием из далекого прошлого.

За дверью царила тишина, нарушаемая лишь шепотом дождя, и казалось, что это был голос ночи. Потом раздались шаги, и из темноты возник тот самый человек, что все это время стоял на дворе. Длинное пальто, мокрое от дождя, прилипло к его ногам, и, как только он оказался на свету, Мегги почудилось, что над его плечом она увидела чью-то мохнатую мордочку, которая, сгорая от любопытства, высунулась из рюкзака и тут же нырнула назад.

Сажерук провел рукавом по мокрому лицу и протянул Мо руку.

– Как твои дела, Волшебный Язык? – спросил он. – Давно не виделись.

Мо с неохотой пожал ему руку.

– Очень давно, – сказал он, скользнув взглядом за спину гостя, как будто оттуда должен был появиться еще один ночной посетитель. – Ну, входи же скорей, а то еще сама Смерть за тобой следом нагрянет. Мегги говорит, что ты уже давно стоишь на дворе.

– Мегги? А, ну да…

Сажерук поддался на уговоры Мо и вошел в дом. Он тут же уставился на Мегги и так пристально разглядывал ее, что от смущения девочка не знала, куда деться. В конце концов она просто

опустила глаза.

– Она выросла.

– Ты помнишь ее?

– Ну конечно.

Мегги услышала, как Мо дважды повернул ключ в замке.

– Сколько ей лет?

Сажерук как-то странно улыбнулся. Мегги не могла понять, улыбался ли он насмешливо, снисходительно или просто от смущения, и поэтому не улыбнулась в ответ.

– Двенадцать, – ответил Мо.

– Двенадцать? Ничего себе!

Сажерук убрал мокрые волосы со лба. Они доставали ему почти до плеч. Мегги пыталась понять, какого они цвета. Рыжеватая щетина вокруг узких губ была точь-в-точь как шерсть бездомной кошки, для которой Мегги иногда выставляла перед дверью тарелку с молоком. Редкие волоски, пробивавшиеся на его щеках, словно первая борода у подростка, не могли скрыть три длинных бледных шрама. Его лицо производило впечатление, будто его, как разбитую фарфоровую статуэтку, склеили из кусочков.

– Двенадцать лет, – повторил он. – Ну конечно, ведь тогда ей было… три, да?

Мо кивнул.

– Идем, тебе надо переодеться. – Мо спешил увести гостя, будто хотел спрятать его от Мегги. – Ну а ты, – обратился он к дочери не оборачиваясь, – иди спать. – И он закрыл за собой дверь мастерской.

Мегги осталась на том же месте и переминалась с ноги на ногу, пытаясь согреться. «Иди спать». Иногда Мо обращался с ней как с мешком картошки – просто бросал на кровать, когда было уже очень поздно. Иногда он искал ее по всему дому до тех пор, пока она не выходила из своего убежища, покатываясь со смеху. А иногда он так хотел спать, что, вместо того чтобы идти в постель, ей приходилось готовить ему кофе. Но никогда прежде он не отправлял ее спать так, как сейчас.

Предчувствие чего-то зловещего закралось ей в душу. Ей казалось, что вместе с этим незнакомцем, носившим столь странное и в то же время знакомое имя, в ее жизнь пришла беда. Она очень сожалела о том, что Мо пустил его в дом. Ей хотелось, чтобы Сажерук оставался на улице до тех пор, пока дождь не смыл бы его.

Когда дверь в мастерскую неожиданно распахнулась, Мегги

вздрогнула.

– Ты все еще здесь? – спросил Мо. – Иди спать, Мегги. Ну, давай.

Мегги заметила у него на лбу морщинку, которая появлялась только тогда, когда он был чем-то по-настоящему обеспокоен. Его взгляд был направлен мимо нее, как будто мысленно он находился совсем в другом месте. От этого предчувствие беды разрасталось и уже расправляло свои черные крылья.

– Выгони его, Мо! – сказала Мегги, когда он втолкнул ее в комнату. – Ну, пожалуйста. Отправь его туда, откуда он пришел. Я боюсь его.

– Ты проснешься завтра утром, а его уже и след простыл. Даю тебе честное слово, – пообещал Мо.

– Честное слово?

Мегги пристально посмотрела ему в глаза: она всегда знала, когда Мо лгал, даже если он очень старался этого не выдать.

– Да, честное слово, – сказал он, не отводя глаз.

Он закрыл за собой дверь, хотя знал, что ей этого очень не хотелось. Мегги прислонилась ухом к замочной скважине и услышала звон посуды. «А-а, Рыжая Борода собрался пить чай, чтобы согреться. Хоть бы он получил воспаление легких», – подумала Мегги. И вовсе не обязательно он должен от этого сразу умереть, как мать ее учительницы английского языка. Мегги слышала, как на кухне засвистел чайник и как побрякивала посуда на подносе, которую Мо нес в мастерскую.

Выждав из осторожности несколько секунд, хотя это далось ей нелегко, она снова украдкой вышла в коридор.

На двери мастерской висела узкая жестяная табличка. Надпись на ней Мегги знала наизусть. В пять лет она начала упражняться в чтении, пытаясь разбирать старинные буквы:

Есть книги, которые надо только отведать,
есть такие, которые лучше всего проглотить,
и лишь немногие стоит разжевать и переварить.

В то время, чтобы расшифровать табличку, ей приходилось взбираться на ящик, а слово «разжевать» она поняла в буквальном смысле, поэтому с отвращением спросила Мо, почему именно эти слова он повесил себе на дверь.

Теперь-то она знала, что имелось в виду, но ее больше не

интересовало, что написано на двери. Она пыталась понять то, о чем за ней говорили: едва различимые, тихо, почти шепотом произносимые слова.

– Ты недооцениваешь его! – сказал Сажерук. Его голос был совсем не похож на голос Мо. Ни один голос на свете не звучал так, как голос ее отца. – Он сделает все, чтобы заполучить ее! – снова сказал Сажерук. – А «все» значит «все», поверь мне.

– Я ее никогда ему не отдам, – отвечал Мо.

– Но он доберется до нее так или иначе! Повторяю: они уже идут по твоим следам.

– Но это ведь уже не в первый раз. До сих пор мне удавалось прятать ее от них.

– Да? И долго, по-твоему, тебе удастся скрываться? А что будет с твоей дочерью? Ты же не собираешься мне рассказывать, как ей нравится переезжать с места на место? Поверь мне, я знаю, о чем говорю.

За дверью вдруг стало так тихо, что Мегги затаила дыхание от страха, что ее услышат.

Потом снова заговорил отец, нерешительно, словно язык не слушался его.

– И что я, по-твоему… должен делать?

– Поехали со мной. Я приведу тебя к ним! – Ложка зазвенела о фарфоровые стенки чашки. Как отчетливо слышны малейшие шорохи в полной темноте! – Ты знаешь, что Каприкорн очень высокого мнения о твоих талантах, он непременно обрадуется, если ты сам к нему придешь! Новенький, которого он взял тебе на замену, просто дилетант.

Каприкорн. Еще одно странное имя. Сажерук так произнес его, что казалось, он откусит себе язык. Мегги пошевелила окоченевшими пальцами на ногах. Холод пробрал ее до костей, и она была уже не в состоянии понять, о чем говорили за дверью, тем не менее пыталась запомнить каждое слово, которое ей удавалось разобрать.

В мастерской снова стихло.

– Я не знаю… – в конце концов сказал Мо. Его голос был таким усталым, что у Мегги сжалось сердце. – Мне надо подумать. Как ты считаешь, когда его люди будут здесь?

– Скоро!

Словно камень рухнуло в тишину слово.

– Скоро, – повторил Мо. – Ну, хорошо. Тогда я решу все до

завтрашнего утра. У тебя есть ночлег?

– Да ночлег я всегда найду, – ответил Сажерук. – Я уже неплохо здесь ориентируюсь, хотя и не успеваю за всеми этими событиями. – Он засмеялся, но его смех был невеселым. – Мне бы хотелось узнать о твоем решении. Что, если я завтра снова зайду? К обеду.

– Ну конечно. Я заберу Мегги из школы в половине второго, а потом и приходи.

Мегги услышала, как кто-то задвинул стул, и помчалась в свою комнату. Когда дверь в мастерскую открылась, она едва успела шмыгнуть в постель. Натянув одеяло до подбородка, она лежала и слушала, как ее отец прощался с Сажеруком.

– Спасибо еще раз за предупреждение! – услышала она его голос.

Потом раздались удаляющиеся шаги Сажерука. Он шел медленно, запинаясь, будто ему вообще не хотелось уходить, будто он сказал еще не все, что хотел.

В конце концов он ушел, все стихло, и только дождь продолжал барабанить мокрыми пальцами по стеклу.

Когда Мо открыл дверь в ее комнату, она лежала с закрытыми глазами и дышала так медленно, словно спала глубоким младенческим сном.

Но провести Мо было не так-то просто.

– Мегги, покажи-ка мне свою ногу, – сказал он.

Она нехотя вытянула из-под одеяла ногу с окоченевшими пальцами и положила ее на теплую руку Мо.

– Я так и знал, – сказал он. – Ты шпионила за нами. Ты можешь хотя бы раз сделать то, что тебе говорят?

Глубоко вздохнув, он положил ее ногу под теплое одеяло, затем сел к ней на кровать, провел рукой по своему уставшему лицу и посмотрел в окно. Его волосы были черными как смоль. Волосы у Мегги были светлыми, как у ее матери, которую она видела только на двух блеклых фотографиях и о которой ничего не знала. «Ты должна радоваться, что похожа на нее больше, чем на меня, – любил повторять Мо. – Только представь себе мою голову на девичьей шее, как нелепо это выглядело бы!»

Но Мегги хотелось походить на него. Не было в мире другого лица, которое она любила бы сильнее.

– Я все равно не поняла, о чем вы говорили, – пробормотала она.

– Хорошо.

Мо уставился на окно, словно Сажерук все еще стоял на дворе.

Потом он встал и подошел к двери.

– Постарайся еще немного поспать, – сказал он.

Но Мегги не хотела спать.

– Сажерук! Что это за имя такое? – спросила она. – И почему он называл тебя Волшебный Язык?

Мо ничего не ответил.

– А тот, что тебя разыскивает… Я слышала, как Сажерук говорил об этом… Каприкорн. Кто это?

– Никто из тех, кого тебе следовало бы знать. – Мо повернулся. – А я-то думал, ты ничего не разобрала в нашем разговоре. До завтра, Мегги.

На этот раз он оставил дверь открытой. Свет из коридора падал ей на кровать. Он пронзал темноту ночи, проникавшую в комнату через окно, и Мегги лежала и ждала, когда рассеется тьма, а вместе с ней и предчувствие беды.

Позже она узнала, что беда появилась на свет не той ночью. Задолго до нее она уже поджидала Мегги, притаившись в укромном местечке.

Тайны

– А чем же занимаются эти дети, когда рядом нет книжек со сказками? – спросил Нафтали.

И Реб Зебулун ответил:

– Им приходится с этим смиряться. Книжки со сказками – это не хлеб. Можно и без них прожить.

– А я бы не смог, – сказал Нафтали.

И. Б. Зингер. Сказочник Нафтали и его конь Сус

Мегги проснулась с первыми лучами солнца. Над полями бледнела ночь, словно дождь выстирал кайму ее платья. Часы показывали около пяти. Она уже хотела перевернуться на другой бок и спать дальше, как вдруг почувствовала, что в комнате кто-то есть. Испугавшись, она села в постели и увидела Мо, стоявшего перед ее платяным шкафом.

– Доброе утро! – сказал он, укладывая ее любимый свитер в чемодан. – Извини, я знаю, что сейчас очень рано, но нам нужно уехать на некоторое время. Будешь какао на завтрак?

Мегги сонно кивнула. Птицы за окном щебетали так громко, будто проснулись уже несколько часов назад.

Мо положил в чемодан ее брюки и, закрыв его, понес к двери.

– Надень что-нибудь потеплей, – сказал он. – На улице прохладно.

– Куда мы едем? – спросила Мегги, но Мо в комнате уже не было.

Мегги растерянно посмотрела в окно. Она думала, что непременно увидит там Сажерука, но лишь черный дрозд прыгал там по мокрым от дождя камням. Мегги натянула штаны и побрела на кухню. В коридоре стояли два чемодана, дорожная сумка и ящик с инструментами Мо.

Ее отец сидел за столом и намазывал масло на хлеб – провиант в дорогу. Когда она вошла в кухню, он окинул ее взглядом и слегка улыбнулся, но Мегги смотрела на него так пристально, что он забеспокоился.

– Мы не можем вот так уехать, Мо! – сказала она. – Каникулы у меня начинаются только через неделю!

– Ну и что? Уже не в первый раз нам приходится уезжать из-за важного заказа, несмотря на то что тебе нужно в школу.

Он был прав. Подобное происходило очень часто: всегда, когда какому-нибудь антиквару, коллекционеру или библиотеке требовался

переплетчик и Мо получал заказ отчистить ценные старинные книги от плесени и пыли или заново переплести их. Мегги считала, что название «переплетчик» вмещало в себя не все, чем занимался Мо, поэтому несколько лет назад она смастерила табличку для его мастерской, на которой написала: «Мортимер Фолхарт, книжный лекарь». И этот книжный лекарь никогда не ездил к пациентам без своей дочери. Так было и будет всегда, и не важно, что говорили по этому поводу учителя Мегги.

– Как насчет ветрянки? Не помню, я использовала уже эту отговорку?

– В прошлый раз. Когда мы ездили к тому противному типу с Библиями.

Мегги не сводила глаз с Мо.

– Мо? Мы уезжаем из-за… сегодняшней ночи?

На мгновение ей показалось, что он готов ей все рассказать, все, что только можно было рассказать. Но он лишь покачал головой.

– Чепуха! Нет, конечно! – сказал он и положил приготовленные бутерброды в полиэтиленовый пакет. – У твоей мамы есть тетя. Тетя Элинор. Мы ездили к ней в гости, когда ты была совсем маленькой. Она давно уже просила меня привести в порядок ее книги. Она живет на берегу одного озера на севере Италии – все время забываю, как оно называется. Там очень красиво. Дорога туда займет не больше шести-семи часов.

Он говорил, не поднимая глаз.

«Почему это случилось именно сейчас?» – хотела спросить Мегги. Но вопрос этот так и остался незаданным. Как и тот, не забыл ли он о сегодняшней встрече во второй половине дня. Она чересчур боялась ответов и того, что Мо снова скажет ей неправду.

– Она такая же странная, как и остальные? – спросила Мегги.

Они не раз навещали своих родственников. Многочисленная родня, как с его стороны, так и со стороны матери Мегги, была разбросана, казалось, по всей Европе.

Мо улыбнулся.

– Да, она несколько странновата, но ты с ней подружишься. У нее поистине замечательные книги.

– И надолго мы уезжаем?

– Вряд ли мы скоро вернемся назад.

Мегги глотнула какао. Напиток был таким горячим, что она обожгла губы и мгновенно приложила ко рту холодный нож.

Мо задвинул стул.

– Мне еще нужно упаковать кое-что в мастерской, – сказал он, – но я быстро справлюсь. Тебе, наверное, очень хочется спать, ты сможешь потом выспаться в автобусе.

Мегги только кивнула и посмотрела в окно. Утро было серым. Над полями, за которыми вздымались холмы, висел туман, и Мегги казалось, что за стволами деревьев прячутся ночные тени.

– Уложи еду и возьми с собой книги! – крикнул из коридора Мо.

Как будто она этого никогда не делала. Несколько лет назад он смастерил ей ящик для книг, который она могла брать с собой во все поездки. «Всегда хорошо иметь с собой любимые книги, особенно вдали от дома», – любил повторять Мо. Он сам всегда брал с собой около дюжины книг.

Мо покрыл ящик красным лаком, ярким, как мак, любимый цветок Мегги. Мак можно было засушить между книжными страницами, а пестик при надавливании оставлял на коже след в форме звезды. На крышке Мо вывел красивыми буквами «Сундучок Мегги», а внутри обил его блестящей черной тафтой. Но разглядеть ткань было почти невозможно, потому что у Мегги было много любимых книг. И каждый раз после очередной поездки в ящике становилось на одну книгу больше.

– Если ты возьмешь в дорогу книгу, – сказал ей Мо, положив первую книгу в ее сундучок, – то произойдет нечто удивительное: книга начнет собирать твои воспоминания. Позже тебе нужно будет только открыть ее, чтобы оказаться там, где ты читала ее в первый раз. Начальные строки книги возвратят тебя назад: ты увидишь все, что тебя окружало, почувствуешь знакомые запахи, ощутишь вкус мороженого, которое ела… Поверь мне, книги подобны липучке. Ничто не сохраняет наши воспоминания лучше книжных страниц.

Возможно, он был прав. Но Мегги брала с собой книги в дорогу по другой причине. На чужбине они были ее домом, близкими друзьями, которые никогда с ней не спорили, мудрыми, отважными, могущественными друзьями, повидавшими многое на своем веку и прошедшими через тысячу испытаний. Книги ободряли ее, когда ей было грустно, и прогоняли скуку, пока Мо заново подшивал старые страницы, обветшавшие от времени и прикосновений бесчисленных пальцев.

Некоторые книги отправлялись с ней в путешествие всегда, другие оставались дома, потому что либо не совпадали с целью

поездки, либо занимали место новых, еще не известных историй.

Мегги погладила округлые корешки. Какие истории взять с собой на этот раз? Какие помогут ей справиться со страхом, который проник в их дом вчера ночью? «Может быть, стоило взять книгу, в которой рассказывается о вранье?» – подумала Мегги. Ведь Мо врал ей. Он врал, хотя знал, что она замечала по его носу, когда он говорит неправду. «Пиноккио?» – подумала Мегги. Нет. Чересчур жуткая история. И грустная к тому же. Нужно взять нечто захватывающее, что-то такое, что способно изгнать из головы все тревожные мысли. Ведьмы, точно! Ну конечно ведьмы. Лысые ведьмы, превращающие детей в мышей. Или Одиссей с циклопами и волшебницей Цирцеей, обратившей воинов в свиней. Что может быть опасней его плавания? Уж наверняка не их поездка.

Слева стояли книжки с картинками, по которым Мегги училась читать. Ей было тогда пять лет, и следы ее крошечных пальчиков были все еще заметны на их страницах. А на самом дне ящика она спрятала книги, которые смастерила своими руками. Неделю напролет она вырезала, клеила, рисовала новые картинки, под которыми Мо писал, что на них изображено: «Ангел со счастливым лицом. От Мегги для Мо». Свое имя она писала сама, в то время она всегда пропускала одну букву «г». Мегги посмотрела на неуклюжие буквы и положила книгу назад в сундучок. И конечно, Мо помогал ей переплетать самодельные книги. Он облекал их в одежду из яркой разноцветной бумаги. Для других книг он подарил Мегги печать с ее именем и головой единорога, оттиск которой можно было найти на первой странице каждой ее книги. Иногда она брала для этой цели красные чернила, иногда черные – в зависимости от настроения. Но Мо никогда не читал ей книги вслух. Ни разу.

Он подбрасывал ее вверх, сажал к себе на плечи, показывал, как мастерить закладки из перьев черного дрозда. Но вслух он никогда ей не читал. Ни разу, ни одного слова, хотя она частенько клала книги ему на колени. Поэтому Мегги пришлось самой научиться читать и открывать сундучок…

Мегги встала.

В сундучке было еще немного места. Может быть, у Мо есть какая-нибудь новая книжка, которую она могла бы взять с собой, какая-нибудь особенно толстая, особенно интересная…

Дверь его мастерской была закрыта.

– Мо!

Мегги надавила на дверную ручку. Длинный рабочий стол был прибран – на нем не было ни печатей, ни ножей. Мо, вероятно, уже все упаковал. Может быть, он вовсе не врал?

Мегги вошла в мастерскую и осмотрелась. Дверь в золотую комнату была открыта. Вообще-то эта комната была не чем иным, как обыкновенной кладовкой, но Мегги называла ее именно так, потому что отец хранил в ней свои ценные материалы: тончайшую кожу, драгоценнейшие ткани, мраморную бумагу, печати, которыми можно было делать золотые оттиски на мягкой коже… Мегги протиснула голову в открытую дверь и увидела, как Мо заворачивал какую-то книгу в упаковочную бумагу. Она не была очень большой или толстой. Сильно потрепанный светло-зеленый тканый переплет – больше Мегги ничего не смогла увидеть, потому что Мо, заметив ее, тут же спрятал книгу за спину.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

– Я… – От испуга Мегги не знала, что ответить, таким мрачным было выражение его лица. – Я хотела только спросить, не найдется ли у тебя какой-нибудь книги для меня… Все книги в своей комнате я уже прочитала…

Мо провел рукой по лицу.

– Ну конечно. Что-нибудь я уж точно найду, – сказал он, но глаза его говорили: «Уходи. Уходи». А за его спиной шуршала упаковочная бумага. – Я сейчас к тебе приду, – сказал он. – Я только упакую еще кое-что, хорошо?

Сразу после этого он принес ей три книги, но той, которую он завернул в упаковочную бумагу, среди них не было.

Через час они вынесли вещи во двор. Оказавшись на улице, Мегги стала замерзать. Утро было таким же холодным, как дождь накануне, и солнце одиноко висело над горизонтом бледным пятном, словно потерянная кем-то монетка.

Больше года они жили на старом дворе. Мегги любила вид на окружающие холмы, ласточкины гнезда под крышей, высохший колодец, зияющий своей чернотой так, словно доставал до самого сердца земли. Хотя в огромном доме были сквозняки, а в пустовавших комнатах прятались толстые пауки, плата за него была умеренной, да и Мо хватало места для книг и мастерской. Кроме того, рядом с домом находились курятник и сарай, в котором теперь

прописался их автобус, хотя ей было бы больше по душе, если бы его место заняли коровы или лошади.

– Коров надо доить, Мегги, – сказал ей Мо, когда она как-то раз предложила ему завести хотя бы две или три. – Рано-рано утром. И так каждый день.

– А как насчет лошади? – спросила она. – Даже у Пеппи Длинныйчулок есть лошадь, и без конюшни.

Она могла бы вполне довольствоваться и парой курочек или козой, но и их нужно было кормить каждый день, а они подолгу бывали в разъездах. Поэтому Мегги оставалась только рыжая кошка, которая время от времени прокрадывалась в дом, когда уставала от бесконечных склок с собаками на соседском дворе. Живший там ворчливый старый крестьянин был их единственным соседом. Иногда его собаки выли так жалобно, что ей приходилось затыкать уши. До соседней деревни, в которую Мегги ходила в школу и где жили две ее подруги, нужно было ехать на велосипеде двадцать минут, но Мо чаще всего отвозил ее туда на автобусе, потому что узкая дорога, вдоль которой не было ничего, кроме полей и темных деревьев, была совсем безлюдная.

– Боже, что же ты туда напихала? Кирпичи? – спросил Мо, вынося сундучок Мегги из дома.

– Ты ведь сам говоришь: книги должны быть тяжелыми, потому что в них спрятан весь мир, – ответила Мегги, и Мо впервые за это утро рассмеялся.

Автобус, стоявший в пустовавшем сарае и похожий на пестрого неуклюжего зверя, был для Мегги роднее всех домов, в которых они когда-либо жили. Нигде и никогда она не спала так крепко, как на кровати, которую Мо смастерил в автобусе. Конечно, в нем были и стол, и кухонька, и скамейка, под которой стопками лежали путеводители, дорожные карты, затертые записные книжки, появлявшиеся там из ниоткуда.

Да, Мегги любила свой автобус, но в то утро она так и не решилась забраться в него. Когда Мо подошел к дому, чтобы закрыть дверь, ей показалось, что она уже больше никогда не вернется сюда, что эта поездка будет не похожа ни на одну прежнюю, что они будут ехать все дальше и дальше отсюда, спасаясь бегством от чего-то, что не имело названия. По крайней мере, для нее.

– Итак, на юг! – сказал Мо, хватаясь за руль.

Вот так они и уехали, ни с кем не попрощавшись, холодным утром, когда земля еще пахла дождем.

А у ворот их уже поджидал Сажерук.

На юг

За Дремучим Лесом – Белый Свет, а это уже ни тебя, ни меня не касается. Я там никогда не был и никогда не буду, и ты там никогда не будешь, если в тебе есть хоть капелька здравого смысла.

К. Грэм. Ветер в ивах[1]

У Мегги была игра: крепко зажмурив глаза, она мысленно то удаляла, то приближала ограду с ржавыми петлями на воротах, чтобы еще четче представить себе тигра с желтыми янтарными глазами, который сидел в зарослях бамбука у самого подножия стены. А теперь на дороге за оградой стоял Сажерук.

От одного его вида сердце Мегги начало колотиться. Он появился так неожиданно, в одном свитере, дрожа и обхватив себя руками, пытаясь согреться. Пальто его, наверно, еще было мокрым от дождя,

[1] Перевод И.Токмаковой.

но его огненно-рыжие волосы уже высохли – они топорщились над испещренным шрамами лицом.

У Мо вырвалось проклятие. Он заглушил мотор и вышел из автобуса. Сажерук улыбнулся своей странной улыбкой и прислонился к ограде.

– И куда же ты собрался, Волшебный Язык? – спросил он. – Ты что, забыл про наш уговор? Один раз ты меня уже провел, помнишь?

– Ты знаешь, почему я тороплюсь, – ответил Мо. – По той же самой причине, что и в прошлый раз.

Он все еще стоял у открытой дверцы машины, его тело напряглось, как будто он не мог дождаться, когда Сажерук наконец уйдет с дороги.

Но тот вел себя так, словно не замечал нетерпения Мо.

– Могу я знать, куда ты едешь? – спросил он. – В прошлый раз мне пришлось искать тебя целых четыре года. И если бы мне немножко повезло, то я бы смог опередить людей Каприкорна.

Посмотрев на Мегги, он враждебно уставился на Мо.

Мо помолчал, прежде чем дать ответ.

– Каприкорн на севере, – сказал он наконец. – Поэтому мы едем на юг. Или он обосновался где-то еще?

Сажерук посмотрел на уходящую вдаль улицу. В выбоинах поблескивала дождевая вода.

– Нет, нет! – сказал он. – Нет, он все еще на севере. Так говорят. А твое решение не дать ему то, что он ищет, вынуждает меня тоже немедленно отправиться на юг. Видит бог, я бы не хотел разглашать тайны людям Каприкорна. Если бы вы меня немного подвезли… Я уже готов в дорогу!

Обе сумки, которые он вытащил из-за ограды, выглядели так, будто уже десяток раз обогнули земной шар. Кроме них и рюкзака за спиной, у Сажерука ничего не было.

Мегги сжала губы. «Нет, Мо, – думала она, – нет, мы не возьмем его с собой!» Но ей нужно было всего лишь взглянуть на отца, чтобы понять, что его ответ будет совсем другим.

– Ну же! – сказал Сажерук. – Что мне рассказать людям Каприкорна, если они все-таки обведут меня вокруг пальца?

Его потерянный вид делал его похожим на бездомную собаку. И как ни старалась Мегги найти в нем следы чего-то зловещего, она так и не смогла это сделать.

– Поверь, я недолго смогу скрывать от них то, что видел тебя, –

продолжал Сажерук. – И потом… – Он задумался на мгновение, прежде чем закончить мысль: – Ты все еще мой должник, так ведь?

Мо опустил голову. Мегги заметила, как его рука судорожно сжала дверцу автобуса.

– Ну, если на это так посмотреть, – сказал он, – да, я твой должник.

На изрезанном шрамами лице Сажерука отразилось облегчение. Он тотчас набросил на плечи рюкзак и подошел со своими сумками к автобусу.

– Подождите, – закричала Мегги, когда Мо уже было собрался помочь Сажеруку с сумками. – Если он поедет с нами, то я хочу знать, от кого мы бежим. Кто такой этот Каприкорн?

Мо повернулся на месте.

– Мегги… – начал он хорошо знакомым тоном, говорящим: «Мегги, пойми же наконец. Мегги, не притворяйся».

Она открыла дверцу автобуса и выпрыгнула.

– Мегги, черт возьми! Сядь в автобус. Нам уже пора!

– Я вернусь только тогда, когда ты ответишь мне на эти вопросы.

Мо подошел к ней, но Мегги прошмыгнула у него между руками и выбежала за ворота на дорогу.

– Почему ты мне ничего не говоришь? – кричала она.

Дорога выглядела заброшенной. Весенний ветер ласкал лицо Мегги и шумел листвой липы, стоявшей неподалеку. Небо было все еще тусклым и серым, словно не хотело светлеть.

– Я хочу знать, что происходит! – кричала Мегги. – Я хочу знать, почему мы встали сегодня в пять утра и почему я не иду в школу. Я хочу знать, вернемся ли мы назад и кто такой Каприкорн!

Услышав это имя, Мо огляделся, словно тот, кого они с Сажеруком так боялись, мог выйти из пустого сарая так же неожиданно, как сам Сажерук, появившийся у ограды. Но двор был пуст, а Мегги переполняла такая ярость, что ей было не до страхов. Тем более что она не знала о нем ничего, кроме имени.

– Ты же мне всегда все рассказывал! – крикнула она отцу. – Всегда!

Но Мо молчал.

– Секреты есть у всех, Мегги, – наконец сказал он. – Сейчас же садись в автобус. Нам пора.

Сажерук пристально наблюдал за происходящим, переводя взгляд с Мо на Мегги.

– Ты ей ничего не рассказал? – шепотом спросил Сажерук.

Мо покачал головой.

– Но что-то ты же должен ей рассказать! Ей может угрожать опасность, если она ничего не будет знать. В конце концов, она уже не маленький ребенок.

– Ей может угрожать опасность и в том случае, если она будет об этом знать, – ответил Мо. – И это ничего не изменит.

Мегги все еще стояла на дороге.

– Я слышу все, о чем вы говорите! – крикнула она. – Какая опасность? Я не сяду в автобус до тех пор, пока не выясню это.

Мо продолжал молчать.

Сажерук нерешительно глянул на него и поставил свои сумки на землю.

– Ну, хорошо. Тогда я расскажу ей про Каприкорна.

Он не спеша подошел к Мегги. Она непроизвольно отступила.

– Ты с ним уже встречалась, – сказал Сажерук. – Это было очень давно, поэтому ты не помнишь, ты была еще вот такой маленькой. – Он опустил руку до колена. – Как же тебе объяснить, кто он такой? Когда ты увидишь, как кошка пожирает молодую птицу, ты наверняка заплачешь, правда? Или попытаешься спасти беднягу. А Каприкорн скормит птичку кошке лишь для того, чтобы посмотреть, как кошка разорвет ее на части своими когтями, и услышать ее крик и трепет крыльев, – для него нет зрелища приятней.

Мегги отступила еще на шаг, но Сажерук подошел к ней ближе.

– Думаю, тебе не доставляет удовольствия внушать людям страх, вызывать такую дрожь в коленях, что они едва могут стоять? – спросил он. – Для Каприкорна нет ничего более приятного. Ты наверняка считаешь, что не можешь получить все, что хочешь, во что бы то ни стало. А Каприкорн думает именно так. И к сожалению, у твоего отца есть кое-что, что он непременно хочет заполучить.

Мегги взглянула на Мо. Он не сводил с нее глаз.

– Каприкорн не умеет переплетать книги, как твой отец, – продолжал Сажерук. – Он знает толк только в одном – в запугивании. В этом он непревзойденный мастер. Он живет этим. Хотя мне кажется, ему самому незнакомо то чувство, когда страх сковывает тело и ты ощущаешь свою ничтожность. Но он точно знает, как вызвать страх и поселить его в сердцах и умах. Его люди разносят страх как черную почту: просовывают ее под двери, разбрасывают по почтовым ящикам, расклеивают на стенах и дверях, пока она не

заполнит все вокруг, словно чума. – Сажерук стоял уже рядом с Мегги. – У Каприкорна много людей, – сказал он тихо. – Большинство служат ему с детства, и, если Каприкорн прикажет одному из них отрезать тебе нос или ухо, тот сделает это и глазом не моргнув. Они одеваются во все черное, подобно воронам, и лишь их предводитель носит белую рубашку под черной как сажа курткой. Если кто-то из них встретится тебе на пути, сделай все, чтобы они тебя не заметили. Поняла?

Мегги кивнула. Она едва могла перевести дух – так сильно колотилось ее сердце.

– Понятно, почему отец никогда не рассказывал тебе о Каприкорне, – сказал Сажерук и бросил взгляд на Мо. – Я бы тоже, наверное, рассказывал своим детям только о добрых людях.

– Я знаю, что на свете есть не только добрые люди! – Голос Мегги дрожал от гнева, как ни старалась она скрыть его, а может быть, в нем был и страх.

– Правда? Откуда же? – Таинственная улыбка гостя стала снова грустной и одновременно надменной. – Приходилось ли тебе иметь дело с настоящим злодеем?

– Я читала о них.

Сажерук рассмеялся:

– А! Ну да. Это почти то же самое, – сказал он. Его насмешка обожгла ее. Он наклонился к Мегги и посмотрел ей в лицо. – Я желаю тебе, чтобы это чтением и ограничилось, – сказал он тихо.

Мо поставил сумки Сажерука в заднюю часть автобуса.

– Надеюсь, в них нет ничего такого, что летало бы у нас над головами, – сказал он, а Сажерук сел на сиденье за Мегги. – Я знаю, что за инструменты ты с собой возишь, поэтому меня бы это вовсе не удивило.

Прежде чем Мегги успела спросить, что это были за инструменты, Сажерук открыл свой рюкзак и аккуратно вытащил сонного блестящего зверька.

– Поскольку нам предстоит длительная совместная поездка, – обратился он к Мо, – я бы хотел кое-кого представить твоей дочери.

Худенький зверек с пушистым хвостом был размером с кролика. Зверек зацепился когтями за рукав Сажерука и блестящими черными глазами-пуговицами стал рассматривать Мегги, а когда он зевнул, показались его острые как иголки зубы.

– Это Гвин, – сказал Сажерук. – Если хочешь, можешь почесать ему уши. Он сейчас очень сонный, поэтому точно не укусит.

– А вообще он кусается?

– Конечно, – сказал Мо, снова усаживаясь за руль. – Будь я на твоем месте, я бы держал свои пальцы от этого зверька подальше.

Но держать пальцы подальше от зверей Мегги не могла в принципе, тем более если у них были такие острые зубы.

– Это ведь куница, да? – спросила она, опасливо проводя кончиками пальцев по круглому уху зверька.

– Да, что-то в этом роде.

Сажерук достал из кармана засохший кусочек хлеба и сунул его Гвину в рот. Мегги гладила зверька по маленькой голове, пока тот жевал, и кончиками пальцев нащупала что-то твердое под шелковым мехом: крошечные рога за ушами. От удивления она отдернула руку.

– У куниц бывают рога?

Сажерук подмигнул ей и позволил Гвину снова забраться в рюкзак.

– У этого есть, – сказал он.

Мегги растерянно наблюдала, как он затянул ремни. Она все еще чувствовала на пальцах рожки Гвина.

– Мо, ты знал, что у куниц бывают рога? – спросила она.

– Сажерук приклеил их своему зубастому чертенку. Исходя из своих соображений.

– Каких таких соображений?

Мегги вопросительно посмотрела сначала на Мо, потом на Сажерука, но Мо уже заводил мотор, а Сажерук снял сапоги, которые, как и его сумки, очевидно, многое уже повидали на этом свете, и, глубоко вздохнув, растянулся на кровати Мо.

– Молчи, Волшебный Язык, – сказал он, прежде чем закрыть глаза. – Я не выдам твои секреты, а за это ты не разбалтывай мои. Кроме того, сначала должно стемнеть.

Больше часа Мегги ломала себе голову над тем, что мог означать этот ответ. Но еще больше ее волновал другой вопрос.

– Мо, что надо этому… Каприкорну от тебя? – спросила она, когда Сажерук захрапел.

Ее голос понизился на полтона, когда она решилась произнести его имя, будто пыталась тем самым уменьшить опасность, угрожавшую им.

– Книгу, – ответил Мо, не отводя взгляда от дороги.

– Книгу? Почему ты ее не отдашь ему?

– Потому. Я тебе скоро все расскажу, но не сейчас. Хорошо?

Мегги посмотрела в окно автобуса. Мир, пролетавший мимо, уже сейчас казался ей чужим – незнакомые дома, незнакомые улицы, незнакомые поля, даже деревья и небо были совсем чужими, но Мегги уже к этому привыкла. Она еще никогда не чувствовала себя как дома. Мо был ее домом, Мо и ее книги, а может быть, еще и этот автобус, который вез ее из одной чужбины на другую.

– Эта тетя, к которой мы едем, – спросила она, когда они проезжали через бесконечно длинный туннель, – у нее есть дети?

– Нет, – ответил Мо. – Боюсь, она не особенно их жалует. Но я уверен, вы с ней подружитесь.

Мегги вздохнула. Она знала некоторых тетушек, но ни с одной из них не смогла найти общего языка.

Холмы превратились в горы, склоны по обеим сторонам дороги становились все круче, и вскоре дома перестали быть просто чужими – они и выглядели уже совсем по-другому. Мегги пыталась скоротать время, считая туннели, но, когда они оказались в пасти девятого туннеля и темноте не было ни конца ни края, она заснула. Ей снились куницы в черных куртках и книга в коричневой упаковочной бумаге.

Дом полон книг

– Мой сад – это мой сад, – сказал Великан, – и каждому это должно быть ясно, и, уж

конечно, никому, кроме самого себя, я не позволю здесь играть.

Оскар Уайльд. Великан-эгоист[2]

Мегги проснулась оттого, что стало тихо.

Равномерный рев мотора, убаюкавший ее в автобусе, стих, и место водителя рядом с ней опустело. Мегги понадобилось какое-то время, чтобы понять, почему она не лежит в своей кровати. К лобовому стеклу прилипли дохлые мушки, а автобус стоял перед железными воротами. Вид их сверкающих зубьев внушал страх – казалось, они только и ждали, что непрошеный гость, попытавшийся перелезть через них, зацепится за их острые прутья и останется на них висеть. Грозные ворота напомнили Мегги одну из ее любимых сказок о Великане, который не хотел пускать детей к себе в сад. Именно такими представляла она себе его ворота.

Мо стоял на улице вместе с Сажеруком. Мегги вышла из автобуса и подошла к ним. Дорога упиралась в покрытый густыми зарослями обрыв на берегу большого озера. Холмы по другую сторону озера, поднимавшиеся из воды, были похожи на утонувшие горы. Вода в озере была почти черной – в волнах отражалось темное вечернее небо. В домах на берегу, будто светлячки или упавшие звезды, зажглись первые огни.

– Красиво, да? – Мо обнял Мегги за плечи. – Тебе ведь нравятся рассказы про разбойников. Видишь вон там развалины крепости? В ней когда-то жила банда разбойников. Нужно спросить Элинор, она все знает об этом озере.

Мегги только кивнула и положила голову ему на плечо – от усталости у нее кружилась голова. Лицо Мо впервые за время их отъезда не было омрачено волнением.

– Где же она живет? – спросила Мегги, подавляя зевок. – Уж точно не за зубастыми воротами?

– Именно там. Это вход в ее поместье. Не очень-то приветливо, правда? – Мо засмеялся и повел Мегги через дорогу. – Элинор очень гордится этими воротами. Она заказала их по рисунку в одной книге.

– Не по рисунку ли сада Великана-эгоиста? – пробормотала Мегги, глядя через искусно изогнутые железные прутья.

---

[2] Перевод Т. Озерской.

– Великан-эгоист? – Мо засмеялся. – Нет, мне кажется, это была совсем другая история. Хотя эта очень хорошо подошла бы к Элинор.

По обеим сторонам от ворот рос высокий кустарник, колючие ветви которого скрывали все, что находилось за ним. Да и через прутья Мегги не было видно ничего особенного, кроме раскидистых кустов рододендрона и исчезающей между ними широкой дорожки, покрытой гравием.

– Очень похоже на богатеньких родственников, – прошептал ей в ухо Сажерук.

– Да, Элинор достаточно богата, – сказал Мо и отвел Мегги в сторону. – Но, вероятно, скоро она будет не богаче церковной крысы, потому что все свои деньги тратит на книги. Боюсь, она продаст и душу, если черт предложит ей за это стоящую книгу.

Одним толчком Мо распахнул тяжелые ворота.

– Что ты делаешь? – встревоженно спросила Мегги. – Нам туда нельзя!

На табличке рядом с воротами можно было прочитать: «ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ. ПОСТОРОННИМ ВХОД ВОСПРЕЩЕН», – хотя ветви кустарника и скрывали пару букв. Для Мегги подобная надпись и гостеприимство никак не могли сочетаться.

Но Мо рассмеялся.

– Не волнуйся, – сказал он и раскрыл ворота еще шире. – Единственное, что защищено в доме сигнализацией, – это библиотека. А если непрошеные гости и зайдут в ворота, не страшно. Элинор вовсе не из пугливых, а гости у нее – явление редкое.

– А собаки? – Сажерук озабоченно заглянул в сад. – Если вход оборудован такими воротами, то за ними должны быть как минимум три злые собаки размером с теленка.

Но Мо покачал головой.

– Элинор терпеть не может собак, – сказал он, подходя к автобусу. – А теперь садитесь.

Владение тетушки больше напоминало лес, чем сад. Почти сразу за воротами дорога делала изгиб, словно хотела добавить озорства движению, затем вела вверх по склону и наконец терялась между темными елями и каштанами. Их ветви окаймляли дорогу, образовывая туннель, и Мегги казалось, что она уже никогда не закончится, как вдруг деревья расступились и они оказались на небольшой площади, покрытой гравием и окруженной ухоженными

клумбами с розами.

На гравии, прямо перед домом, стоял серый комби. Дом был больше, чем школа, в которую Мегги ходила в прошлом году. Она попыталась пересчитать окна, но быстро сбилась со счета. Дом был очень красивый, но смотрелся не приветливее железных ворот на дороге. Возможно, желтая штукатурка выглядела такой грязной только в лучах заходящего солнца, и возможно, зеленые ставни были закрыты только потому, что за соседними горами уже лежала ночь. Возможно. Но Мегги рискнула предположить, что и днем они открывались нечасто. Входная дверь из темного дерева была похожа на недружелюбно поджатые губы, и Мегги непроизвольно схватила Мо за руку, когда они подходили к ней ближе.

Сажерук следовал за ними, нерешительно накидывая на плечо рюкзак, в котором все еще спал Гвин. Когда Мо и Мегги оказались перед дверью, Сажерук остановился в нескольких шагах от них и внимательно рассматривал закрытые ставни, будто пытался уловить взгляд хозяйки, якобы наблюдавшей за ними из окна.

Рядом со входом было решетчатое окошко, единственное, которое не закрывали зеленые ставни. Под ним висела еще одна табличка:

ЕСЛИ ВЫ НАМЕРЕНЫ ТРАТИТЬ
МОЕ ВРЕМЯ НА ПУСТЯКИ, ЛУЧШЕ ДЕРЖИТЕСЬ
ОТСЮДА ПОДАЛЬШЕ.

Мегги обеспокоенно взглянула на Мо, но он лишь состроил в ответ гримасу и нажал кнопку звонка.

Мегги слышала, как по всему дому разнесся звон колокольчика. Некоторое время ничего не происходило. Только сорока взлетела с куста рододендрона, растущего около дома, да пара жирных воробьев наперебой клевала неприметных насекомых в гравии. Мегги бросила им крошки, которые остались у нее в кармане куртки после какого-то пикника. Вдруг дверь резко распахнулась.

Женщина, стоявшая на пороге, была старше Мо, гораздо старше, хотя Мегги никогда не могла с уверенностью определить возраст взрослых. Лицо женщины напоминало бульдога, но, возможно, дело было вовсе не в лице, а в его выражении. На ней был серый пуловер поверх пепельно-серой юбки, на короткой шее – жемчужные бусы, а на ногах – войлочные тапки, как те, что Мегги пришлось надеть,

когда они с Мо были на экскурсии в одном замке. Седые волосы Элинор закалывала на макушке, но тем не менее со всех сторон свисали пряди, будто, укладывая волосы, она торопилась и терпение ее иссякло. Было видно, что Элинор не проводила много времени перед зеркалом.

– Господи, Мортимер! Какой сюрприз! – сказала она, не тратя время на приветствие.

Голос ее звучал резко, но лицо не могло скрыть радости от встречи с Мо.

– Привет, Элинор, – сказал Мо и положил руку на плечо Мегги. – Ты помнишь Мегги? Вот она уже какая выросла!

Элинор окинула Мегги быстрым рассеянным взглядом.

– Да, вижу, – сказала она. – Но детям ведь свойственно расти, не так ли? И насколько я помню, за последние годы я не видела ни тебя, ни твою дочь. Чему я обязана такой честью принимать вас у себя сегодня и так неожиданно? Наконец-то ты удостоишь своим вниманием мои бедные книги?

– Точно, – кивнул Мо. – Я был вынужден перенести один из своих заказов, заказ одной библиотеки. Ты же знаешь, у библиотек всегда не хватает денег.

Мегги не сводила с него глаз. Она и понятия не имела, что он умеет так убедительно врать.

– Из-за спешки, – продолжал Мо, – мы не смогли найти ничего подходящего для ночлега, поэтому я привез ее сюда. Я знаю, что детей ты не особенно жалуешь, но Мегги не мажет книги вареньем и не вырывает из них страницы для того, чтобы заворачивать в них дохлых лягушек.

Элинор пробормотала что-то неодобрительное и посмотрела на Мегги так, будто та только и делала, что устраивала подобные выходки, несмотря на заверения ее отца.

– Когда ты привозил ее в последний раз, мы, по крайней мере, могли запереть ее в загоне для скота, – холодно сказала она. – Но теперь это больше невозможно.

Она еще раз осмотрела Мегги с головы до ног, как опасное животное, которое ей приходилось запустить в дом.

Мегги почувствовала, как от гнева кровь прилила к лицу. Ей хотелось домой или назад в автобус – куда-нибудь, только не в дом этой отвратительной женщины, ледяные глаза которой пронзили ее насквозь.

Взгляд Элинор перешел от Мегги к Сажеруку, который смущенно держался на заднем плане.

– А этот? – Она посмотрела на Мо. – Я его тоже знаю?

– Это Сажерук, один… мой друг. – Похоже, только Мегги заметила, что Мо колеблется. – Он собирается отправиться дальше на юг, но, возможно, ты могла бы позволить ему переночевать в одной из твоих бесчисленных комнат?

Элинор скрестила руки.

– Только при условии, что его имя не имеет отношения к тому, как он обращается с книгами, – сказала она. – В любом случае ему придется довольствоваться скромными апартаментами под крышей, поскольку моя библиотека в последние годы очень разрослась и поглотила все комнаты для гостей.

– Сколько же у вас книг? – спросила Мегги.

Она выросла среди стопок книг и просто не могла себе представить, что за бесчисленными окнами этого огромного дома были только книги.

Элинор снова посмотрела на нее, на этот раз с откровенным презрением.

– Сколько? – переспросила она. – Не думаешь ли ты, что я считаю их, как пуговицы или горошины? Их много, очень много. Могу предположить, что в каждой комнате этого дома находится столько книг, что ты вряд ли когда-нибудь сможешь их перечитать, а некоторые из них настолько ценные, что я тебя пристрелю без колебаний, если ты посмеешь к ним прикоснуться. Но поскольку, как утверждает твой отец, ты девочка умная, ты этого не сделаешь, так ведь?

Мегги ничего не ответила. Вместо этого она представила себе, как встанет на цыпочки и трижды плюнет на голову этой старой ведьмы.

А Мо рассмеялся.

– Ты совсем не изменилась, Элинор, – заметил он. – Язык острее ножа для бумаг. И все же я предупреждаю тебя: если ты убьешь Мегги, я сделаю то же самое с твоими любимыми книгами.

Губы Элинор скривились в улыбке.

– Хороший ответ, – сказала она и отошла в сторону. – Ты, похоже, тоже не изменился. Входите. Я покажу тебе книги, которые нуждаются в твоей помощи. И еще кое-какие.

Мегги всегда думала, что у Мо было очень много книг. После того как она перешагнула через порог дома Элинор, она перестала так думать.

Книги не лежали здесь стопками, как у Мегги дома. Очевидно, у каждой книги было свое место. Все стены, где у других были наклеены обои или висели картины, у Элинор были заняты книжными полками. В вестибюле, куда она повела их в первую очередь, полки были белыми и доходили до потолка. В следующей комнате они были черными, как и выложенный плитками пол. Черные полки были и в коридоре, где они оказались, выйдя из комнаты.

– Вон те, – указала Элинор, проходя мимо теснящихся корешков книг, – собрались за последние годы. Они не очень ценные, большей частью низкого качества, ничего особенного. Если некоторые, не владея собой, все-таки возьмут один экземпляр с полки, – при этом ее взгляд упал на Мегги, – это не будет иметь серьезных последствий, при условии, что, удовлетворив свое любопытство, они поставят книгу на свое место и не оставят в них непривлекательные закладки. – Элинор повернулась к Мо: – Хочешь верь, хочешь не верь, – сказала она, – в одном из моих последних приобретений, чудесном издании девятнадцатого века, я нашла засохший кусочек салями, который использовали в качестве закладки.

Мегги хихикнула и поймала еще один недружелюбный взгляд в свою сторону.

– Это не смешно, деточка, – сказала Элинор. – Некоторые удивительные книги были утрачены только потому, что какой-то пустоголовый рыбак рвал из них страницы, чтобы заворачивать в них свою вонючую рыбу. В Средние века были уничтожены тысячи книг лишь для того, чтобы шить из их переплетов подошвы для обуви или топить бани. – Элинор тяжело задышала, вспоминая подобные гнусности, пусть и совершенные несколько столетий назад. – Ну, хорошо. Оставим это! – воскликнула она. – Иначе я разволнуюсь еще больше, а у меня и без того высокое давление.

Она остановилась перед дверью. На светлом дереве был изображен якорь, огибаемый дельфином.

– Это знак одного знаменитого печатника, – объяснила Элинор и прикоснулась пальцем к острому носу дельфина. – В самый раз для входа в библиотеку, правда?

– Я знаю, – сказала Мегги. – Альд Маниций. Он жил в Венеции и

печатал книги такого размера, чтобы они умещались в переметные сумки его заказчиков.

– Да? – Элинор поморщилась. – Этого я не знала. Так или иначе, я являюсь счастливой обладательницей одной книги, которую он напечатал собственными руками в тысяча пятьсот третьем году.

– Вы имеете в виду, она сделана в его мастерской? – уточнила Мегги.

– Именно это я и имею в виду. – Элинор откашлялась и посмотрела на Мо с такой укоризной, будто только он был повинен в том, что его дочь знала такие малоизвестные факты. – Через эту дверь, – сказала она с торжественным почтением, нажимая на ручку, – еще не проходил ни один ребенок, но, поскольку твой отец привил тебе определенное уважение к книгам, я сделаю для тебя исключение. Но только при условии, что ты не подойдешь к полкам ближе чем на три шага. Ты принимаешь это условие?

На мгновение Мегги задумалась. Очень уж ей хотелось отказаться и поразить Элинор тем, с каким пренебрежением она относится к ее драгоценным книгам. Но она не смогла. Любопытство было сильнее ее. Она уже представила себе, что слышит шелест страниц через полуоткрытую дверь. Они обещали ей тысячи неизвестных историй, тысячи дверей в тысячи невиданных миров. Искушение было гораздо сильнее гордости Мегги.

– Принято, – пробормотала она и скрестила за спиной руки. – Три шага.

От непреодолимого желания у нее зачесались руки.

– Умный ребенок, – сказала Элинор таким снисходительным тоном, что Мегги чуть не взяла свое слово назад.

И они вошли в святая святых дома Элинор.

– Ее отреставрировали! – услышала Мегги голос Мо.

Он сказал еще что-то, но она уже не слушала. Она просто уставилась на книги. Полки, на которых они стояли, пахли свежесрубленным деревом и доставали до небесно-голубого потолка, с которого, словно звезды, свисали крошечные лампы. Возле полок стояли узкие деревянные лестницы с колесиками, готовые вознести жаждущего читателя на самый верх. Здесь же имелись пюпитры, на которых лежали раскрытые книги, пристегнутые желтыми латунными цепочками. Рядом стояли витрины с книгами, страницы которых с появившимися на них от времени пятнами открывали взору каждого, кто приближался, удивительнейшие картины. Мегги

ничего не могла с собой поделать. Шаг вперед, быстрый взгляд на Элинор, которая, к счастью, стояла к ней спиной, и она уже перед витриной. Ниже и ниже склонялась она над стеклом до тех пор, пока не уперлась в него носом.

Колючие листья обвивались вокруг бледно-коричневых букв. Из красной головы крошечного дракона на бумагу извергались цветы. На Мегги смотрели всадники на белых конях, словно не прошло и дня с тех пор, как кто-то вывел их крошечной кисточкой. Рядом с ними были изображены влюбленные, возможно новобрачные. Мужчина в огненно-красной шляпе враждебно смотрел на них.

– И это ты называешь «три шага»?

Мегги испуганно обернулась, но Элинор вовсе не казалась рассерженной.

– Да, искусство книжной миниатюры! – сказала она. – Раньше только богатые умели читать, поэтому к тексту добавляли иллюстрации, чтобы бедные тоже могли понять содержание. Конечно, тогда никто не задумывался об удовольствии, бедные должны были работать, а не наслаждаться красивыми иллюстрациями. Чтение являлось преимущественным правом богатых. Нет, большей частью книги поучали. В основном это были библейские истории, которые и без того все знали. Книги лежали в церквах, и каждый день страницы перелистывались, чтобы показать следующую иллюстрацию.

– А эта книга? – спросила Мегги.

– А-а. Мне кажется, она никогда не лежала в церкви, – ответила Элинор. – Она была создана, чтобы доставлять удовольствие очень богатому человеку, и ей уже почти шестьсот лет. – Нельзя было не заметить гордость в голосе Элинор. – Из-за этой книги было совершено смертоубийство. К счастью, мне за нее пришлось только заплатить деньги.

Вдруг она резко повернулась и посмотрела на Сажерука, который бесшумно следовал за ними, будто кошка на охоте. Мегги подумала, что Элинор отошлет его назад в коридор, но он, сложив за спиной руки, с таким благоговением осматривал полки, что просто не давал ей повода. Она бросила на него неодобрительный взгляд и снова повернулась к Мо.

Он стоял перед одним из пюпитров и держал в руке книгу, корешок которой висел всего на двух нитках. Он держал ее очень осторожно, как птицу со сломанным крылом.

– Ну? Ты можешь ее спасти? – обеспокоенно спросила Элинор. – Я знаю, она в ужасном состоянии, да и остальные, боюсь, не в лучшем, но…

– Это можно исправить. – Мо положил книгу в сторону и взял следующую. – Но я думаю, мне потребуется по меньшей мере две недели. При условии, что мне не придется искать дополнительный материал. Это могло бы усложнить дело. Готова ли ты терпеть нас все это время?

– Разумеется, – кивнула Элинор, но Мегги заметила, как она посмотрела на Сажерука.

Он все еще стоял возле полок около двери и, казалось, был полностью поглощен изучением книг, но у Мегги было такое чувство, что от него не ускользало то, что говорилось за его спиной.

В кухне Элинор книг не было, ни одной книги. На деревянном столе их ждал отличный ужин. Элинор утверждала, что раньше этот стол находился в канцелярии одного монастыря в Италии. Мегги не поверила ей, ведь она знала, что монахи-писари работали за столами с наклонной поверхностью. Но она решила оставить знание при себе. Она взяла еще кусочек хлеба, пытаясь распробовать сыр, стоявший на так называемом письменном столе, как вдруг заметила, что Мо что-то шепнул на ухо Элинор. Глаза Элинор от жадности расширились, отчего Мегги сделала вывод, что речь могла идти только о книге, и она сразу вспомнила об упаковочной бумаге, о светло-зеленом льняном переплете и о раздраженном голосе Мо.

Рядом с Мегги сидел Сажерук. Он взял кусочек ветчины со стола и отправил его в рюкзак – ужин Гвина. Мегги видела, как из рюкзака показывался круглый нос в надежде полакомиться еще чем-нибудь вкусненьким. Сажерук улыбнулся Мегги, заметив на себе ее взгляд, и протянул Гвину кусочек свиного сала. Он делал вид, что не проявляет никакого интереса к шушуканью Мо с Элинор. Но Мегги показалось, что они тайно торговались.

Через некоторое время Мо встал и вышел. Мегги спросила Элинор, где находится туалет, и пошла следом за отцом.

Она еще никогда не шпионила за Мо, кроме той ночи, когда пришел Сажерук, поэтому ею овладело странное чувство. Как в тот раз, когда она попыталась выяснить, был ли Мо Дедом Морозом. Ей было стыдно идти за ним по пятам. Но он был сам виноват. Почему он спрятал от нее ту книгу? А теперь собирался отдать ее Элинор, книгу, которую ей видеть было нельзя! Она не могла забыть, как

быстро Мо спрятал ее у себя за спиной. Потом она пыталась искать ее в сумке с вещами Мо, но так и не нашла.

Мегги решила, что ей просто необходимо было увидеть ее, прежде чем она исчезнет в одной из витрин Элинор! Она должна знать, почему эта книга представляла для Мо большую ценность, раз он привез ее с собой в такую даль…

Выходя из дома, он огляделся у двери, но Мегги успела вовремя спрятаться за сундук, пахнущий антимолью и лавандой. Она решила не покидать своего убежища до тех пор, пока не вернется отец. На дворе он наверняка бы ее заметил.

Время тянулось мучительно медленно, как всегда бывает, когда очень ждешь чего-то, а сердце так и бьется в груди. Мегги показалось, что книги на белых полках следят за ней, но они молчали, словно чувствовали, что в тот момент Мегги думала только об одной-единственной книге.

Наконец Мо вернулся, в руке он держал завернутый в коричневую упаковочную бумагу сверток. «Может быть, он просто хочет спрятать ее здесь!» – подумала Мегги. А где лучше всего можно спрятать книгу, как не среди тысяч других? Да. Мо оставит ее здесь, и они снова поедут домой. «Но мне бы хотелось увидеть ее хоть разочек, – думала Мегги, – прежде чем она окажется на полке, к которой мне можно приблизиться только на три шага».

Мо прошел мимо нее так близко, что она могла бы дотронуться до него, но, несмотря на это, он не заметил ее. «Мегги, ну, не смотри на меня так! – говорил он иногда. – Ты снова читаешь мои мысли».

Теперь он выглядел обеспокоенным, будто не был уверен, правильно ли он поступает. Мегги медленно досчитала до трех и снова последовала за ним, но несколько раз Мо так резко останавливался, что она чуть не врезалась в него. Он не вернулся в кухню, а сразу прошел в библиотеку. Не оглядываясь, он открыл дверь со знаком венецианского печатника и тихо закрыл ее за собой.

Мегги так и осталась среди всех этих молчащих книг, задаваясь вопросом: стоит ли ей идти за ним дальше… стоит ли ей просить показать ей книгу? Разозлится ли он? Только она хотела собраться с духом и пойти вслед за ним, как услышала шаги, решительные, быстрые от нетерпения. Это могла быть только Элинор. Но почему?

Мегги открыла соседнюю дверь и шмыгнула в нее. Кровать с балдахином, шкаф, фотографии в серебряных рамках, стопка книг на ночном столике, на ковре раскрытый каталог, на страницах которого

фотографии старинных книг. Она попала в спальню Элинор. Сердце Мегги бешено колотилось, она прислушалась – из коридора доносились энергичные шаги Элинор, а потом она услышала, как дверь в библиотеку закрылась во второй раз.

Мегги осторожно вышла в коридор. В нерешительности стояла она перед дверью в библиотеку, как вдруг чья-то рука сзади легла ей на плечо. Другая рука закрыла ей рот.

– Это я! – прошептал ей в ухо Сажерук. – Стой спокойно, а не то нам обоим достанется. Понимаешь?

Мегги кивнула, и Сажерук медленно убрал руку от ее рта.

– Твой отец хочет отдать этой ведьме книгу, так? – прошептал он. – Он ходил за ней к автобусу? Ну, говори же! Она была у него в руках?

Мегги оттолкнула его от себя.

– Я не знаю! – прошептала она. – Вам-то до этого какое дело?

– Какое мне до этого дело? – Сажерук тихо засмеялся. – Может быть, когда-нибудь я тебе расскажу, какое мне до этого дело. А сейчас я только хочу знать, видела ли ты это.

Мегги покачала головой. Она сама не знала, почему соврала Сажеруку. Может быть, потому, что рука его уж очень крепко сдавила ей рот.

– Мегги, послушай! – Сажерук смотрел ей в лицо. Его шрамы напоминали бледные полосы, нарисованные кем-то на его щеках: две распухшие полоски на левой и третья на правой, самая длинная, от уха до носа. – Каприкорн убьет твоего отца, если не получит книгу! – прошептал Сажерук. – Он убьет его, понимаешь ты это? Разве я тебе не рассказывал, какой он? Он хочет заполучить эту книгу, а он всегда получает все, что хочет. Смешно думать, что здесь она будет в безопасности.

– Мо так не думает!

Сажерук выпрямился и уставился на дверь библиотеки.

– Да, я знаю, – пробормотал он. – В этом-то вся и загвоздка. И поэтому… – Он взял Мегги за плечи и подвел ее к закрытой двери. – Поэтому ты зайдешь туда как ни в чем не бывало и узнаешь, что они намерены сделать с книгой. Понятно?

Мегги хотела было возмутиться, но не успела она повернуться, как Сажерук открыл дверь и втолкнул ее в библиотеку.

Просто картинка

Если кто-то крадет книги или не возвращает их, одолжив на время, пусть превратится книга в его руках в ползучего гада, и да хватит его удар, и да онемеют все его члены. И да будет он громко кричать, прося пощады, и да не будет мучениям его конца. И пусть книжные черви гложут его внутренности, а последним наказанием его станет вечная Геенна огненная.

Надпись в библиотеке монастыря Сан-Педро в Барселоне[3]

Мегги увидела на стуле упаковочную бумагу – книгу развернули. Никто не заметил, что она вошла. Элинор склонилась над пюпитром, а рядом с ней, спиной к двери, стоял Мо.

– Невероятно. Я думала, что больше не существует ни одного экземпляра, – сказала Элинор. – Об этой книге рассказывают интересные истории. Один антиквар, у которого я часто покупаю книги, сообщил мне, что несколько лет назад у него украли три экземпляра этой книги, причем все в один день. Похожие истории произошли еще с двумя книготорговцами.

– Правда? Действительно странно! – сказал Мо. Мегги слишком хорошо знала голос отца, чтобы понять, что его удивление было притворным. – Но, что бы там ни было, эта книга очень дорога мне,

[3] Цитируется по А. Мангелю.

несмотря ни на какие тайны. И я знаю, что у тебя она в надежных руках до тех пор, пока я не смогу забрать ее.

– У меня каждая книга в надежных руках, – строго сказала Элинор. – Ты ведь знаешь, это мои дети, мои чернильные дети, и я радею и забочусь о них: оберегаю их от солнечного света, стираю с них пыль, защищаю от грязных пальцев. Эта книга займет почетное место, и никто не увидит, пока ты не захочешь получить ее назад. Моя библиотека, как ты знаешь, не предназначена для посетителей. После их визитов в моих бедных книгах остаются жирные пятна и следы пальцев. А кроме того, мой дом защищен очень дорогой сигнализацией.

– Да, это особенно обнадеживает! – с облегчением сказал Мо. – Спасибо тебе, Элинор! Я действительно очень тебе благодарен. И если в ближайшее время кто-нибудь спросит тебя о книге, сделай вид, будто ты о ней никогда не слышала. Хорошо?

– Ну, разумеется. Чего не сделаешь ради хорошего переплетчика? И потом, ты ведь муж моей племянницы. Знаешь, временами мне ее так не хватает! Да и ты наверняка чувствуешь то же самое. А вот дочь твоя, похоже, обходится и без нее.

– Она почти не помнит мать, – тихо сказал Мо.

– Может, это и к лучшему. Иногда совсем не плохо иметь короткую память. Возможно, мы ничего не знали бы, если б не книги. Все на свете кануло бы в небытие: Троянская война, Колумб, Марко Поло, Шекспир, все эти ненормальные короли и боги… – Элинор повернулась и застыла на месте. – Я не слышала, как ты вошла, – сказала она, уставившись на Мегги так враждебно, что бедняжке потребовалось собрать все свое мужество, чтобы не развернуться и не выбежать в коридор.

– Давно ты здесь стоишь, Мегги? – спросил Мо.

Мегги высоко подняла голову.

– Ей ты показываешь эту книгу, а от меня прячешь! – сказала она. Нападение всегда лучшее средство защиты. – Еще никогда ты не прятал от меня книги! Что такого особенного в этой? Я что, ослепну, прочитав ее? Или она откусит мне пальцы? Что за страшные тайны хранятся в ней, о которых мне нельзя знать?

– У меня есть причины не показывать ее тебе, – ответил Мо, побледнев.

Без лишних слов он подошел к Мегги и потащил было ее к двери, но Мегги вырвалась.

– Как же она упряма! – заявила Элинор. – Мне это в ней даже нравится. Ее мать в детстве была точно такой же. Подойди. – Она отошла в сторону и позвала ее к себе, махнув рукой. – Ты собственными глазами увидишь, что эта книга совершенно ничем не примечательна. Но убедись в этом сама. Своим глазам верят в первую очередь. Думаю, твой отец со мной согласится.

Она вопросительно взглянула на Мо. Мо колебался, но, смирившись с ситуацией, кивнул головой.

Раскрытая книга лежала на пюпитре. На первый взгляд она не казалась особенно старой. Мегги знала, как выглядят по-настоящему старые книги. В мастерской Мо она видела книги, на желтых страницах которых можно было обнаружить целый узор из пятен, похожий на леопардовую расцветку. Она вспомнила книгу, переплет которой был поражен древесными червями: оставленные ими следы были похожи на следы крошечных пуль, и Мо, отсоединив корешок от книги, аккуратно переплел страницы и сшил для них новое платье. Такое платье изготовлялось из кожи или изо льна, часто украшалось тиснением, которое выполнялось крошечными печатями, а иногда и золочением.

Переплет этой книги был изготовлен изо льна серебристо-зеленого цвета, как листья ивы. Края переплета были слегка потерты, а бумага была достаточно белой, так что каждую букву было четко видно. На открытом развороте лежала красная тесьма-закладка. На странице справа была картинка, на которой были изображены роскошно одетые женщины, глотатель огня, акробаты и некто, похожий на короля. Мегги листала дальше. В книге было мало иллюстраций, но буквицы в начале каждой главы сами представляли собой картинки: на одних буквах сидели животные, другие были обвиты растениями, букву «Б» окружали языки пламени. Огонь казался таким настоящим, что Мегги пришлось дотронуться до него, чтобы понять, что он не обжигает. Следующая глава начиналась с буквы «К». Она представляла собой воина с широко расставленными ногами, на правой руке которого сидел зверек с пушистым хвостом. «Кто-то едва ли заметил, как он покинул город», – прочитала Мегги, но Элинор захлопнула книгу прямо у нее перед носом, прежде чем девочка дочитала предложение до конца.

– Думаю, этого достаточно, – сказала она и сунула книгу под мышку. – Твой отец попросил меня хранить эту книгу в безопасном месте, и я тотчас выполню его просьбу.

Мо снова схватил Мегги за руку, и на этот раз она подчинилась ему.

– Мегги, пожалуйста, забудь об этой книге! – прошептал он. – Она приносит несчастье. Я найду тебе сотни других.

Мегги только кивнула. У двери она бросила последний взгляд на Элинор, которая смотрела на книгу с такой нежностью, с какой Мо часто смотрел на Мегги, накрывая ее одеялом перед сном.

Потом дверь закрылась.

– Куда она ее спрячет? – спросила Мегги, идя по коридору следом за Мо.

– О, для таких случаев у нее есть удивительные тайники, – уклончиво ответил Мо. – Но я о них ничего не знаю, что вовсе не удивительно, когда речь идет о тайниках. Ты не возражаешь, если я отведу тебя в твою комнату? – Он пытался говорить беззаботно, но это у него не очень хорошо получалось. – Она выглядит как дорогой гостиничный номер. Нет-нет, гораздо лучше.

– Здорово, – пробормотала Мегги и оглянулась, но Сажерука нигде не было.

Где он пропадал? Ей нужно было кое-что спросить у него. Прямо сейчас. Она все время думала только об этом, пока Мо показывал ей комнату и уверял, что теперь, когда все было в полном порядке, ему оставалось только выполнить работу, и уже очень скоро они вернутся домой. Мегги кивала, делая вид, что слушает его, а на самом деле думала о том, что хотела узнать у Сажерука. Ей казалось странным, что Мо ничего не заподозрил.

Когда отец ушел за багажом, Мегги тут же помчалась на кухню, но там Сажерука не было. Она заглянула в спальню Элинор. Сколько дверей в этом огромном доме она ни открывала, найти Сажерука ей так и не удалось. В конце концов она просто устала искать. Мо уже давно лег спать, да и Элинор скрылась за дверьми спальни. Мегги ничего не оставалось, как отправиться в свою комнату и лечь на огромную кровать. Лежа на ней, она чувствовала себя такой крохотной, словно ее превратили в карлицу. Проводя рукой по постельному белью в цветочек, она представляла себя Алисой в Стране чудес. В остальном же комната ей нравилась. В ней было много книг и картин. Там даже камин был, но он выглядел так, будто им уже сто лет не пользовались. Мегги встала с кровати и подошла к окну.

На улице уже давно было темно, и не успела она распахнуть ставни, как холодный ветер дунул ей в лицо. Единственное, что она могла разглядеть в темноте, был посыпанный гравием двор. Серо-белые камни бледным светом освещал фонарь. Полосатый автобус Мо, словно зебра, стоял рядом с серым комби Элинор – Мо нанес полоски на белый лак после того, как подарил Мегги «Маугли». Она вспомнила дом, который они так спешно покинули, свою комнату и школу, в которой теперь пустовало ее место. Было ли это странное чувство тоской по дому, она не знала.

Ставни так и остались распахнутыми, когда она легла спать. Рядом с кроватью Мо поставил ее сундучок с книгами. Она достала из него первую попавшуюся книгу и попыталась связать знакомые слова в единое целое, но ей это не удавалось – то и дело у нее перед глазами возникала та, другая, книга, то и дело Мегги видела перед собой буквицы, окруженные образами, чьи истории остались для нее неизвестными просто потому, что у книги не было времени их рассказать.

«Я должна разыскать Сажерука, – повторяла она, засыпая. – Должен же он где-то быть!» Но тут книга выпала у нее из рук, и она заснула.

Утром ее разбудило солнце. Воздух был еще холодным, но небо было ясное, и, выглянув из окна, Мегги смогла рассмотреть вдали среди деревьев мерцающую гладь озера. Комната, которую определила ей Элинор, находилась на первом этаже. Мо спал через две комнаты от нее, а Сажеруку пришлось ютиться в каморке под крышей. Вчера, разыскивая его, Мегги заглянула и в нее. Там стояла узкая кровать, вокруг которой громоздились ящики с книгами.

Когда Мегги спустилась к завтраку, Мо сидел за столом вместе с Элинор, но Сажерука с ними не было.

– А он уже позавтракал, – язвительно сказала Элинор, когда Мегги спросила о нем. – Причем в компании острозубого зверя, который сидел на столе, когда я, ничего не подозревая, вошла в кухню. Он увидел меня и тут же зашипел. Но я ясно дала понять вашему другу, что единственные животные, которых я терплю на столе, – это комнатные мухи, и после этого он ушел на улицу вместе со своим пушистым зверем.

– Что тебе от него надо? – спросил Мо.

– Ничего особенного, я… только хотела кое-что спросить у

него, – сказала Мегги.

Она доела кусок хлеба, выпила немного ужасно горького какао, приготовленного Элинор, и выбежала во двор.

Сажерук был за домом, на постриженной лужайке, где рядом с гипсовой статуей ангела стоял один-единственный шезлонг. Гвина нигде не было видно. На красном рододендроне ругались птицы, а Сажерук стоял рядом и самозабвенно жонглировал. Мегги пыталась сосчитать яркие шары – четыре, шесть, восемь. Стоя на одной ноге, он ловил их так быстро, что от пристального наблюдения за ними у нее закружилась голова. Они так легко снова оказывались у него в руке, будто ему вовсе не нужно было следить за ними. Лишь заметив Мегги, он отвлекся и упустил один шар, который подкатился прямо к ее ногам.

Мегги подобрала его и бросила Сажеруку.

– Где вы этому научились? – спросила она. – Это просто… потрясающе.

Он с насмешкой поклонился ей. На лице у него снова была та странная улыбка.

– Я этим зарабатываю, – сказал он. – Этим и еще кое-чем.

– И как же этим можно заработать деньги?

– На рынках. На праздниках. На детских праздниках и днях рождения. Ты когда-нибудь была на таком рынке, на котором все ведут себя так, будто живут в Средневековье?

Мегги кивнула. Как-то раз она была на подобном рынке вместе с Мо. Какие удивительные товары можно было там увидеть! Казалось, они были не из другого времени, а из другого мира. Мо купил ей шкатулку, украшенную маленькой рыбкой из зелено-золотистого металла. В туловище рыбки был вставлен шарик, который звенел, как колокольчик, когда шкатулку трясли. В воздухе там пахло свежевыпеченным хлебом, дымом и мокрой одеждой. Мегги видела, как кузнец ковал меч, а заметив переодетую ведьму, тут же спряталась за спиной Мо.

Сажерук собрал все шары и бросил их в сумку, она лежала раскрытой на траве позади него. Мегги подошла и, заглянув в нее, увидела бутылки, белую вату и пакет молока, но больше ничего рассмотреть не успела, потому что Сажерук быстро захлопнул сумку.

– Извини. Профессиональные тайны, – сказал он. – Твой отец все-таки отдал книгу этой Элинор, да?

Мегги вздрогнула.

– Говори, не бойся. Я все равно все знаю. Я подслушивал. Он просто ненормальный, если хочет оставить ее здесь. Но что я могу сделать?

Сажерук сел в шезлонг. Рядом с ним на траве лежал рюкзак, из которого торчал пушистый хвост.

– Я видела Гвина, – сказала Мегги.

– Надо же! – Сажерук откинулся назад и закрыл глаза. При солнечном свете его волосы казались светлее. – Я тоже. Он сидит в рюкзаке. В это время он спит.

– Я видела его в книге. – Мегги не сводила глаз с Сажерука, но он остался невозмутим. В отличие от Мо мысли его невозможно было прочитать на лбу. Его лицо было подобно закрытой книге, и Мегги показалось, что он ударит по пальцам каждого, кто попытается в ней что-то прочитать. – Он сидел на букве «К», – продолжала она. – Я узнала его рожки.

– Правда? – Сажерук так и лежал, не открывая глаз. – А ты, случайно, не знаешь, на какую полку она поставила книгу?

Мегги словно не слышала вопроса.

– Почему Гвин так похож на зверя в книге? – спросила она. – А рога вы ему действительно приклеили.

Сажерук открыл глаза и зажмурился от солнца.

– Неужели? – спросил он, глядя на небо.

Два облака повисли над домом Элинор. Солнце скрылось за одним из них, и тут же на зеленую траву упала тень, похожая на грязное пятно.

– Отец читает тебе вслух, Мегги? – спросил Сажерук.

Мегги недоверчиво посмотрела на него, потом села на колени возле рюкзака и провела рукой по шелковому хвосту Гвина.

– Нет, – сказала она, – но он научил меня читать, когда мне было пять лет.

– Спроси его, почему он тебе никогда не читал вслух, – сказал Сажерук. – Но не верь его отговоркам.

– Почему же? – раздраженно оправдывалась Мегги. – Он просто этого не любит. Вот и все.

Сажерук усмехнулся. Он приподнялся в шезлонге и опустил руку в рюкзак.

– А у нас, похоже, полный живот, – на ощупь определил он. – Думаю, Гвин успешно поохотился прошлой ночью. Надеюсь, он не разорил очередное гнездо. Или все это только булочки и яйца,

которые давали на завтрак.

Гвин завилял хвостом. Мегги с отвращением уставилась на рюкзак. Она была рада, что не видела мордочку Гвина. Может быть, на ней была засохшая кровь.

Сажерук снова откинулся в шезлонге.

– Тебе показать, для чего мне нужны бутылки, вата и прочие таинственные вещицы? – спросил он, не глядя на нее. – Но для этого необходимо, чтобы стемнело, чтобы наступила кромешная тьма. Осмелишься ли ты выйти из дома посреди ночи?

– Конечно! – обиженно ответила Мегги, хотя ей было не просто сделать это. – Но сначала ответьте мне, почему…

– Ответьте? – Сажерук рассмеялся. – Господи, ты еще скажи мне: «Ответьте, пожалуйста, господин Сажерук». Этого выканья я просто не переношу, поэтому брось это, понятно?

Мегги прикусила губу и кивнула. Он был прав – обращаться к нему на «вы» было чересчур.

– Ну, хорошо, почему ты приклеил Гвину рожки? – закончила она вопрос. – И что ты знаешь об этой книге?

Сажерук скрестил за головой руки.

– Я знаю о ней очень много, – сказал он. – И возможно, когда-нибудь я даже расскажу тебе о ней. Но начнем со встречи сегодня ночью, около одиннадцати на этом самом месте. Согласна?

Мегги взглянула на дрозда, без умолку щебетавшего на крыше дома Элинор.

– Да, – сказала она. – В одиннадцать. – И побежала в дом.

Элинор предложила Мо устроить мастерскую рядом с библиотекой. Там была маленькая комната, в которой располагалось собрание энциклопедий животных и растений (кажется, Элинор собирала все существующие виды книг). Книги стояли на полках из светлого дерева, по цвету похожего на мед. Рядом с некоторыми из них были витрины с засушенными жуками. Увидев эту коллекцию, Мегги стала еще хуже думать об Элинор. У единственного окна стоял стол – красивый стол с резными ножками, но вполовину короче того, что стоял в мастерской Мо у них дома. Скорее всего, он выругался про себя, когда Мегги просунула в дверь голову.

– Посмотри, какой стол! – сказал он. – На нем только перебирать почтовые марки, но не книги переплетать. Само помещение какое-то маленькое. А куда мне поставить пресс? А инструменты? В прошлый

раз я работал наверху, под крышей, но с тех пор там собралось несчетное число ящиков с книгами.

Мегги провела рукой по корешкам книг, теснящимся на полке.

– Скажи ей, что тебе нужен стол побольше.

Она аккуратно взяла с полки одну книгу и раскрыла ее. На случайно открытой странице были изображены необычные насекомые: жуки с рогами, пауки с хоботом, а у одного был даже настоящий нос. Мегги провела указательным пальцем по потускневшим картинкам.

– Мо, почему ты никогда не читал мне вслух?

Отец вдруг так резко обернулся, что из рук у него чуть не выпала книга.

– Почему ты меня об этом спрашиваешь? Ты разговаривала с Сажеруком, так? Что он тебе рассказал?

– Ничего. Совсем ничего!

Мегги сама не понимала, почему соврала. Она поставила книгу про жуков на место. Ей вдруг стало казаться, что кто-то плетет вокруг них тончайшую паутину, паутину из тайн и лжи, и что она незаметно становится все плотнее.

– По-моему, это очень даже неплохой вопрос, – сказала она, беря с полки другую книгу.

Книга называлась «Мастера маскировки». Животные в ней выглядели как веточки или сухие листья.

Мо снова повернулся к ней спиной и начал выкладывать на стол свои инструменты: слева лежала полиграфическая гладилка, рядом с ней – молоток с круглой головой, которым он сбивал книжные корешки, острый нож для бумаги…

Обычно он насвистывал себе под нос какую-нибудь мелодию, но сейчас он все делал молча. Мегги чувствовала, что его мысли были где-то очень далеко. Но где?

В конце концов он уселся на край стола и посмотрел на дочь.

– Я не люблю читать вслух, – сухо сказал он, – просто потому, что не люблю. Ну, ты же это всегда знала.

– Почему не любишь? Ты ведь рассказываешь мне разные истории. Ты просто замечательный рассказчик. Можешь имитировать разные голоса, можешь говорить и таинственно, и смешно…

Мо сложил руки на груди, будто пытаясь за ними спрятаться.

– Ты мог бы почитать мне «Тома Сойера», – предложила Мегги, – или «Откуда у носорога шкура».

Это был один из самых любимых рассказов Мо. Когда она была еще маленькой, она играла с Мо и представляла себе, что хлебные крошки на ее одежде были такими же, как на коже носорога.

– Да, это действительно удивительная история.

Мо снова повернулся к ней спиной. С рассеянным видом он взял со стола папку с бумагой для форзацев, открыл ее и стал перелистывать. «Каждая книга должна начинаться с такой бумаги, – сказал он как-то Мегги. – Лучше всего для этого подходит темный цвет – темно-красный или темно-синий, в зависимости от цвета переплета книги. Открыв книгу, ты обнаруживаешь перед собой театральную сцену: первое, что ты видишь, – это занавес, и, как только раздвигаешь его, представление начинается».

– Мегги, мне сейчас действительно нужно работать! – сказал он, не поворачиваясь к ней. – Чем раньше я закончу работу, тем скорее мы поедем домой.

Мегги поставила книгу на место.

– А что, если рога не приклеены? – спросила она.

– Что?

– Рога у Гвина. Что, если Сажерук их не приклеивал?

– Конечно он их приклеил. – Мо пододвинул стул к чересчур короткому столу. – Кстати, Элинор уехала за покупками. Если не хочешь умереть с голоду до ее приезда, испеки блины. Хорошо?

– Хорошо, – пробормотала Мегги. На мгновение она задумалась, стоит ли рассказать ему о предстоящей ночной встрече с Сажеруком, но потом решила этого не делать. – Как ты думаешь, можно взять отсюда на время книги? – спросила она вместо этого.

– Конечно, если только ты не припрячешь их в своем сундучке.

– Как тот похититель книг, о котором ты мне рассказывал? – Мегги сунула три книги под левую руку и четыре под правую. – Сколько же он тогда украл? Тридцать тысяч?

– Сорок тысяч, – ответил Мо. – Но по крайней мере, не убивая владельцев.

– Нет, то был испанский монах, имя которого я не помню. – Мегги поплелась к двери и открыла ее носом туфли. – Сажерук говорит, что Каприкорн может убить тебя, чтобы завладеть книгой. – Она попыталась сказать это совершенно равнодушным тоном. – Он действительно способен на это, Мо?

– Мегги! – Мо повернулся и угрожающе поднял на нее руку с ножом для бумаги. – Иди позагорай или почитай книжки, только дай

мне спокойно работать. И передай Сажеруку, что я вот этим самым ножом порежу его на мелкие кусочки, если он и дальше будет болтать тебе всякую чепуху.

– Это не ответ! – сказала Мегги и вышла в коридор.

Придя к себе в комнату, она разложила книги на огромной кровати и начала читать: о жуках, которые селятся в пустых раковинах улиток, словно люди в заброшенных домах; о лягушках в форме листа, о гусеницах с яркими шипами, о белобородых обезьянах, о полосатых муравьедах и кошках, которые роют землю в поисках сладкого картофеля. Каких только существ не было – и таких, каких Мегги могла себе представить, и таких, каких представить себе она не могла.

Но ни в одной умной книге Элинор она не нашла ни слова о рогатых куницах.

Огонь и звезды

Тут появились они с танцующими медведями, собаками и козами, мартышками и сурками, танцевали на проволоке, кувыркались вперед и назад, метали мечи и ножи и оставались целыми и невредимыми, даже когда те случайно задевали кого-то из них, глотали огонь и разжевывали камни, показывали фокусы с покрывалом и шляпой, с волшебным

кубком и цепочками, ставили кукольные представления, пели как соловьи, кричали как павлины, боролись и танцевали под звуки флейты.

В. Гертц. Книга Шпильмана

Время тянулось медленно. Мегги видела Мо недолго во второй половине дня, когда Элинор вернулась с покупками и приготовила им спагетти с каким-то соусом.

– Извините, но у меня просто терпения не хватает заниматься стряпней, – сказала она, ставя на стол кастрюльки. – Может быть, наш друг с пушистым зверьком умеет готовить?

Сажерук пожал плечами и с сожалением произнес:

– Нет, в этом я не могу вам помочь.

– Мо хорошо готовит, – сказала Мегги, перемешивая спагетти с водянистым соусом.

– Он должен мои книги реставрировать, а не готовить, – резко ответила Элинор. – А ты?

Мегги вздрогнула.

– Я умею печь блины, – сказала она. – Но почему вы не приобретете поваренные книги? У вас, кажется, есть все книги, кроме поваренных. Они бы вам пригодились.

С точки зрения Элинор подобное предложение не заслуживало никакого ответа.

– А кстати, еще одно правило поведения ночью, – сказала она, когда все смолкли и принялись за спагетти. – Недопустимо, чтобы в доме зажигали свечи. При виде огня я начинаю нервничать – он никогда не брезгует бумагой.

У Мегги комок подступил к горлу. Она чувствовала, что ее поймали с поличным. Естественно, она привезла с собой свечи, и они лежали на ее ночном столике. Наверняка Элинор их заметила.

Но Элинор смотрела не на Мегги, а на Сажерука, который играл спичечным коробком.

– Я надеюсь, вы тоже примете к сведению это правило, – сказала она, – поскольку, очевидно, мы будем находиться в вашем обществе еще несколько дней.

– Разве я могу злоупотреблять вашим гостеприимством? Завтра утром меня здесь не будет, это я вам обещаю. – Сажерук все еще

держал в руке спичечный коробок. Неодобрительный взгляд Элинор, похоже, не задевал его. – Я думаю, у кого-то совершенно неправильное представление об огне, – сказал он. – Согласен, огонь может кусаться, но его можно приручить. – Он вытащил спичку из коробка, поджег ее и поднес пламя к своему открытому рту.

Мегги задержала дыхание, когда его губы сомкнулись, скрыв за собой горящую спичку. Сажерук открыл рот снова, вынул потухшую спичку и, смеясь, положил ее на свою пустую тарелку.

– Видите, Элинор? – сказал он. – Он меня не укусил. Его можно приручить быстрей котенка.

Элинор лишь повертела носом, а Мегги не могла отвести восхищенного взгляда от Сажерука.

Мо, похоже, совсем не был удивлен этим маленьким представлением – он лишь грозно посмотрел на Сажерука, и тот послушно спрятал спичку в карман.

– Конечно, я буду придерживаться этого правила, – быстро сказал он. – Без проблем.

Элинор кивнула.

– Хорошо, – сказала она. – Но у меня есть еще просьба к вам. Если вы сегодня вечером, когда стемнеет, исчезнете, как вы сделали это вчера, возвращайтесь не слишком поздно. Ровно в девять тридцать я включу сигнализацию.

– Значит, мне вчера просто повезло! – Незаметно от Элинор Сажерук сунул несколько макаронин в сумку, но Мегги все видела. – Согласен, я люблю гулять ночью. Только ночью я ощущаю свой мир – тихий, почти безлюдный и таинственный. Правда, сегодня я не собираюсь идти гулять, но тем не менее прошу вас включить это сказочное устройство попозже.

– Неужели? И с какой стати, разрешите спросить?

Сажерук подмигнул Мегги.

– Я обещал нашей маленькой госпоже небольшое представление. Начало – за час до полуночи.

– Вот как! – Элинор вытерла губы салфеткой. – А что, если вы устроите его днем? В конце концов, маленькой госпоже всего двенадцать лет, и в восемь ей полагается лежать в кровати.

Мегги сжала губы: с пяти лет она не ложилась спать в восемь, но решила не утруждать себя объяснениями с Элинор. Она удивлялась тому, как невозмутимо реагировал Сажерук на злобные взгляды Элинор.

– Фокусы, которые я хочу показать Мегги, не смогут произвести днем должного впечатления, – сказал он и откинулся на стуле. – Для этого необходим, к сожалению, черный покров ночи. А может быть, вы тоже сможете поприсутствовать? Тогда вы поймете, почему все должно происходить именно ночью.

– Прими его предложение, Элинор! – сказал Мо. – Представление тебе понравится. Может быть, после этого огонь перестанет наводить на тебя такой ужас.

– Он не наводит на меня ужас. Я просто его не люблю! – заявила Элинор с застывшим лицом.

– А еще он умеет жонглировать, – вырвалось у Мегги. – Восемью шарами.

– Одиннадцатью, – поправил ее Сажерук. – Но жонглировать нужно днем.

Элинор подняла со скатерти спагетти и недовольно посмотрела сначала на Мо, а потом на Мегги.

– Ну, хорошо. Я не хочу портить веселье, – сказала она. – В половине десятого я буду лежать с книгой в постели, а до этого включу сирену, но, когда Мегги отправится на представление, я выключу ее на час. Этого хватит?

– Вполне, – сказал Сажерук и поклонился ей так низко, что носом достал до своей тарелки.

Мегги подавила в себе смех.

Без пяти одиннадцать она постучала в спальню Элинор.

– Войдите! – откликнулась Элинор. Просунув голову в дверной проем, Мегги увидела Элинор, которая сидела в своей кровати, склонившись над толстым каталогом. – Слишком дорого, слишком дорого, слишком дорого! – бормотала она. – Запомни мой совет: нельзя увлекаться тем, на что нет денег. Пристрастие будет глодать тебя, как книжный червь. Возьми, к примеру, эту книгу! – Элинор так ткнула пальцем в страницу каталога, что Мегги не удивилась бы, если бы в ней оказалась дырка. – Что за издание, и в каком хорошем состоянии! Вот уже пятнадцать лет я хочу его купить, но оно слишком дорогое, чересчур дорогое.

Вздохнув, Элинор закрыла каталог, бросила его на ковер и опустила ноги с кровати. К удивлению Мегги, на ней была длинная ночная рубашка в цветочек. Она выглядела в ней гораздо моложе, словно девочка, которая проснулась однажды утром с морщинами на

лице.

– Ну да ладно. Все равно ты, скорее всего, не станешь такой ненормальной, как я! – пробурчала она, натягивая толстые носки на ноги. – Твой отец не склонен к сумасбродству, и твоя мать никогда ничего подобного не делала. Напротив, я не встречала более рассудительных людей. А мой отец был таким же сумасшедшим, как я. Больше половины своих книг я унаследовала от него. И какой толк был ему от них? Спасли они его от смерти? Наоборот. Его хватил удар как раз на одном книжном аукционе. Не смешно ли это?

Мегги не могла ей ответить и вместо этого спросила:

– Моя мать? Вы ее хорошо знали?

Элинор фыркнула, будто Мегги задала ей вопрос, требующий глубоких раздумий.

– Разумеется. Твой отец познакомился с ней здесь. Он что, тебе никогда об этом не рассказывал?

Мегги покачала головой:

– Он не очень-то со мной разговаривает.

– Вероятно, тем лучше. Не к чему совать повсюду свой нос! А ты ее не помнишь. Ты видела знак на двери в библиотеку? Это ведь она его нарисовала. Ну ладно, идем, а не то ты пропустишь свое представление.

Мегги шла за Элинор по темному коридору. На мгновение ей показалось, что ее мать могла открыть одну из многочисленных дверей и посмеяться над ней. Почти во всем доме не горел свет, и в темноте Мегги несколько раз стукалась коленкой об углы.

– Почему здесь так темно? – спросила она Элинор, которая пыталась нащупать выключатель.

– Потому что я предпочитаю тратить деньги на книги, а не на никому не нужное освещение! – ответила Элинор и раздосадованно метнула взгляд к загорающейся лампе, будто пытаясь сказать этой дурехе, чтобы та экономнее обращалась с электричеством. Шаркая туфлями, она направилась к металлическому ящику, который был спрятан за плотным пыльным занавесом на стене возле входной двери. – Я надеюсь, ты выключила свет, перед тем как прийти ко мне? – спросила она, открывая ящик.

– Ну конечно, – сказала Мегги, хотя это могло быть вовсе не так.

– Отвернись! – приказала Элинор и, сморщив от напряжения лоб, стала возиться в ящике с сиреной. – Боже мой, все эти кнопки! Надеюсь, на этот раз я сделала все правильно. Дай мне знать, как

только представление завершится. И не думай воспользоваться возможностью и пробраться в библиотеку за книгами. Помни о том, что я всегда рядом и что мои уши лучше, чем у летучей мыши.

Мегги удержалась от ответа, который уже вертелся у нее на языке. Элинор открыла входную дверь, и Мегги выскочила во двор.

Стояла теплая ночь, наполненная незнакомыми запахами.

– А к моей маме вы с таким же дружелюбием относились? – спросила она, когда Элинор уже хотела было закрыть дверь.

Элинор застыла на мгновение.

– Думаю, да, – сказала она. – Ну конечно. А она была такой же наглой, как ты. Приятного времяпрепровождения с огнеглотателем!

И Элинор захлопнула дверь.

Проходя по темному саду, Мегги вдруг услышала музыку. Неожиданно ночь вступила в свои владения и заполнила все вокруг, словно только и ждала шагов Мегги: незнакомая музыка, беспорядочное, веселое и одновременно грустное, звучание бубнов, дудок и барабанов. Мегги не удивилась бы, увидев за домом Элинор целую толпу скоморохов, но на лужайке был только Сажерук.

Он ждал на том месте, где Мегги встретила его днем. Музыка раздавалась из магнитофона, который стоял рядом с шезлонгом на траве. Для своего единственного зрителя Сажерук поставил на краю лужайки скамейку. Справа и слева от нее стояли горящие факелы. И на самой лужайке горели два факела, отбрасывая в ночь подрагивающие тени, которые танцевали над травой, словно слуги, которых Сажерук вызвал для такого случая из леса.

Верхняя часть его тела была обнажена. Кожа у него была бледная, как луна, повисшая над домом Элинор, – казалось, луна тоже хотела быть на представлении.

Как только Мегги выступила из темноты, Сажерук поклонился ей.

– Пожалуйста, садись, прекрасная госпожа! – крикнул он под музыку. – Все ждет только тебя.

Смутившись, Мегги села на скамейку и осмотрелась. На шезлонге стояли две бутылки из темного стекла, которые она уже видела в сумке Сажерука. В одной бутылке что-то отливало белым цветом, будто туда налили лунного света. Между деревянными перекладинами шезлонга лежали факелы с белой ватой, а возле магнитофона стояло ведро и большая широкая ваза, которая,

насколько помнила Мегги, обычно находилась в прихожей Элинор.

На мгновение она перевела взгляд на дом, окутанный тьмой. В комнате Мо было темно – может быть, он еще работал, а этажом ниже Мегги увидела Элинор, стоявшую возле освещенного окна. Как только Мегги посмотрела в ее направлении, она сразу же закрыла занавески, словно заметила на себе взгляд, но ее тень все еще прорисовывалась на занавесках.

– Слышишь, как тихо вокруг? – Сажерук выключил магнитофон. Ночная тишина заложила Мегги уши. Ни один лист не шелохнулся, слышно было лишь потрескивание факелов да стрекотание сверчков. Сажерук снова включил музыку. – Я говорил с ветром, – сказал он. – Ты должна знать: когда ветер начинает играть с огнем, даже я не могу его укротить. Но он дал мне честное слово, что сегодня ночью он будет вести себя тихо и не испортит нам веселье.

Сажерук взял факел, набрал в рот лунного света из бутылки и сплюнул его в большую вазу. Затем он окунул факел в ведро, вынул его и поднес к его горящему брату. Огонь вспыхнул так неожиданно, что Мегги вздрогнула. Сажерук поднес к губам другую бутылку и стал наполнять рот жидкостью до тех пор, пока его щеки не раздулись до предела. Потом он глубоко-глубоко вздохнул, выгнул тело дугой и выплюнул все, что было у него во рту, мимо факела в воздух.

Огненный шар повис над лужайкой, сверкающий огненный шар. Словно живое существо, въедался он в темноту. От его огромных размеров, думала Мегги, все вокруг в ту же секунду могло быть охвачено пламенем, все: трава, шезлонг и сам Сажерук. Последний, однако, резво повернулся на месте, словно танцующий ребенок, и еще раз изрыгнул пламя. Он направил огонь высоко в небо, будто пытаясь зажечь звезды. Потом он зажег второй факел и провел пламенем по рукам. Глаза его светились счастьем оттого, что он играет со своим любимым избранником. Огонь лизал его кожу, лаская своего друга, для которого он прогнал ночь и устроил этот танец. Сажерук подбросил ввысь факел, туда, где еще пылал огненный шар, подхватил его снова, зажег еще один и стал жонглировать тремя, четырьмя, пятью факелами. И огонь кружился вокруг него, танцевал с ним, не пытаясь укусить его, потому что он был не только Сажеруком, укротителем огня, искрометателем, но и другом.

Вдруг факелы, поглощенные темнотой, куда-то пропали, и

Сажерук поклонился потерявшей дар речи Мегги. Как зачарованная она сидела на жесткой скамейке и не могла насмотреться на то, как он подносил бутылку ко рту и снова и снова извергал огонь, разгоняя кромешную тьму ночи.

Мегги не могла понять, что заставило ее перевести взгляд от вращавшихся факелов и разлетавшихся искр к окнам дома. Может быть, присутствие зла чувствуешь кожей, как жар или холод… А может быть, ее внимание привлек свет, который вдруг заструился через ставни библиотеки, падая на кусты рододендрона, прижавшиеся к ставням. Может быть.

Ей показалось, что она слышит мужские голоса, они были громче музыки, раздававшейся из магнитофона. И непонятный страх охватил ее, черный и враждебный, как сама ночь.

Когда она вскочила с места, Сажерук уронил факел в траву. Затушив огонь, он посмотрел на Мегги, бежавшую к дому.

Мегги мчалась изо всех сил. Дверь была открыта, в прихожей было темно, но Мегги слышала голоса, доносившиеся из коридора, ведущего к библиотеке.

– Мо! – позвала она.

Девочку снова охватил страх, вонзавший свои когти в ее сердце.

Дверь библиотеки была открыта. Мегги хотела войти, но две сильных руки схватили ее за плечи.

– Спокойно, – прошептала Элинор и затащила ее в спальню.

Мегги заметила, что у нее дрожали пальцы, когда она закрывала дверь на замок.

– Прекрати! – Мегги отдернула руку Элинор и попыталась повернуть ключ.

Она собралась было закричать, что хочет помочь отцу, но Элинор закрыла ей рукой рот и оттащила от двери. Мегги сопротивлялась, но Элинор была сильнее, гораздо сильнее Мегги.

– Их слишком много! – шипела она, когда Мегги пыталась укусить ее за пальцы. – Четверо или пятеро рослых парней, и они вооружены. – Она потащила барахтавшуюся Мегги к стене у кровати. – Сколько раз я собиралась купить себе проклятый револьвер! – прошептала она, припадая ухом к стене. – Тысячу раз!

– Конечно она здесь! – услышала Мегги, причем для этого ей не нужно было прислонять ухо к стене. Голос был неприятно писклявым, как у кошки. – Может, привести из сада твою дочь, чтобы она нам ее показала? Или ты сделаешь это сам?

Мегги снова попыталась убрать руку Элинор от своего рта.

– Успокойся же ты, наконец! – прошептала она в ухо Мегги. – Ты принесешь ему еще больше беды. Слышишь?

– Мою дочь? Что вы хотите от моей дочери?

Мегги узнала голос Мо и всхлипнула. Элинор тут же закрыла ей лицо рукой.

– Я попыталась позвонить в полицию, – тихо говорила она ей на ухо, – но связь оборвана.

– О, мы знаем все, что нам надо знать, – снова послышался другой голос. – Итак, где книга?

– Я отдам ее вам! – Голос Мо казался уставшим. – Но я пойду с вами, потому что хочу получить ее снова, когда она будет уже не нужна Каприкорну.

«Я пойду с вами…» Что он хотел этим сказать? Не мог же он просто так уйти. Мегги стала снова вырываться, но Элинор крепко держала ее, обхватив своими сильными руками.

– Тем лучше. Нам все равно поручено привести тебя с собой, – грубо произнес кто-то. – Ты себе даже представить не можешь, как изводит себя Каприкорн, жаждая услышать твой голос. Он очень полагается на твои необыкновенные способности.

– Да, Каприкорн нашел тебе замену, но новичок просто шарлатан, – снова раздался кошачий голос. – Посмотрите на Кокереля. – До Мегги донеслось шарканье ног. – Он хромает, да и Плосконос выглядел гораздо лучше, хотя он никогда не был красавцем.

– Хватит болтать, у нас нет времени. Баста, как думаешь, взять его дочь? – спросил еще кто-то гнусавым голосом.

– Нет! – крикнул Мо. – Или моя дочь остается здесь, или вы не получите книгу!

Кто-то засмеялся.

– Да успокойся ты, Волшебный Язык. Об этом речь не идет. Ребенок только задержит нас в пути, а Каприкорн ждет уже очень долго. Ну, где книга?

Мегги прижалась ухом к стене так крепко, что ей стало больно. Сначала раздались шаги, а потом она услышала, как что-то подвинули к стене.

Элинор затаила дыхание.

– Неплохой тайник! – донесся писклявый голос. – Кокерель, упакуй ее и не теряй из виду. Только после тебя, Волшебный Язык.

Пошли.

Они ушли. Полная отчаяния, Мегги попыталась освободиться от рук Элинор. Она слышала, как захлопнулась дверь библиотеки, как удалялись шаги. Потом все стихло. И Элинор наконец отпустила ее.

Мегги, всхлипывая, рванулась к двери, открыла замок и побежала по коридору в библиотеку.

Она была пуста. Мо в ней не было.

Книги, как им и положено, стояли на полках, только в одном месте зияла дыра, большая и темная. Мегги увидела, что среди книг была откидная крышка, за которой было пусто.

– Невероятно! – услышала она голос Элинор, стоявшей у нее за спиной. – Они действительно искали только одну книгу.

Мегги оттолкнула ее и выбежала в коридор.

– Мегги! – крикнула ей вслед Элинор. – Подожди!

Но чего она должна была ждать? Ждать, пока незнакомцы увезут ее отца? Она слышала, как Элинор бежала за ней. Может быть, ее руки и были сильнее, чем у Мегги, но ноги Мегги были быстрее.

В прихожей по-прежнему было темно. Входная дверь была открыта настежь, и холодный ветер дул Мегги в лицо, когда она ворвалась в ночь.

– Мо! – крикнула она.

Ей казалось, что впереди мелькнул свет автомобильных фар, а там, где между деревьями исчезала дорога, работал мотор. Мегги бежала на его звук и упала, поскользнувшись на влажном от росы гравии. Из колена сочилась кровь, но Мегги не обращала на нее внимания. Она бежала все дальше и дальше, рыдая и всхлипывая, пока не оказалась перед большими железными воротами.

Но на дороге за ними никого не было.

Мо исчез.

Что скрывает ночь

Лучше тысяча врагов за стенами дома, чем один внутри.
Арабская пословица

Сажерук прятался за каштаном, когда Мегги пробежала мимо него. Он видел, как она остановилась у ворот и смотрела на опустевшую дорогу. Он слышал, как она слабеющим голосом повторяла имя отца. Ее зов растворялся во тьме, как стрекотание одинокой цикады, а потом вообще пропал, и Мегги застыла на месте. Сажеруку начало казаться, что она уже никогда больше не пошевелится, словно силы оставили ее, и даже слабое дуновение ветра могло бы поднять ее в воздух и унести прочь.

Она стояла так долго, что Сажеруку пришлось на время закрыть глаза, чтобы просто не смотреть на нее. Потом до него донесся ее плач. От стыда щеки его вспыхнули: подобно языкам пламени, холодные руки ветра жгли его лицо. Опершись на ствол дерева, Сажерук стоял и ждал, когда Мегги вернется в дом, но она так и не двигалась с места.

Когда у него уже занемели ноги, она повернулась, словно марионетка, которую дернули за веревочки, и поплелась к дому. Поравнявшись с ним, она вытерла с лица слезы. В этот невыносимый момент Сажерук почувствовал, что ему хочется подбежать к ней, утешить ее и объяснить, почему он все рассказал Каприкорну. Но Мегги уже прошла мимо. Она ускоряла шаги, как будто силы снова возвращались к ней, и шла все быстрее и быстрее до тех пор, пока не исчезла среди черных как смоль деревьев.

Сажерук вышел из-за дерева, набросил на плечо рюкзак, поднял сумку с пожитками и быстро зашагал ко все еще настежь раскрытым воротам.

Ночь поглотила его, как хищного лиса.

Одна

– Дорогой мой, – сказала мне бабушка. – Ты ведь совсем не жалеешь о том, что до конца дней своих тебе придется остаться мышью?

– Нет, мне все равно, – ответил я. – Какая разница, как выглядишь, если тебя любят таким, какой ты есть.

Р. Даль. Ведьмы

Когда Мегги вернулась, Элинор стояла на ярко освещенном пороге, накинув на плечи пальто прямо поверх ночной сорочки. Ночь была теплой, но с озера дул холодный ветер. Лицо Мегги выражало отчаяние. Элинор было знакомо это чувство. Худшего чувства она не знала.

– Они забрали его с собой! – Голос Мегги затух от осознания безысходности. Она враждебно смотрела на Элинор. – Почему ты меня остановила? Мы могли бы ему помочь!

Она сжала кулаки, словно была готова ударить Элинор.

И это чувство было знакомо Элинор. Иногда очень хочется кого-то сильно стукнуть, но какой в этом толк? Совершенно никакого. Печаль никуда не уйдет.

– Не неси чепуху! – резко ответила она. – И как бы мы это устроили? Они забрали бы и тебя с собой. Помогло бы это твоему отцу? Нет! Поэтому не стой у порога, а проходи в дом.

Но девочка не шевелилась.

– Они привезут его к Каприкорну! – прошептала она так тихо, что Элинор едва смогла ее понять.

– К кому?

Мегги только покачала головой и провела рукой по мокрому от слез лицу.

– Полиция сейчас уже приедет, – сказала Элинор. – Я позвонила им с сотового телефона твоего отца. Давно собираюсь купить себе такой телефон, но теперь уж точно это сделаю. Они просто обрезали мне телефонный кабель.

Мегги дрожала всем телом.

– Их уже давно и след простыл! – сказала она.

– Ради бога, Мегги, ничего с ним не случится!

Элинор завернулась в пальто. Ветер усиливался, собирался дождь.

– Откуда ты знаешь? – Голос Мегги дрожал от ярости.

«Если бы взглядом можно было убить, – подумала Элинор, – то я была бы уже трупом».

– Потому что он почти добровольно пошел с ними, – раздраженно ответила она. – Ты ведь слышала, что он говорил, или нет?

Девочка опустила голову. Конечно, она все слышала.

– Ты права! – прошептала она. – Он больше волновался о книге, чем обо мне.

Элинор не знала, что сказать. Ее отец был твердо убежден в том, что о книгах необходимо заботиться больше, чем о детях. А когда он неожиданно скончался, ее и ее сестер еще долго не покидало чувство, что он, как обычно, сидит в библиотеке и стирает пыль с книг. Но отец Мегги был на него не похож.

– Ерунда! Конечно же он беспокоился о тебе! – сказала она. – Я не знаю другого отца, который бы так сильно любил свою дочь, как твой. Вот увидишь, он скоро вернется. А теперь заходи же, наконец, в дом! – Она протянула Мегги руку. – Я дам тебе горячего молока с медом.

Мегги даже не взглянула на протянутую руку. Она резко повернулась и побежала прочь, будто ее что-то осенило.

– Эй, подожди! – Бормоча ругательства, Элинор наскоро обула садовые туфли и, спотыкаясь, побежала за Мегги. Эта дуреха побежала за дом, туда, где глотатель огня давал свое представление.

Но газон был, конечно, пуст. На нем стояли лишь обугленные факелы. – Да уж, похоже, господин пироман решил долго не задерживаться, – сказала Элинор. – По крайней мере, в доме его нет.

– Может быть, он последовал за ними? – Девочка подошла к одному из обгоревших факелов и провела по нему рукой. – Точно! Он увидел, что произошло, и отправился по их следам!

Она с надеждой посмотрела на Элинор.

– Наверняка так и было. – Элинор старалась казаться искренней. «А как, по-твоему, он вообще мог их преследовать? Пешком?» – мысленно добавила она. Она положила руку на плечо Мегги. «Боже мой, она все еще дрожит». – Ну, пошли же! – сказала Элинор. – Скоро приедет полиция. Вот увидишь, через пару дней твой отец снова объявится, и не исключено, что в компании твоего друга, глотателя огня. И тебе придется дожидаться этого вместе со мной.

Мегги только кивнула головой. Обессиленная, она позволила увести себя в дом.

– Но у меня есть одно условие, – сказала Элинор, когда они уже стояли перед дверью.

Мегги подозрительно посмотрела на нее.

– Не могла бы ты, по крайней мере пока мы будем жить вместе, перестать смотреть на меня так, словно ты готова меня отравить? Возможно ли это?

На лице Мегги появилась едва приметная потерянная улыбка.

– Думаю, да, – сказала она.

На двор, покрытый гравием, въехали двое полицейских. Они допросили Мегги и Элинор, но ни та ни другая не могли ответить на большую часть их вопросов: нет, Элинор не видела этих людей прежде; нет, денег они не похитили и вообще ничего ценного, только книгу. Когда она это произнесла, полицейские, усмехнувшись, переглянулись. Элинор раздраженно прочитала им лекцию о ценности редких книг, но это только усугубило ситуацию. Когда Мегги наконец заявила, что они наверняка смогут обнаружить ее отца, если объявят в розыск некоего Каприкорна, для них это было равнозначно тому, что девочка с полной серьезностью предполагала, что ее отца похитил злой волк.

Потом они уехали. Элинор привела Мегги в спальню. Глаза у бедняжки снова были полны слез, и Элинор захотелось утешить девочку.

– В этой комнате спала твоя мать. – Это было, вероятно, худшее из того, что можно было сказать в такой ситуации, поэтому она быстро добавила: – Почитай что-нибудь, если не сможешь заснуть. – Элинор откашлялась и пошла к себе в комнату по темному пустому дому.

Почему он вдруг показался ей таким огромным и совершенно пустым? За все те годы, что она прожила в этом доме, ничего подобного не приходило ей в голову, ей не казалось странным, что за всеми этими дверьми ее ждали только книги. Прошло уже много лет с тех пор, как в этих комнатах и коридорах она играла с сестрами в прятки. Как тихо она умела открывать дверь и незаметно прокрадываться в библиотеку…

Ветер гремел ставнями. «Боже, я ведь не смогу сомкнуть глаз», – подумала Элинор. А затем она вспомнила о книге, которая ждала ее на прикроватном столике, и со смешанным чувством радости и нечистой совести скрылась в своей спальне.

Коварный подлог

Страшная, горькая книжная болезнь одолевает душу. Как омерзительно ощущать связь с бесформенной массой, состоящей из бумаги, письмен и страданий мертвых. Не было ли правильнее, благороднее и отважнее оставить весь этот хлам и выйти в большой мир свободным, ничем не стесненным, необразованным суперменом?

С. Игл. Переезд библиотеки

Той ночью Мегги не спала. Как только шаги Элинор стихли, она побежала в комнату Мо.

Он еще не распаковал свои вещи – его сумка на полу была открыта. Лишь книги и надломанная плитка шоколада лежали на прикроватном столике. Мо обожал шоколад. Даже самый засохший шоколадный дед-мороз не мог чувствовать себя в безопасности, находясь рядом с ним. Мегги отломила одну дольку и отправила в рот, но он был совершенно безвкусным и отдавал лишь грустью.

Мегги легла на кровать и забралась под одеяло Мо. Оно было

холодным, а подушка еще не успела перенять его запах и пахла моющим средством и кондиционером для белья. Мегги сунула под нее руку. Да, она была там: не книга – фотография. Мегги вытащила ее. Это был портрет ее матери, он всегда лежал под подушкой Мо. Когда она была маленькой, то верила, что Мо придумает ей маму, потому что он говорил, что она понравилась бы ей. Он рассказывал о ней удивительные истории.

– А она меня любила? – спрашивала тогда Мегги.

– Очень.

– А где она?

– Ей пришлось покинуть нас, когда тебе было три года.

– Почему?

– Просто она должна была уехать.

– Далеко?

– Очень далеко.

– Она умерла?

– Нет. Уверен, что нет.

Мегги привыкла, что на многие вопросы Мо давал странные ответы. В десять лет она верила уже не в ту маму, что придумал Мо, а в ту, что уехала. А пока Мо был рядом, она не особенно скучала по матери.

Но теперь и его не было рядом. И она была одна с Элинор.

Мегги вытащила из сумки свитер Мо и уткнулась в него лицом. Во всем виновата эта книга, не переставая твердила она. Почему он не отдал ее Сажеруку? Иногда гнев помогает, когда грусть мешает найти выход. Но потом у Мегги снова потекли слезы, и она заснула с соленым привкусом на губах.

Когда она резко проснулась в поту, сердце ее колотилось, и все вернулось назад: мужчины в черном, голос Мо и пустынная улица. «Я пойду его искать, – думала Мегги. – Да, я так и сделаю». За окном зардел рассвет – еще немного, и взойдет солнце. Лучше всего было бы исчезнуть до первых лучей солнца.

На стуле возле окна висела куртка Мо, словно он только что ее снял. Мегги вытащила бумажник – ей наверняка понадобятся деньги, потом крадучись добралась до своей комнаты, чтобы взять с собой некоторые вещи – только самое необходимое: кое-что из одежды и фотографию Мо, на которой они вместе. С ее помощью можно расспрашивать о нем. Свой сундучок она, конечно, оставит здесь.

Сначала она хотела спрятать его под кроватью, но потом решила написать Элинор записку.

«Дорогая Элинор», – написала она, хотя это обращение не очень-то подходило Элинор, и задумалась над тем, как к ней обращаться – на «вы» или на «ты». «Ну да ладно, – подумала она, – к тетушкам можно обращаться и на «ты», так проще». «Я должна отправиться на поиски своего отца, – продолжала она. – Не беспокойся за меня. – Хотя вряд ли Элинор на это способна. – Прошу тебя, не заявляй в полицию по поводу моего исчезновения, в противном случае меня вернут назад. В этом ящике находятся мои любимые книги. К сожалению, я не могу взять их с собой. Пожалуйста, пригляди за ними – я их заберу, как только разыщу отца. Спасибо. Мегги.

P.S. Мне точно известно, сколько в ящике книг».

Последнее предложение она вычеркнула – оно только разозлило бы Элинор, и кто знает, что она сделает с этими книгами. Возможно, она их продаст, ведь у каждой из них был замечательный переплет, изготовленный Мо. Ни один, правда, не был кожаным – Мегги не хотелось при чтении думать о том, что ради переплета с какого-нибудь теленка или свиньи содрали кожу. К счастью, Мо понимал ее. Он рассказывал ей, что много веков назад переплеты для особенно ценных книг делали из кожи неродившихся телят: *Charta virginea non nata* – красивое название для ужасной вещи.

– И в этих книгах, – говорил Мо, – было много мудрых слов о любви и доброте.

Пакуя вещи, Мегги изо всех сил пыталась ни о чем не думать, потому что знала, что все ее мысли сведутся к одному: «Где же его искать?» То и дело она пыталась отбросить эту мысль, но в конце концов остановилась и посмотрела на доверху наполненную сумку. Внутренний голос шептал все громче и громче: «Ну, скажи, где ты собираешься его искать? Думаешь, ты далеко сможешь уйти, пока тебя не схватит полиция? Двенадцатилетняя девочка с сумкой в руке и неправдоподобной историей о пропавшем отце и исчезнувшей матери».

Мегги крепко закрыла руками уши и потрясла головой, чтобы голос замолчал. Она вынесла в коридор сумку, которая оказалась очень тяжелой. Мегги открыла ее и выбросила все в комнату, оставив только свитер, книгу (по крайней мере одна книга была необходима), фотографию и бумажник Мо. Такую сумку она смогла бы нести

столько, сколько потребуется.

Мегги тихонько спустилась по лестнице с сумкой в одной руке и с запиской для Элинор в другой. Утреннее солнце уже пробивалось сквозь щели ставней, но в большом доме было так тихо, что казалось, будто даже книги на полках уснули, лишь из спальни Элинор доносился тихий сап. Мегги хотела сунуть записку под дверь, но она не просовывалась. Мегги задумалась и надавила на ручку двери. В спальне Элинор было светло, несмотря на закрытые ставни. Возле кровати горела лампа – Элинор наверняка читала перед сном. Она лежала на спине с приоткрытым ртом и храпела, словно обращалась к гипсовым ангелам, свисавшим с потолка, и прижимала к груди книгу. Мегги тут же узнала ее.

Сделав два шага, она оказалась возле кровати.

– Откуда она у тебя? – закричала девочка и рванула книгу из отяжелевших ото сна рук Элинор. – Это книга моего отца!

Элинор вдруг проснулась, будто Мегги плеснула ей в лицо горячей воды.

– Ты украла ее! – кричала Мегги, вне себя от ярости. – Ты позвала этих бандитов. Ты и этот Каприкорн, вы с ним заодно! Ты организовала похищение моего отца, и кто знает, что ты сделала с Сажеруком! Ты хотела получить книгу с самого начала! Я заметила, что ты смотрела на нее так, словно она живая! Может быть, она стоит миллион, или два, или три…

Элинор молча сидела в кровати и рассматривала цветочки на своей ночной сорочке. Только когда Мегги замолчала, чтобы перевести дыхание, она нарушила молчание.

– Ты закончила? – спросила она. – Или ты собираешься кричать здесь до смерти?

Ее голос звучал, как всегда, резко, но в то же время в нем чувствовались угрызения совести.

– Я сообщу об этом в полицию! – выкрикнула Мегги. – Я скажу, что это ты украла книгу и что тебя следует допросить, чтобы выяснить, где находится мой отец.

– Эту книгу и тебя я спасла!

Элинор встала с кровати, подошла к окну и открыла ставни.

– Неужели? А что теперь с Мо? – снова закричала Мегги. – Что будет, когда они заметят, что он отдал им не ту книгу? Ты будешь виновата, если они что-нибудь сделают с ним. Сажерук говорил: «Каприкорн убьет его, если он не отдаст ему книгу». Он убьет его!

Элинор высунула голову из окна, глубоко вздохнула и обернулась.

– Чепуха! – раздраженно сказала она. – Ты чересчур доверяешь всему тому, что рассказывал тебе этот глотатель спичек. Ясно одно: ты перечитала приключенческих рассказов. Зачем им убивать твоего отца? Он что, тайный агент или опасный бандит? Он реставрирует старые книги. Это не та профессия, которая связана с риском для жизни! Я просто хотела изучить книгу в спокойной обстановке – вот и все. Только поэтому я ее подменила. Могла ли я знать, что посреди ночи заявятся эти громилы, чтобы отобрать у твоего отца книгу? Он рассказал мне только о том, что какой-то сумасшедший коллекционер уже много лет угрожает ему из-за этой книги. Откуда мне было знать, что этот коллекционер не остановится перед кражей со взломом и похищением человека? Даже мне никогда не пришло бы такое в голову. Ну, ради только одной или двух книг.

– Но ведь Сажерук говорил об этом. Он сказал, что они его убьют! – Мегги обеими руками сжимала книгу, словно пытаясь не выпустить оставшееся в ней несчастье наружу. Ей почудился голос Сажерука. – И крик и трепет крыльев, – шептала она, – для него нет приятней зрелища.

– Что? О ком это ты там говоришь? – Элинор села на край кровати и притянула к себе Мегги. – Ты расскажешь мне сейчас все, что знаешь об этом. Ну, давай.

Мегги открыла книгу и перелистывала страницы до тех пор, пока не нашла заглавную букву «К», на которой сидел зверек, очень похожий на Гвина.

– Мегги! Я же с тобой разговариваю! – Элинор резко схватила ее обеими руками за плечи и потрясла. – О ком ты сейчас говорила?

– О Каприкорне.

Мегги только прошептала его имя. Ей казалось, что каждая буква его имени таит в себе опасность.

– Каприкорн, а дальше? Это имя я уже несколько раз от тебя слышала. Ну а кто, черт побери, это такой?

Мегги закрыла книгу, провела рукой по переплету и рассмотрела его со всех сторон.

– На ней нет названия, – проговорила она.

– Ни на переплете, ни внутри. – Элинор встала и подошла к платяному шкафу. – Есть много книг, название которых узнаешь не сразу. В конце концов, помещать его на переплете – это относительно

новый обычай. Во времена, когда книги переплетали так, что корешок вдавался внутрь, название находилось снаружи, на боковой части книжного блока, но чаще всего его можно было узнать, лишь открыв книгу. Позже переплетчики научились делать полукруглые корешки, куда и перекочевало название.

– Да, я знаю! – нетерпеливо заявила Мегги. – Но это не совсем старая книга. Я знаю, как выглядят старые книги.

Элинор бросила на нее насмешливый взгляд.

– Ой, извини! Я забыла, что ты у нас настоящий эксперт. Но ты права: эта книга не очень старая. Она появилась около тридцати восьми лет назад. Поистине смешной возраст для книги! – Элинор исчезла за открытой дверцей шкафа. – Но у нее все же есть название: она называется «Чернильное сердце». Думаю, твой отец переплел ее так намеренно, чтобы невозможно было узнать по переплету, что это за книга. И если заглянуть в нее, то название не найдешь и на первой странице – он просто вырезал ее.

Ночная сорочка Элинор упала на ковер, и Мегги увидела, как ее голые ноги облачались в чулки.

– Мы должны снова обратиться в полицию, – сказала девочка.

– Зачем? – Элинор набросила на дверцу шкафа свой пуловер. – Что ты собираешься им рассказать? Ты что, не видела, как те двое смотрели на нас вчера? – Элинор изменила голос: – «Ну, как же все это произошло, госпожа Лоредан? Кто-то ворвался к вам в дом после того, как вы из добрых побуждений выключили сигнализацию. И эти умелые грабители унесли с собой одну-единственную книгу, хотя в вашей библиотеке есть книги ценой в несколько миллионов, и увели с собой отца этой девочки, хотя он сам предложил сопровождать их! Надо же, как интересно! И эти люди работают на некоего Каприкорна. Разве это не название астрологического знака?» Господи, девочка моя. – Элинор снова появилась из-за дверцы шкафа. На ней была отвратительная клетчатая юбка и бежевый пуловер, в котором она выглядела бледной как простыня. – Все, кто живет возле озера, и без того считают меня ненормальной, а если мы пойдем с этой историей еще раз в полицию, в округе будут говорить, что я окончательно спятила. И это стало бы еще одним доказательством того, что страсть к книгам ни к чему хорошему не приводит.

– Ты одеваешься как бабушка, – сказала Мегги.

Элинор опустила глаза на юбку и пуловер.

– Спасибо, – сказала она. – Но комментарии о моей внешности

нежелательны. Кроме того, я могла бы действительно быть твоей бабушкой. Если бы приложила немного усилий.

– Ты когда-нибудь была замужем?

– Нет. А зачем? Не могла бы ты перестать задавать мне вопросы личного характера? Разве отец не говорил тебе, что это неприлично?

Мегги замолчала. Она сама не знала, почему задала Элинор все эти вопросы.

– Она ведь очень ценная, да? – спросила она.

– «Чернильное сердце»? – Элинор взяла у Мегги книгу, провела по переплету рукой и вернула ее. – Думаю, да. Хотя ты не найдешь ее ни в одном каталоге или списке ценных книг, ни одного экземпляра этого издания. Я, между прочим, кое-что выяснила об этой книге. Один коллекционер предложил бы твоему отцу много-много денег, потому что, по слухам, у него остался единственный экземпляр. В конце концов, это не только редкая, но и очень хорошая книга. Я ничего не могу сказать по этому поводу – вчера ночью я осилила не более десятка страниц. Как только появилась первая фея, я тут же уснула. Меня никогда не интересовали эти истории про фей, гномов и всех им подобных, хотя я бы поставила в саду парочку гномов.

Элинор подошла к дверце шкафа – очевидно, она рассматривала себя в зеркале. Похоже, замечание Мегги по поводу ее гардероба задело ее.

– Да, я думаю, она очень ценная, – повторила она задумчиво, – хотя про нее уже все забыли. Вряд ли кто-то знает, о чем в ней речь. Даже в библиотеках ее нет. Но время от времени появляются слухи, что других экземпляров нет просто потому, что они были похищены. Подозреваю, что это ерунда. Исчезают не только животные и растения, но и книги. К сожалению, такое случается не так уж редко. Можно было бы сто вот таких домов наполнить исчезнувшими книгами. – Элинор закрыла дверцу шкафа и беспокойными пальцами взбила волосы. – Насколько мне известно, автор этой книги еще жив, но он, вероятно, ничего не сделал для того, чтобы книга была переиздана. Может быть, ему эта история больше не нравится или книга так плохо продавалась, что он не смог найти издательство, готовое ее опубликовать. Да мало ли что?

– Я все-таки думаю, что их похищали не из-за ценности, – пробормотала Мегги.

– Нет? – рассмеялась Элинор. – Боже мой, ты дочь своего отца. Мортимер тоже не мог поверить в то, что люди совершают

неблаговидные поступки только из-за денег, вероятно, потому, что деньги для него самого не имеют большого значения. А ты представляешь, какую цену может иметь одна книга?

Мегги с раздражением посмотрела на нее.

– Да. Но я все равно считаю, что это не было причиной похищения.

– А вот я так считаю. И Шерлок Холмс согласился бы со мной. Ты читала про него? Замечательные книги. Особенно когда за окном идет дождь.

Элинор надела туфли. Для ее роста у нее были удивительно маленькие ступни.

– Может быть, с этой книгой связана какая-то тайна. – Мегги задумчиво провела пальцами по страницам.

– А, ты имеешь в виду что-то вроде невидимых посланий, написанных лимонным соком, или карту с обозначенными на ней сокровищами, которая скрывается в одной из иллюстраций, – язвительно сказала Элинор.

– А почему бы и нет? – Мегги захлопнула книгу и сунула ее под мышку. – Зачем им тогда понадобился Мо? Им было бы достаточно и книги.

Элинор пожала плечами.

«Как же она могла признаться мне в том, что не подумала об этом, – презрительно говорила себе Мегги. – Просто правота всегда должна быть на ее стороне».

Элинор посмотрела на девочку так, словно прочитала ее мысли.

– Знаешь что? Прочитай ее сама, – сказала она. – Может быть, ты найдешь в ней то, что, на твой взгляд, не относится к повествованию. Пара лишних слов там, пара лишних букв сям… И глядишь, соберешь воедино тайное послание, указатель к сокровищам. Кто знает, сколько времени пройдет, пока твой отец вернется, а тебе нужно какое-то занятие, чтобы убивать время.

Не успела Мегги сказать что-то в ответ, как Элинор подняла с пола записку, лежавшую возле кровати. Это было прощальное письмо Мегги – она, должно быть, обронила его, увидев в руках Элинор заветную книгу.

– Что это еще такое? – нахмурив лоб, спросила Элинор, когда прочитала записку. – Ты собиралась искать своего отца? Где, ради всего святого? Ты еще более сумасшедшая, чем я думала.

Мегги прижала к себе «Чернильное сердце».

– А кто будет его искать, кроме меня? – сказала она.

У нее начали дрожать губы, и она ничего не могла с этим поделать.

– Ну, если уж на то пошло, то мы будем искать его вместе! – возразила ей Элинор. – Но сначала дадим ему возможность самому вернуться. Или ты думаешь, он будет рад, когда узнает, что ты пошла искать его по свету?

Мегги покачала головой, все поплыло у нее перед глазами, и по щеке потекла слеза.

– Ну ладно, теперь все прояснилось, – нервно произнесла Элинор, протягивая Мегги платок. – Высморкайся, и пойдем завтракать.

Она не выпускала Мегги из дому, пока та не съела кусочек хлеба и не выпила стакан молока.

– Завтрак – самый главный прием пищи, – заявила она, намазывая себе маслом третий кусок хлеба. – Я не хочу, чтобы при встрече ты рассказала отцу, что я морила тебя здесь голодом.

Мегги проглотила слова, которыми она хотела ответить Элинор, вместе с оставшимся кусочком хлеба и побежала во двор с книгой.

Логово льва

Послушайте. (Взрослые могут пропустить этот абзац.) Я не хочу говорить вам заранее, что у этой книги трагический конец. Я уже сказал в самом начале, что это моя любимая

книга, но в ней произойдет много зла.
У. Голдман. Принцесса-невеста

Мегги села на скамейку за домом, возле которой все еще стояли обугленные факелы Сажерука. Никогда она не колебалась так долго, прежде чем открыть книгу. Она боялась того, что ее ожидало. Это было совершенно новое чувство. Она еще никогда не испытывала страха перед тем, что собирается рассказать ей книга. Наоборот, Мегги всегда переполняло любопытство и книга с такой легкостью могла увлечь ее в свой таинственный мир, что она могла начать читать ее в самый неподходящий момент. Они читали с Мо за завтраком, и из-за этого он не раз с опозданием приводил ее в школу. Она читала книги под партой, на остановках, под одеялом до тех пор, пока Мо не стягивал его и не грозил ей убрать из ее комнаты все книги, чтобы она могла как следует высыпаться. Конечно, он бы никогда этого не сделал, и он знал, что она об этом знала. На протяжении нескольких дней вечером она прятала книгу под подушку, чтобы она нашептывала ей ночью свои истории, а Мо мог почувствовать себя хорошим отцом.

Эту же книгу она ни за что бы не спрятала под подушкой из-за страха перед тем, что она могла бы ей нашептать. Все несчастья, случившиеся за эти три дня, похоже, сошли с ее страниц, и, может быть, это было всего лишь тенью того ужаса, который ждал ее впереди.

Но, несмотря ни на что, она должна была открыть ее. А где еще ей искать Мо? Элинор была права: просто так убежать было бы бессмысленно. Мегги должна во что бы то ни стало разыскать следы Мо среди страниц «Чернильного сердца».

Не успела она открыть книгу, как услышала за спиной чьи-то шаги.

– У тебя будет солнечный удар, если будешь сидеть на палящем солнце, – произнес знакомый голос.

Мегги обернулась.

Перед ней стоял Сажерук. Его улыбка была на этот раз естественной.

– Ах, посмотрите, какой сюрприз! – сказал он, склонившись над ней и уставившись на раскрытую книгу у нее на коленях. – Так она еще здесь, у тебя.

Мегги растерянно смотрела на его изувеченное лицо. Как он мог вести себя, словно ничего не произошло?!

– Где ты был? – начала она. – Они не прихватили тебя с собой? А где Мо? Куда они его увезли? – Язык девочки едва шевелился, когда она произносила эти слова.

Но Сажерук не спешил с ответом и рассматривал кусты вокруг, будто никогда не видел ничего подобного. На нем было пальто, хотя день был теплым, настолько теплым, что пот сверкающими капельками выступил у него на лбу.

– Нет, они не взяли меня с собой, – сказал он наконец и снова обратил свой взор на Мегги. – Но я видел, как они уехали вместе с твоим отцом. Я бежал за ними через кустарник. Думал, что сверну себе шею, мчась за ними по этому проклятому косогору, но вовремя подоспел к воротам и увидел, что они поехали в южном направлении. Конечно, я их узнал. Каприкорн послал своих лучших людей, даже Баста был с ними.

Взгляд Мегги застыл у него на губах, словно так она могла быстрее выудить у него все подробности.

– Ну и?.. Ты знаешь, куда они отвезли Мо? – От нетерпения ее голос дрожал.

– В деревню Каприкорна, думаю. Но я хотел в этом удостовериться… – Сажерук снял пальто и повесил его на скамейку. – Поэтому я преследовал их. Я знаю, бежать бегом за машиной просто нелепо, – сказал он, когда Мегги поморщила лоб, – но я был в такой ярости. Все было напрасно: я же предупреждал вас, что нам не стоило сюда приезжать… Потом мне удалось поймать попутку, добросившую меня до того места, где они заправлялись, – четверо мужчин в черном выглядели не слишком приветливо. Прошло не много времени с того момента, как они уехали. Я взял мопед… на время и попытался преследовать их. Не смотри на меня так, можешь быть спокойна, я возвратил его потом. Он не был очень быстрым, но, к счастью, здесь очень много поворотов, и я увидел их уже внизу, в долине, а мне пришлось еще петлять по серпантину. И тогда я понял, что они везут твоего отца в штаб-квартиру Каприкорна. Не в одно из укрытий на севере, а в само логово льва.

– В логово льва? – переспросила Мегги. – Где это?

– Приблизительно в трехстах километрах к югу отсюда. – Сажерук сел рядом с ней на скамейку и зажмурил глаза. – Недалеко от побережья. – Он снова посмотрел на книгу, лежавшую у Мегги на

коленях. – Каприкорн будет разгневан, когда увидит, что ему привезли не ту книгу, – сказал он. – Я только могу надеяться на то, что его разочарование никак не отразится на твоем отце.

– Но Мо ведь не знал, что это была не та книга! Элинор тайно подменила ее! – И снова по ее лицу текли эти проклятые слезы. Мегги провела рукавом по глазам. Сажерук поморщил лоб и пристально посмотрел на нее, словно не знал, верить ей или нет. – Ей хотелось всего лишь полистать ее, так она мне сказала! Книга была у нее в спальне. Мо знал только о тайнике, в который она ее положила, а так как она была завернута в бумагу, то он не заметил, что это была не та книга! А люди Каприкорна тоже не проверяли.

– Конечно нет, а зачем? – Голос Сажерука был исполнен презрения. – Они не умеют читать. Книга для них не больше и не меньше, чем любая другая бумага. Кроме того, они привыкли к тому, что им дают то, что они хотят.

От страха голос Мегги зазвучал пронзительно.

– Ты должен привезти меня в эту деревню! Пожалуйста! – Молящими глазами она уставилась на Сажерука. – Я все объясню Каприкорну. Я отдам ему книгу, и он отпустит Мо. Да?

Сажерук жмурил глаза на солнце.

– Ну конечно, – сказал он, не глядя на Мегги. – Это ведь единственное решение…

Внезапно до них донесся голос Элинор.

– Кого это к нам занесло? – крикнула она, выглянув из окна своей спальни. Бледно-желтые занавески развевались на ветру, словно в них запутался некий дух. – Глотатель спичек собственной персоной?

Мегги вскочила и побежала к ней по газону.

– Элинор, он знает, где Мо! – крикнула она.

– Неужели? – Элинор, прищурив глаза, посмотрела на Сажерука. – Положите книгу на место! – крикнула она ему. – Мегги, забери книгу.

Мегги смущенно обернулась. «Чернильное сердце» было действительно в руках у Сажерука, но не успела Мегги посмотреть на него, как он тут же положил книгу на скамейку и подмигнул ей, бросив злой взгляд в сторону Элинор.

Мегги робко вернулась к нему.

– Хорошо, я приведу тебя к твоему отцу, даже если это может навлечь на меня беду! – шепнул он ей на ухо. – Но она, – он незаметно кивнул головой в сторону Элинор, – останется здесь.

Поняла?

Мегги неуверенно посмотрела на дом. Над лужайкой раздался голос Элинор:

– Интересно, что он тебе там нашептал?

Сажерук предостерегающе взглянул на Мегги, но она этого не заметила.

– Он хочет привезти меня к Мо! – крикнула она.

– Здорово! – крикнула в ответ Элинор. – Я поеду с вами! Даже если вы предпочли бы отправиться в путь без меня!

– А как может быть иначе! – прошептал Сажерук, невинно улыбаясь Элинор. – Кто знает, может, мы сможем обменять ее на твоего отца? Каприкорну не помешает еще одна служанка. Готовить она, правда, не умеет, но, возможно, она будет стирать белье, пусть этому и не учат книги.

Мегги засмеялась, хотя не могла понять по лицу Сажерука, шутил он или говорил серьезно.

Трус

Дома! Эти ласковые оклики и осторожные прикосновения, передававшиеся по воздуху, незримые крохотные ручонки, которые тянули и влекли его в совершенно определенном направлении.

К. Грэм. Ветер в ивах

Сажерук пробрался в комнату Мегги и убедился, что она спит. Дверь была заперта. Наверняка Элинор уговорила ее сделать это, потому что не доверяла ему и потому что Мегги не хотела оставлять «Чернильное сердце» без присмотра. Сажерук засмеялся, вставляя тонкую проволоку в замочную скважину. «Как глупа эта женщина, хоть и прочитала так много книг! Она верит, что этот простой замок для меня преграда?»

– Да, может быть, для таких неловких пальцев, как твои, Элинор! – прошептал он, открывая дверь. – А мои с удовольствием играют с огнем, и поэтому они такие проворные.

Симпатия, которую он испытывал к дочери Волшебного Языка, была серьезным препятствием, а угрызения совести вовсе не облегчали его задачу. Да, Сажерука начала мучить совесть, когда он пробрался в комнату Мегги. Он не собирался украсть у нее книгу, хотя Каприкорн все еще хотел ее получить. Книга и дочь Волшебного Языка – таким было его новое задание. Но пока оно откладывалось. Этой ночью он пришел к ней по другой причине: его привело то, что уже много лет грызло его сердце.

Он задумчиво стоял возле кровати и рассматривал спящую девочку. Выдать ее отца Каприкорну было не так сложно, а вот с ней это будет не просто. Ее лицо напоминало Сажеруку одного очень дорогого человека. Каждый раз, когда девочка смотрела на него, его охватывало желание доказать ей, что он не заслужил ее недоверие. След этого недоверия всегда был в ее взгляде, даже когда она смеялась над ним. Ее отец смотрел на нее совсем по-другому, как будто был готов защитить ее от всего злого на свете. «Что за глупая мысль! Никто не сможет защитить ее от этого».

Сажерук прикоснулся к шрамам на лице и поморщился. Прочь все эти ненужные мысли, он доставит Каприкорну девочку и книгу. Но не этой ночью.

Гвин пошевелился у него на плече, пытаясь сорвать ошейник – он не любил ни его, ни цепочку, которую Сажерук приладил к ошейнику. Зверек хотел отправиться на охоту, а Сажерук не отпускал его. Прошлой ночью куница убежала от него, когда он разговаривал с людьми Каприкорна. Пушистый чертенок до сих пор боялся Басту. Сажерук не мог на него обижаться.

Мегги спала крепким сном, уткнувшись в свитер (вероятно, он принадлежал ее отцу). Она бормотала что-то во сне, – Сажерук не мог

разобрать, что именно. Его снова стала мучить совесть, но он гнал тягостное чувство прочь. Оно было ему не нужно. Какое ему дело до этой девочки? Да и с отцом ее он просто сводил счеты. С какой стати он должен чувствовать себя подлым негодяем, змеем-предателем?

Сажерук оглядел комнату, он искал книгу. Куда она ее спрятала? Рядом с кроватью Мегги стоял сундучок, выкрашенный красной краской. Сажерук поднял крышку. Сундучок был наполнен книгами, прекрасными книгами. Сажерук достал из кармана пальто фонарик и посветил внутрь.

– Вы только посмотрите! – прошептал он. – Что за красота! Словно пышно разодетые дамы на балу у князя!

Волшебный Язык, вероятно, переплел каждую книгу заново, после того как пальчики Мегги растрепали старые переплеты. Конечно, тут был и его знак – голова единорога. Он был на всех книжных платьях, каждое из которых имело свой неповторимый цвет. В сундучке были книги почти всех цветов радуги.

Книга, которую искал Сажерук, лежала в самом низу. В серебристо-зеленом переплете, она выглядела очень скромно, словно нищий среди роскошно одетой знати.

То, что Волшебный Язык наделил эту книгу таким скромным туалетом, нисколько не удивляло Сажерука. Скорее всего, отец Мегги ненавидел эту книгу так же сильно, как любил ее. Сажерук осторожно вытащил ее. Прошло уже почти девять лет, как он в последний раз держал ее в своих руках. Тогда она была в картонном переплете и в суперобложке, порванной внизу.

Сажерук поднял голову. Мегги вздохнула и повернулась на бок, так что ее сонное лицо было обращено к нему. Какой несчастной выглядела девочка! Наверняка ей снился плохой сон. Она шевелила губами, сжимая свитер, словно искала какой-то опоры… Но в плохих снах чаще всего нет никого рядом, и он чуть было не разбудил Мегги. Каким слабаком он был на самом деле!

Сажерук повернулся к кровати спиной – с глаз долой, из сердца вон – и быстро раскрыл книгу. Ему стало тяжело дышать. Он пролистал первые страницы, почитал, полистал дальше, дальше и дальше. Но с каждой страницей все медленнее двигались его пальцы, и вдруг он закрыл книгу. Лунный свет струился через ставни на окнах. Он не знал, сколько он так простоял, потерявшись в лабиринте букв. Он так и не научился читать быстро…

– Трус, – прошептал он. – Ты трус, Сажерук! – Он кусал губы до

тех пор, пока ему не стало больно. – Ну, брось ты! – шептал он. – Это может быть последняя возможность, болван. Когда книга окажется в руках Каприкорна, он вряд ли позволит тебе заглянуть в нее.

Он снова открыл книгу, пролистал до середины и опять захлопнул ее, да так громко, что Мегги вздрогнула во сне и спрятала голову под одеялом. Сажерук ждал, не шевелясь, возле кровати, пока ее дыхание снова не стало равномерным, а потом, глубоко вздохнув, склонился над ее сундучком, положил книгу рядом с другими и беззвучно закрыл крышку.

– Ты видел? – шепнул он своей кунице. – Я просто не могу решиться. Если хочешь, ищи себе хозяина поотважней. – Гвин тихо тявкнул возле его уха, но если это и был ответ, то Сажерук его не понял.

Некоторое время он слушал ровное дыхание Мегги, а потом подошел к двери.

– Что все это значит? – шептал он, снова оказавшись в коридоре. – И кто знает, чем все это кончится?

Он поднялся в каморку под крышей, которую выделила ему Элинор, и лег на узкую кровать, вокруг которой громоздились горы ящиков с книгами, но так и не сомкнул глаз до самого утра.

И все дальше на юг

В поход, беспечный пешеход,
Уйду, избыв печаль, –
Спешит дорога от ворот
В заманчивую даль,
Свивая тысячу путей
В один, бурливый, как река,
Хотя, куда мне плыть по ней,

Не знаю я пока!

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин колец[4]

Утром, сразу после завтрака Элинор разложила на кухонном столе дорожную карту.

– Итак, триста километров к югу отсюда, – сказала она, с недоверием посмотрев на Сажерука. – Ну, покажите же нам, где точно мы должны искать отца Мегги.

Мегги посмотрела на Сажерука, и ее сердце бешено заколотилось. У него были круги под глазами, будто прошлой ночью он не спал. Сажерук робко подошел к столу и потер колючий подбородок. Он склонился над картой и некоторое время изучал ее, потом наконец ткнул в нее пальцем.

– Тут, – сказал он. – Вот здесь находится деревня Каприкорна.

Элинор подошла и заглянула через его плечо.

– Лигурия, – сказала она. – А как же называется эта деревня, разрешите спросить? Каприкорния?

Она не сводила глаз с Сажерука, как будто хотела взглядом удалить шрамы с его лица.

– У нее нет названия. – Сажерук говорил с откровенной неприязнью. – Когда-то давным-давно у нее было название, но к тому времени, когда там поселился Каприкорн, оно было забыто. Эту деревню вы не найдете ни на этой карте, ни на какой другой. Для остального мира эта деревня – лишь десяток полуразрушенных домов, к которым ведет дорога, не заслужившая названия.

– Гм. – Элинор склонилась над картой. – В этой области я еще ни разу не была. В Генуе была один раз. Я купила там у одного антиквара замечательный экземпляр «Алисы в Стране чудес», в хорошем состоянии и за половину реальной стоимости книги.

Она посмотрела на Мегги:

– Тебе нравится «Алиса в Стране чудес»?

– Не очень, – ответила Мегги и перевела взгляд на карту.

Элинор только покачала головой, удивляясь детской глупости, и снова обратилась к Сажеруку.

– А чем занимается этот Каприкорн, кроме того что он крадет книги и похищает отцов? – спросила она. – Если я правильно поняла

---

[4] Перевод А. Кистяковского.

Мегги, вы хорошо знаете его.

Сажерук отвел взгляд в сторону и провел пальцем вдоль реки, вьющейся между зелеными и коричневыми пятнами карты.

– Конечно, мы родом из одного места, – сказал он, – но больше у нас нет ничего общего.

Элинор уставилась на него так пристально, как будто пыталась прожечь его взглядом.

– Одно лишь кажется мне странным, – сказала она. – Мортимер хотел спрятать «Чернильное сердце» от этого Каприкорна в безопасном месте. Почему он привез книгу именно сюда? Выходит, он сам виноват в том, что попался к нему в руки!

Сажерук пожал плечами:

– Вероятно, он считает вашу библиотеку самым надежным местом.

В памяти Мегги всплыло одно воспоминание, сначала очень расплывчатое, потом оно стало четким, как картинка в книге. Она видела Сажерука, стоявшего у ворот рядом с их автобусом, и ей показалось, что она слышит его голос…

Испугавшись, она взглянула на него.

– Ты сказал Мо, что Каприкорн живет на севере! – воскликнула она. – Поэтому он специально переспросил тебя, и ты ответил, что полностью уверен в этом.

– Ну да… так оно и было, – сказал он, не поднимая глаз. Он рассматривал свои ногти, а потом стал тереть ими свой пуловер, словно пытаясь оттереть пятно. – Вы обе мне не доверяете, – сухо сказал он. – Я… могу это понять, но я не лгал. У Каприкорна две штаб-квартиры и некоторое количество укрытий, на случай, если ему вдруг где-то начинает угрожать опасность или его людям необходимо на время исчезнуть. Чаще всего он проводит летние месяцы на севере, а в октябре отправляется на юг, но в этом году, похоже, он проводит лето на юге. Откуда мне знать? Может быть, у него на севере проблемы с полицией? А может, на юге у него дело, которое он должен проконтролировать? – сказал он обиженным голосом, как маленький мальчик, которого в чем-то несправедливо обвиняют. – Что бы там ни было, его люди отправились с отцом Мегги на юг. Я сам это видел, а важными делами, будучи на юге, Каприкорн занимается только в этой деревне! Он чувствует себя там в безопасности, как нигде. Там у него никогда еще не было проблем с полицией, там он может вести себя как маленький король, как будто

ему принадлежит целый мир. Там он пишет законы и может делать все, что ему заблагорассудится.

Сажерук улыбнулся. Это была горькая улыбка. «Если бы вы только знали! – говорила она. – Но вы вообще ничего не знаете и ничего не понимаете».

Мегги почувствовала, как ее душу снова заполнил черный страх. Он разрастался не от того, что сказал Сажерук, а от того, что он не сказал.

Элинор тоже, похоже, почувствовала это.

– Боже мой, перестаньте говорить так таинственно! – Ее резкий тон подрезал страху крылья. – Я спрашиваю еще раз: чем занимается этот Каприкорн? Как он зарабатывает деньги?

Сажерук сложил на груди руки.

– От меня вы больше ничего не узнаете. Спросите лучше его сами, раз уж я приведу вас в его деревню, что мне может стоить головы. Но с какой стати я должен рассказывать вам о Каприкорне? – Он покачал головой. – Нет! Я предупреждал отца Мегги, я советовал ему добровольно отдать книгу Каприкорну, но он меня не послушал. Если бы я его не предупредил, то люди Каприкорна схватили бы его еще раньше. Спросите Мегги! Она же была рядом, когда я говорил ему об этом! Хорошо, я рассказал ему не все, что знал. Ну и что? Я рассказываю как можно меньше о Каприкорне, я стараюсь вообще поменьше о нем думать, и, поверьте мне, когда вы с ним познакомитесь, вы меня поймете.

Элинор поморщила нос, будто такое предположение было просто нелепым, чтобы говорить о нем.

– Вы, конечно, не сможете сказать мне, почему он так охотится за этой книгой, верно? – сказала она, складывая карту. – Он что, коллекционер?

Сажерук провел пальцем по краю стола.

– Я скажу только следующее: он хочет получить эту книгу, и поэтому вам следовало бы ему отдать ее. Я помню случай, когда его люди на протяжении четырех ночей стояли перед домом одного человека только потому, что Каприкорн хотел получить его собаку.

– И он получил ее? – тихо спросила Мегги.

– Конечно, – задумчиво ответил Сажерук. – Поверь мне, ни один не сможет спать спокойно, если люди Каприкорна стоят под дверью его дома и ночи напролет смотрят в его окна. Чаще всего через несколько дней Каприкорн получает то, что хочет.

– Черт! – воскликнула Элинор. – Мою собаку он бы не получил.

Сажерук снова уставился на свои пальцы и улыбнулся.

– Не улыбайтесь так! – сказала ему Элинор. – Иди собирай вещи! – обратилась она к Мегги. – Через час мы отъезжаем. Наступит тот миг, когда ты снова обретешь отца, даже если я не хочу оставлять книгу этому типу. Я ненавижу, когда книги попадают в плохие руки.

Они сели в комби Элинор, хотя Сажерук настаивал на том, чтобы они ехали на автобусе Мо.

– Вздор, такое я еще никогда не водила, – сказала Элинор, передавая Сажеруку коробку, доверху наполненную провиантом. – Кроме того, Мортимер оставил автобус закрытым.

Мегги заметила, что у Сажерука уже был готов ответ и на это, но он проглотил его.

– А если нам нужно будет заночевать? – спросил он.

– О чем вы? Я рассчитываю самое позднее завтра утром быть снова дома, не люблю покидать свои книги больше чем на день.

Сажерук поднял глаза к небу, словно там он мог найти больше смысла, чем в словах Элинор. Он собирался сесть на заднее сиденье, но Элинор остановила его.

– Подождите, подождите, будет лучше, если вы поведете, – сказала она и сунула ему в руку ключи от машины. – Вы лучше знаете, как нам ехать.

Но Сажерук вернул ей ключи.

– Я не умею водить машину, – произнес он. – Сама поездка в автомобиле неприятна для меня, не говоря уже о том, чтобы его вести.

Элинор забрала у него ключи и, покачав головой, села за руль.

– Вы какой-то странный парень! – сказала она, а Мегги тем временем усаживалась на место рядом с водителем. – И я очень надеюсь, что вы знаете, где находится отец Мегги, а не то вам придется почувствовать, что не только этот Каприкорн способен вселять ужас.

Мегги открыла окно, когда Элинор завела мотор, и бросила взгляд на автобус Мо. Ей было больно оставлять его там – это было для нее хуже, чем покинуть какой-нибудь дом. Каким бы чужим ни было новое место, с Мо у нее всегда был рядом кусочек дома. А теперь и его она должна была оставить, и больше ничего родного для нее не было, кроме, пожалуй, одежды в рюкзаке. Еще она взяла с

собой некоторые вещи Мо и две его книги.

– Интересный выбор! – заявила Элинор, когда Мегги одолжила у нее для этих вещей старомодную сумку из темной кожи, которую можно было повесить на плечо. – Ты берешь с собой «Короля Артура и рыцарей Круглого стола» и «Фродо» с его восемью путешествиями. Неплохие спутники. Очень длинные повествования – то, что надо для поездки. Ты уже читала их?

Мегги кивнула.

– Много раз, – пробормотала она и еще раз провела рукой по переплетам, прежде чем положить книги в сумку. Она хорошо помнила день, когда Мо заново переплел одну из них.

– Только не смотри так мрачно! – сказала Элинор, взволнованно глянув на нее. – Вот увидишь, наша поездка будет недолгой.

Мегги была бы рада, если бы тоже была так уверена. Книга, одна из причин их поездки, лежала в багажнике, под запасным колесом, завернутая в целлофан.

– Не говори Сажеруку, где находится книга! – сказала Элинор и отдала книгу ей в руки. – Я все-таки ему не доверяю.

Но Мегги решила начать доверять Сажеруку. Ей хотелось доверять ему. Она должна была ему доверять. А кто еще мог привезти ее к Мо?

Деревня Каприкорна

Но на последний вопрос Зелиг ответил:

– Вероятно, он улетел в край по ту сторону темноты, куда не ступала нога человека и не забегал ни один зверь, где небо из меди, а земля из железа и где под шляпками грибов и в заброшенных кротовых норах обитают злые силы.

И. Б. Зингер. Сказочник Нафтали и его конь Сус

Солнце стояло высоко в небе, когда они отправились в дорогу. Вскоре в машине стало так душно, что к телу Мегги прилипла мокрая от пота футболка. Элинор открыла окно машины и передала ей бутылку воды. На ней была надета вязаная кофта, застегнутая до самого верха, и Мегги, перестав думать о Мо или Каприкорне, задалась вопросом о том, не вспотела ли она в такой одежде.

Сажерук так тихо сидел на заднем сиденье, что можно было даже забыть о нем. На коленях у него был Гвин. Зверек спал, а Сажерук гладил его не переставая. Время от времени Мегги посматривала на него. Он безучастно глядел в окно, будто мог смотреть сквозь горы и деревья, дома и обрывы, тянувшиеся вдоль дороги. Его взгляд казался совершенно пустым, словно он был где-то очень далеко. В какой-то момент Мегги обернулась и заметила у него на лице такую грусть, что тут же отвернулась.

Она тоже была бы не против подержать какого-нибудь зверька на коленях. Эта идея, наверное, прогнала темные мысли, поселившиеся в ее сознании. А за окном открывался большой мир: вздымались высокие горы, готовые своими отвесными скалами безжалостно сжать дорогу. Но страшнее гор были туннели. В них таились видения, которые даже Гвин не мог спугнуть. Наверное, они ждали в темноте Мегги, которая представляла Мо в каком-то темном холодном месте и Каприкорна… Мегги знала, что это был он, хотя каждый раз у него были разные лица.

Она попыталась читать, но вскоре заметила, что ничего не могла запомнить, поэтому, как Сажерук, стала смотреть в окно. Элинор выбирала небольшие, загруженные транспортом дороги.

– А не то можно просто умереть со скуки, – говорила она.

Мегги было все равно. Ей хотелось лишь добраться до места. Полная нетерпения, она рассматривала горы и дома. Иногда ей

удавалось бросить взгляд на незнакомцев из встречных машин, но их лица мгновенно уносились вдаль, словно книга, которую открыли и тут же закрыли. Проезжая через маленькую деревушку, на краю дороги они увидели мужчину, который приклеивал плачущей девочке на колено пластырь. Утешая ее, он погладил ее по голове, и Мегги подумала о Мо, о том, как часто он делал то же самое, как бегал по дому в поисках пластыря, и от этих воспоминаний у нее снова покатились слезы.

– Боже мой! Здесь тише, чем в погребальной камере пирамиды! – сказала Элинор.

Мегги обратила внимание на то, что она часто говорила: «Боже мой!»

– Хотя бы кто-нибудь сказал: «О, какой живописный ландшафт!» или «Какой прекрасный замок!». Еще полчаса гробовой тишины, и я засну прямо за рулем.

Ее кофта по-прежнему была застегнута на все пуговицы.

– Я не вижу никакого замка, – пробормотала Мегги.

Но прошло несколько минут, и Элинор указала ей на замок.

– Шестнадцатый век, – заявила она, когда на склоне горы показались разрушенные стены. – Трагическая история. Запретная любовь. Преследование, смерть, тоска.

Элинор рассказала о битве, которая разыгралась здесь сотни лет назад. («Копая между этими камнями, точно обнаружишь кости и погнутые шлемы».) Она знала историю каждой колокольни. Некоторые из ее рассказов были такими странными, что Мегги морщила лоб, слушая их.

– Так все и было, поверь мне! – говорила потом Элинор, не отрывая взгляда от дороги. Особенно она обожала кровавые истории: о несчастных влюбленных, казненных на эшафоте, о князьях, заживо замурованных в стенах. – В наше время все тихо и спокойно, – сказала она, закончив очередной рассказ, от которого Мегги побледнела, – но всегда где-то таится темная история. Несколько столетий назад жизнь была более захватывающей.

Мегги не могла понять, что захватывающего было во времена, когда у людей, как рассказывала Элинор, был единственный выбор между смертью от чумы и гибелью от рук проходящих через селение солдат. Но, увидев руины какого-нибудь замка, Элинор от возбуждения заливалась румянцем, а когда она заводила рассказ о воинственных князьях и жадных епископах, наводивших некогда

страх на жителей этих гор, через которые теперь вела асфальтированная дорога, в ее обычно тусклых глазах загорался огонек.

– Дорогая Элинор, очевидно, что вы родились не в своей истории, – заявил Сажерук после долгого молчания.

– Не в своей истории? Вы имеете в виду – не в свое время? Да, подобная мысль мне тоже приходила в голову.

– Называйте это как хотите, – сказал Сажерук. – В любом случае вы найдете общий язык с Каприкорном. Он тоже любит такие истории.

– Мне понимать это как оскорбление? – обиженно спросила Элинор.

Подобное сравнение, похоже, ей не понравилось, потому что она почти час молчала, и Мегги снова ничто не отвлекало от ее страхов перед ужасными видениями, поджидавшими ее в каждом туннеле.

Начало смеркаться, когда горы были уже позади и за зелеными холмами появилось море. Оно поблескивало в лучах заходящего солнца, как кожа красивой змеи. Когда-то давно Мегги видела холодное, серое море, из-за ветра казавшееся бесцветным. Это море было совсем другим.

Один вид его согревал Мегги сердце, но оно то и дело пропадало за уродливыми высокими домами, что занимали небольшое пространство между берегом и подножием холмов, которые кое-где не оставляли домам места, подходя близко к морю, и тогда море лизало их зеленые ноги. В свете заходящего солнца они напоминали разбившиеся о сушу волны.

Мчась по извилистой дороге вдоль побережья, Элинор снова начала рассказывать о римлянах, которые якобы построили эту дорогу, о страхе перед дикими жителями этой узкой полоски земли…

Мегги слушала ее одним ухом. На обочинах росли пальмы, колючие листья которых были покрыты пылью. Между ними цвели огромные агавы, мясистые листья делали их похожими на пауков. Небо, простиравшееся за ними, окрасилось в розовый и желтый цвет, а солнце садилось все ниже и ниже, и сверху, словно чернила, на нем появились темно-синие струйки ночи. Вид был таким красивым, что от умиления наворачивались слезы.

Мегги представляла себе местность, в которой жил Каприкорн, совсем другой. Красота и страх редко уживаются рядом.

Они ехали через небольшую деревню, мимо домов, которые были

такими пестрыми, словно их разрисовывали дети. Оранжевые, розовые и желтые: светло-желтые, темно-желтые, бледно-желтые, грязно-желтые – с зелеными ставнями и красно-коричневыми крышами. Даже опускавшиеся сумерки не могли окрасить их в темные цвета.

– Не похоже, чтобы в этих домах таилась опасность! – воскликнула Мегги, провожая глазами очередной розовый дом.

– Просто потому, что ты все время смотришь только налево, – сказал за ее спиной Сажерук.

Мегги стала смотреть на другую сторону. Сначала и там были только яркие дома. Они стояли на краю улицы, словно облокотившись друг на друга. Но вдруг дома пропали, и отвесные скалы, в складках которых уже гнездилась ночь, окаймляли дорогу. Да, Сажерук был прав, редкие дома, обреченные утонуть в опускавшейся тьме, наводили ужас.

Резко стемнело – на юге ночь наступает быстро, – и Мегги была рада, что Элинор вела машину по ярко освещенной дороге вдоль побережья. Но в конце концов Сажерук велел ей повернуть на дорогу, уходившую в темноту, – теперь и море, и пестрые дома остались позади.

Все теснее становилась долина, все больше холмов вздымалось со всех сторон, дорога то поднималась, то опускалась. Свет фар упал на заросли дрока, одичавшие виноградники и на оливковые деревья, которые скрючились, словно старички.

За все время пути им встретились только два автомобиля. Порой в темноте вспыхивали огни то здесь, то там разбросанных деревень. Но дороги, по которым они ехали, убегали в кромешную темноту. Несколько раз фары освещали обветшалые постройки, но Элинор не знала ни одной истории о них. В этих стенах жили не князья и не епископы в красных мантиях, а крестьяне и батраки, чьи истории никто не записал, а когда они исчезли, погребенные под диким тимьяном и бурно разросшимся молочаем, их забыли.

– Мы правильно едем? – спросила Элинор шепотом, будто мир вокруг нее погрузился в тишину, и она не хотела нарушать ее. – И где нам искать его деревню в этом богом забытом краю? По-видимому, мы уже дважды не там свернули.

Но Сажерук покачал головой.

– Мы едем в правильном направлении, – ответил он. – На той

стороне холма вы увидите дома.

– Я надеюсь! – пробормотала Элинор. – Пока я и дороги не вижу. Боже мой, похоже, во всем мире не сыщешь места темнее. А вы не могли заранее мне сказать, что это так далеко? Я бы еще раз заправилась. Не знаю, хватит ли нам бензина на обратную дорогу до побережья.

– А чья это машина? Моя? – раздраженно ответил Сажерук вопросом на вопрос. – Я уже говорил вам, что в этих вещах ничего не смыслю. Смотрите вперед. Скоро будет мост.

– Мост? – Элинор завернула еще раз и резко нажала на тормоза.

Посреди улицы, освещенной двумя строительными лампами, стояла заградительная решетка, которая была такая ржавая, словно она стояла там уже несколько лет.

– Вот вам пожалуйста! – крикнула Элинор и стукнула обеими руками по рулю. – Мы приехали не туда. Я ведь вам говорила!

– А вот и не так.

Сажерук снял Гвина с плеча и вышел из машины. Подойдя к решетке, он стал оглядываться и прислушиваться.

Мегги чуть не рассмеялась, посмотрев на ошеломленную Элинор.

– Этот парень, похоже, совсем из ума выжил, – прошептала она. – Если он думает, что в такую темень я поеду по закрытой дороге, то он ошибается.

Но она не выключала мотор, и, когда Сажерук дал ей знак, что можно ехать, она проехала вперед. Затем Сажерук вернул заграждение на прежнее место.

– Не смотрите на меня так! – сказал он, сев в машину. – Это заграждение всегда здесь стоит. Каприкорн приказал установить его на этом месте, чтобы избежать незваных гостей. Редко кто-то осмеливается заглянуть сюда. Многих отпугивают истории, которые распространяет Каприкорн по округе, но…

– Что за истории? – перебила его Мегги, хотя на самом деле она не хотела этого знать.

– Страшные истории, – ответил Сажерук. – Люди в этих местах суеверны, пожалуй как и повсюду. Любимая история здесь о том, что за этим холмом живет сам дьявол.

Мегги разозлилась на себя, но не могла оторвать глаз от темной вершины холма.

– Мо говорит, что дьявола люди сами придумали, – сказала она.

– Вполне может быть, – загадочно улыбнулся Сажерук. – Но это

ведь ты хотела знать, что здесь рассказывают. Говорят, людей, живущих в той деревне, не убить пулей, будто они могут ходить сквозь стены и в каждое новолуние крадут трех мальчиков, которых Каприкорн обучает воровству, поджогам и убийствам.

– Боже, кто же все это выдумал? Местные жители или сам Каприкорн? – Элинор склонилась над рулем: дорога была в выбоинах – пришлось ехать медленно, чтобы не попасть в одну из них.

– Они вместе. – Сажерук откинулся на сиденье и подставил Гвину свои пальцы, которые тот с удовольствием принялся грызть. – Каприкорн вознаграждает каждого, кто придумает новую историю. Единственный, кто не участвует в этой игре, – Баста, потому что он так суеверен, что обходит стороной всех черных кошек.

Баста. Мегги уже слышала это имя, но не успела расспросить о нем Сажерука. И он с удовольствием продолжал свой рассказ:

– А! Чуть не забыл! У всех, кто живет в этой проклятой деревне, конечно, дурной глаз, даже у женщин.

– Дурной глаз? – Мегги посмотрела на него.

– О да. Одного их взгляда достаточно, чтобы сделать человека смертельно больным. И уже через три дня он умирает.

– И кто во все это верит? – спросила Мегги.

– Дураки, – сказала Элинор и снова нажала на тормоза.

Машина заскользила по щебенке. Перед ними был мост, о котором говорил Сажерук. Серые камни бледно мерцали в свете фар, а пропасть внизу казалась бездонной.

– Вперед, вперед! – нетерпеливо выкрикнул Сажерук. – Он выдержит, даже если вам так не кажется!

– Он выглядит так, будто построен еще древними римлянами, – пробурчала Элинор. – И явно для ослов, а не для машин.

Мегги зажмурила глаза и открыла их только тогда, когда услышала, как под колесами снова захрустела щебенка.

– Каприкорн очень ценит этот мост, – тихо сказал Сажерук. – Ни одному вооруженному человеку не удастся пройти по нему незамеченным. Но, к счастью, сегодня ночью его никто не охраняет.

– Сажерук… – Мегги нерешительно повернулась к нему, в то время как автомобиль Элинор взбирался на последний холм. – А что нам сказать, если нас спросят, как мы нашли дорогу в эту деревню? Наверняка Каприкорну не понравится, что ты показал нам туда дорогу.

– Ты права, – сказал Сажерук, не глядя на Мегги. – Хотя, в конце

концов, мы привезем ему книгу.

Он поймал Гвина и заманил его куском хлеба в рюкзак. Как только стемнело, куница стала вести себя беспокойно – она хотела отправиться на охоту.

Когда они достигли гребня холма, мир вокруг них в мгновение растворился в ночи, но неподалеку виднелось несколько бледных четырехугольников – освещенных окон.

– Вот она, – сказал Сажерук, – деревня Каприкорна. Или, если хотите, деревня дьявола.

Он тихонько засмеялся.

– Эти истории, кажется, вам очень нравятся, – раздраженно сказала Элинор. – Кто знает, может быть, вы их сами придумали, а этот Каприкорн не кто иной, как коллекционер книг.

Сажерук промолчал. Он смотрел в окно, улыбаясь своей загадочной улыбкой, которую Мегги с большим удовольствием стерла бы с его губ, и на этот раз она выражала только одно: «Как же вы обе глупы!»

Элинор выключила мотор, и тишина, окружившая их, была поистине абсолютной, так что Мегги не осмеливалась вздохнуть. Она взглянула на освещенные окна. Прежде ей всегда казалось, что свет в окне зовет и приглашает внутрь, но этот свет был более зловещим, чем темнота вокруг.

– А в этой деревне есть какие-нибудь нормальные жители? – спросила Элинор. – Безобидные бабульки, дети, мужчины, которые не имеют ничего общего с Каприкорном…

– Нет, там живут только Каприкорн и его люди, – прошептал Сажерук, – и женщины, которые для них готовят, убирают и делают все, что они потребуют.

– Все, что они потребуют… Здорово! – фыркнула от отвращения Элинор. – Этот Каприкорн нравится мне все больше и больше. Ну, хорошо, давайте покончим с этим. Я хочу домой к своим книгам, хочу нормального освещения и чашку кофе.

– Неужели? Я думал, вы мечтаете о приключении!

«Если бы Гвин мог говорить, – подумала Мегги, – то у него был бы голос Сажерука».

– Я бы чувствовала себя лучше, если бы светило солнце, – резко возразила ему Элинор. – Господи, как я ненавижу эту тьму, но если мы здесь задержимся, то мои книги покроются плесенью, и даже Мортимер им не поможет. Мегги, пойди принеси сверток. Ты знаешь,

о чем я.

Мегги кивнула и только хотела открыть дверь, как ее ослепил яркий свет. Кто-то стоял у двери водителя – лицо невозможно было рассмотреть – и освещал машину фонарем, а потом стукнул им со всего размаха по лобовому стеклу.

От испуга Элинор так вздрогнула, что ударилась коленом о руль, но тут же пришла в себя. Сыпля проклятиями и потирая болевшую ногу, она открыла окно.

– Что все это значит? – крикнула она незнакомцу. – Вы что, хотите нас напугать до смерти? Не боитесь, что в такой кромешной тьме на вас наедут?

Вместо ответа незнакомец просунул в окно ствол ружья.

– Здесь частное угодье! – сказал он, и Мегги показалось, что она узнала кошачий голос из библиотеки Элинор. – А вы не боитесь, что вас могут пристрелить за вторжение в частные владения?

– Я сейчас все объясню! – произнес Сажерук.

– Вы только посмотрите – Сажерук! – Незнакомец убрал ружье. – Какого черта ты заявляешься сюда посреди ночи?

Элинор обернулась и с недоверием посмотрела на Сажерука.

– Я и не знала, что вы находитесь на дружеской ноге с этими дьяволами! – изумленно сказала она.

Но Сажерук уже вышел из машины. Мегги тоже показалось странным, что эти двое так дружелюбно шептались. Она вспомнила о том, что рассказал ей Сажерук о людях Каприкорна. Как после тех слов он мог разговаривать с одним из них? Как ни напрягала Мегги слух, она не услышала, о чем они говорили, но уловила, что Сажерук назвал незнакомца Бастой.

– Это мне совсем не нравится! – прошептала Элинор. – Посмотри на них – общаются так, словно наш друг спичкоглотатель здесь свой человек!

– Вероятно, он знает, что они ничего ему не сделают, потому что мы везем книгу! – прошептала Мегги.

У незнакомца было две овчарки. Они обнюхали Сажерука и уткнулись в него своими мордами, виляя хвостами.

– Смотри! – прошептала Элинор. – Даже для проклятых собак он свой. Что, если…

Тут Баста внезапно открыл дверцу водителя.

– Выходите, – приказал он.

Элинор спустила ноги из машины, Мегги вышла и встала рядом с

ней. Она еще никогда не видела человека с оружием. Сердце готово было вырваться у нее из груди.

– Слушайте, мне вовсе не нравится ваш тон! – набросилась на Басту Элинор. – Наша поездка была очень изнурительной, и мы приехали в эту глушь, чтобы отдать вашему шефу, или боссу, или как там вы его называете, то, что он мечтает получить, поэтому ведите себя подобающе.

Баста бросил в ее сторону такой пренебрежительный взгляд, что Элинор тяжело вздохнула, а Мегги непроизвольно сжала пальцы в кулак.

– Откуда ты ее взял? – спросил Баста и снова повернулся к Сажеруку, который стоял с таким безучастным видом, как будто все происходившее его вовсе не касалось.

– Ей принадлежит дом, ну, ты же знаешь… – Сажерук говорил тихо, но Мегги слышала, что он говорил: – Я не хотел брать ее с собой, но она упряма.

– Могу себе представить! – Баста еще раз посмотрел на Элинор и перевел взгляд на Мегги. – А это никак дочурка Волшебного Языка, да? Не очень-то она на него похожа.

– Где мой отец? – спросила Мегги. – Что с ним?

Она произнесла эти слова так хрипло, будто давно ничего не говорила.

– О, у него все хорошо, – ответил Баста, глядя на Сажерука. – Хотя его можно вполне назвать Свинцовым Языком – так мало он говорит.

Мегги прикусила себе губы.

– Мы хотим его забрать, – сказала она. На этот раз она говорила высоким, но слабым голосом, хотя старалась говорить в манере взрослых. – Книга у нас, но Каприкорн получит ее только тогда, когда выпустит моего отца на свободу.

Баста снова повернулся к Сажеруку:

– Она почему-то напоминает мне своего отца. Посмотри, как шевелит губами, да и взгляд. Да, родство налицо.

Он говорил веселым голосом, но выражение его лица было совсем другим, когда он посмотрел на Мегги. У него было узкое лицо с грубыми чертами, он то и дело щурил близко посаженные глаза, как будто так мог лучше видеть.

Баста не отличался высоким ростом, плечи его были не шире мальчишеских, тем не менее у Мегги перехватило дыхание, когда он

сделал шаг в ее сторону. Она еще никогда никого так не боялась, и причиной этому было вовсе не ружье в его руках – в нем самом было что-то злое, яростное…

– Мегги, возьми сверток из багажника. – Элинор прикрыла собой Мегги, как только Баста попытался задержать ее. – В нем нет ничего опасного! – раздраженно сказала она. – Только то, из-за чего мы сюда приехали.

Баста подтянул к себе собак, сильно дернув за поводки, и собаки взвизгнули.

– Мегги, послушай меня! – прошептала Элинор, когда они оставили машину и отправились следом за Бастой по обрывистой тропе, ведущей к домам. – Отдавай книгу только тогда, когда они приведут к нам твоего отца, поняла?

Мегги кивнула и крепко прижала к груди целлофановый пакет с книгой. За кого Элинор ее принимала? С другой стороны, как можно не выпустить книгу из рук, если Баста станет вырывать ее? Но эту мысль Мегги решила оставить…

Ночь стояла душная. Небо над черными холмами было усеяно звездами. Тропа, по которой Баста вел их вниз, была каменистой и такой темной, что Мегги не видела своих ног, но каждый раз, когда она спотыкалась, ее ловила за руку то Элинор, шедшая рядом, то Сажерук, следовавший за ней словно тень. Гвин сидел у него в рюкзаке, и собаки Басты чуяли запах зверя.

Над старыми домами из серого, грубо отесанного камня вздымалась колокольня. Многие дома пустовали. Улочки были такими узкими, что Мегги, казалось, не хватало воздуха, так трудно стало дышать. У некоторых домов не было крыши, от других остались лишь полуобвалившиеся стены. В деревне Каприкорна горело только несколько фонарей, которые свисали с арок, перекрывавших улочки. Наконец они пришли на узкую площадь. На одной стороне площади высилась колокольня, которую Мегги заметила издалека, а рядом с ней находился двухэтажный дом, в котором не было ничего примечательного. Площадь освещалась лучше, чем вся деревня, – сразу четыре фонаря рисовали зловещие тени на мостовой.

Баста подвел их к большому дому, в котором из трех окон на втором этаже лился свет. Был ли там Мо? Мегги прислушивалась к каждому шороху, пытаясь найти ответ, но единственное, о чем

рассказали ей удары ее сердца, был страх. Страх и волнение.

Выполненное задание

– Да нет никакого смысла его искать, – прорычал бобер.

– Это еще что значит? – спросила Сузи. – Он же не может уйти далеко! Мы должны найти его! Почему вы утверждаете, что нет смысла его искать?

– Потому что совершенно ясно, где он, – ответил бобер. – Разве вы не понимаете? Он же к ней пошел, к Белой Колдунье. И он нас предал!

К. С. Льюис. Хроники Нарнии

Мегги сотню раз рисовала себе лицо Каприкорна, с того времени, как Сажерук впервые рассказал о нем: и по дороге к дому Элинор, когда Мо сидел с ней рядом, и в той огромной кровати, и, наконец, по дороге сюда. Сто, да что там – тысячу раз пыталась она представить его себе, призывая в помощники всех злодеев, которые встречались ей в любимых книгах: Крюка, горбоносого и тощего, долговязого Джона Сильвера, вечно с притворной улыбкой на губах, индейца Джо с его ножом и сальными черными волосами, которого она столько раз встречала в плохих снах…

Но Каприкорн выглядел совсем иначе.

Мегги быстро сдалась, считая двери, мимо которых они проходили, пока Баста не остановился перед одной из них, но она подсчитала всех мужчин, одетых в черное. Их было четверо, они топтались в коридоре со скучающими лицами. Рядом с каждым к стене, выкрашенной белой известкой, было прислонено ружье. В облегающих черных костюмах они были похожи на грачей на пашне. Один Баста был в белой рубашке – белоснежной, как сказал бы Сажерук, а к воротнику его куртки, словно предупреждение, был приколот красный цветок.

Таким же красным был домашний халат Каприкорна. Он сидел в кресле, когда вошел Баста с тремя ночными посетителями, а перед ним на коленях стояла женщина и подстригала ему ногти на ногах. Кресло казалось для него слишком маленьким. Каприкорн был высокий, выглядел он изможденным: кожа как будто слишком туго обтягивала его кости, и она была бледнее листа неисписанной бумаги, а на голове – короткий ежик волос. Мегги не могла сказать, седые они или светлые.

Он поднял голову, когда Баста открыл дверь. Глаза у него были почти такие же бесцветные, как и все остальное, – тусклые, как серебряные монеты. Женщина у его ног тоже бросила взгляд на вошедших, но потом вновь склонилась над своей работой.

– Прошу прощения, но прибыли те, кого вы ждали, – сказал Баста. – Мне показалось, что вы хотели поговорить с ними немедленно.

Каприкорн откинулся на спинку кресла и мельком взглянул на Сажерука. Потом перевел свои ничего не выражающие глаза на Мегги. Она невольно еще крепче прижала к груди пакет с книгой. Каприкорн пристально посмотрел на пакет, как будто знал, что в нем спрятано. Он подал знак женщине у его ног, та неохотно выпрямилась, поправила свое угольно-черное платье и бросила на Мегги и Элинор взгляд, лишенный любезности. Она была похожа на старую сороку: седые, зализанные назад волосы да острый нос, так не подходивший к ее маленькому морщинистому лицу. Слегка кивнув в сторону Каприкорна, она покинула зал.

В просторном зале мебели стояло немного: длинный стол, восемь стульев, шкаф да тяжеловесный буфет. Не было ни одной лампы, только свечи, десятки свечей в тяжелых серебряных подсвечниках. Мегги показалось, что они наполняют зал не светом, а тенью.

– Где она? – спросил Каприкорн. Мегги невольно отпрянула, когда он отодвинул свое кресло и поднялся. – И не говори мне, что на этот раз вы привезли мне только девочку.

Голос у него был выразительнее лица – он был тяжел и мрачен, и Мегги возненавидела его с первого же слова.

– Она привезла ее с собой, – ответил Сажерук, прежде чем Мегги успела среагировать. Глаза его беспокойно блуждали от свечи к свече, пока он говорил, как будто их танцующие огоньки были единственным, что его занимало. – Ее отец и правда не знал, что взял не ту книгу. Вот эта его так называемая приятельница, – Сажерук показал на Элинор, – заменила книгу без его ведома! Мне кажется, она одними буквами питается. У нее их целый дом. Ей явно лучше с ними, чем в обществе людей. – Слова слетали с губ Сажерука так поспешно, словно он хотел от них избавиться. – Я ее с самого начала терпеть не мог, но вы же знаете нашего приятеля Волшебного Языка – он всегда думает хорошо о людях. Он бы и самому черту поверил, улыбнись тот ему по-дружески.

Мегги обернулась к Элинор. Та стояла как будто проглотив язык. Угрызения совести большими буквами были написаны у нее на лбу.

Все объяснения Сажерука Каприкорн удостоил одним кивком. Он затянул потуже пояс халата, заложил руки за спину и медленно подошел к Мегги. Девочка изо всех сил старалась не отстраниться и посмотреть в его бесцветные глаза твердо и храбро, но страх зашнуровал ей горло. Это же надо – так перетрусить! Она попробовала вспомнить хоть какого-нибудь героя, хоть из одной своей книжки, влезть в его шкуру, чтобы почувствовать себя сильнее, больше ростом, бесстрашнее… Почему ей вспоминались только сказки про страшное, пока Каприкорн рассматривал ее? Ведь ей всегда так легко удавалось исчезать в незнакомых местах, перевоплощаться в животных и людей, существовавших лишь на бумаге. Почему же сейчас она не может этого сделать? Потому что она боялась. «Потому что страх убивает все, – сказал ей однажды Мо. – Рассудок, сердце, а уж фантазию – и подавно».

Мо… Где же он? Мегги искусала все губы, чтобы они не дрожали, но знала, что страх сидит в ее глазах и что Каприкорн его видит. Как ей хотелось сейчас, чтобы сердце стало у нее ледяным, а губы – насмешливыми, а не дрожащими губами ребенка, у которого отняли папу!

Еще никто и никогда не смотрел на нее так. Мегги чувствовала

себя мухой, которая приклеилась к липкой бумажке и ждет лишь, когда ее прихлопнут.

– Сколько ей лет? – Каприкорн оглянулся на Сажерука, как бы не доверяя Мегги ответить самой.

– Двенадцать! – сказала она звонко. Говорить дрожащими губами было нелегко. – Мне двенадцать. А теперь я хочу знать, где мой отец.

Каприкорн будто и не услышал ее.

– Двенадцать? – повторил он своим мрачным голосом, тяжело резавшим слух. – Еще два-три года, и она станет симпатичной, полезной штучкой, только кормить ее надо получше.

Он сдавил ей руку длинными пальцами в золотых кольцах – на одной руке было сразу три. Мегги попыталась вырваться, но Каприкорн крепко держал ее, глядя на нее своими бесцветными глазами, как рыбу, несчастную трепещущую рыбку.

– Отпустите девочку!

Вот когда Мегги впервые порадовалась, что голос Элинор мог звучать так жестко. И Каприкорн отпустил ее руку.

Элинор встала за Мегги и положила руки ей на плечи.

– Я не знаю, что здесь происходит! – набросилась она на Каприкорна. – Не знаю, кто вы и что вы и эти люди с ружьями творите в этой забытой богом деревне, да меня это и не интересует. Я здесь, чтобы эта девочка вновь обрела отца. Мы передадим вам книгу, которая так важна для вас, – пусть даже у меня по ней вся душа болит, – но вы получите ее обратно только после того, как отец Мегги закроет изнутри дверь моей машины. А если он по какой-либо причине захочет еще здесь задержаться, то мы хотели бы услышать это от него самого.

Каприкорн, не проронив ни слова, повернулся к ней спиной.

– Зачем ты привез с собой эту женщину? – спросил он у Сажерука. – Я же сказал: девочку и книгу.

Мегги сверлила Сажерука взглядом.

«Девочку и книгу». Эхо этих слов звенело в ее голове снова и снова. Мегги попыталась посмотреть в глаза Сажеруку, но он уклонился от ее взгляда, как будто мог сгореть от него. Как больно было чувствовать себя такой идиоткой. Такой ужасной, кошмарной идиоткой.

Сажерук присел на край стола и пальцами сжал одну из горящих свечей – очень мягко, очень медленно, как будто ожидая боли, маленького укуса пламени.

– Я уже объяснил Басте: милейшая Элинор и слышать ничего не хотела о том, чтобы мы уехали вдвоем, – сказал он. – Она никак не отпускала со мной девочку одну, да и книгу она выдала сопротивляясь.

– Разве я была не права? – спросила Элинор так громко, что Мегги вздрогнула. – Мегги, ты только послушай его, этого пожирателя спичек с раздвоенным языком! Полицию мне звать надо было, когда он появился. А вернулся он из-за книги, только из-за нее!

«И из-за меня», – подумала Мегги. «Девочку и книгу».

Сажерук притворился, что очень занят вытаскиванием какой-то нитки из рукава своего пальто, но его руки, обычно такие ловкие, дрожали.

– А вы! – Элинор уперла указательный палец почти в грудь Каприкорна. Баста сделал шаг вперед, но Каприкорн жестом остановил его. – Я и правда пережила немало из-за книг. У меня уже не одну книгу украли, к тому же я не могу утверждать, что все книги на моих полках попали туда законным путем. Может быть, вы знаете такую цитату: «Все коллекционеры книг – падальщики и охотники»? Но вы, кажется, и впрямь самый сумасшедший из них. И меня удивляет то, что я про вас никогда раньше не слышала. Где ваша коллекция? – Она окинула большой зал ищущим взглядом. – Не вижу ни одной книги.

Каприкорн сунул руки в карманы халата и подал знак Басте.

Не успела Мегги понять, что происходит, как тот вырвал пакет у нее из рук, открыл его и недоверчиво заглянул внутрь, как будто ожидал увидеть там змею или еще что-нибудь кусающее, а потом вынул оттуда книгу.

Каприкорн взял ее, но Мегги не смогла прочесть на его лице что-нибудь подобное той нежности, с какой Элинор или Мо рассматривали любую книгу. Нет, на лице Каприкорна не было ничего, кроме отвращения… и облегчения.

– Они обе ничего не знают?

Каприкорн раскрыл книгу, полистал ее и закрыл. Это была она, Мегги поняла это по его лицу. Это была именно та книга, которую он искал.

– Нет, они ничего не знают. – Сажерук так напряженно смотрел в окно, словно там было гораздо больше интересного, чем просто непроглядная черная ночь. – Отец ничего ей не рассказывал, вот почему я этим и занялся.

Каприкорн кивнул.

– Отведи их на задний двор! – приказал он Басте, который все еще стоял рядом с ним с пустым пакетом в руках.

– Это еще что значит? – начала Элинор, но Баста уже потащил ее и Мегги за собой.

– Это значит, что я вас, милых пташек, запру на ночь в одной из наших клеток, – сказал Баста, подталкивая их ружьем в спину.

– Где мой папа? – закричала Мегги, услышав, как собственный голос зазвенел в ее ушах. – У вас же теперь есть книга! Что вам еще от него надо?

Каприкорн не спеша подошел к свече, которую погасил Сажерук, провел указательным пальцем по фитилю и осмотрел сажу.

– Что мне надо от твоего отца? – сказал он, не поворачиваясь к Мегги. – Я хочу оставить его здесь, что же еще? Похоже, ты не знаешь, каким выдающимся талантом он обладает. До сих пор Волшебный Язык не желал поступить ко мне на службу, как ни старался Баста уговорить его. Но сейчас, когда Сажерук привез тебя, он будет делать то, что я потребую. В этом я абсолютно уверен.

Мегги попыталась отпихнуть Басту, но тот взял ее за шкирку, как курицу, которой хотел свернуть шею, а когда Элинор кинулась ей помочь, он небрежно направил ей в грудь ружье и подтолкнул Мегги к двери.

Обернувшись, она увидела, что Сажерук по-прежнему стоял у большого стола и смотрел на нее, но на этот раз не улыбался. «Извини! – казалось, говорили его глаза. – Я должен был это сделать. Я могу все объяснить!»

Но Мегги ничего не хотела понимать. И уж совсем не собиралась его извинять.

– Да чтоб ты подох! – кричала она, пока Баста тащил ее из комнаты. – Чтоб ты сгорел! Чтоб ты в собственном огне задохнулся!

Баста смеялся, закрывая дверь.

– Нет, вы только послушайте эту маленькую кошку! – говорил он. – Мне кажется, что тебя надо остерегаться.

Счастье и несчастье

Была глубокая ночь. Бинго не мог спать. Пол был жесткий, но к этому он привык. Одеяло у него было грязное и отвратительно пахло, но он и к этому был привычен. В голове у него вертелась песенка, и он никак не мог избавиться от нее. Это была триумфальная песнь спирали.

М. де Ларрабейти. Борриблы-2. В лабиринте спирали

Клетки – как назвал их Баста, – которые Каприкорн держал наготове для незваных гостей, располагались за церковью, на асфальтированной площадке, где стояли контейнеры для мусора и бочки вперемешку с горами строительного хлама. В воздухе витал легкий запах бензина. Светлячки, бесцельно летавшие в ночи, казалось, и сами не знали, как их занесло на это место. За контейнерами с мусором стояли полуразвалившиеся дома. Вместо окон в их серых стенах зияли дыры. Несколько трухлявых ставней едва висели на петлях, и казалось, малейший порыв ветра вот-вот сорвет их. Лишь на первом этаже двери были покрашены в грязно-коричневый цвет, а на них неровно, как будто детской рукой, были нарисованы цифры. На последней двери, насколько Мегги

смогла разобрать в темноте, была цифра 7.

Баста подвел их к номеру четыре. На мгновение Мегги почувствовала облегчение оттого, что он все-таки не имел в виду настоящую клетку, хотя дверь в глухой, лишенной окон стене выглядела совершенно непривлекательно.

– Это все курам на смех! – бранилась Элинор, пока Баста отпирал замок и отодвигал засовы на двери. Он привел с собой подкрепление – тощего мальчишку, одетого в такую же черную форму, как мужчины в деревне Каприкорна, которому явно доставляло удовольствие угрожающе наставлять ружье на Элинор всякий раз, когда она открывала рот. Но заставить ее замолчать это не помогало. – Во что это вы тут играете? – ругалась она, не отводя взгляд от дула ружья. – Я слышала, что эти горы с давних времен служили приютом разбойникам, но мы с вами в двадцать первом веке живем, ребята! В наше время посетителей винтовкой прочь не гонят, даже такие сопляки, как вон тот…

– Насколько я знаю, и в этом дивном веке творят все то же, что и прежде, – ответил Баста. – А тот сопляк как раз в нужном возрасте, чтобы поступить к нам в учение. Я еще моложе был.

Он пинком отворил дверь. Темнота за ней была еще чернее, чем ночь во дворе. Баста втолкнул сначала Мегги, потом Элинор и с грохотом захлопнул за ними дверь.

Мегги услышала, как в замке повернулся ключ, как Баста что-то сказал, а мальчишка рассмеялся и как звучали их удаляющиеся шаги. Она стала шарить руками по сторонам, пока не коснулась стены. Мегги даже не могла понять, где Элинор, но слышала, как та ругалась где-то рядом.

– В этой дыре что, нет даже проклятого выключателя? Черт побери, мне кажется, я провалилась в какой-нибудь скверно написанный приключенческий роман, где, поигрывая ножичком, бродят злодеи с черной повязкой на глазу.

Элинор любила браниться, это Мегги уже успела заметить, и чем больше она взвинчивалась, тем сильнее ругалась.

– Элинор? – позвал кто-то из тьмы.

Радость и испуг сразу прозвучали в одном слове.

Мегги так быстро обернулась, что запнулась нога об ногу.

– Мо?

– О нет! Мегги! Как ты сюда попала?

– Мо! – Мегги, спотыкаясь, пошла в темноте на голос Мо.

Чья-то рука схватила ее за плечо, пальцы пробежались по лицу.

– Ну, наконец-то! – Под потолком загорелась лампочка без абажура, и самодовольная Элинор убрала палец с пыльного выключателя. – Электрический свет и впрямь сказочно прекрасное изобретение! – сказала она. – По крайней мере, это явный прогресс по сравнению с другими столетиями, вы не находите?

– Что вы здесь делаете, Элинор? – спросил Мо, прижимая Мегги к себе. – Как ты могла допустить, чтобы они привели ее сюда?

– Как я могла это допустить? – Голос Элинор пресекся. – А я не набивалась в няньки к твоей дочери. Я знаю, как ухаживать за книгами, но дети, черт меня возьми, – это совсем другое дело. Она же по тебе вся извелась! Хотела идти искать тебя! И что делает дурная Элинор, вместо того чтобы спокойно оставаться дома? Ну, не могу же я отпустить девочку одну, думаю я. И вот что я получаю за свое благородство! Мне говорят гадости, держат на мушке, а теперь еще и ты упрекаешь…

– Ладно, ладно! – Мо оглядел Мегги с ног до головы.

– У меня все хорошо, Мо! – сказала Мегги, хотя голос у нее немного дрожал. – Правда!

Мо кивнул и посмотрел в сторону Элинор.

– Вы принесли книгу Каприкорну?

– Естественно! Ты бы тоже ему ее отдал, если бы я…

– Если бы ты ее не подменила, – закончила за нее Мегги. Она взяла Мо за руку и сжала ее. Ей все еще не верилось, что они снова вместе и он жив-здоров, вот только на лбу окровавленная царапина, почти незаметная за его темными волосами. – Они били тебя? – Мегги заботливо погладила ранку.

Мо улыбнулся, хотя сейчас ему было невесело.

– Это пустяки. Все нормально! Не волнуйся.

Мегги не сочла это ответом, но больше не спрашивала.

– Как вы сюда добрались? Каприкорн еще раз послал туда людей?

Элинор покачала головой.

– Нет, – горько сказала она. – Твой дружок все устроил сам. Хорошую змею привел ты в мой дом. Сначала он предал тебя, а потом преподнес этому Каприкорну еще и книжку да дочку твою в придачу, на подносике. «Девочку и книгу», – мы только что слышали это от самого Каприкорна, это было его задание для пожирателя спичек. И тот его исполнил, к вящей радости Каприкорна.

Мегги положила руку Мо себе на плечо и спрятала лицо у него на груди.

– Девочку и книгу? – Мо прижал к себе Мегги. – Естественно. Теперь Каприкорн может быть уверен в том, что я сделаю все, что он потребует. – Мо повернулся и похромал к соломенному тюфяку, лежавшему в углу на полу. Вздохнув, он уселся на него, прислонился спиной к стене и на мгновение закрыл глаза. – Н-да, теперь мы, видимо, квиты с Сажеруком, – сказал он. – Хотя я и задаю себе вопрос: как заплатит ему Каприкорн за предательство?

– Квиты? Что ты имеешь в виду? – Мегги присела рядом с отцом. – И что ты должен сделать для Каприкорна? Что он от тебя хочет, Мо?

Солома была влажной и не очень пригодной для сна, но это было все-таки лучше, чем каменный пол.

Мо молчал целую маленькую вечность, разглядывая голые стены, запертую дверь и грязный пол.

– Мне кажется, наступает время рассказать тебе всю историю, – сказал он наконец. – Хоть я и хотел рассказать тебе ее не в таком безутешно-печальном месте и тогда, когда ты станешь немножко постарше…

– Мне двенадцать лет, Мо!

Почему взрослые думают, что дети лучше переносят тайны, чем правду? Разве они не знают про мрачные истории, которые плетешь себе сам, чтобы объяснить тайну? И лишь позже, когда у Мегги уже появились свои дети, она поняла, что бывает такая правда, которая до краев наполняет сердце отчаянием, и что о ней не любят рассказывать, особенно своим детям, если нет в запасе хоть чего-нибудь, дающего надежду и прогоняющего отчаяние.

– Садись, Элинор! – сказал Мо и чуть подвинулся. – Это долгая история.

Элинор вздохнула и церемонно присела на мокрую солому.

– Это все неправда! – пробормотала она. – Это все не может быть правдой.

– Я так уже девять лет думаю, Элинор, – сказал Мо. И он начал рассказывать.

Тайное становится явным

Он взял книгу.

– Я почитаю тебе вслух. Для развлечения.

– А в ней про спорт есть?

– Фехтование. Борьба. Пытки. Яды. Истинная любовь. Ненависть. Месть. Великаны. Охотники. Злые люди. Добрые люди. Прекрасные дамы. Змеи. Пауки. Болезни. Смерть. Храбрые люди. Трусливые люди. Люди сильные, как медведи. Погоня. Побег. Ложь. Истина. Страсти. Удивление.

– Звучит неплохо, – сказал я.

У. Голдман. Принцесса-невеста

– Тебе было тогда три года, Мегги, – начал Мо. – Помню, мы праздновали твой день рождения. Я подарил тебе книжку с картинками. Ну, ту, с морским змеем, у которого болели зубы, и тогда он обвился вокруг маяка…

Мегги кивнула. Эта книжка лежала в ее сундучке и уже дважды наряжалась в новое платье.

– Мы? – спросила она.

– Я и твоя мама. Уже тогда я не мог пройти мимо книжного магазина. Дом, в котором мы жили, был очень мал – мы звали его коробкой из-под обуви, мышиным домиком, как только мы его не называли, – но в тот день я опять купил целый ящик книг в одном букинистическом магазине. Элинор, – он бросил на нее взгляд и улыбнулся, – некоторые из них тебе очень понравились бы. И книга Каприкорна тоже была там.

– Это была его книга? – Мегги удивленно посмотрела на Мо, но он покачал головой.

– Нет, не в том дело, но… Давай все по порядку. Мама твоя вздохнула, увидев новые книги, и поинтересовалась, куда нам их опять ставить, но потом, естественно, принялась помогать мне их расставлять. В то время я всегда что-нибудь читал ей вслух по вечерам.

– Ты читал вслух?

– Да. Каждый вечер. Твоей маме это нравилось. В тот вечер она выбрала «Чернильное сердце». Ей всегда очень нравились сказки и приключения, истории, полные блеска и тьмы. Она могла перечислить тебе имена всех рыцарей короля Артура, знала все-все про Беовульфа и Гренделя, про древних богов и не таких уж древних героев. Истории про пиратов она тоже любила, но милее всего были ей такие, в которых был хоть один рыцарь, дракон или фея. И между прочим, она всегда была на стороне дракона. Правда, драконов в «Чернильном сердце» не было, но зато уж в избытке и блеска, и тьмы, а про фей и кобольдов и говорить нечего!.. Кобольдов твоя мама тоже обожала: и брауни, и бука бусов, и фенодиров, и фолетти с их бабочковыми крыльями – она их всех знала. Ну вот, мы выдали тебе стопку книжек с картинками, удобно уселись рядом с тобой на ковре, и я начал читать.

Мегги прислонилась головой к плечу Мо и уставилась на голую стену. На грязной побелке она увидела себя такую, как на старых фотографиях: маленькую, с пухленькими ножками, светловолосую, перебиравшую своими маленькими пальчиками страницы книжек с картинками. Так было всегда, когда Мо что-то рассказывал: Мегги видела картинки, живые картинки.

– Сказка нам понравилась, – продолжал отец. – Она была занимательна, хорошо написана и населена странными существами. Твоей маме нравилось, когда книга увлекала ее в неизвестность, и мир, в который ее звало «Чернильное сердце», пришелся ей по нраву. Порой история становилась очень мрачной, и всякий раз, когда начиналось особенно интересное, твоя мама подносила палец к губам, и я читал тише, даже если мы были уверены в том, что ты была занята своими книжками, чтобы слушать страшную историю, смысл которой тебе все равно было не понять. За окнами давно стемнело, – я помню все, как будто это было вчера, – стояла осень, и из окон дуло. Мы развели огонь в очаге – в «коробке из-под обуви»

не было центрального отопления, зато в каждой комнате была печка, – и я начал седьмую главу. Тут все и случилось…

Мо замолчал. Он смотрел куда-то в сторону, будто забывшись, потерявшись в собственных мыслях.

– Что? – прошептала Мегги. – Что случилось, Мо?

Отец посмотрел на нее.

– Они вышли наружу, – сказал он. – Вдруг откуда ни возьмись они оказались здесь, у двери в коридор, как будто зашли с улицы. Когда они повернулись к нам, что-то зашелестело, словно кто-то разворачивал лист бумаги. У меня на губах были их имена: Баста, Сажерук, Каприкорн. Баста держал Сажерука за шкирку, как щенка, когда его трясут, если он чего-то натворил. Каприкорн уже тогда очень любил носить красное, но в то время он был на девять лет моложе и не такой худой, как сейчас. У него был меч, а я его прежде ни разу вблизи не видел. У Басты на поясе тоже висел меч и еще нож, а Сажерук… – Мо покачал головой. – Ну, у него при себе, естественно, не было ничего, кроме куницы с рожками, он ее фокусами на хлеб зарабатывал. Не думаю, чтобы хоть кто-то из них понял, что случилось. Я и сам гораздо позже в этом разобрался. Мой голос заставил их выпасть из сказки, как закладку, забытую кем-то меж страниц. Как им было понять такое?

Баста так грубо отпихнул от себя Сажерука, что тот упал, и хотел уже обнажить свой меч, но в его руках, белых как бумага, силы явно не было. Меч выскользнул у него из рук и упал на ковер. Было такое ощущение, что на клинке запеклась кровь, но возможно, на нем лишь играли отблески огня. Каприкорн стоял и озирался. Казалось, у него голова шла кругом, он пошатывался, как дрессированный медведь, который слишком долго танцевал и крутился в одну сторону. Может быть, это нас и спасло, по крайней мере, так всегда утверждал Сажерук. Если бы Баста и его господин набрались сил, они бы нас, возможно, убили. Но они еще не совсем прибыли в наш мир, и я схватился за меч, который лежал на ковре между моими книгами. Он оказался гораздо тяжелее, чем я себе представлял. Выглядел я с этой штукой, наверное, ужасно смешно – вероятно, взял его наперевес, как пылесос или палку. И все же, когда Каприкорн, пошатываясь, приблизился ко мне, я направил на него клинок, и он остановился. Запинаясь, я попытался объяснить ему, что произошло, хотя и сам этого не понимал, но Каприкорн лишь пялил на меня свои водянистые глаза, а Баста стоял рядом с ним, положив руку на свой

ножичек, и, казалось, ждал, что его повелитель прикажет перерезать всем нам глотки.

– А пожиратель спичек? – охрипшим голосом спросила Элинор.

– Он сидел на ковре, как оглушенный, и не произносил ни звука. О нем я даже не думал. Если открыть коробку, в которой две змеи и ящерица, ты ведь сначала позаботишься о змеях, не так ли?

– А моя мама? – едва прошептала Мегги: она не привыкла произносить это слово.

Мо посмотрел на нее.

– Я нигде не мог ее найти! Ты все еще сидела среди своих книжек и огромными глазами смотрела на чужаков, которые стояли в нашем доме, на их тяжелые сапоги и оружие. Я за вас обеих ужасно боялся, но, к моему облегчению, ни Баста, ни Каприкорн не обращали на тебя ни малейшего внимания. «Довольно болтать! – сказал наконец Каприкорн, пока я путался в собственных словах. – Меня не интересует, каким образом я попал в это жалкое место, но сию же секунду верни нас обратно, проклятый колдун, или Баста отрежет твой болтливый язык». Звучало это не очень-то обнадеживающе, да к тому же уже в первых главах я прочитал о них немало и знал, что у Каприкорна слово не расходится с делом. У меня даже голова закружилась, так отчаянно я размышлял над тем, как закончить этот кошмар. Я поднял книгу – возможно, если еще раз прочесть с этого места… Я решил так и сделать. Пока я спотыкался на словах, Каприкорн разглядывал меня, а Баста вынимал из-за пояса нож. И ничего не случилось. Оба так и стояли в моем доме и не делали ни малейших попыток вернуться назад в свою сказку. И вдруг я совершенно ясно понял, что они нас убьют. И я уронил книгу, эту бесталанную книгу, и поднял меч, который перед этим бросил на ковер. Баста попытался меня опередить, но я был быстрее. Мне пришлось взять эту проклятущую штуковину обеими руками – я все еще помню, какой ледяной была рукоять. Не спрашивай, как мне это вообще удалось, но я смог прогнать Басту и Каприкорна в коридор. Я так мощно орудовал мечом, что разбил немало вещей. Ты принялась плакать, и я хотел повернуться к тебе и сказать, что все это только кажется, но не мог – все силы мои уходили на то, чтобы обороняться от ножа Басты и меча Каприкорна. «Ну, вот оно и случилось, – крутилось у меня в голове заезженной пластинкой, – теперь и ты влез в историю, как давно мечтал, и это ужасно». Страх в жизни совсем не такой, как в книгах, Мегги, а играть в героя, да еще наполовину, не

так интересно, как мне прежде казалось. Эти двое точно прикончили бы меня, держись они получше на ногах. Каприкорн заорал на меня, от гнева глаза его почти вылезли из орбит. Баста угрожал мне и нанес скверную рану на руке, но вдруг дверь отворилась, и оба скрылись в ночи, шатаясь, словно пьяные. Я с трудом задвинул засов на двери – так тряслись у меня пальцы. Прислонившись к двери, я прислушался к звукам на улице, но не услышал ничего, кроме собственного бешено стучащего сердца. И тут раздался твой плач из гостиной, и я вспомнил, что с ними был и третий. Я похромал обратно, все еще держа меч в руке, и там посреди комнаты стоял Сажерук. Оружия при нем не было – одна куница на плече, и он, побледнев, отшатнулся, когда я пошел на него. Наверное, я выглядел кошмарно: кровь текла по руке, и я дрожал всем телом, не могу сказать, от страха или от гнева. «Пожалуйста! – прошептал он. – Не убивай меня! Я не с ними. Я просто фигляр, безобидный огнеглотатель. Я могу тебе это доказать». И я ответил: «Да-да, ладно. Я знаю, ты Сажерук». И он благоговейно склонился передо мной, всеведущим чародеем, который знал о нем все, который вытряхнул его из его мира, как стряхивают с ветки яблоко. Куница сползла по его рукаву на пол, вскочила на ковер и побежала к тебе. Ты перестала плакать и протянула к ней ручку. «Осторожно, она кусается!» – сказал Сажерук и отогнал ее от тебя. Я не обращал на это внимания и вдруг почувствовал, как тихо стало в комнате. Тихо и пусто. Я увидел книгу, лежавшую на ковре и раскрытую на том месте, на котором я ее уронил, и подушку, на которой сидела твоя мама. Но ее самой нигде не было. Куда же она подевалась? Я звал ее, повторяя ее имя вновь и вновь, обежал все комнаты, но она исчезла.

Элинор глядела на него в упор.

– О чем ты тут говоришь, во имя всего святого? – упрекнула она его. – Она же, как ты мне рассказывал, уехала в какое-то дурацкое путешествие искать приключений и не вернулась!

Мо прислонился головой к стене.

– Ну, что-то я должен был придумать, Элинор! – сказал он. – Вряд ли я мог тогда рассказать тебе правду, не находишь?

Мегги погладила Мо руку в том месте, где под рубашкой прятался след от длинной бледной царапины.

– Ты же мне всегда рассказывал, что порезал руку, перелезая через разбитое окно.

– Совершенно верно. Правда была бы чересчур безумна. Не так

ли?

Мегги кивнула. Он был прав, она посчитала бы все это еще одной его сказкой.

– И она не вернулась? – прошептала Мегги, хотя знала ответ.

– Нет, – ответил Мо. – Баста, Каприкорн и Сажерук вышли из книги, а она вошла в нее вместе с двумя нашими кошками, по своему обыкновению сидевшими у нее на руках, пока я читал. Возможно, за Гвина тоже кто-то исчез, паук, например, или муха, или одна из тех птичек, что летали возле нашего дома…

Мо замолчал. Порой, придумав особенно удачную небылицу, в которую Мегги оказывалось легко поверить, он вдруг улыбался и говорил: «Попалась, Мегги». Как тогда, на седьмой ее день рождения, когда он рассказал ей, что нашел в крокусах на лужайке двух фей. Но сейчас улыбки не было.

– Безуспешно поискав твою маму по всему дому, – продолжил он, – я вернулся в гостиную, но Сажерука уже и след простыл вместе с его рогатым другом. Мне остался только меч, такой настоящий на ощупь, что я решил больше не сомневаться в своем рассудке. Я отнес тебя в кроватку и, кажется, сказал, что мама уже легла спать, а потом опять принялся читать «Чернильное сердце». Я прочел эту проклятую книжку целиком, я читал ее, пока не охрип, а за окном забрезжил рассвет и взошло солнце, но все, что оттуда появилось, – это летучая мышь да шелковое покрывальце, которым я позже обил твой сундучок для книг. И еще много дней и ночей напролет я пытался сделать то же самое, пока глаза не начинало жечь, а буквы не принимались пьяно плясать по страницам. Я не ел и не спал, придумывая для тебя все новые и новые истории о том, где сейчас твоя мама, и зорко следил за тем, чтобы ты никогда не находилась в той комнате, где я читал, потому что боялся, что и ты можешь исчезнуть. О себе я почему-то не думал: у меня было странное чувство, что сам чтец наверняка не исчезнет среди страниц книги, которую читает. Правда ли это, не знаю до сих пор. – Мо отогнал комара. – Я читал вслух, пока не устал от своего голоса и не мог его больше слышать, – продолжал он свой рассказ. – Но мама твоя не возвращалась, Мегги. Зато на пятый день появился в моей гостиной странный человечек, прозрачный, будто из стекла, и исчез почтальон, как раз опускавший пару писем в ящик (я нашел его велосипед во дворе перед домом). С тех пор я уверился, что ни стены, ни запертые двери не могут быть надежной защитой от исчезновения – для тебя

или для кого угодно еще. И решил никогда больше не читать вслух ни одну книгу, ни «Чернильное сердце», ни что-нибудь еще.

– А что стало со стеклянным человечком? – спросила Мегги.

Мо вздохнул.

– Он разлетелся на осколки два дня спустя, когда мимо нашего окна проезжал большой грузовик. Сменить мир не просто – мало кто выживает. Мы с тобой знаем, какое это порой счастье – прокрасться в книгу и пожить в ней немножечко, только вот выскользнуть из сказки и вдруг оказаться в нашем мире – это большого счастья никому не приносит. Сажеруку это надорвало сердце.

– А оно у него есть? – с горечью спросила Элинор.

– Ему жилось бы гораздо легче, если б не было, – ответил Мо. – Прошло больше недели, и он оказался перед моей дверью. Было это, разумеется, ночью, в его любимое время суток. Я собирал чемодан – решил, что будет лучше уехать, не хотелось мне еще хоть раз гнать мечом Басту и Каприкорна. Сажерук подтвердил мои опасения. Было уже за полночь, когда он появился, но спать я все равно не мог. – Мо погладил Мегги по голове. – Ты тогда тоже плохо спала. И снились тебе кошмары, как я ни пытался прогнать твои сны своими сказками. Я укладывал инструменты в мастерской, когда в дверь тихо постучали. Сажерук вынырнул из тьмы почти так же внезапно, как и четыре дня тому назад, когда оказался ночью у нашего дома. Неужели прошло только четыре дня? В прошлый раз вид у него был как у тощего уличного кота, и похоже, он давно голодал. «Верни меня обратно! – умолял он. – Пожалуйста! Этот мир меня убивает. Он чересчур суетлив, тесен и оглушителен. Я умру – не от тоски, так от голода. Ведь мне нечем заработать. Я здесь ничего не знаю. Я как рыба без воды». Он просто не хотел верить в то, что я не могу этого сделать. Он хотел видеть книгу, хотел попробовать сам, хотя еле-еле умел читать, но я, естественно, не мог ее дать ему. Тогда я расстался бы с последним, что оставалось у меня от твоей мамы. По счастью, книгу я хорошо спрятал. Сажеруку я разрешил переночевать на диване и, когда спустился утром вниз, увидел, что он обшаривал полки. Еще два года он то и дело появлялся, преследуя нас, куда бы мы ни переехали, пока мне это окончательно не надоело, и однажды ночью я просто сбежал с тобой куда глаза глядят. После этого я его больше не видел. И вот четыре дня назад…

Мегги посмотрела на него.

– А тебе его все еще жалко, – сказала она.

Мо молчал.

– Иногда, – сказал он наконец.

Элинор презрительно фыркнула.

– А ты еще ненормальнее, чем я думала, – сказала она. – Этот мерзавец виновен в том, что мы сидим в этой дыре, нам, может, из-за него глотки перережут, – а тебе его жалко?!

Мо пожал плечами и посмотрел на потолок – там вокруг лампочки летали ночные бабочки.

– Каприкорн наверняка пообещал ему, что вернет его обратно, – сказал Мо. – Он не как я – он сразу понял, что за такое обещание Сажерук сделает все. Вернуться в свою сказку – это единственное, чего он хочет, и даже не спрашивает, хорошо ли для него все кончится!

– Ну, в настоящей жизни ведь тоже так, – заключила Элинор с трагическим видом. – Тоже не знаешь, хорошо ли все кончится. В нашем случае все говорит пока о плохом конце.

Мегги сидела, обхватив руками колени, прислонив лицо к коленке, и сверлила взглядом грязно-белые стены. Она ясно видела перед собой букву «К», ту самую букву, на которой сидела рогатая куница, и ей казалось, что из-за огромной буквы выглядывает ее мама, которую она знала лишь по выцветшей фотографии под подушкой Мо. Значит, она не сбежала. Как же ей живется в том совершенно ином мире? Помнит ли она еще о своей дочке? Или Мегги и Мо стали для нее не более чем блеклой картинкой? Тосковала ли она по собственному миру, как Сажерук?

А тосковал ли Каприкорн? Может, он тоже хотел, чтобы Мо вчитал его обратно? А что будет, когда он поймет, что Мо не знает, как это сделать? Мегги поежилась.

– У Каприкорна есть еще один чтец, – сказал Мо, как бы прочитав ее мысли. – Баста рассказывал мне про него, возможно, чтобы уверить меня, что не такой уж я и незаменимый. Вроде бы он уже вычитал для Каприкорна много полезных помощников.

– Даже так? А что ж тогда ему от тебя надо? – Элинор поднялась и с кряхтеньем потерла себе отсиженное место. – Я теперь вообще ничего не понимаю. Надеюсь только, что все это не более чем дурной сон, после которого обычно просыпаешься с затекшей шеей и гадким привкусом во рту.

Мегги сильно сомневалась в том, что Элинор и в самом деле лелеет такую мечту. Слишком настоящей была мокрая солома, да и

холодная стена за ее спиной. Как она жалела, что так и не прочла ни строчки из «Чернильного сердца»! Ведь она ничего не знала о сказке, в которой исчезла ее мама. Она знала лишь сказки Мо, все те истории, которые он рассказывал ей, пока они жили вдвоем, за те долгие годы, когда он придумывал все новые причины, по которым мама не могла вернуться домой, когда говорил ей о приключениях, которые маме доводилось пережить в далеких странах, об ужасных врагах, все время мешавших ей вернуться, и о сундуке, который она заполняла только для Мегги, находя в каждой волшебной стране что-то новое и совершенно чудесное.

– Мо, а как ты думаешь, ей нравится в этой сказке? – спросила она.

Мо долго думал над ответом.

– Ну, феи ей наверняка нравятся, – сказал он наконец, – хотя они и капризули, а кобольдов она уж точно будет кормить молоком, я ее знаю. Да, думаю, все это ей понравится…

– А… что ей не понравится? – Мегги озабоченно посмотрела на него.

– Все плохое, – ответил Мо помедлив. – В этой книге происходит много скверного, а она так и не узнала, что все там заканчивается более-менее благополучно, ведь я не успел дочитать…

– Но откуда ты знаешь, что сказка вообще не изменилась? – спросила Элинор. – Ведь в конце концов, ты вычитал из нее Каприкорна и его дружка с ножом. Теперь они нам жить мешают.

– Да, – сказал Мо, – но в книге они, возможно, все еще живут! Я много раз перечитывал ее с тех пор, как они ее покинули. В сказке говорится о Сажеруке, Басте и Каприкорне. Разве это не означает, что все осталось как было? Что Каприкорн все еще там, а здесь мы сражаемся лишь с его тенью?

– Для тени он что-то чересчур ужасный, – сказала Элинор.

– Да, верно, – согласился Мо вздыхая. – Может, там все и изменилось и за напечатанной на бумаге историей скрывается другая, которая тоже меняется, как и наш мир? А буквы лишь приоткрывают нам маленький кусочек тайны, как если бы мы заглянули в замочную скважину.

Элинор вздохнула, простонав.

– О небо! – сказала она. – Мортимер, прекрати! У меня аж голова разболелась.

– Поверь, моя тоже раскалывалась, когда я начал обо этом

размышлять, – ответил Мо.

И они надолго замолчали, пойманные каждый своими мыслями.

Молчание прервала Элинор, но выглядело это так, будто она говорила сама с собой.

– Боже мой, – бормотала она, снимая туфли с усталых ног, – как подумаю, сколько раз я мечтала о том, чтобы прокрасться в одну из своих любимых книг. А ведь оказывается, самое лучшее в книгах то, что их всегда можно закрыть, когда хочешь.

Она пошевелила пальцами и принялась расхаживать взад-вперед. Мегги подавила смешок – слишком комично выглядела Элинор, бродившая от стены к двери на затекших ногах, будто заводная игрушка.

– Элинор, ты меня с ума сведешь! Сядь сейчас же! – сказал Мо.

– А вот и не сяду! – огрызнулась она. – Потому что сидя я сама с ума сойду.

Мо сморщил нос и обнял Мегги.

– Ладно, дадим ей побегать! – прошептал он. – Километров десять намотает, да и свалится. Но тебе надо бы поспать. Я уступлю тебе свою постель. Там не так плохо, как кажется. А если закрыть глаза, то можно представить себя поросенком Вильбуром, который уютненько устроился в своем сарае…

– …Или Нильсом, который спит в траве с дикими гусями.

Мегги невольно зевнула. Как часто они с Мо играли в эту игру: «А какую книжку ты вспомнишь, а какую мы забыли? Ах да, вот эту! А о той я уже давно не вспоминал…» Она устало потянулась на колючей соломе.

Мо стянул с себя свитер и укрыл ее.

– Одеяло тебе все равно нужно, – сказал он, – гусь ты или поросенок.

– Но ты же замерзнешь!

– Глупости.

– А где тогда спать тебе и Элинор? – зевая, спросила Мегги.

Только теперь она заметила, насколько устала.

Элинор все бродила от стены к стене.

– Какой еще сон?! – воскликнула она. – Караулить будем. По очереди, естественно.

– Хорошо, – пробормотала Мегги и уткнулась носом в свитер Мо.

«Он вернулся, – подумала она, пока сон тяжелил ее веки. – А все

остальное не важно. Мне бы только прочитать эту книжку!» Но «Чернильное сердце» было у Каприкорна, а о нем она сейчас думать не хотела, иначе ей уже никогда не уснуть. Никогда…

Она не знала, сколько спала. Ее разбудили то ли собственные замерзшие пятки, то ли колючая солома под головой. На ее часах было четыре. В комнате без окон невозможно узнать – наступило утро или уже вечер, но Мегги как-то не верилось, что прошла целая ночь. Мо и Элинор тихо беседовали под дверью. Оба выглядели усталыми и озабоченными.

– Да, они все еще считают меня чародеем, – говорил Мо. – Дали мне это смешное прозвище – Волшебный Язык. И Каприкорн твердо верит в то, что я могу все это повторить в любой момент и с любой книжкой.

– А ты правда можешь? – спросила Элинор. – Ты ведь еще не все рассказал, правда?

Мо не отвечал очень долго.

– Нет, – произнес он наконец, – потому что я не хочу, чтобы Мегги тоже начала считать меня чародеем.

– Так, значит, не раз бывало, что ты что-то… вычитывал?

Мо кивнул.

– Я всегда очень любил читать вслух, с самого детства, и вот однажды, когда я читал приятелю «Тома Сойера», на ковре вдруг появилась дохлая кошка, жесткая, как доска. И в то же время исчез один из моих плюшевых зверей – я обнаружил это позже. Мне кажется, у нас обоих тогда чуть сердце не остановилось, а потом мы поклялись и скрепили клятву кровью, как Том и Гек, что никогда в жизни никому не расскажем про кошку. Позже я, конечно, пытался повторить подобное уже тайно, без свидетелей, но ничего не происходило. И казалось, для этого вообще не было никаких правил, однако вычитать что-нибудь я мог лишь из тех сказок, которые мне нравились. Конечно же я хранил все, что вычитывал, кроме, пожалуй, тошнильного огурца, которым одарила меня книжка про доброго великана, он был слишком вонючий. Когда Мегги была еще совсем маленькая, иногда что-то находилось в ее книжках с картинками – то перышко, то крохотная туфелька… Мы складывали все это в ее сундучок с книгами, но не говорили ей, откуда эти вещи. Кто знает, может, она больше не открыла бы ни одну книгу – вдруг оттуда выползет огромный морской змей с больным зубом или еще что-нибудь столь же ужасное! Но никогда, слышишь, Элинор,

никогда до той самой ночи ни из одной книги не выходило ничего живого. – Мо разглядывал свои ладони, как будто видел на них все те предметы, которые его голос выманил из книг. – Ну почему не вышел кто-то хороший, если уж так было суждено, кто-нибудь вроде… слоненка Бабара? Мегги пришла бы в восторг…

«О да, я бы точно пищала от восторга», – подумала Мегги. Она помнила и крохотную туфельку, и перышко – оно было изумрудно-зеленое, как перышки попугая доктора Дулиттла.

– Ну да, говорю же тебе – все могло быть еще хуже. – Это было совершенно в духе Элинор. Как будто мало им того, что их заперли вдали от мира в полуразрушенном доме и что вокруг них так и шныряют люди в черном с лицами хищных птиц и ножами на ремнях. Но Элинор владела искусством представлять все в более мрачном свете. – А что, если вдруг у тебя дома появился бы Джон Сильвер и прикончил бы тебя своим деревянным костылем? – шептала она. – Нет уж, я, пожалуй, предпочла бы этого Каприкорна. Знаешь что? Как доберемся до дома, я имею в виду, до моего дома, я дам тебе какую-нибудь хорошую книжку – «Винни-Пуха», например, или «Там, где живут чудовища». Я уступлю тебе самое удобное кресло, сварю кофе, а потом ты почитаешь вслух. Ладно?

Мо тихо рассмеялся, и его лицо на мгновение утратило озабоченность.

– Нет, Элинор, не почитаю. Хотя и звучит очень заманчиво. Я поклялся никогда больше не читать вслух. Поди узнай, кто может исчезнуть в следующий раз. Может, даже в «Винни-Пухе» есть злодей, которого мы упустили из виду? А вдруг я вообще вычитаю самого Винни-Пуха? И что ему здесь делать, совсем одному, без всех-всех-всех, без Рощи и Пуховой Опушки? Сердце глупого мишки просто разобьется, как разбилось сердце Сажерука.

– Ах ты боже мой! – нетерпеливо отмахнулась от него Элинор. – Сколько раз тебе повторять: нет у этого мерзавца сердца. Ну да ладно. Перейдем к следующему вопросу, ответ на который меня очень интересует. – Элинор стала говорить тише, и Мегги пришлось напрячь слух. – А кем был этот Каприкорн в своей сказке? Ну, был он злодеем, но, может быть, можно узнать о нем что-нибудь еще?

Мегги тоже хотелось узнать побольше о Каприкорне, но Мо вдруг стал неразговорчив.

– Чем меньше вы о нем знаете – тем лучше, – сказал он, а потом и вовсе замолчал.

Элинор еще некоторое время упорствовала, но Мо уклонялся от всех ее расспросов. Казалось, у него нет ни малейшего желания говорить о Каприкорне. Мегги поняла, что мысленно он был где-то далеко. И наконец Элинор задремала, свернувшись калачиком на холодном полу, а Мо так и сидел, прислонившись спиной к стене.

Он приснился Мегги, когда и она заснула. Во сне его лицо взошло над ней, как темная луна, и из него высыпались разные существа – толстые и тонкие, большие и маленькие, они прыгали, скакали, и их становилось все больше. А на самом носу луны маленьким пятнышком, словно тень, танцевала фигурка женщины – и вдруг луна стала улыбаться.

Предатель

Какое-то особое наслаждение видеть, как огонь пожирает вещи, как они чернеют и меняются. <…> И больше всего ему хочется сделать сейчас то, чем он так часто забавлялся в детстве, – сунуть в огонь прутик с леденцом, пока книги, как голуби, шелестя крыльями-страницами, умирают на крыльце и на лужайке перед домом; они взлетают в огненном вихре, и черный от копоти ветер уносит их прочь.

Р. Брэдбери. 451° по Фаренгейту[5]

Незадолго до рассвета лампочка, своим скудным светом помогавшая им скоротать ночь, начала мерцать. Мо и Элинор спали у двери, а Мегги лежала в темноте с открытыми глазами и чувствовала, как из холодных стен выползает страх. Она слушала дыхание Элинор и своего отца и не мечтала больше ни о чем, кроме огарка свечи, да еще о книге, чтобы прогнать страх. Страх, казалось, был везде, злобный, бестелесный, он только и ждал, когда погаснет лампочка, и теперь в темноте подбирался к ней, чтобы заключить в свои ледяные объятия. Мегги села, тяжело дыша, и на четвереньках поползла к Мо. Она прижалась к нему, как делала, когда была маленькой, и стала

[5] Перевод Т. Шинкарь.

ждать, когда наконец свет проникнет из-под двери.

На рассвете пришли и двое от Каприкорна. Мо устало поднимался с пола, а Элинор, бранясь, растирала больную спину, когда послышались шаги.

Басты с ними не было. Один, огромный как шкаф, выглядел так, будто какой-то великан наступил ему на нос и сплюснул все лицо. Второй, маленький и тощий, с козлиной бородкой и безвольным подбородком, все поигрывал своей винтовкой и смотрел так злобно, словно мечтал пристрелить всю эту троицу на месте.

– Ну, пошли! Пошевеливайтесь! – накинулся он на пленников, пока они, щурясь и спотыкаясь, выходили навстречу свету дня.

Мегги попыталась вспомнить, слышала ли она этот голос в библиотеке Элинор, но у Каприкорна было много людей.

Утро было теплое и красивое. Небо синей чашей висело над деревней Каприкорна, и на нем не было ни облачка. В кусте одичавшей розы два чижа щебетали так самозабвенно, будто на свете не было ничего опаснее голодных кошек. Мо и Мегги вышли на улицу. Кокерель стал грубо выталкивать Элинор, потому что она искала туфли дольше, чем он был настроен ждать. Она отбросила его руки и излила на него поток отборной брани, но надсмотрщиков это лишь развеселило, и тогда Элинор поджала губы и в дальнейшем ограничивалась лишь враждебными взглядами.

Люди Каприкорна торопились. Они вели своих пленников той же дорогой, которой вчера их привел Баста. Плосконос шел впереди, Кокерель – сзади, выставив винтовку. Он приволакивал ногу, но все время понукал их, словно желая доказать, что он ходит быстрее всех.

Даже днем деревня Каприкорна выглядела странно заброшенной, и не только из-за опустевших домов, которые при свете смотрелись еще печальнее, – на ее улочках не было почти ни души, кроме одного-двух из чернокурточников Каприкорна, как про себя окрестила их Мегги, или тощих мальчишек, собачонками бегавших за ними. Дважды Мегги на глаза попадалась торопливо идущая женщина. Не было здесь и детей, ни играющих, ни бегущих вслед за матерью, – одни лишь кошки, черные, белые, ржаво-рыжие, пятнистые, полосатые, лежавшие на теплых завалинках у стен, на порогах домов и карнизах крыш. В деревне Каприкорна царила тишина, и все, что там происходило, было тайной. Не скрывались лишь люди с винтовками. Они лениво прохаживались перед воротами и вокруг домов, шептались и любовно опирались о свои винтовки.

Цветов, которые Мегги видела перед домами в деревеньках вдоль побережья, тут тоже не было. Здесь были лишь дома с провалившимися крышами да цветущие кусты, пробивавшиеся сквозь пустые оконные проемы и распространявшие такой удушливый аромат, что у Мегги закружилась голова.

Когда они вышли на площадь перед церковью, Мегги подумала, что эти двое сейчас опять отведут их в дом Каприкорна, но дом остался слева, а они пошли дальше, прямо к церкви. Церковная колокольня выглядела так, словно ветер и дождь долго объедали ее стены. Под остроконечной крышей висел проржавевший колокол, а чуть ниже, примерно в метре от него, росло чахлое деревце, цепко державшееся за камни песочного цвета.

На портале церкви были нарисованы узкие красные глаза, а с обеих сторон от входа стояли уродливые каменные черти высотой с человека, скалившие зубы, как злые собаки.

– Добро пожаловать в Дом Дьявола! – сказал Кокерель, насмешливо кланяясь и отворяя тяжелые двери.

– Ты это брось, Кокерель! – набросился на него Плосконос и трижды плюнул себе под ноги на пыльные камни мостовой. – Накличешь еще несчастье.

Тот лишь расхохотался и пощекотал брюхо одному из каменных чертей.

– Перестань, Плосконос! Ты почти такой же простофиля, как Баста. Еще немножко, и тоже повесишь себе на шею вонючую лапу от кролика.

– Я просто из осторожности, – пробормотал Плосконос. – Всякое рассказывают.

– Ну да, а кто эти россказни придумал? Мы сами, балда!

– Кое-что и раньше было.

– Что бы ни случилось, – прошептал Мо, пока эти двое ругались, – предоставьте переговоры мне. Острый язык здесь может только навредить, уж вы мне поверьте. Баста любит пускать в дело свой нож.

– У нас тут не только Баста с ножом ходит, Волшебный Язык! – сказал Кокерель, вталкивая Мо в церковь.

Мегги быстро побежала за ним.

В церкви было прохладно и сумрачно. Свет проникал в нее лишь через окна высоко наверху, разрисовывая стены и колонны бледными пятнами. Когда-то давно они, наверное, тоже были серыми, как

каменные плиты пола, но теперь во всей церкви Каприкорна был лишь один цвет. Стены, колонны, даже потолок – все было красное, карминное, как сырое мясо или запекшаяся кровь, и Мегги показалось, что она вошла в утробу какого-то гигантского чудовища.

В углу перед входом стояла скульптура ангела, одно крыло у которой было отломано, а на другом висела чья-то черная куртка. На голове ангела были рожки, как у чертика, – такие ребятишки надевают на карнавал, – а над ними парил нимб. Возможно, раньше ангел стоял на каменном постаменте перед первой колонной, но ему пришлось уступить место другой статуе, изможденное лицо которой скучающе взирало на Мегги. Творец ее в своем ремесле мало что понимал, и лицо изваяния было намалевано как у пластмассовой куклы – странные алые губы и синие глаза, не вызывавшие ни капли того ужаса, который вселяли бесцветные глаза Каприкорна. Но зато статуя была как минимум в два раза больше оригинала, и каждому проходившему мимо нее приходилось задирать голову, чтобы взглянуть в ее бледное лицо.

– А разве так можно, Мо? – тихонько спросила Мегги. – Поставить памятник самому себе в церкви?

– О, это очень древний обычай! – шепнула ей Элинор. – Статуи, что стоят в церквах, редко изображают святых. Большинству святых, кстати, скульпторы всегда были не по карману. В соборе Святого…

Кокерель так грубо толкнул ее в спину, что она запнулась и чуть не упала ничком.

– Проходите! – рявкнул он. – И в следующий раз чтоб кланялись, когда мимо идете, ясно?

– Кланяться? – Элинор хотела остановиться, но Мо быстро потянул ее за собой. – Нельзя же всерьез воспринимать эту комедию льстецов! – бранилась Элинор.

– Если ты сию минуту не умолкнешь, – прошептал ей Мо, – то очень быстро почувствуешь на себе, насколько здесь все серьезно, ясно?

Элинор посмотрела на ссадину, пересекавшую его лоб, и замолчала.

В церкви Каприкорна не было скамеек, знакомых Мегги по другим церквам, стояли лишь два длинных деревянных стола со скамьями по обе стороны от центрального прохода. На столах были разбросаны грязные тарелки, чашки в кофейных разводах, деревянные доски с остатками сыра, ножи, колбаски, пустые

хлебницы. Несколько женщин в это время занимались уборкой и едва взглянули на проходивших мимо Кокереля и Плосконоса с пленниками. Они показались Мегги похожими на тех птиц, что втягивают голову в плечи, чтобы им ее не отрубили.

В церкви Каприкорна не было и алтаря. Вместо него в конце лестницы, ранее ведшей к алтарю, стояло одинокое кресло – массивное, с красной обивкой и богатой резьбой на ножках и подлокотниках. К нему вели четыре пологие ступеньки – Мегги не знала, зачем сосчитала их, – покрытые черным ковром, и на самой верхней ступени, в двух шагах от кресла, сидел Сажерук, как всегда, встрепанный, а по его руке карабкался Гвин, на которого он, погруженный в свои мысли, не обращал внимания.

Когда Мегги, Мо и Элинор прошли по центральному проходу, он поднял голову. Гвин влез к нему на плечо и оскалил свои маленькие клыки, острые, словно битое стекло, как будто заметил, с каким омерзением Мегги взглянула на его хозяина. Теперь она знала, почему у куницы росли рожки, а его близнец сидел на той книжной страничке. Теперь она знала все: и почему Сажерук считал этот мир чересчур стремительным и оглушающим, и почему он ничего не понимал в машинах, и почему он часто смотрел так, будто где-то витал. Но в ней не было к нему той жалости, которую испытывал Мо. Его покрытое шрамами лицо было лишь напоминанием о том, как он обманул ее, увлек за собой, как Крысолов из сказки. Он поиграл с ней, как играл с огнем или со своими разноцветными шарами: пойдем, Мегги, сюда, Мегги, поверь мне, Мегги. Больше всего ей хотелось пробежать по ступенькам и ударить его по лицу, по этим лживым его губам.

Сажерук, казалось, прочел ее мысли и отвел глаза, чтобы не встречаться взглядом ни с ней, ни с ее отцом, ни с Элинор. Он полез в карман, достал коробок и с отсутствующим видом зажег спичку. Глубокомысленно глядя на пламя, он стал водить над ним пальцем до тех пор, пока не закоптил его.

Мегги отвела глаза. Она не хотела его видеть, вообще хотела забыть, что он есть. Слева от нее, около лестницы, стояли две ржаво-коричневые бочки, а в них были сложены свеженарубленные дрова, одно полено на другом. Мегги спросила себя, для чего они могут предназначаться, но тут вновь по церкви разнеслись гулкие шаги. Баста шел по центральному проходу, неся канистру с бензином. Кокерель и Плосконос неохотно потеснились, когда он проходил

мимо них.

– А-а, Сажерук опять играет со своим лучшим другом? – спросил он, поднимаясь по ступенькам.

Сажерук опустил спичку и выпрямился.

– Вот, – сказал Баста и поставил перед ним канистру с бензином. – Еще поиграй. Разложи нам огонь, ты ведь это страшно любишь делать.

Сажерук выбросил догоревшую спичку и зажег новую.

– А ты? – спросил он негромко, поднося зажженную спичку к лицу Басты. – Ты ведь его боишься, не правда ли?

Баста выбил спичку из его руки.

– О, не надо было этого делать! – сказал Сажерук. – Это приносит несчастье. Ты же знаешь, как обидчив огонь.

На мгновение Мегги показалось, что Баста сейчас ударит его. Но казалось, что-то хранило Сажерука. Может быть, и правда огонь.

– Твое счастье, что я только что почистил свой нож! – прошипел Баста. – Но еще одна такая шутка – и я добавлю парочку новых узоров на твою отвратную морду, а из твоей куницы прикажу сделать воротник.

Гвин угрожающе цокнул и прижался к шее хозяина. Сажерук подобрал сгоревшие спички и сунул их в коробок.

– Да, это тебе точно понравилось бы, – сказал он, не глядя на Басту. – А зачем мне нужно разложить огонь?

– Зачем? Делай, что велено! А мы уж позаботимся о том, чтобы его прокормить. Но устрой так, чтобы он был велик и прожорлив, не то что те ручные огоньки, с которыми ты так любишь играть.

Сажерук взял канистру и медленно пошел вниз по ступенькам. Он остановился у ржавых бочек, когда двери в церковь раскрылись во второй раз.

Мегги обернулась на скрип тяжелых деревянных дверей и увидела, как между красными колоннами появился Каприкорн. По пути он мельком взглянул на свое изображение и быстро пошел по проходу. На нем был красный костюм, такой же красный, как стены церкви, и лишь рубашка да перо, торчавшее в петлице, были черные. За ним следовало полдюжины его людей – как грачи за попугаем. Их шаги гулко раздавались под сводами храма.

Мегги схватила Мо за руку.

– Ах, наши гости уже здесь, – сказал Каприкорн, остановившись. – Хорошо ли почивал, Волшебный Язык? – У него

были странные, мягко очерченные, почти женские губы и такие же блеклые, как все его лицо. Во время разговора он то и дело проводил по ним мизинцем, как будто пытаясь потуже стянуть их. – Ну, разве не мило с моей стороны позволить привести тебе твою малышку уже вчера вечером? Сначала я хотел передать ее тебе сегодня, сюрпризом, но потом сказал себе: Каприкорн, в конце концов, ты кое-что должен девочке, она ведь совершенно добровольно принесла тебе то, что ты давно ищешь.

В руке он держал «Чернильное сердце». Мегги увидела, как остановился на книге взгляд Мо. Каприкорн был высок, но Мо был на несколько сантиметров выше. Каприкорн насторожился и выпрямился во весь рост, как будто от этого их разница в росте могла пропасть.

– Позволь Элинор и моей дочери поехать домой, – сказал Мо. – Дай им уехать, и я прочту тебе все, что захочешь, но сначала дай им возможность уйти.

О чем он говорил? Мегги посмотрела на него невидящим взглядом.

– Нет! – сказала она. – Нет, Мо, я не хочу уходить!

Но на нее никто не обращал внимания.

– Дать им уйти? – Каприкорн повернулся к своим подручным: – Вы слышали? Почему я должен сделать такую грандиозную глупость – сейчас, когда она уже тут? – Все захохотали, а Каприкорн повернулся к Мо. – Ты знаешь не хуже меня, что прямо сейчас начнешь делать все, что я велю, – сказал он. – Теперь, когда она здесь, ты не станешь больше упрямиться и лишать нас демонстрации своего искусства.

Мо так крепко сжал руку Мегги, что ей стало больно.

– Что же касается этой книги, – Каприкорн смотрел на «Чернильное сердце» с таким отвращением, как будто книга укусила его за бледные пальцы, – этой дурацкой книги, то могу тебя заверить в том, что не имею ни малейшего намерения снова увлечься ее россказнями. Все эти ненужные создания, эти феи-порхалки с их чирикающими голосишками, все там ползало и шевелилось, воняло шкурами и дерьмом. По ярмарке было не пройти, чтоб не наткнуться на кобольдов каких-нибудь кривоногих, а во время охоты великаны своими здоровенными ножищами всю дичь распугивали. Шепчущиеся деревья, лепечущие пруды… Там было хоть что-нибудь неболтливое? А эти бесконечные слякотные дороги из города в город,

если такое вообще можно назвать городом… Благородная свора князей в замках, вонючие бедные простолюдины – у них и взять-то было нечего, бродяги да нищие, с которых просто сыпались насекомые, – до чего ж они мне все осточертели!

Каприкорн сделал знак, и один из его людей принес большую картонную коробку. По тому, как он ее нес, чувствовалось, что коробка очень тяжелая. Облегченно вздохнув, он поставил ее на серые плиты пола перед Каприкорном. Каприкорн протянул Кокерелю книгу, которую так долго скрывал от него Мо, и раскрыл коробку, набитую книгами.

– Потребовалось много усилий, чтобы найти их, – пояснил Каприкорн, вынимая из коробки две книги. – Выглядят они все по-разному, только содержание одно и то же. А то, что сказочку эту переписали на разные языки, осложнило поиски, – многоязычие ужасно неудобная особенность этого мира. Это в нашем мире было проще. Правда, Сажерук?

Сажерук не ответил. Он лишь стоял с канистрой бензина в руках и сверлил взглядом коробку. Каприкорн неторопливо приблизился к нему и швырнул обе книги в одну из бочек.

– Да что же вы делаете? – Сажерук кинулся за книгами, но Баста оттолкнул его.

– Пусть лежат, где лежали, – сказал он.

Сажерук отступил и спрятал канистру за спиной, но Баста вырвал ее у него из рук.

– Похоже, наш огнеглотатель сегодня уступит разведение огня кому-то другому, – съехидничал он.

Сажерук с ненавистью посмотрел на него. С застывшим лицом он наблюдал, как люди Каприкорна швыряли в бочки все новые и новые книги. Наконец на свежих дровах оказалось несколько десятков экземпляров «Чернильного сердца» – страницы их были помяты, а обложки вывернуты, как сломанные крылья.

– Знаешь, Сажерук, что в нашем старом мире меня доводило до исступления? – спросил Каприкорн, беря из рук Басты канистру. – Разведение огня. До чего же муторно это было. Не тебе, конечно, – ты же с ним даже разговаривать мог – может, кто-то из этих хрюкающих кобольдов тебя научил этому, – но для нашего брата это дело было нудное. То дрова были мокрые, то ветер задувал в камин. Я знаю, тебя рвет на части тоска по старым добрым временам, ты скучаешь по этим своим чирикающим-порхающим приятелям, но мне по ним

слезы лить нечего. Здешний мир устроен несравненно лучше того, с которым нам долгие годы приходилось мириться.

Сажерук, казалось, не слышал ни слова. Он не отрываясь смотрел на бензин, удушливо разливавшийся по книгам. Их страницы впитывали его так жадно, будто радовались своей предстоящей кончине.

– Откуда их столько? – бормотал он. – Ты же мне всегда твердил, что есть лишь один экземпляр у Волшебного Языка.

– Да-да, я тебе много чего понарассказывал. – Каприкорн сунул руку в карман брюк. – Ты такой простачок, Сажерук. Тебе так и хочется рассказать небылицу. Твоя наивность не раз меня восхищала, тем более что сам ты при случае лжешь вдохновенно и талантливо. Но ты слишком легко веришь тому, во что хочешь поверить, вот в чем дело. Что ж, сейчас ты и правда можешь мне поверить. Вот это, – он показал пальцем на облитую бензином стопку книг, – все оставшиеся экземпляры нашей чернильно-черной родины. Басте со товарищи потребовались годы, чтобы разыскать их в запущенных публичных библиотеках и букинистических магазинах.

Сажерук впился глазами в книги – так умирающий от жажды смотрит на последний стакан воды.

– Но ты ведь не посмеешь сжечь их! – сбивчиво заговорил он. – Ты же обещал, что отправишь меня обратно, если я достану тебе книгу Волшебного Языка. За это я и рассказал тебе, где он прячется, за это я привел тебе его дочь…

Каприкорн лишь пожал плечами и взял из рук Кокереля книгу в серебристо-зеленой обложке, которую с такой готовностью принесли ему Мегги и Элинор и из-за которой сюда притащили Мо и всех их предал Сажерук.

– Да я бы тебе и луну с неба наобещал, если бы мне от этого была польза, – сказал Каприкорн, со скучающей миной бросив «Чернильное сердце» на стопку ее товарищей по несчастью. – Я так люблю давать обещания, особенно такие, которые не собираюсь выполнять.

Он вынул из кармана брюк зажигалку. Сажерук хотел броситься на него, но Каприкорн дал знак Плосконосу.

Плосконос был такой высокий и толстый, что рядом с ним Сажерук выглядел почти ребенком, и он схватил бедолагу, как нашкодившего малыша. Гвин с взъерошенной шерстью соскочил с плеча Сажерука, один из подручных Каприкорна попытался пнуть

его, но куница увернулась и исчезла за колонной. Остальные стояли и хохотали над отчаянными попытками Сажерука освободиться от железной хватки Плосконоса, которому доставляло удовольствие держать его так близко к книгам, пропитанным бензином, что Сажерук почти касался верхних экземпляров.

Мегги стало плохо от этих издевательств, а Мо шагнул вперед – вероятно, он хотел прийти на помощь Сажеруку, но Баста загородил ему дорогу. В руке у него неожиданно сверкнул нож. Узкое лезвие выглядело ужасающе острым, когда он приставил его к горлу Мо.

Элинор закричала и стала осыпать Басту бранью. Мегги стояла, не двигаясь, и смотрела на лезвие ножа, приставленное к беззащитному Мо.

– Дай мне одну, Каприкорн, лишь одну! – выдавил из себя ее отец, и только теперь Мегги поняла, что он не спешил на помощь Сажеруку, а беспокоился о книге. – Я обещаю тебе, что не прочту ни строчки, в которой упоминается твое имя.

– Тебе? Ты совсем сбрендил? Да ты последний, кому я ее дам, – ответил Каприкорн. – А вдруг ты опять не удержишь язык на привязи и я вновь окажусь в этой жалкой сказочке? Нет уж, спасибо!

– Глупости! – крикнул Мо. – Я не смог бы тебя вчитать обратно, даже если бы очень захотел. Сколько раз тебе твердить об этом? Спроси Сажерука, я ему тысячу раз объяснял. Я и сам не понимаю, как и когда это происходит, поверьте же мне, наконец!

Каприкорн лишь насмешливо улыбнулся.

– Мне очень жаль, Волшебный Язык, но я вообще никому не верю, ты это должен был усвоить. Все мы лжецы, когда нам есть от этого польза.

Он чиркнул зажигалкой и поднес ее к книгам. Страницы, напитанные бензином, стали прозрачными, как пергамент, и мгновенно занялись. Даже переплет, твердый переплет, оклеенный материей, тут же загорелся. Холстина чернела под пожирающими его языками пламени.

Когда загорелась третья книга, Сажерук так пнул Плосконоса по коленке, что тот взвыл от боли и отпустил его. Юркий, как его куница, Сажерук выскользнул из его огромных лап и бросился к бочкам. Он выхватил из пламени пылающую, как факел, книгу и бросил ее на пол, потом другой рукой полез в огонь, но Плосконос схватил его за шиворот и так встряхнул, что у Сажерука перехватило дыхание и он стал хватать ртом воздух.

– Вы только посмотрите на этого сумасшедшего! – издевался Баста, пока Сажерук с перекошенным от боли лицом разглядывал свои руки. – Может, мне кто-нибудь объяснит, по кому же он так тоскует? Может, по тем уродинам кикиморам, которые его обожали, когда он играл своими шарами на рыночной площади? Или по грязным норам, в которых ему приходилось ночевать со всяким сбродом? Дьявол, там смердело похуже, чем в рюкзаке, в котором он таскает свою вонючую куницу!

Люди Каприкорна хохотали, а книги медленно превращались в пепел. В церкви так едко пахло бензином, что Мегги закашлялась. Мо обнял ее за плечи, защищая, словно не ему, а ей угрожал Баста. А кто мог защитить его самого?

Элинор беспокойно смотрела на него, боясь увидеть на его шее кровавый след от ножа Басты.

– Эти типы сумасшедшие! – прошептала она. – Ты наверняка знаешь эту фразу: «Там, где сжигают книги, скоро будут гореть и люди». А что, если и мы вдруг окажемся на таком костре?

Баста бросил на нее ехидный взгляд, как будто услышал ее слова, и поцеловал клинок своего ножа. Элинор замолчала.

Каприкорн вытащил из кармана белоснежный платок и долго вытирал им руки, словно хотел стереть с пальцев само воспоминание о «Чернильном сердце».

– Хорошо, наконец-то дело сделано, – сказал он и с самодовольной миной поднялся по ступенькам к своему креслу. Глубоко вздохнув, он опустился на выцветший алый бархат. – Сажерук, ступай на кухню к Мортоле, она залечит тебе руки! – приказал он скучающим голосом. – Без рук ты нам тут не нужен.

Сажерук посмотрел на Мо долгим, пристальным взглядом. С поникшей головой он неверными шагами прошел мимо людей Каприкорна. Дорога показалась ему бесконечно длинной.

Когда Сажерук отворил дверь церкви, в нее мгновенно хлынул яркий солнечный свет, но двери за ним тут же закрылись, и Мегги, Мо и Элинор остались с Каприкорном и его людьми – и еще с запахом бензина и горелой бумаги.

– Теперь перейдем к тебе, Волшебный Язык! – сказал Каприкорн и вытянул ноги в черных ботинках. С наслаждением полюбовавшись блестящей кожей, он осторожно снял с ботинка обгоревший клочок бумаги. – Пока лишь я да Баста, ну и этот жалкий Сажерук являем собой единственное подтверждение тому, что ты можешь вызывать к

жизни чудеса, спрятанные между маленькими черными буковками. Сам ты своему дару, кажется, не доверяешь. А я, напротив, считаю, что ты мастер своего дела, и жду не дождусь, когда же ты наконец продемонстрируешь нам свое искусство. Кокерель! – раздраженно позвал он. – Где чтец? Я же велел тебе привести его, не так ли?

Кокерель нервно погладил свою козлиную бородку.

– Он был занят, подбирал книги, – пробормотал он, – но я сейчас его приведу.

Он торопливо поклонился и похромал к выходу.

Каприкорн принялся барабанить пальцами по подлокотнику своего кресла.

– Ты наверняка уже слышал, что мне пришлось прибегнуть к услугам другого чтеца, пока ты так успешно от меня скрывался, – сказал он, обращаясь к Мо. – Я нашел его пять лет назад, но он ужасный недотепа. Посмотри хотя бы на рожу Плосконоса. – Тот смущенно опустил голову, когда все взгляды устремились на него. – Ему же Кокерель обязан своей хромотой. А видел бы ты девушек, которых он вычитал мне из своих книжек! На них посмотришь – и всю ночь кошмары снятся. В конце концов я стал заставлять его читать вслух лишь тогда, когда мне хотелось посмеяться над вычитанными им уродами, а людей в этом мире стал подбирать себе сам. Я просто забирал их к себе, пока они еще были малы. Почти в каждой деревне есть какой-нибудь одинокий юнец, которого привлекает игра с огнем. Я дал чтецу задание подыскать для тебя правильные книги. В книгах этот блаженненький понимает, он в них только и живет, как бледный червяк, который питается бумагой.

– Ах, вот как! И что же я должен буду тебе вычитать из его книжек? – с горечью спросил Мо. – Чудовищ и монстров в человеческом облике под стать вон тем? – Он кивнул в сторону Басты.

– Ради бога, не давай ему новых идей! – зашептала Элинор, озабоченно глядя в сторону Каприкорна.

Но тот лишь стряхнул пепел с брюк и улыбнулся.

– Нет, благодарю тебя, Волшебный Язык, – сказал он. – Людей у меня достаточно, а о чудовищах поговорим позже. Пока мы неплохо справляемся и с собаками, которых подобрал Баста, и со змеями, которых здесь полно, – они прекрасно играют роль смертельных подарков на память. Нет, Волшебный Язык, все, что мне нужно сегодня от тебя, чтобы опробовать твое искусство, – это золото. Я

безнадежно алчен. Мои люди делают все, что могут, выжимая из этой местности максимум дохода. – Услышав эти слова Каприкорна, Баста любовно погладил свой нож. – Но на все восхитительные вещи, которые продаются в этом вашем безграничном мире, все равно не хватает. В вашем мире столько страниц, Волшебный Язык, на которых я хотел бы оставить свое имя.

– А какими буквами ты его впишешь? – спросил Мо. – Баста вырежет их своим ножом на бумаге?

– О, Баста писать не умеет, – спокойно ответил Каприкорн. – Никто из моих людей не умеет ни писать, ни читать. Я им это запретил. Только я научился этому у одной из служанок. Так что поверь мне, я в состоянии поставить свою печать на этом мире. А когда что-то нужно написать – этим занимается чтец.

Двери церкви распахнулись, как будто Кокерель только и ждал сигнала Каприкорна. Человек, которого он вел, втянул голову в плечи и ни на кого не глядел, спеша за Кокерелем. Это был маленький, тщедушный мужчина не старше Мо, но горбивший спину, как старик, и вихлявшийся при ходьбе, как будто не знал, куда девать руки и ноги. Он носил очки – оправа на переносице была замотана изолентой, похоже, ее не раз ломали – и то и дело нервно поправлял их на ходу. Левой рукой он прижимал к груди стопку книг, словно пытаясь защититься ими от устремленных на него взглядов и от самого этого ужасного места, куда его притащили.

Когда они подошли к лестнице, Кокерель толкнул его локтем в бок, и тот поклонился так поспешно, что уронил несколько книг на пол. Быстро подняв их, он еще раз склонился перед Каприкорном.

– А мы уж тебя заждались, Дариус! – сказал Каприкорн. – Надеюсь, ты отыскал то, что я приказал найти.

– О да-да! – торопливо ответил Дариус, бросив на Мо взгляд, исполненный чуть ли не преклонения. – Это он?

– Да. Покажи ему книги, которые ты выбрал.

Дариус еще раз поклонился, на этот раз Мо.

– Это все сказки, в которых есть несметные сокровища, – забормотал он. – Найти их было не так легко, как я думал, – в его голосе прозвучал легкий упрек, – ведь в этой деревне мало книг. И сколько я ни твержу, новых мне не приносят, а если и приносят, то никуда не годные. Но как бы там ни было, вот они. Думаю, что ты останешься доволен моим выбором.

Он опустился перед Мо на колени и принялся раскладывать на

каменных плитах книги, одну за другой, пока Мо не прочел все заголовки.

Первая же книга заставила Мегги вздрогнуть. «Остров сокровищ». Она обеспокоенно посмотрела на Мо. «Только не эту! – подумала она. – Только не ее, Мо!» Но отец уже держал в руках следующую: «Сказки из «Тысячи и одной ночи».

– Думаю, вот эта, – сказал он. – Тут наверняка найдется довольно золота. Но говорю тебе еще раз: я не знаю, что случится. Это никогда не происходит так, как я хочу. Все вы считаете меня чародеем, но я не волшебник. Волшебство приходит из книг, и я знаю о том, как это работает, не больше, чем ты или один из твоих людей.

Каприкорн откинулся в кресле и посмотрел на Мо.

– Ну и сколько ты мне еще будешь об этом талдычить? А, Волшебный Язык? – спросил он скучающим тоном. – Я все равно тебе не верю. В том мире, дверь в который мы сегодня захлопнули, мне порой приходилось иметь дело с чародеями и ведьмами, и до чего же часто они упрямились! Ведь Баста уже показал тебе, как мы укрощаем строптивость. Но к тебе столь болезненные методы, да еще теперь, когда у нас в гостях твоя дочь, мы применять не станем. – Он мельком взглянул на Басту. Мо попытался удержать Мегги, но Баста оказался проворнее и притянул ее к себе, схватив за шею. – С сегодняшнего дня, Волшебный Язык, – продолжал Каприкорн, и его голос по-прежнему звучал так ровно, будто он говорил о погоде, – Баста станет тенью твоей дочери. Это надежно защитит ее и от змей, и от злых собак, но, разумеется, не от самого Басты, который будет с ней любезен, лишь пока я ему велю. А это, в свою очередь, зависит от того, насколько я останусь доволен твоими услугами. Я понятно выразился?

Мо посмотрел сначала на него, а потом на Мегги, и девочка изо всех сил старалась ответить ему бесстрашным взглядом, чтобы убедить отца в том, что за нее ему беспокоиться нечего, ведь, в конце концов, она всегда умела врать лучше его. Но на сей раз он не поверил ее лжи. Он знал, что страх Мегги был не меньше того, что она видела в его глазах.

«А может быть, все это только сказка? – в отчаянии подумала Мегги. – И ее вот-вот кто-то бросит читать, закрыв книгу, ведь сказка эта такая мерзкая, и мы с Мо опять окажемся дома, и я сварю ему кофе». Она крепко зажмурилась, как будто ее мысли могли исполниться, но, взглянув из-под ресниц, убедилась, что Баста стоит

позади нее, а Плосконос потирает свой вдавленный нос и глядит на Каприкорна с собачьей преданностью.

– Хорошо, – устало произнес Мо в тишине. – Я буду читать тебе вслух, но моя дочь и Элинор здесь не останутся.

Мегги очень хорошо знала, о чем он думал. А думал он о ее маме и о том, кто исчезнет на сей раз от его чтения.

– Глупости. Разумеется, они останутся, – уже не так спокойно сказал Каприкорн. – А тебе пора наконец приниматься за чтение, пока и эта книга не рассыпалась в прах у тебя в руках.

Мо на мгновение прикрыл глаза.

– Хорошо, но пусть Баста уберет нож, – сказал он хрипло. – Если он хоть волосок тронет на Мегги или Элинор – клянусь тебе, Каприкорн, я вычитаю на всех вас чуму и проказу!

Кокерель бросил на Мо испуганный взгляд, и даже по лицу Басты пробежала тень, но Каприкорн лишь рассмеялся.

– Надо ли напоминать тебе, Волшебный Язык, что это болезни заразные? – сказал он. – И вряд ли они пощадят маленьких девочек, так что брось пустые угрозы и начинай читать. Сейчас же. Сию же секунду. И прежде всего я хочу услышать кое-что вот из этой книги!

Он указал на книгу, которую Мо отложил в сторону, – «Остров сокровищ».

Волшебный Язык

Сквайр Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать все, что я знаю об острове сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического

положения острова. <…> И вот в нынешнем, 17… году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу» и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Р. Л. Стивенсон. Остров сокровищ[6]

Именно там, в церкви, Мегги впервые за девять лет услышала, как ее отец читает вслух. И даже много лет спустя, каждый раз, когда она открывала одну из книг, которые он читал в то утро, ей в нос ударял запах горелой бумаги. Позже Мегги вспоминала, что в церкви Каприкорна было прохладно, несмотря на то что солнце уже взошло высоко и, когда Мо приступил к чтению, на улице стало жарко. Он уселся на пол около книг и взял верхнюю из стопки. Мегги села рядом с Мо, но Баста успел ей помешать.

– Все на лестницу, живо! – приказал Каприкорн своим людям. – Плосконос, возьми с собой женщину. А ты, Баста, стой, где стоишь!

Элинор попыталась сопротивляться, но Плосконос схватил ее за волосы и потащил за собой. Подручные Каприкорна устроились на ступеньках у ног хозяина. Элинор сидела среди них, как нахохлившаяся голубка в окружении хищных воронов. Так же растерянно выглядел щуплый чтец, присевший в конце черной шеренги и все время поправлявший свои очки.

Мо открыл лежавшую на коленях книгу и, нахмурившись, принялся ее листать, как будто искал среди страниц то золото, которое требовал Каприкорн.

– Кокерель, отрежешь язык каждому, кто хоть пикнет, пока Волшебный Язык читает! – сказал Каприкорн, и Кокерель, достав из-за пояса нож, оглядел шеренгу, как будто подыскивая себе первую жертву.

В церкви наступила мертвая тишина. Стало так тихо, что Мегги казалось, она слышит дыхание Басты у себя за спиной. Но возможно, ей это померещилось от страха.

Подручные Каприкорна, судя по их лицам, тоже были подавлены. Они смотрели на Мо враждебно и немного опасливо. Мегги

---

6 Перевод Н. Чуковского.

прекрасно понимала их состояние. Что, если один из них исчезнет в книге, которую Мо так нерешительно листает? Сказал ли им Каприкорн, что такое возможно? Знает ли он сам об этом? А вдруг произойдет то, чего боится Мо: если исчезнет она, Мегги? Или Элинор?

– Мегги! – шепнул Мо, словно прочитав ее мысли. – Держись за меня. И ни в коем случае не отпускай, хорошо?

Мегги кивнула и одной рукой ухватилась за его свитер. Как будто это могло помочь.

Наконец Мо нарушил тишину:

– Кажется, я нашел нужное место.

Он бросил последний взгляд на Каприкорна, посмотрел на Элинор, откашлялся – и начал.

Все исчезло: красные стены церкви, лица подручных Каприкорна и сам Каприкорн на своем кресле. Остались только голос Мо и картины, которые сплетались из букв, как ковер на ткацком станке. Если бы Мегги могла возненавидеть Каприкорна еще больше, то сделала бы это сейчас. В конце концов, именно он виноват в том, что Мо все эти годы ей ни разу не читал. Сколько всего он мог бы наколдовать для нее своим голосом, придающим каждому слову особый вкус, а каждому предложению неповторимую мелодию! Даже Кокерель забыл про свой нож и языки, которые должен был отрезать, и с отсутствующим взглядом слушал. Плосконос смотрел с таким восторгом, как будто прямо через окно в церковь на всех парусах вплывал пиратский корабль. Все молчали.

Не слышно было ни звука, кроме голоса Мо, который пробуждал буквы и слова к жизни.

Только один человек, казалось, оставался совершенно невосприимчивым к волшебству. На лице Каприкорна не было выражения, он глядел на Мо тусклыми глазами и ждал, когда в благозвучии слов зазвенят монеты и послышится стук отсыревших ящиков, набитых золотом и серебром.

Мо не заставил его долго ждать. Когда он читал о том, что в темной пещере увидел Джим Хокинс, мальчик, которому в книге почти столько же лет, сколько Мегги, произошло чудо:

Золотые монеты с головами Георга или одного из Людовиков, дублоны, двойные гинеи, муадоры и цехины, монеты с

изображениями всех европейских королей за последние сто лет, странные восточные монеты, надписи на которых были похожи не то на спутанную пряжу, не то на паутину, круглые монеты, квадратные монеты, монеты с дыркой посередине, как будто их носили на шее, – в этой коллекции нашли свое место все возможные деньги, отлитые из золота. Сосчитать их было невозможно: их было столько, сколько листьев осенью под ногами. Мне так часто приходилось нагибаться, что заныла спина, и сортировать так много, что заболели пальцы.

Служанки еще стирали последние крошки со столов, когда по полированному дереву вдруг покатились монеты. Женщины от неожиданности отшатнулись, уронили тряпки и всплеснули руками. Золотые, серебряные, медные монеты, звонко ударяясь о каменный пол, падали им под ноги. Под скамейками росли кучи золота. Несколько монет докатилось до лестницы. Подручные Каприкорна вскочили, чтобы поднять ударившиеся об их сапоги золотые, но тут же отдернули руки. Ни один не решался прикоснуться к заколдованным сокровищам. А как еще можно было назвать золото, взявшееся из бумаги, печатной краски и человеческого голоса?

Стоило Мо закрыть книгу, как золотой дождь прекратился. И Мегги заметила среди сокровищ кучки песка и несколько торопливо расползавшихся синеватых жучков. Из кучи крошечных монет показалась голова изумрудно-зеленой ящерицы, которая высунула трепещущий язык из угловатой пасти и застывшими глазами стала озираться вокруг. Баста метнул в нее нож, как будто вместе с ящерицей хотел пронзить сковавший всех страх. Но Мегги вскрикнула, и животное успело ускользнуть. Клинок ударился о камни. Баста вскочил, поднял нож и угрожающе направил его на Мегги.

В этот момент Каприкорн, у которого был по-прежнему равнодушный вид, как будто ничего особенного не произошло, поднялся и, бренча кольцами, покровительственно захлопал в ладоши.

– Что ж, Волшебный Язык, для начала совсем не плохо! – объявил он. – Посмотри, Дариус! Вот это – золото. Не то что тот ржавый искореженный хлам, который ты мне вычитывал. Теперь-то ты слышал, как это делается, и, надеюсь, чему-нибудь научился – на случай, если мне еще понадобятся твои услуги.

Дариус ничего не ответил. В его взгляде читалось такое преклонение перед Мо, что Мегги показалось, он готов был упасть ее отцу в ноги. Когда Мо встал, Дариус нерешительно направился к нему.

Люди Каприкорна все еще не двигались с места и не сводили глаз с золота, словно ждали, что вот-вот с ним что-то произойдет.

– Что стоите, как коровы на выгоне? – взревел Каприкорн. – Соберите все. Живо!

– Это было великолепно! – зашептал Дариус Мо, когда подручные Каприкорна неохотно взялись за лопаты и стали сгребать монеты в мешки и ящики. Его глаза за стеклами очков блестели, как у ребенка, которому наконец подарили то, что он так долго и с нетерпением ждал. – Я читал эту книгу много раз, – неуверенно пробормотал он. – Но никогда еще не видел все так четко, как сегодня. И не только видел… Я даже чувствовал запах соли и смолы. Чувствовал, как чертов остров пахнет гнилью…

– Остров сокровищ! Боже ты мой, я чуть в штаны не наделала от страха! – За спиной Дариуса неожиданно возникла Элинор и бесцеремонно оттолкнула его в сторону. Плосконос, похоже, забыл, что должен следить за ней. – Казалось, с минуты на минуту здесь появится старый Сильвер и своим костылем надает нам всем по шее!

Мо молча кивнул, но Мегги догадалась, какое облегчение скрывалось за этим движением.

– Возьмите, – сказал Мо, протягивая книгу Дариусу. – Надеюсь, мне никогда больше не придется это читать. Не стоит слишком часто испытывать судьбу.

– Ты ведь все время произносил его имя немножко неправильно, – прошептала Мегги на ухо Мо.

– Ты заметила! – проговорил он в ответ и нежно провел пальцем по носу Мегги. – Я подумал, стоит попробовать. Возможно, страшный пират решит, что я обращаюсь не к нему, и останется там, где ему и место. Почему ты так на меня смотришь?

– А ты как думаешь? – спросила Элинор, не дав Мегги ответить. – Почему она глядит на отца с восхищением? Да потому что больше никто не умеет так читать вслух. И я говорю даже не о чудесах с монетами. Я видела абсолютно все: море и остров! Так близко, что казалось, можно было до них дотронуться. Уверена, что твоя дочь почувствовала то же самое.

Мо не сдержал улыбку. Носком ботинка он отодвинул в сторону

монеты, лежавшие на полу. Один из подручных Каприкорна тут же поднял их и украдкой сунул себе в карман.

Потом он с опаской взглянул на Мо, как будто одного слова Мо было достаточно, чтобы превратить его в лягушку или одного из тех жучков, которые все еще карабкались по куче монет.

– Мо, они тебя боятся! – шепнула Мегги.

Даже на лице Басты читался страх, хотя он всеми силами старался его скрыть и напускал на себя нарочито скучающий вид.

Единственным, кого случившееся оставило хладнокровным, был Каприкорн. Он стоял, сложив руки на груди, и наблюдал за тем, как его люди собирали последние монеты. В конце концов он не выдержал:

– Сколько вы еще будете копаться? Бросьте мелочь и садитесь по местам. А ты, Волшебный Язык, можешь приниматься за следующую книгу.

– Следующую? – Голос Элинор от возмущения сорвался. – Как это понимать? И двух жизней не хватит, чтобы истратить все то золото, которое ваши люди только что собрали. Мы немедленно едем домой!

Она хотела развернуться, но Плосконос вспомнил о своем поручении и грубо схватил Элинор за руку.

Мо поднял глаза на Каприкорна.

Но Баста, зло усмехаясь, уже положил руку на плечо Мегги и прикрикнул:

– Ты что, оглох, Волшебный Язык? Тебя ждет еще гора книг.

Мо долго смотрел на Мегги, прежде чем взять следующую книгу – ту, что он недавно уже держал в руках: «Сказки из «Тысячи и одной ночи».

– Бесконечная книга, – пробормотал Мо, открывая первую страницу. – Мегги, ты знала, что арабы верят, будто никто не может дочитать ее до конца?

Покачав головой, Мегги опустилась на холодные каменные плиты рядом с Мо. Баста не помешал ей, но встал за ее спиной. О «Тысяче и одной ночи» Мегги знала не много. Она слышала, что эта книга на самом деле состоит из многих томов. Значит, экземпляр Дариуса – это лишь небольшая часть всего собрания. Интересно, есть ли там истории про сорок разбойников и Аладдина с его волшебной лампой? И что выберет Мо?

Мегги показалось, что людей Каприкорна раздирают

противоречивые чувства: с одной стороны, они понимают, что Мо может пробудить к жизни нечто страшное, а с другой – жаждут, чтобы его голос вновь унес их далеко-далеко, туда, где забываешь обо всем на свете, даже о себе.

На этот раз, когда Мо начал читать, в воздухе не запахло солью и смолой. В церкви стало жарко. От обжигающего солнца Мегги зажмурилась и, протирая глаза, заметила на своих пальцах песок. Подручные Каприкорна вновь слушали Мо не шелохнувшись, и можно было подумать, что он превратил их в камень. И опять только Каприкорн, казалось, не чувствовал волшебства. Но глаза выдавали его: даже он был зачарован сказкой. Каприкорн не сводил с Мо своего змеиного взгляда. Из-за красного костюма бледные зрачки выглядели совсем бесцветными. Он напрягся всем телом и был похож на охотничьего пса, почуявшего дичь.

Но на этот раз Мо его разочаровал. Сундуки с сокровищами и сабли, усыпанные драгоценными камнями, так и не сошли со страниц книги, хотя голос Мо и заставил их сиять прямо перед носом людей Каприкорна. Вместо этого из книги выскользнуло нечто иное – живое, из плоти и крови.

Никто, кроме Мегги, не заметил, что между дымящимися бочками, в которых Каприкорн приказал сжечь книги, стоит мальчик. Все были слишком увлечены сказкой. Его не заметил даже Мо, глаза которого пробирались через хитросплетения букв, а мысли были далеко, в краю ветреных пустынь.

Мальчик был на три-четыре года старше Мегги. Вокруг его головы был обмотан пыльный тюрбан. Смуглое лицо исказилось от страха. Он не понимал, как оказался в этом странном месте, и тер глаза, чтобы избавиться от видения. Он озирался в церкви с таким удивлением, как будто никогда прежде не видел подобных построек. Да и где он мог их увидеть? В его истории наверняка не было ни церквей с остроконечными башнями, ни зеленых холмов, что были снаружи. Его светло-синяя длиннополая рубашка светилась в сумеречной церкви, словно кусочек неба.

«Что они сделают, когда увидят его? – подумала Мегги. – Ведь Каприкорн ждет совсем не этого».

И тут Каприкорн как раз заметил мальчика и громко крикнул:

– Стой!

Мо поднял голову, даже не дочитав предложение до конца.

Окрик заставил подручных Каприкорна очнуться. Они стали приходить в себя. Кокерель первым вскочил и с угрозой спросил:

– А этот еще откуда взялся?

Мальчик подался вперед, обвел всех оцепеневшим от ужаса взглядом и, петляя как кролик, пустился бежать. Но далеко уйти ему не удалось. Трое подручных бросились за ним и настигли его возле статуи Каприкорна.

Мо положил книгу на каменные плиты и закрыл лицо руками.

– Эй, Фульвио исчез! – крикнул один из людей Каприкорна. – Никаких следов. Словно испарился.

Все посмотрели на Мо. На лицах у всех снова появился страх. Только на этот раз к нему примешивалось не восхищение, а гнев.

– Убери мальчишку, Волшебный Язык! – раздраженно приказал Каприкорн. – Таких у меня больше чем достаточно. И верни Фульвио.

Мо отнял руки от лица и встал.

– Повторяю в стотысячный раз: я никого не могу вернуть! – воскликнул он. – И оттого, что ты мне не веришь, это не становится ложью. Я не могу. Люди появляются и исчезают не по моей воле.

Мегги взяла Мо за руку. Люди Каприкорна вернулись, держа мальчика за плечи. Они тянули его в разные стороны с такой силой, словно хотели разорвать. Мальчик с ужасом всматривался в лица своих пленителей.

– Все вернитесь на свои места! – приказал Каприкорн подручным. Некоторые из них успели подойти к Мо угрожающе близко. – Что вы так разволновались? Забыли, как глупо Фульвио повел себя во время нашего прошлого дела? Из-за него мы чуть не попали в лапы полиции. Так что виновный понес заслуженное наказание. А мальчик еще может оказаться умелым поджигателем, как знать? Но я по-прежнему хочу видеть жемчуг, золото, драгоценные камни. Вся история крутится вокруг сокровищ, так что Волшебный Язык их сейчас достанет!

Люди Каприкорна что-то беспокойно забормотали, но вернулись к лестнице и снова сели на истоптанные ступеньки. Лишь трое остались рядом с Мо и продолжали бросать на него враждебные взгляды. Одним из них был Баста.

– Ладно, допустим, Фульвио можно заменить, – прокричал он, не сводя глаз с Мо, – но кого чертов колдун заставит исчезнуть в следующий раз? Не желаю закончить свои дни в одной из этих

проклятых историй про пустыню и неожиданно обнаружить у себя на голове тюрбан!

Приятели Басты закивали и так злобно посмотрели на Мо, что у Мегги перехватило дыхание.

– Баста, я не собираюсь повторять дважды. – Каприкорн говорил угрожающе ровным тоном. – Вы позволите ему читать дальше! А если у кого-то от страха зуб на зуб не попадает, пусть убирается на улицу и помогает женщинам со стиркой.

Некоторые с вожделением взглянули на портал, но ни один не решился уйти. В конце концов оба приятеля Басты развернулись и без слов уселись рядом с остальными.

– За Фульвио ты мне еще ответишь! – прошипел Баста, обращаясь к Мо, и снова встал за спиной у Мегги, а она подумала: «Лучше бы исчез ты!»

Мальчик до сих пор не произнес ни звука.

– Заприте его. Потом посмотрим, сможет ли он нам пригодиться, – приказал Каприкорн.

Пленник даже не пытался сопротивляться, когда Плосконос потащил его за собой. Он следовал за громилой безвольно, словно оглушенный. Ноги его не слушались. Мальчик, похоже, думал, что скоро кошмарный сон закончится. Когда же он наконец поймет, что это не сон?

Как только дверь за ними захлопнулась, Каприкорн вернулся на свое место и произнес:

– Читай дальше, Волшебный Язык. У нас еще весь день впереди.

Но Мо посмотрел на книги у своих ног и покачал головой:

– Нет! Ты видел: это снова произошло. Я устал. Довольствуйся тем, что я достал тебе с острова сокровищ. Монеты стоят целое состояние. Я хочу поехать домой и никогда больше тебя не видеть.

От долгого чтения голос Мо охрип.

Каприкорн оценивающе посмотрел на Мо, а потом смерил взглядом мешки и ящики, которые его люди наполнили монетами, прикидывая, на сколько лет сладкой жизни ему хватит их содержимого.

Наконец он произнес:

– Ты прав, продолжим завтра. Иначе тут чего доброго появится какой-нибудь вонючий верблюд или еще один полуголодный мальчишка.

– Завтра?! – Мо сделал шаг в сторону Каприкорна. – Что значит

«завтра»? Остановись! Один из твоих людей уже исчез, хочешь быть следующим?

– Обо мне не беспокойся: я готов пойти на риск, – спокойно ответил Каприкорн.

Как только он поднялся с кресла и зашагал вниз по ступенькам алтаря, его подручные все как один вскочили. По сравнению с Каприкорном они выглядели как школьники, хотя некоторые были выше его ростом. Громилы спрятали руки за спину, как будто боялись, что учитель сейчас проверит чистоту их ногтей. Мегги вспомнила слова Басты о том, что он попал к Каприкорну совсем мальчишкой, и подумала: «Что же заставляет их склонять головы перед хозяином: уважение или страх?»

Каприкорн остановился у одного из доверху набитых мешков.

– Поверь мне, Волшебный Язык, у меня на тебя еще бóльшие планы, – сказал он, запустив руку в мешок и пересыпая монеты сквозь пальцы. – Сегодня я просто устроил тебе проверку. Мне же надо было для начала самому тебя послушать, чтобы убедиться в твоем даре, верно? Конечно, золото мне тоже пригодится, но завтра ты вычитаешь для меня кое-что другое. – Он не спеша подошел к коробкам, в которых прежде лежали книги, превратившиеся теперь в пепел и клочья сгоревшей бумаги, и опустил в одну из них руку. – Сюрприз! – торжественно объявил он и, улыбнувшись, достал из коробки книгу. Она выглядела иначе, чем та, которую привезли Мегги и Элинор. Книга была в бумажной суперобложке с ярким рисунком, но Каприкорн стоял слишком далеко, чтобы Мегги могла его рассмотреть. – Да, одну я оставил! – с довольным видом объявил Каприкорн, оглядывая пораженные лица собравшихся. – Это, так сказать, мой личный экземпляр. А завтра, Волшебный Язык, ты мне его почитаешь. Как я уже говорил, ваш мир мне исключительно приятен, но там у меня остался старый друг, которого мне не хватает. Твоему предшественнику я не разрешал пробовать на нем свои силы: не хотелось, чтобы мой друг появился здесь без головы или с одной ногой. Но теперь у меня есть ты, мастер своего дела.

Мо смотрел на книгу и не верил своим глазам. Он словно ждал, что в следующее мгновение она растворится в воздухе.

– Отдохни, Волшебный Язык, – сказал Каприкорн. – Побереги свой бесценный голос. У тебя будет для этого достаточно времени, потому что сейчас мне надо уехать, а вернусь я только завтра к полудню. Отведите эту троицу в их комнату, накормите и дайте

несколько одеял на ночь. Ах да, еще скажите Мортоле, чтобы принесла Волшебному Языку чай: говорят, он отлично снимает хрипоту и восстанавливает голос. Дариус, разве не ты все время говорил, что чай с медом – лучшее лекарство? – обратился он к своему бывшему чтецу.

Тот кивнул и сочувственно посмотрел на Мо.

– Вы сказали «в их комнату»? Уж не ту ли конуру, куда нас вчера бросил любитель ножей, вы так называете? – Лицо Элинор пошло красными пятнами не то от отчаяния, не то от возмущения. – То, что вы здесь устроили, – это незаконное лишение свободы! Да что там, похищение! Да, похищение людей. А знаете, сколько лет тюрьмы за это дают?

– Похищение людей! – со смаком повторил Баста. – Мне нравится, как звучит. Правда!

Каприкорн улыбнулся ему, а потом посмотрел на Элинор так, словно впервые ее увидел, и произнес:

– Баста, эта дама может нам чем-нибудь быть полезна?

– Что-то ничего в голову не приходит, – ответил Баста и ухмыльнулся, как мальчишка, которому позволили разбить игрушку.

Элинор побледнела, хотела отступить, но Кокерель преградил ей дорогу и схватил за плечи.

– А что мы обычно делаем с бесполезными вещами? – тихо спросил Каприкорн.

Баста зло улыбался.

– Прекрати! – крикнул Мо Каприкорну. – Немедленно прекрати ее пугать, иначе я ни строчки больше не прочитаю.

Каприкорн со скучающим видом отвернулся от Мо, а Баста продолжал ухмыляться.

Мегги увидела, как Элинор прижала руку к дрожащим губам, и вступилась за несчастную.

– Элинор не бесполезна. Она разбирается в книгах лучше, чем кто бы то ни было! – твердо выговорила Мегги, сжав руку Элинор.

Каприкорн обернулся. От его взгляда Мегги вздрогнула, как от прикосновения холодных пальцев к спине. Ресницы у него были белые, как паутина.

– Элинор наверняка знает больше книг о сокровищах, чем твой тощий чтец! Намного больше, – прибавила Мегги запинаясь.

Мокрые пальцы Элинор сжали руку Мегги так крепко, что чуть не раздавили.

– Да, конечно! Не сомневайтесь: кое-какие истории мне наверняка придут на ум, – проговорила она сдавленным голосом.

– Вот как? Что ж, посмотрим! – сказал Каприкорн, скривив свои губы.

По знаку хозяина подручные толкнули в спину Элинор, Мегги и Мо и повели их мимо столов, красных колонн и статуи Каприкорна к тяжелой, со скрипом отворившейся двери.

Тень от церкви падала на площадь перед домами. На улице пахло летом, небо было ясное, и солнце светило как ни в чем не бывало.

Мрачные перспективы

Удав положил на минуту свою голову на плечо Маугли.

– Храброе сердце и учтивая речь, – сказал он. – С ними ты далеко пойдешь в джунглях. А теперь уходи отсюда скорей вместе с твоими друзьями. Ступай спать, потому что скоро зайдет луна, а тебе не годится видеть то, что будет.

Р. Киплинг. Маугли[7]

Накормили их действительно досыта. Около полудня женщина

[7] Перевод Н. Дарузес.

принесла хлеб и оливки, а вечером лапшу, пахнущую свежим розмарином. Но набитый живот не скрашивал бесконечные часы ожидания и не умалял страх перед завтрашним днем. Даже книге это вряд ли удалось бы, впрочем, о чтении нечего было и думать. Под рукой не было ни одной книги. Ничего, кроме глухих стен и закрытой двери. По крайней мере, лампочку заменили, и им не пришлось сидеть в темноте. Мегги то и дело посматривала на щель под дверью, чтобы узнать, не стемнело ли, и представляла, как на улице ящерицы греются на солнышке, – она заметила их на площади перед церковью. Интересно, выбралась ли наружу та изумрудно-зеленая, что выползла из кучки рассыпанных монет? И что стало с мальчиком? Стоило Мегги закрыть глаза, как перед ней вставало его потрясенное лицо.

Мегги спрашивала себя, думает ли Мо о том же. С тех пор как их снова заперли, он не сказал ни слова. Сразу бросился на солому и отвернулся к стене. Элинор тоже была неразговорчива. Когда Кокерель закрыл дверь на засов, она только пробурчала:

– Как великодушно! Гостеприимный хозяин расщедрился еще на две кучи плесневелой соломы, – а потом уселась в угол, протянула ноги и, насупившись, принялась рассматривать то свои колени, то грязную стену.

– Мо! – произнесла Мегги, когда тишина стала невыносимой. – Как ты думаешь, что они сделают с мальчиком? И что это за друг, которого ты должен вычитать для Каприкорна?

– Не знаю, Мегги, – сказал Мо не поворачиваясь.

Больше она его ни о чем не спрашивала, просто устроила себе спальное место рядом с ним и принялась бродить вдоль голых стен. Может, за одной из них сидит сказочный мальчик? Она прислонилась ухом к стене. Ни звука. Кто-то нацарапал на штукатурке свое имя: Рикардо Бентоне, 19.5.96. Мегги пальцами провела по буквам. На расстоянии двух ладоней было еще одно имя. И еще одно. Мегги подумала: «Что с ними стало, с Рикардо, Уго, Бернардо?.. Может, и мне написать свое имя на случай, если…» – но она предусмотрительно не стала додумывать эту мысль до конца.

За ее спиной Элинор, кряхтя, растянулась на соломе. Мегги обернулась и встретила ее улыбку.

– Что бы я сейчас отдала за расческу! – сказала Элинор, убирая волосы со лба. – Никогда бы не подумала, что в такой ситуации буду мечтать именно о ней, но так и есть. Боже, я растеряла все свои невидимки, должно быть, я похожа на ведьму или растрепанную

щетку.

– Нет-нет, тебе лучше без всяких заколок: они у тебя все время съезжали, – сказала Мегги. – Мне кажется, ты даже помолодела.

– Помолодела? Хм. Ну что ж, тебе виднее. – Элинор посмотрела на себя: ее свитер был в грязи, а по чулкам ползли три стрелки. – Там, в церкви, ты меня выручила, – проговорила она, одергивая юбку. – Не струсила. А вот у меня ноги от страха стали ватными. До сих пор не понимаю, что со мной произошло. Сама себя не узнаю. Такое впечатление, что старая добрая Элинор уехала домой и оставила меня тут одну. – Губы у нее задрожали, и Мегги показалось, что она сейчас заплачет. Но прежней Элинор удалось одержать верх. – Смотри-ка, правильно говорят: только в беде можно понять, из какого теста ты сделан, – добавила она. – Я всегда думала, что меня ничем не пронять, а на деле оказалась самой настоящей трусихой. Стоило какому-то негодяю помахать у меня перед носом ножом, как я сдрейфила.

Элинор постаралась сглотнуть предательские слезы, но они все-таки выступили у нее на глазах. Она раздраженно вытерла их тыльной стороной ладони.

– Ты прекрасно держишься, Элинор! – Мо все еще лежал лицом к стене. – Вы обе прекрасно держитесь. А вот мне надо свернуть шею за то, что втянул вас в эту историю.

– Вздор! Единственный, кто заслуживает, чтобы ему свернули шею, – это Каприкорн, – сказала Элинор. – И мерзавец Баста. Господи, никогда бы не подумала, что буду с таким удовольствием представлять, как убиваю кого-то, но, попадись мне Баста, я бы…

Тут она встретила изумленный взгляд Мегги и виновато замолчала.

Мегги, пожав плечами, проговорила:

– Если честно, я чувствую то же самое, – и принялась велосипедным ключом царапать на стене букву «М». Невероятно, что он до сих пор лежал у нее в кармане. Сувенир. Память о прошлой жизни.

Мо перевернулся на спину и уставился в потолок.

– Прости меня, Мегги, – неожиданно произнес он. – Прости, что позволил им отнять книгу.

Мегги нацарапала на стене большую «Е» и, отступив на шаг, сказала:

– Какая теперь разница! Скорее всего, ты все равно не смог бы

вернуть ее обратно. – Буквы «Г» в ее имени были похожи на обкусанные «П».

– Скорее всего, так, – буркнул Мо и снова вперился в потолок.

– Ты не виноват, Мо, – сказала Мегги и хотела добавить: «Главное, что ты со мной! И Баста никогда больше не приставит тебе к горлу нож. А ее я почти не помню. И вообще видела только на фотографиях», – но промолчала. Она понимала, что это не утешит Мо, скорее еще больше расстроит. До сих пор Мегги не подозревала, как сильно Мо скучает по ее матери. Неожиданно она почувствовала укол нелепой ревности.

Без особого старания нацарапав на штукатурке «И», Мегги опустила велосипедный ключ.

Снаружи послышались шаги.

Когда они приблизились, Элинор закрыла рот руками. Дверь открыл Баста. За ним стояла женщина. Мегги узнала старуху, которую видела в доме Каприкорна. С недовольным лицом та протиснулась мимо Басты и поставила на пол термос и чашку.

– И так дел по горло! – проворчала она, выходя. – Теперь еще и этих господ кормить надо. Раз уж держите их здесь, то заставьте хотя бы работать.

Баста ответил:

– Скажи об этом Каприкорну.

Он достал из-за пояса нож и, улыбнувшись Элинор, вытер его о куртку. В сгустившихся сумерках его рубашка сияла белизной.

– Приятного чаепития, Волшебный Язык, – сказал Баста, смакуя страх на лице Элинор. – Мортола положила в термос столько меда, что от одного глотка у тебя слипнутся губы, зато горло завтра будет как новенькое.

– Что вы сделали с мальчиком? – спросил Мо.

– Кажется, его заперли рядом с вами. Завтра Кокерель устроит ему небольшое испытание огнем, после чего и решим, сможет ли он нам пригодиться.

Мо сел на соломе.

– Испытание огнем? – спросил он с горькой иронией. – Ты-то его точно не проходил: даже спичек Сажерука боишься.

– Придержи язык! – прошипел Баста. – Еще слово, и я его отрежу, каким бы ценным он ни был.

– Ты этого не сделаешь, – сказал Мо поднявшись.

Он не спеша налил горячий чай в чашку.

– Может, и не сделаю. – Баста заговорил шепотом, чтобы никто не подслушал. – Но у твоей дочурки тоже есть язык, и он не такой ценный, как твой.

Мо бросил чашку в Басту, но он успел захлопнуть дверь, и чашка разбилась вдребезги.

– Желаю приятных снов! – прокричал Баста, запирая замок. – Распоряжусь, чтобы тебе принесли новую чашку. Увидимся завтра.

Когда он ушел, все молчали. Долго-долго.

Потом Мегги прошептала:

– Мо, расскажи что-нибудь!

– Что ты хочешь послушать? – спросил Мо, положив руку ей на плечо.

Мегги тихо проговорила:

– Расскажи о том, как мы ищем клад в Египте, а вокруг песчаные бури, скорпионы и привидения, которые встают из могил, чтобы помешать нам забрать их сокровища.

– Ах, эту историю! – сказал Мо. – Я, кажется, выдумал ее на твой восьмой день рождения. Если я все правильно помню, она довольно страшная.

Мегги подтвердила:

– Очень страшная! Но все заканчивается хорошо, и мы возвращаемся домой с кучей сокровищ.

– Я тоже хочу послушать! – дрожащим голосом воскликнула Элинор. Должно быть, она все еще думала о Басте и его ноже.

Тут Мо начал рассказывать. Не было ни шелеста страниц, ни бесконечного лабиринта букв.

В середине истории Мегги встревоженно спросила:

– Мо, когда ты просто рассказываешь, в реальности ничего не появляется, правда?

Мо ответил:

– Нет. Видимо, нужно, чтобы историю выдумал кто-то другой. И без печатной краски это не работает.

Затем он продолжил рассказ, а Мегги и Элинор позволили его голосу унести их далеко-далеко и наконец заснули.

Все трое проснулись от одного и того же звука: кто-то ковырялся в замке. Мегги показалось, что она расслышала сдавленные ругательства.

Элинор первая вскочила и в ужасе зашептала:

– О нет! Они пришли за мной! Старуха добилась своего! Зачем им нас кормить? Тебя, может, и имеет смысл, – она быстро взглянула на Мо, – а я им ни к чему!

– Отойди к стене, Элинор, – сказал Мо, закрыв собой Мегги. – Не подходите к двери.

Замок глухо щелкнул, кто-то, приоткрыв дверь, протиснулся в нее. Сажерук. С опаской оглянувшись, он закрыл дверь и прислонился к ней спиной.

– Я слышал, ты снова это сделал, Волшебный Язык! – шепотом произнес Сажерук. – Говорят, бедный мальчик до сих пор не сказал ни слова. Что ж, я могу его понять. Мерзкое чувство – оказаться вдруг в чужой истории. Уж поверь мне.

– Что вам здесь нужно? – набросилась на него Элинор.

Когда она увидела Сажерука, от страха на ее лице не осталось и следа.

– Оставь его, Элинор! – Мо отстранил ее и подошел к Сажеруку. – Как твои руки?

Сажерук пожал плечами:

– Мне смазали их какой-то мазью, но кисти горят, словно их до сих пор обжигает пламя.

– Спроси, зачем он пришел! – прошептала Элинор. – Если затем, чтобы врать, будто не он втравил нас в неприятности, пожалуйста, ударь по его лживой физиономии.

Вместо ответа Сажерук бросил ей связку ключей:

– Зачем, думаете, я здесь? – Выключив свет, он с досадой проговорил: – Между прочим, было не так-то просто украсть у Басты ключи от машины, так что не помешало бы сказать спасибо, но, если хотите, можем оставить церемонии на потом. А теперь уходим: не стоит тут долго задерживаться! – Сажерук осторожно открыл дверь и прислушался. – На церковной башне стоит охрана, – прошептал он, – но они следят за холмами, а не за деревней. Собаки заперты в клетках. Если все-таки столкнемся с ними, они примут меня за своего.

– С какой стати мы должны ему доверять? – прошептала Элинор. – Что, если он опять что-нибудь затеял?

– Я хочу сбежать отсюда – вот все, что я затеял! – резко произнес Сажерук. – Мне здесь делать больше нечего! Каприкорн меня обманул. Превратил в прах мои последние надежды! Он думает, что меня можно пинать, как собаку, я и слова не скажу. Но он ошибается.

Он сжег книгу, а я заберу у него чтеца, на которого он вышел благодаря мне. А что касается вас, – обгоревшим пальцем Сажерук показал на Элинор, – вы едете с нами, потому что у вас есть машина. Пешком от людей Каприкорна не уйти, а от змей в здешних холмах и подавно. Но я не умею водить, так что…

– Вот видите, я так и знала! – вспыхнула Элинор, чуть не забыв о том, что должна говорить шепотом. – Он хочет спасти свою шкуру. Потому нам и помогает! И никаких угрызений совести! Да у него ее просто нет!

– Мне все равно, почему он нам помогает, Элинор, – прервал ее Мо. – Главное, что мы выберемся отсюда. Но с нами поедет еще один человек.

– Кто? – Сажерук тревожно взглянул на Мо.

– Мальчик, чью судьбу я невольно определил. Как и твою, – проговорил Мо, протискиваясь мимо Сажерука на улицу. – Баста сказал, что его заперли в соседней комнате. Ты легко вскроешь замок: это не проблема для твоих проворных пальцев.

– Вообще-то я их сегодня обжег! – раздраженно шепнул Сажерук. – Но я сделаю то, о чем ты просишь. Хотя твоя доброта может стоить нам жизни.

Когда Сажерук постучал в дверь с номером пять, в комнате послышался шорох.

– Похоже, они не собираются его убивать! – прошептал он, ковыряясь в замке. – Смертников запирают в церковном склепе. С тех пор как я рассказал Басте, что среди гробов бродит призрак Белых Женщин, каждый раз, когда Каприкорн его туда за чем-нибудь посылает, он бледнеет, как мучной червь. Хорошая вышла шутка. – Сажерук довольно усмехнулся.

– А они часто убивают людей? – тихо спросила Мегги, взглянув на церковь.

Сажерук пожал плечами:

– Случается. Но не так часто, как раньше.

– Оставь свои россказни при себе! – шепнул Мо, не сводя глаз с церковной башни.

На самом верху, рядом с колоколом, стоял часовой. Мегги так долго смотрела наверх, что у нее закружилась голова.

– Это не россказни, Волшебный Язык, это – правда! Или ты их уже не отличаешь? Ясное дело, правда – девушка неприглядная, никто не любит смотреть ей в лицо. – Сажерук отошел от двери и

поклонился: – Прошу! Можете забирать своего мальчика, замок открыт.

Мо шепнул Мегги:

– Иди ты первая! Тебя он не испугается.

За дверью была кромешная тьма. Когда Мегги вошла в комнату, снова послышался шорох: кто-то или что-то зашевелилось на куче соломы.

Сажерук просунулся в дверь и вложил ей в руку фонарик. Мегги включила его, и луч упал прямо на смуглое лицо мальчика. Солома, которую ему постелили, была еще хуже той, на которой спала Мегги. Похоже, что с тех пор, как Плосконос его здесь запер, мальчику было не до сна. Он сидел крепко обхватив колени, как будто собственные ноги были его единственной опорой.

Может, он все еще думает, что дурной сон скоро кончится?

– Пойдем! – шепнула ему Мегги и протянула руку. – Мы хотим тебе помочь! Вызволить тебя отсюда!

Мальчик не шевелился. Он смотрел на нее, недоверчиво прищурив глаза.

Из-за двери послышался голос Мо:

– Мегги, поторопись!

Услышав чужой голос, мальчик резко отшатнулся и ударился спиной о стену.

– Прошу тебя! Пойдем с нами! – прошептала Мегги. – Иначе они сделают тебе больно.

Минуту-другую он смотрел на Мегги, а потом нерешительно поднялся. Мальчик был выше ее почти на десять сантиметров. Вдруг он бросился к двери и с такой силой оттолкнул Мегги, что она упала. За дверью его поймал Мо.

– Эй! – тихо произнес Мо. – Успокойся! Мы правда хотим тебе помочь, но ты должен делать то, что мы тебе говорим, понятно?

– Вы все черти! Черти или демоны! – прошептал мальчик, враждебно сверкнув глазами.

Он говорил на том же языке. Ничего удивительного, ведь его сказку рассказывали на всех языках мира.

Мегги поднялась и ощупала коленку. Похоже, ударившись о каменный пол, она разбила ее в кровь.

– Если хочешь увидеть чертей, можешь просто остаться здесь! – съязвила она, проходя мимо мальчика, а он отшатнулся от Мегги, как от ведьмы.

Мо притянул его к себе и, указывая на церковную башню, прошептал:

– Видишь часового наверху? Если он нас заметит, нас всех убьют.

Мальчик взглянул на сторожевой пост.

Сажерук не выдержал и подскочил к ним.

– Пойдемте же! Если он не хочет идти, пусть остается. – И, взглянув на босые ноги мальчика, добавил: – Снимите обувь, а то будете топать, как стадо слонов.

Элинор, ворча, сняла туфли, а мальчик, хоть и неуверенно, все же пошел за ними. Быстрее всех шел Сажерук, он как будто бежал от собственной тени. Спускаясь по крутой улочке, Мегги то и дело спотыкалась. Элинор неслышно ругалась каждый раз, когда ударяла ногу об ухабистую мостовую. В темноте ветхие дома жались друг к другу и, чтобы не обвалиться, опирались на каменные подпорки. Ржавые фонари отбрасывали жутковатые тени. В дверном проеме мелькнула кошка, и Мегги вздрогнула от страха.

Слава богу, в деревне Каприкорна все спали. Правда, один раз они увидели постового, который, покуривая сигарету, стоял на соседней улочке. Вдруг на крыше завизжали кошки, и он нагнулся, чтобы бросить в них камень.

Сажерук воспользовался моментом, скомандовал, и все пятеро бесшумно проскочили мимо постового. Как хорошо, что на них не было обуви. Постовой еще долго смотрел в другую сторону, но Мегги решилась вздохнуть, только когда они свернули за угол. Она снова обратила внимание на то, что вокруг были одни заброшенные дома с заколоченными окнами и гнилыми дверями. Отчего они разрушились? Только ли от времени? Жители бросили свои дома, спасаясь от Каприкорна, или он занял уже пустую деревню? Кажется, Сажерук что-то про это рассказывал…

В этот момент Сажерук резко встал и жестом приказал всем остановиться. Обернувшись, он прижал палец к губам. Они пришли на окраину деревни. Впереди была только парковка. Два фонаря освещали потрескавшийся асфальт. По левую руку от них возвышался проволочный забор.

– На площади за забором Каприкорн устраивает свои празднества! – прошептал Сажерук. – В былые времена ребята играли на ней в футбол, а теперь там проходят дьявольские представления: костер, шнапс, пара выстрелов в воздух, петарды, измазанные сажей

лица, – и жители окрестных деревень дрожат от страха.

Все снова надели обувь и последовали за Сажеруком на парковку. Мегги все время оглядывалась на проволочный забор и думала о дьявольских празднествах. Она очень живо представила себе костер и черные от сажи лица…

Мо тащил ее за собой и повторял:

– Скорей, Мегги, пошли!

В темноте послышался плеск воды, и Мегги вспомнила, что по дороге сюда они проезжали мост. Что, если сегодня там будет сторожевой пост?

На парковке стояло несколько автомобилей. В стороне от остальных они увидели машину Элинор. Над крышами возвышалась церковная башня: больше ничто не скрывало их от часового. На таком расстоянии Мегги не могла его рассмотреть, но он наверняка все еще стоял наверху. Оттуда они, должно быть, выглядят, как букашки, ползущие по столу. Интересно, есть ли у него бинокль?

– Ну же! – шепнул Мо, когда Элинор замешкалась, открывая машину.

– Сейчас! – буркнула она. – У меня не такие проворные пальцы, как у нашего друга.

Мо положил руку Мегги на плечо и тревожно осмотрелся. Но ни на парковке, ни около домов не было никого, кроме нескольких бездомных кошек. Облегченно вздохнув, Мо усадил Мегги на заднее сиденье.

Мальчик обвел машину недоверчивым взглядом: видимо, автомобиль представлялся ему диковинным животным, которое ведет себя смирно, но при желании может проглотить человека. В конце концов он тоже сел на заднее сиденье.

Мегги неприязненно посмотрела на него и отодвинулась как можно дальше. Колено до сих пор болело.

– Куда делся чертов пожиратель спичек? – прошептала Элинор. – Не говорите мне, что он опять пропал!

Мегги первая заметила Сажерука: он крадучись продвигался от одной машины к другой.

Элинор, борясь с искушением уехать без него, крепко сжала руль и прошептала:

– Что этот малый опять затеял?

Никто не мог ей ответить. Время в ожидании Сажерука тянулось мучительно долго. Наконец он пришел и на ходу сложил нож.

– Что все это значит? – рявкнула Элинор, когда Сажерук сел на заднее сиденье рядом с мальчиком. – Разве не вы все время твердили, что нам надо поторапливаться? И для чего вам понадобился нож? Уж не зарезали ли вы кого-нибудь?

– Разве меня зовут Баста? – раздраженно воскликнул Сажерук, с трудом втиснув ноги за сиденье водителя. – Я проколол шины, только и всего. На всякий случай.

Мегги беспокойно заметила:

– Это нож Басты.

Сажерук сунул нож в карман и улыбнулся:

– Теперь уже нет. С удовольствием бы украл и его дурацкий амулет, который он все время носит на шее. Но оказалось, он не снимает его даже на ночь, так что мне пришлось отказаться от своей затеи.

Где-то залаяли собаки, и Мо, опустив стекло, встревоженно высунулся наружу.

Элинор попыталась его успокоить:

– Да они просто на жаб гавкают.

Внезапно Мегги услышала хлопок. Она испуганно посмотрела в заднее стекло и увидела, что из грязно-белого фургона вылез мужчина. Мегги узнала одного из подручных Каприкорна: он тоже был в церкви. Громила озирался, протирая глаза.

Элинор завела мотор, и подручный, стаскивая с плеча ружье, бросился к их машине. Мегги на мгновение чуть не пожалела его: спросонья он явно не понимал, что происходит. Что Каприкорн сделает с часовым, который спал вместо того, чтобы следить за обстановкой? Но тут подручный прицелился и выстрелил. Мегги пригнулась, а Элинор нажала на газ.

– Черт побери! – крикнула она Сажеруку. – Вы что, не заметили этого типа, когда возились с машинами?

– Нет, не заметил! – проревел тот. – А теперь поехали! Не сюда! Вон та дорога выходит на шоссе!

Элинор резко вывернула руль. Мегги увидела, что мальчик рядом с ней весь съежился. При каждом выстреле он закрывал глаза и затыкал уши. Упоминались ли в его книге ружья? Нет. Так же как и автомобили. Машина скакала по ухабам, и Мегги с мальчиком больно столкнулись головами. Наконец они выехали на шоссе, но тряска от этого не прекратилась.

– Это не та дорога, по которой мы приехали! – крикнула Элинор.

Деревня Каприкорна нависала над ними, как крепость. Дома никак не хотели удаляться.

– Та самая! Просто Баста встретил нас выше.

Одной рукой Сажерук держался за сиденье, а другой сжимал рюкзак. Оттуда послышалось недовольное рычание, и мальчик испуганно покосился на сумку.

Вот они проехали знакомый холм, где вчера наткнулись на Басту и с которого впервые увидели селение. Неожиданно дома пропали из виду. Ночная тьма поглотила деревню Каприкорна, словно та никогда и не существовала.

Сторожевого поста не было ни на мосту, ни у ржавого забора, преграждавшего путь в деревню. Мегги оглянулась и смотрела на ограду до тех пор, пока и та не исчезла во мраке. «Теперь все кончилось, – подумала Мегги. – Все позади».

Стояла ясная ночь. Никогда прежде Мегги не видела столько звезд. Небо было похоже на расшитое жемчугом покрывало. Холмы повторяли изгибы кошачьей спины. И казалось, кроме ночи и этих холмов, в мире больше ничего нет: ни людей, ни домов, ни страха.

Мо обернулся, убрал волосы у Мегги со лба и спросил:

– Все в порядке?

Она кивнула и закрыла глаза. Мегги почувствовала, что хочет только одного: спать. Но сердце стучало слишком громко…

У ее уха кто-то монотонно произнес:

– Это все сон, кошмарный сон.

Мегги повернулась к мальчику. Он решительно тряхнул головой и, не глядя на нее, повторил:

– Сон! Другого объяснения нет. Вокруг все ненастоящее, не такое, как в реальности. Как будто я сошел с ума. Так обычно и бывает во сне. А в довершение всего, – он кивнул в сторону окна, – мы еще и летим. Или ночь пролетает мимо нас. Не все ли равно!

Мегги сдержала улыбку. Она чуть не сказала: «Это не сон», но слишком устала, чтобы все объяснять. Вместо этого она взглянула на Сажерука: поглаживая рюкзак, он пытался успокоить свою разгневанную куницу.

– Даже и не думай! – сказал он, заметив ее взгляд. – Я не стану ему ничего объяснять. Пусть это делает твой отец. В конце концов, это он виноват в кошмарном сне мальчика.

Мо обернулся: на его лице ясно читались угрызения совести.

– Как тебя зовут? – обратился он к мальчику. – Твоего имени не

было в…

Мо осекся.

Мальчик недоверчиво посмотрел на него, опустил голову и глухим голосом произнес:

– Меня зовут Фарид. Но мне кажется, разговаривать во сне – плохая примета. Можешь позабыть дорогу домой. – Он плотно сжал губы и, чтобы ни на кого не смотреть, уставился прямо перед собой. Были ли у него в сказке родители? Вроде бы нет. Мегги помнила только, что речь шла о безымянном мальчике, который прислуживал шайке разбойников. – Это – сон, всего лишь сон, – как в бреду повторил Фарид. – Утром взойдет солнце, и все исчезнет. Да.

Мо смотрел на мальчика грустными растерянными глазами, как на птенца, которого взял погладить, а когда вернул в гнездо, родители его больше не приняли. «Бедный Мо, бедный Фарид», – подумала Мегги. Но была и еще одна мысль, за которую ей было стыдно. Она появилась в тот момент, когда из кучи золотых монет в церкви Каприкорна выползла ящерица. «Я тоже так хочу», – снова и снова шептал Мегги внутренний голос. Навязчивая мысль, словно кукушка, гнездилась в ее голове, и, как Мегги ни пыталась отделаться от этого желания, оно только усиливалось. «Я тоже так хочу. Хочу вызывать из книг разных чудесных персонажей, хочу, чтобы они, улыбаясь, сидели рядом со мной и чтобы к ним можно было прикоснуться. Хочу, хочу, хочу!»

На улице было по-прежнему темно, и казалось, утро никогда не наступит.

– Едем без остановок! – сказала Элинор. – Не остановлюсь, пока не увижу свой дом!

Вдруг далеко позади показались огни автомобиля, словно на ощупь пробиравшегося сквозь ночную мглу.

Змеи и колючки

Борриблы оглянулись и увидели на другом конце моста два ярких светящихся круга. Их отблески тонули в темных небесах. Это были фары автомобиля, готового в любой момент сорваться с места. Машина стояла на северном конце моста – беглецы были там всего несколько минут назад.

М. де Ларрабейти. Борриблы-2. В лабиринте спирали

Как ни давила Элинор на газ, огни фар все равно приближались.

– Может, это просто случайная машина! – сказала Мегги, прекрасно понимая, что звучит это крайне неубедительно.

Ухабистое шоссе, по которому они ехали вот уже почти час, вело к одному-единственному селению – деревне Каприкорна. Преследователи могли ехать только оттуда.

– Что теперь будет? – вскричала Элинор. От волнения она ехала зигзагами. – Не позволю снова запереть себя в той конуре! Нет, нет, нет! – При каждом «нет» она била ладонью по рулю. – Разве вы не говорили, что прокололи им шины? – Элинор с новой силой набросилась на Сажерука.

– Проколол! – огрызнулся тот. – Очевидно, они были к этому

готовы: вы никогда не слышали о запасных шинах? Прибавьте скорость! Скоро должна показаться какая-то деревня. Мы уже близко. Только бы добраться туда прежде, чем…

– Только бы! – передразнила его Элинор и постучала пальцем по топливному датчику. – Бензина хватит на десять, от силы на пятнадцать километров.

Но даже столько им проехать не удалось. На следующем же крутом повороте лопнуло переднее колесо. Элинор едва успела вывернуть руль, и машину выбросило с дороги. Мегги вскрикнула и закрыла лицо руками. Ей показалось, что они падают с крутого склона, который она видела с левой стороны от шоссе. Но к счастью, автомобиль полетел направо. Оцарапав крыло о низкую каменную ограду, он остановился и испустил дух. Они стояли под старым дубом, который склонился над дорогой, словно хотел ветками достать до асфальта.

– Черт! Проклятье! – ругалась Элинор, отстегивая ремень безопасности. – Все целы?

– Вот поэтому я и не доверяю машинам! – буркнул Сажерук, толкнув дверь.

Мегги дрожала всем телом и не могла сдвинуться с места. Мо вытащил ее из машины и обеспокоенно посмотрел ей в глаза:

– С тобой все в порядке?

Мегги кивнула.

Фарид вылез за Сажеруком. Может быть, авария убедила его в реальности происходящего?

Сажерук вышел на дорогу, надел рюкзак на плечо и прислушался. Вдали раздавался гул мотора.

– Нужно убрать машину с дороги! – сказал он.

– Что? – Элинор не поверила своим ушам.

– Столкнем ее со склона.

– Мою машину? – взвизгнула Элинор.

– Он прав, – сказал Мо. – Может, так нам удастся сбить их с толку. Столкнем машину со склона, и они либо вообще не заметят ее в темноте, либо подумают, что мы свернули с дороги вниз. А мы тем временем вскарабкаемся на холм и спрячемся за деревьями.

Элинор с сомнением взглянула наверх:

– Холм слишком крутой! И как быть со змеями?

– Баста наверняка уже нашел себе новый нож, – сказал Сажерук.

Элинор бросила на него суровый взгляд и, не сказав ни слова,

открыла багажник.

– Где наши вещи? – спросила она.

Сажерук усмехнулся и объяснил:

– Скорее всего, Баста раздал их служанкам Каприкорна. Должен же он как-то располагать к себе девушек.

Элинор посмотрела на него так, словно не поверила ни единому его слову. Затем она захлопнула багажник, уперлась руками в машину и начала ее толкать.

Элинор, Сажерук и Мо налегли на автомобиль и столкнули его со склона. Но машина застряла, не проехав и двух метров: уткнулась стальным носом в заросли кустарника. Тем временем гул мотора, столь неуместный в этой безлюдной глуши, раздавался все громче и уже совсем близко. Сажерук не преминул дать глупой машине последнего пинка, и все трое, мокрые от пота, вернулись на шоссе. Перебравшись через каменную ограду, которой с виду было не меньше тысячи лет, все стали взбираться на холм. Прочь от дороги. Мо тащил за собой Мегги, Сажерук помогал Фариду, Элинор и самой было тяжело идти. Весь склон был поделен изгородями на небольшие участки: они напоминали об упрямой попытке человека отвоевать у природы клочок земли, чтобы вырастить на нем несколько оливковых или виноградных деревьев. Теперь деревья одичали, а на земле лежали плоды, которые никто не собирал: убегая от трудностей здешней жизни, люди давно перебрались в другое место.

– Пригнитесь! – тяжело дыша, произнес Сажерук и укрылся с Фаридом за покосившейся изгородью. – Они подъезжают!

Мо и Мегги спрятались за деревом, среди спутанных корней которого рос терновник. Мо потянул Мегги вниз, и кустарник скрыл ее с головой.

– А как же змеи? – прошептала Элинор, неуклюже пробираясь к ним.

– Сейчас для них слишком холодно! – сказал Сажерук из укрытия. – Неужели вы ничему не научились из своих умных книжек?

С губ Элинор уже готов был сорваться ответ, но Мо зажал ей рот рукой. Внизу показалась машина. Это был фургон, из которого на парковке вылез сонный охранник. Не замедляя скорость, он проехал мимо того места, откуда они столкнули машину Элинор, и скрылся за поворотом. Мегги уже хотела облегченно вздохнуть и высунуть голову из терновника, но Мо не дал ей подняться и прошептал:

– Еще рано!

Он напряженно вслушивался в ночь. Было так тихо, что Мегги впервые в жизни показалось, будто она слышит дыхание деревьев, травы и самой ночи…

Огни фургона появились на склоне соседнего холма. Они были похожи на светящиеся руки, нащупывавшие в темноте дорогу. Вдруг машина остановилась.

– Боже, они разворачиваются! – прошептала Элинор. – О нет! Что же теперь будет?

Элинор хотела подняться, но Мо удержал ее:

– Ты с ума сошла? Мы не успеем забраться выше – они нас заметят.

Мо был прав. Фургон очень скоро вернулся. Мегги увидела, как он остановился всего в нескольких метрах от того места, откуда они столкнули машину, и услышала, как из него выпрыгнули двое мужчин. Оба стояли к ним спиной, но, когда один на мгновение повернулся, Мегги показалось, что она узнала лицо Басты, хотя в сумерках трудно было разобрать черты.

– Вон их машина! – сказал другой.

Плосконос? По крайней мере, такой же высокий и широкоплечий.

– Проверь, может, они внутри.

Точно, это был Баста. Его голос Мегги узнала бы из тысячи.

Плосконос спускался по склону неуклюже, как медведь. Мегги слышала, как он ругался на терновник, колючки, темноту и тех проклятых мерзавцев, из-за которых он должен рыскать тут в ночи. Баста все еще стоял на дороге. Когда он щелкнул зажигалкой, чтобы закурить сигарету, на его лицо легли резкие тени. Дым тонкими струйками поднимался по склону холма, и Мегги казалось, что она чувствует его запах.

– Их здесь нет! – крикнул Плосконос. – Похоже, они пошли пешком. Черт, думаешь, надо гнаться за ними?

Баста подошел к обочине и посмотрел вниз. Потом он повернулся и взглянул на холм, где Мегги, сидя на корточках, прижалась к Мо. Сердце готово было выпрыгнуть у нее из груди.

– Далеко они уйти не могли, – произнес Баста. – Но в темноте сложно будет отыскать следы.

– Вот именно! – Плосконос вернулся на шоссе и перевел дух. – Мы ведь не индейцы, черт бы их побрал, так?

Баста ничего не ответил. Он стоял на дороге, курил сигарету и прислушивался. Вдруг он что-то шепнул Плосконосу на ухо. Сердце Мегги замерло.

Плосконос встревоженно осмотрелся, и Мегги услышала, как он сказал:

– Нет, давай лучше съездим за собаками! Даже если они спрятались где-то здесь, как мы узнаем, спустились они или поднялись на холм?

Баста еще раз взглянул на деревья, потом посмотрел вниз и потушил сигарету. Вернувшись к фургону, он достал из него два ружья.

– Проверим сначала склон, – сказал он, бросив ружье Плосконосу. – Толстуха наверняка предпочла спускаться.

И он исчез в темноте. Плосконос что-то проворчал, с тоской взглянул на фургон и, переваливаясь, пошел за Бастой.

Не успели злодеи скрыться, как Сажерук бесшумно, словно тень, поднялся и указал на вершину холма. Все последовали за ним. В висках у Мегги стучало. Они перебегали от дерева к дереву, от куста к кусту и то и дело оглядывались. Стоило ветке треснуть под чьим-нибудь ботинком, как Мегги вздрагивала. К счастью, Баста и Плосконос сами довольно шумно пробирались сквозь чащу.

В какой-то момент шоссе исчезло из виду. Но страх не исчез. Страх того, что Баста, быть может, уже развернулся и следует за ними по пятам. Хотя каждый раз, когда они останавливались и замирали, слышно было только их собственное дыхание.

– Скоро они заметят, что пошли не в ту сторону, – прошептал Сажерук. – И привезут собак. Нам повезло, что они их сразу не взяли с собой. Баста их не очень-то ценит. И правильно делает: я частенько подкармливал их сыром, а это притупляет собачий нюх. Но в конце концов он все-таки за ними поедет, потому что даже Басте не поздоровится, если он сообщит Каприкорну плохую новость.

– Значит, надо идти быстрее! – сказал Мо.

– Но куда? – запыхавшись и едва успевая за всеми, спросила Элинор.

Сажерук обернулся, зачем – Мегги не поняла: в темноте ничего нельзя было разглядеть.

– Нужно идти на юг, – сказал он. – В сторону берега. Надо добраться до людей. Только так мы сможем спастись. В низине ночи

короче, да и в дьявола никто не верит.

Фарид стоял рядом с Мегги и напряженно всматривался в ночь, как будто хотел силой мысли приблизить утро или хотя бы различить во мраке людей, о которых говорил Сажерук. Но нигде не было ни проблеска света. Только на небе холодно мерцала звездная россыпь. Мегги вдруг показалось, что звезды следят за ними, чтобы предать: «Гляди, Баста, вот же они! Лови их скорее!»

Спотыкаясь, они продолжили путь. Шли близко друг к другу, чтобы никто не потерялся. Сажерук достал из рюкзака Гвина, надел на него поводок и опустил на землю. Похоже, зверьку это не понравилось: Сажерук то и дело тянул куницу, которую манило в заросли обилие соблазнительных запахов, недоступных человеческому обонянию. Гвин шипел, осуждающе тявкал, кусал и тянул цепь.

– Проклятье, не хватало мне еще запнуться об эту тварь, – проворчала Элинор. – Она может не лезть мне под ноги? И так на них живого места нет. Одно я знаю точно: как только мы доберемся до города, я сниму в отеле самый лучший номер, который можно получить за деньги, и уложу свои бедные ножки на большую мягкую подушку.

– У тебя с собой есть деньги? – удивленно спросил Мо. – У меня они сразу все забрали.

– Ну, мое портмоне Баста, конечно, тоже прикарманил, – хитро проговорила Элинор. – Но я женщина предусмотрительная, и кредитную карточку держу в надежном месте.

– Есть место, которое надежно защищено от Басты? – спросил Сажерук, стащив Гвина с дерева.

– Безусловно, – сказала Элинор. – Ни один мужчина не решится обыскивать старую толстую женщину. И этим можно воспользоваться. Некоторые свои самые ценные книги я…

Взгляд Элинор упал на Мегги, она резко замолчала и откашлялась. Мегги сделала вид, что не расслышала последнее предложение или не поняла, о чем речь.

– Не такая уж ты и толстая! – возразила Мегги. – И «старая» – тоже сильно преувеличено.

Как же болели ноги!

– Большое спасибо, дорогуша! – сказала Элинор. – Пожалуй, куплю тебя у отца, чтобы ты мне по три раза на дню делала комплименты. Сколько просишь за нее, Мо?

– Хм, надо подумать, – ответил Мо. – Как насчет трех плиток шоколада в день?

Негромко болтая, они пробирались сквозь терновые заросли холмов. И было не важно, о чем говорить. Слова они произносили с одной-единственной целью: чтобы забыть о страхе и усталости, сковывавшей тела. Они шли все дальше и дальше в надежде, что Сажерук знает, куда их ведет. Мегги ни на шаг не отставала от Мо: его спина хоть немного защищала от колючих веток, которые цеплялись за одежду и царапали лицо. Они были похожи на затаившихся в темноте хищных зверей с острыми как лезвия когтями.

Наконец они вышли на тропинку, которая была усеяна пустыми гильзами, – значит, охотники принесли сюда смерть. Несмотря на то что по утоптанной земле идти было легче, Мегги от усталости едва передвигала ноги. Когда она в полусне во второй раз наступила Мо на пятки, он поднял ее и понес на спине. Раньше, когда она еще не успевала за его широкими шагами, он часто так делал. Тогда Мо называл ее Блохой, Пушинкой или Динь-Динь, как фею из «Питера Пэна». Эти ласковые прозвища до сих пор сохранились за Мегги.

Она устало опустила голову Мо на плечо и попыталась думать о Питере Пэне, а не о змеях и людях с ножами. Но на этот раз жизнь оказалась остросюжетнее любой вымышленной истории, и отвлечься было не так-то просто.

Фарид уже долго ничего не говорил. Спотыкаясь, он брел за Сажеруком. Ему, похоже, понравился Гвин: каждый раз, когда куница, не привыкшая гулять на цепи, где-нибудь запутывалась, Фарид спешил ее освободить, несмотря на то что она шипела и старалась его укусить. Один раз зубы Гвина так глубоко впились в большой палец мальчика, что из пальца пошла кровь. Пока Фарид ее стирал, Сажерук в шутку поинтересовался:

– Ну что, все еще думаешь, что это сон?

Мальчик ничего не ответил. Он пососал больной палец, сплюнул и спросил:

– Что это еще может быть?

Сажерук посмотрел на Мо, но тот был слишком погружен в свои мысли и даже не заметил обращенного на него взгляда.

– Как насчет «просто другая история»? – предложил Сажерук.

Фарид рассмеялся:

– История! Это мне нравится. Я всегда любил разные истории.

– Да ну! И как тебе эта?

– С колючками перебор, и рассвет немного задерживается, но в целом ничего: ведь мне до сих пор не пришлось работать.

Мегги улыбнулась.

Вдалеке послышалось птичье пение. Гвин остановился и начал принюхиваться. Ночь – время хищников. Так было всегда. Сидя дома, под защитой света и толстых стен, об этом легко забыть. Ночь благоволит к охотникам: под ее покровом они без труда подкрадываются к ослепленной тьмой жертве. Мегги вспомнила слова из одной любимой книжки: «…В ночные часы правят Клык, Коготь и Лапа».

Мегги щекой прижалась к Мо и, не успев подумать: «Может, пора самой пойти, он меня уже долго несет», задремала прямо у Мо на спине.

Баста

Эта тихая роща оглашалась когда-то предсмертными криками. Мне чудилось, что я и сейчас слышу стоны и вопли несчастных.

Р. Л. Стивенсон. Остров сокровищ

Мегги проснулась, оттого что Мо остановился. Тропинка привела их почти к самому гребню холма. Было еще темно, но ночь, склонившись в приветственном реверансе перед рассветом, на горизонте слегка подобрала полы платья.

– Сажерук, надо отдохнуть, – послышался голос Мо. – Мальчик еле плетется, да и Элинор уже не стоит на ногах. По-моему, это подходящее место для привала.

– На ногах? – переспросила Элинор и со вздохом опустилась на землю. – Это уже не ноги, а одна сплошная рана!

Мо поднял ее и произнес:

– Я все понимаю, но несколько шагов тебе все же придется пройти: сделаем привал вон там.

Слева от них, метрах в пятидесяти, на самой вершине холма под оливковыми деревьями приютился домик, если его можно было так назвать. Стены его выглядели так, словно кто-то наспех положил несколько камней один на другой, крыша провалилась, а на месте двери зияла черная дыра.

Мегги слезла со спины Мо. Чтобы войти, Мо пришлось пригнуться. Весь пол был усыпан щепками, которые когда-то были кровлей, в углу лежали осколки глиняной тарелки или миски, пустой мешок и несколько обглоданных костей.

Мо охнул.

– Не очень-то уютное место, Мегги, – сказал он. – Представь, что ты в убежище потерянных мальчишек или…

– В хижине Гекльберри Финна, – осмотревшись, добавила Мегги. – Я все-таки лучше на улице переночую.

Вошла Элинор. Ей тоже не понравилось это место.

Мо поцеловал Мегги и, направившись к двери, со вздохом сказал:

– Поверь мне, внутри безопасней!

Мегги взволнованно оглянулась:

– Ты куда? Тебе ведь тоже надо поспать!

– Да нет, я не устал. – По его лицу было видно, что он говорит неправду. – А теперь спи, ладно? – И Мо исчез за дверью.

Элинор ногами разгребла щепки, сняла кофту и постелила ее на пол.

– Иди сюда! Попробуем вместе устроиться поудобнее. Твой отец прав: просто представим, что находимся не здесь. Хотела бы я знать, почему читать про приключения приятней, чем попадать в них, – пробормотала она, растягиваясь на полу.

Немного поколебавшись, Мегги улеглась рядом с ней.

– Хорошо, хоть дождя нет, – заметила Элинор, глядя на провалившуюся крышу. – Зато можно любоваться на звезды. Хотя они уже поблекли. Может, дома тоже прорубить в крыше пару дырок? Можешь положить голову мне на плечо, чтобы пауки в уши не заползли. – Напоследок Элинор проворчала: – Боже мой! Похоже, придется купить себе новые ноги – эти уже никуда не годятся, – и с этими словами она уснула.

А к Мегги сон не шел. Она лежала с широко открытыми глазами и прислушивалась. За дверью Мо и Сажерук что-то тихо обсуждали, но о чем они говорили, Мегги разобрать не могла. Однажды ей показалось, что кто-то из них произнес имя Басты. Фарид тоже остался на улице, но его совсем не было слышно.

Элинор вскоре захрапела, а Мегги оставила всякие попытки заснуть. Она тихонько поднялась и прокралась к выходу. Мо тоже не спал. Прислонившись к дереву, он наблюдал за тем, как утро прогоняет ночь с окрестных холмов. В нескольких метрах от него

сидел Сажерук. Когда Мегги вышла из хижины, он посмотрел на нее, но тут же опустил голову. Может быть, в этот момент он подумал о феях и гномах? Рядом с ним, свернувшись калачиком, как щенок, спал Фарид. У ног Сажерука сидел Гвин и что-то грыз. Мегги быстро отвела взгляд.

В предрассветных сумерках постепенно вырисовывались вершины холмов. Вдалеке Мегги разглядела рассыпанные по зеленым склонам домики. Отсюда они выглядели как кукольные. Где-то за ними должно быть море. Она положила голову на колени Мо и посмотрела ему в глаза.

– Они ведь не смогут нас здесь найти, правда?

– Конечно нет! – уверенно произнес Мо, но лицо его выражало сомнение. – Почему ты не спишь?

– Элинор храпит, – пробормотала Мегги.

Мо улыбнулся, а потом, нахмурившись, посмотрел на склон, где в зарослях ладанника, дрока и бурьяна терялась тропинка, по которой они пришли.

Сажерук тоже не сводил глаз с дорожки. Под охраной двух мужчин Мегги успокоилась и, как Фарид, скоро заснула крепким сном, как будто земля возле разрушенной хижины была устлана не колючками, а пухом. И когда Мо растормошил ее и закрыл ей рот рукой, она поначалу подумала, что это страшный сон.

Предупреждая, что надо молчать, Мо прижал палец к губам. Мегги услышала шорох травы и собачий визг. Мо поднял ее на ноги и втолкнул вместе с Фаридом в темную хижину. Элинор все еще храпела. В лучах утреннего света она выглядела молодой, но, как только Мо ее разбудил, на лице у нее вновь появились усталость, забота и страх.

Мо и Сажерук встали по обе стороны от дверного проема и прислонились к стене. Утреннюю тишину нарушили мужские голоса. Мегги показалось, она слышит, как жадно принюхиваются собаки, и ей захотелось исчезнуть, стать воздухом без цвета и запаха. Фарид с распахнутыми глазами стоял рядом с ней, и Мегги впервые заметила, что глаза у него почти черные. Ни у кого прежде она не видела таких темных глаз, а ресницы длинные-длинные, как у девочки.

Элинор вжалась в стену и от страха до крови прикусила губу. Сажерук подал Мо знак, и, прежде чем Мегги успела понять, что они задумали, оба выскользнули на улицу и спрятались за оливковыми деревьями со спутанными, опустившимися до самой земли ветвями.

Ребенок легко мог бы за ними укрыться, но для двух взрослых мужчин деревья были слишком низкими.

Мегги украдкой наблюдала через дверной проем за тем, что происходит на улице. Сердце бешено колотилось, она задыхалась. Солнце поднялось уже высоко и освещало каждую впадину, каждое дерево. Мегги захотелось, чтобы снова настала ночь. Мо опустился на колени, и его голова скрылась за кроной оливы. Сажерук прижался к кривому стволу. И тут – ужасно близко! – самое большее в двадцати шагах от них Мегги увидела Басту. Он взбирался на холм, раздвигая чертополох и по колено утопая в траве.

– Да они давно уже спустились в долину! – послышался чей-то угрюмый голос.

Через мгновение рядом с Бастой появился Плосконос. С ними были два страшных пса. Пытаясь напасть на след, собаки зарыли большие головы в траву.

– С двумя детьми и толстухой? – Баста покачал головой и огляделся.

Фарид через плечо Мегги посмотрел на улицу и, увидев злодеев, отскочил как ужаленный.

По губам Элинор Мегги прочла немой вопрос: «Баста?» И когда она кивнула, бескровное лицо Элинор стало еще бледнее.

– Черт! Баста, сколько ты еще собираешься здесь торчать? – В тишине возглас Плосконоса разлетелся по всем окрестным холмам. – Скоро змеи проснутся. К тому же я голоден. Давай просто скажем, что их машина сорвалась со склона. Немного подтолкнем ее, и о нашем маленьком обмане никто не узнает! Скорее всего, змеи их все равно прикончат. А если нет, они заблудятся, умрут с голоду, получат солнечный удар, да мало ли что… Во всяком случае, мы их больше не увидим.

– Он давал им сыр! – Баста зло потянул собак за поводок. – Чертов пожиратель огня кормил их сыром, чтобы они ничего не могли унюхать. А мне никто не верил! Неудивительно, что они визжат от радости каждый раз, когда видят этого страшилу.

– Ты бы их еще сильнее бил! – пробурчал Плосконос. – Поэтому они и не стараются. Собаки не любят, когда их бьют.

– Чушь. Если не будешь бить собаку, она тебя же и укусит! Потому-то они и любят пожирателя огня: он тоже все время скулит, а на самом деле норовит укусить исподтишка. Предатель. – Один из псов улегся на траве и принялся лизать лапы. Баста в бешенстве пнул

его в бок, рванул на себя цепь и крикнул Плосконосу: – Если хочешь, можешь возвращаться в деревню! А я не успокоюсь, пока не поймаю проклятого пожирателя огня и не отрежу ему все пальцы. Посмотрим тогда, сможет ли он так же ловко жонглировать своими шарами. Я всегда говорил, что ему нельзя верить, но босс находил его игры с огнем такими забавными!

– Ладно, успокойся. Все знают, что ты никогда его не выносил, – скучающим тоном произнес Плосконос. – Но, может, он и не имеет отношения к их побегу. Ты же знаешь, он себе на уме: то появляется, то исчезает. Вполне возможно, что завтра он придет и скажет, что ни о чем и слыхом не слыхивал.

– Да, это было бы в его репертуаре, – проворчал Баста и пошел дальше, с каждым шагом приближаясь к деревьям, за которыми прятались Мо и Сажерук. – Вот только как быть с ключами от машины толстухи: скажешь, Волшебный Язык заставил их исчезнуть у меня из-под подушки? Нет. После того как он дерзнул украсть у меня одну вещь, ему не помогут никакие отговорки.

Сажерук машинально опустил руку на пояс и нащупал нож, словно опасаясь, что тот сейчас позовет своего владельца. Один из псов поднял голову и, принюхиваясь, потянул Басту к деревьям.

– Он что-то почуял! – сказал Баста хриплым от волнения голосом. – Глупая дворняга действительно что-то унюхала!

До оливковых деревьев ему осталось каких-то десять шагов. Что же им делать? Что делать?

Плосконос недоверчиво нахмурился и, тяжело ступая, последовал за Бастой.

– Скорее всего, где-нибудь в кустах засел кабан, – услышала Мегги его голос. – Этих скотов надо остерегаться: могут и с ног сбить. Проклятье, змея! Одна из тех черных. Надеюсь, ты положил в машину противоядие?

Плосконос встал как вкопанный и уставился на землю прямо перед собой. Баста, не обращая на него внимания, следовал за сопящим псом. Еще шаг-два, и Мо смог бы коснуться его рукой. Баста снял с плеча ружье, остановился и прислушался. Собаки потянули его налево и, завывая, запрыгали вокруг дерева.

В ветвях сидел Гвин.

– Ну, что я говорил? – крикнул Плосконос. – Они учуяли куницу! Эти твари так воняют, что даже я мог бы их выследить.

– Это не просто куница! – прошипел Баста. – Ты что, не узнаешь

его?

Он взглянул на разрушенную хижину и, не замечая ничего вокруг, устремился к ней.

Мо воспользовался тем, что Баста его не видит, неожиданно выскочил из-за дерева, налетел на злодея и попытался выбить у него из рук ружье.

– Фас, взять его, глупые псины! – взревел Баста.

И на этот раз собаки действительно его послушались. Оскалив желтые зубы, они набросились на Мо. Мегги кинулась ему на помощь, но Элинор, как тогда, в доме, крепко схватила ее и не пускала, несмотря на все попытки девочки вырваться.

И все-таки кое-кто не дал собакам укусить Мо. Сажерук оттащил псов за ошейники, и Мегги показалось, что они сейчас разорвут его. Но собаки, приветствуя старого друга, бросились ему на грудь и, чуть не опрокинув, стали лизать ему ладони. Прежде чем Баста успел снова скомандовать, Мо зажал ему рот рукой.

А как же Плосконос? К счастью, соображал он туго, и это их спасло. Несколько мгновений он безучастно наблюдал за тем, как Баста борется с Мо за ружье.

Как только Сажерук подтащил собак к ближайшему дереву и принялся обматывать поводки вокруг шершавого ствола, Плосконос вышел из оцепенения.

– Пусти его! – проревел он и направил ружье на Мо.

Сажерук тихо выругался и, выпустив цепь, направился к Плосконосу. Но его опередил камень, брошенный Фаридом. Маленький камешек угодил великану прямо в лоб, и тот, словно срубленное дерево, рухнул Сажеруку под ноги.

– Придержи собак! – крикнул Мо, когда один из псов вцепился ему в рукав.

Мегги не разглядела, удалось ли собаке прокусить одежду. Тем временем Баста чуть не завладел ружьем. Мегги выбежала из хижины и схватила зверя за острый ошейник. Она старалась его оттащить, но тот не разжимал зубов. Через рукав Мо проступила кровь, Мегги отшатнулась и чуть не ударилась головой о ружейный ствол.

Сажерук попытался отозвать собак. Сначала они его послушались и отпустили Мо, но Баста освободился и крикнул:

– Фас!

В нерешительности они стояли и рычали, не зная, кому подчиниться – Басте или Сажеруку.

– Чертовы дворняги! – бросил Баста и направил ствол на грудь Мо.

Но тут к его голове приставили дуло – Элинор дрожащими руками держала ружье Плосконоса. На ее лице выступили красные пятна – так случалось всегда, когда она волновалась. Тем не менее вид у Элинор был решительный. Она, без сомнения, была готова воспользоваться ружьем.

– Опусти оружие, – дрожащим голосом произнесла Элинор. – И только попробуй крикнуть что-нибудь псам! Может, я и первый раз держу в руках ружье, но выстрелить сумею.

– Отойдите от него! – приказал Сажерук псам.

Собаки посмотрели на Басту, но тот промолчал. Тогда они улеглись на траву и позволили Сажеруку привязать их к дереву.

Мегги увидела, как из-под рукава Мо сочится кровь, и почувствовала, что готова упасть в обморок.

Когда Сажерук перевязал рану красным шелковым платком, который впитал кровь и сделал ее невидимой, Мегги подошла поближе. Ноги ее не слушались. Сажерук ободряюще произнес:

– Все не так плохо, как кажется.

– У тебя в рюкзаке есть что-нибудь, чем можно его связать? – спросил Мо, кивнув в сторону Плосконоса, все еще лежавшего без сознания.

– Любителя ножей тоже нужно упаковать! – сказала Элинор.

Баста смотрел на нее полными ненависти глазами.

– Перестань на меня таращиться! – сказала она и ткнула стволом ему в грудь. – Уж поверь, ружье может причинить не меньше вреда, чем нож, особенно когда в голове столько злых мыслей, как у меня.

Баста скривил губы в презрительной усмешке, но не сводил глаз с указательного пальца Элинор, лежавшего на спусковом крючке.

В рюкзаке Сажерука нашлась не очень толстая, но прочная веревка.

– На двоих не хватит, – заметил он.

– Зачем их связывать? – спросил Фарид. – Почему вы их не убьете? Они-то с нами именно это собирались сделать!

Мегги посмотрела на него с недоумением, а Баста рассмеялся.

– Смотри-ка! – с издевкой проговорил он. – Мальчуган мог бы нам пригодиться! Но кто сказал, что мы хотим вас убить? Каприкорну вы нужны живыми. Мертвецы не умеют читать.

– Вот как? А ты разве не собирался отрезать мне пальцы? –

спросил Сажерук, обматывая веревку вокруг ног Плосконоса.

– От этого еще никто не умирал, – пожав плечами, сказал Баста.

Тогда Элинор с такой силой вдавила ружье ему в ребра, что он отступил.

– Нет, вы слышали? По-моему, мальчик прав. Может, их и вправду застрелить?

Конечно, они этого не сделали.

В рюкзаке Плосконоса они нашли еще одну веревку, которой Сажерук с явным удовольствием связал Басту. Ему помог Фарид – он в этом, похоже, здорово разбирался.

Затем они отнесли пленников в разрушенную хижину.

– Вы должны быть нам благодарны, – сказал Сажерук, протаскивая Басту через узкий дверной проем. – По крайней мере, змеи вас в доме не достанут. К полудню здесь, конечно, будет так же жарко, как на улице, но, может, к тому времени вас уже найдут. Мы отпустим собак. Если у них хватит ума, они не побегут обратно в деревню, но это вряд ли. Так что самое позднее во второй половине дня вся шайка Каприкорна отправится вас искать.

Плосконос пришел в себя, только лежа под дырявой крышей рядом с Бастой. Он дико вращал глазами и от гнева весь побагровел, но, как и Баста, вопреки всем стараниям не мог издать ни звука: Фарид искусно заткнул обоим рты.

– Подождите, – сказал Сажерук, когда они уже собирались предоставить злодеев самим себе. – Осталось еще одно маленькое дельце. Я всегда об этом мечтал.

Мегги с ужасом наблюдала, как он достает из-за пояса нож Басты и идет к пленникам.

– Ты что еще задумал? – спросил Мо и встал у него на пути. Видимо, они с Мегги подумали об одном и том же, но Сажерук только рассмеялся:

– Успокойся, я не собираюсь разукрашивать ему лицо так же, как он мне. Просто хочу его припугнуть.

Сажерук одним движением перерезал кожаный шнурок у Басты на шее и снял мешочек, перевязанный красной тесемкой. Потом он нагнулся над своим врагом, помахал амулетом у него перед носом и, выпрямившись, тихо проговорил:

– Теперь твоя удача в моих руках, Баста! И больше ничто не защитит тебя от сглаза, призраков, демонов, проклятий, черных кошек и всего того, чего ты так боишься. – Баста попытался

связанными ногами пнуть Сажерука, но тот легко увернулся и сказал: – Прощай, Баста! А на случай, если наши дорожки все-таки пересекутся, у меня есть вот это. – Завязав у себя на шее шнурок, он добавил: – Наверняка в мешочке есть прядь твоих волос. Нет? Может, стоит ее отрезать, пока есть такая возможность? Кажется, если сжечь волосы человека, с ним случится что-то ужасное?

– Хватит! – не выдержал Мо и потащил Сажерука за собой. – Пора уходить! Неизвестно, когда Каприкорн хватится этих двоих. Кстати, я тебе говорил, что он сжег не все книги? Остался еще один экземпляр «Чернильного сердца».

Эта новость поразила Сажерука, словно змеиный яд: он резко остановился.

– Я решил: надо тебе сообщить. – Мо смерил его задумчивым взглядом. – Хотя тебе в голову могут прийти всякие глупости на этот счет.

Сажерук кивнул и, не сказав ни слова, пошел дальше.

Когда они вышли на тропинку, по которой поднялись к заброшенной хижине, Элинор спросила:

– Почему бы нам не взять их машину? Наверняка она так и стоит на шоссе.

– Это слишком опасно, – ответил Сажерук. – Еще неизвестно, кто поджидает нас внизу. Кроме того, возвращаться долго – до ближайшей деревни мы дойдем быстрее. И вообще эта машина слишком заметна. Хотите, чтобы Каприкорн нас выследил?

Элинор вздохнула и, пробурчав:

– Да я просто предложила, – потерла ноги, чтобы унять боль.

Они не сходили с тропы, потому что в высокой траве действительно уже зашевелились змеи. Однажды желтую дорожку перед ними пересекла черная полоска, и Сажерук палкой подцепил змею за чешуйчатое брюхо и бросил ее обратно в заросли терновника, откуда она выползла. Мегги думала, что змеи крупнее, но Элинор заверила ее, что маленькие как раз самые опасные. Элинор прихрамывала, но изо всех сил старалась не задерживать остальных. Мо тоже шел медленнее, чем обычно. Он не показывал, что ему больно, но собачий укус давал о себе знать.

Мегги следовала за Мо и все время беспокойно смотрела на красный платок, которым Сажерук перевязал его рану. Они вышли к шоссе и увидели приближавшийся грузовик с пустыми бутылками, но

слишком устали, чтобы прятаться. Кроме того, он ехал не с той стороны, где находилась деревня Каприкорна. Когда машина поравнялась с ними, Мегги заметила удивленный взгляд водителя. Должно быть, они представляли собой странное зрелище: вспотевшие от долгой дороги искатели приключений в грязной, изорванной терновником одежде.

Через некоторое время они дошли до первых редких домиков. Потом яркие дома с палисадниками стали попадаться все чаще и наконец облепили весь склон. Вскоре они оказались на окраине города. Мегги увидела многоэтажные здания, пальмы с пыльными листьями, а в отдалении – посеребренное солнцем море.

– Боже, надеюсь, хоть в один банк нас пустят, – сказала Элинор. – А то выглядим мы так, словно на нас напали бандиты.

– В общем-то так и есть, – сказал Мо. – Разве нет?

В безопасности

Но дни проходили, и с каждым днем бремя тревоги, угнетавшее Тома, становилось все легче и легче.

Марк Твен. Приключения Тома Сойера[8]

Элинор пустили в банк, несмотря на порванные чулки. До этого, правда, ей пришлось зайти в дамскую комнату первого попавшегося кафе. Мегги так и не узнала, где Элинор хранила свои ценности, но вернулась она не только с умытым лицом и расчесанными волосами, но и с золотой кредитной карточкой в руке. После чего с торжественным видом заказала всем завтрак.

Было что-то новое, необычное в том, чтобы сидеть в кафе, есть и через окно наблюдать за простыми людьми, шедшими на работу, в магазин или беседовавшими друг с другом на улице. Мегги не верилось, что она провела в деревне Каприкорна всего две ночи и один день и что все это время в других местах обычная жизнь шла своим чередом.

И все-таки кое-что изменилось. С тех пор как Мегги увидела приставленный к горлу Мо нож Басты, ее не покидало ощущение, что

---

[8] Перевод К. Чуковского.

в мире появилось уродливое темно-коричневое пятно, от которого шел запах гари. Она чувствовала, как оно с треском разрастается и уничтожает все вокруг.

Теперь даже самые безобидные вещи приобрели неприятный оттенок. Проходя мимо Мегги, женщина улыбнулась ей, а потом стала рассматривать туши в витрине мясника. Мужчина с такой силой тащил за собой ребенка, что тот упал и в слезах стал растирать разбитую коленку. А вот прошел подозрительный тип с оттопыренной на поясе курткой. Может, у него там нож, как у Басты?

Мирная жизнь казалась ненастоящей, фальшивой. Воспоминание о том, как они ночь напролет спасались от преследователей и дрожали от страха в заброшенной хижине, было более реально, чем стакан лимонада, который Элинор поставила перед Мегги.

Фарид понюхал желтый напиток, но, попробовав, больше к нему не притрагивался. Глядя с интересом в окно, он все время вертел головой и переводил взгляд с одного предмета на другой, как будто пытался уследить за ходом невидимой игры, правила которой ему никак не удавалось понять.

После завтрака Элинор подошла к прилавку и спросила у кассира название лучшего отеля в городе. Пока она оплачивала счет своей кредиткой, Мегги и Мо рассматривали витрину с десертами, а когда они оглянулись, Сажерука и Фарида не было на месте. Элинор занервничала, но Мо поспешил ее успокоить:

– Номера в отеле не прельщают Сажерука, он не любит спать в помещении. И вообще всегда идет своей дорогой. Может быть, он уедет, а может, мы увидим, как он на соседней улице показывает свои представления туристам. В одном можешь быть уверена: к Каприкорну он не вернется.

– А Фарид? – Мегги не верилось, что он может уйти, ничего не сказав.

Мо пожал плечами:

– Он же ни на шаг не отходил от Сажерука. Не знаю, правда, в ком причина: в самом Сажеруке или в Гвине.

Отель, который посоветовали Элинор в кафе, находился на площади недалеко от тянувшейся через весь город главной улицы с пальмами и магазинами. Элинор сняла на верхнем этаже два номера с балконами, откуда открывался вид на море. Это был большой отель. У входа стоял человек в странном костюме, который очень удивился отсутствию у них багажа, зато грязную одежду вежливо не заметил.

Когда они вошли в номер, Мегги бросилась на кровать и зарылась лицом в мягкие белые простыни. Она до сих пор не верила в реальность происходящего. Часть ее все еще была в деревне Каприкорна, пробиралась через терновник и, замирая в ожидании Басты, прижималась к стене заброшенной хижины. Чтобы убедиться, что все переживания позади, Мегги взглянула на Мо, но встретила лишь отсутствующий взгляд. На его лице не было ни тени облегчения – только грусть и задумчивость. Мегги испугалась.

Она настолько хорошо знала Мо, что по глазам могла определить, о чем он думает.

– Ты ведь не хочешь туда вернуться, правда? – спросила Мегги.

– Нет, не беспокойся! – ответил Мо и погладил ее по голове.

Но Мегги ему не поверила.

Те же опасения, похоже, терзали и Элинор. Мегги видела, как она с серьезным лицом несколько раз – сначала в коридоре, а потом во время обеда в ресторане – пыталась в чем-то убедить Мо. Но стоило Мегги приблизиться, как она замолкала. Элинор, несмотря на возражения Мо, вызвала врача, чтобы тот обработал его рану, и купила всем новую одежду. Она пошла за покупками вместе с Мегги, сказав:

– Если я выберу что-нибудь на свой вкус, ты это все равно не наденешь.

Элинор все время куда-то звонила. Она не разговаривала по телефону, только когда уходила в книжный магазин. Элинор обошла все книжные в городе. На третий день за завтраком она вдруг сообщила, что уезжает.

На вопросительный взгляд Мо Элинор ответила:

– Ноги у меня больше не болят, и я ужасно соскучилась по своим книгам. А еще меня раздражают туристы в плавках – если увижу еще одного, боюсь, не сдержусь и закричу. Я уже взяла напрокат машину. Но прежде я хочу тебе кое-что дать!

С этими словами она через стол протянула Мо листок бумаги, на котором ее быстрым размашистым почерком были написаны чьи-то имя и адрес.

– Мортимер, я тебя знаю! – сказала Элинор. – «Чернильное сердце» не выходит у тебя из головы. Поэтому я раздобыла тебе адрес Фенолио. Поверь мне, это было нелегко. Но велика вероятность, что у него есть еще несколько экземпляров. Обещай мне, что ты съездишь к нему – благо живет он неподалеку отсюда – и

раз и навсегда забудешь о книге в проклятой деревне.

Мо взял листок, долго смотрел на него, словно хотел выучить адрес наизусть, а потом сунул в свой новый бумажник.

– Ты права, попытаться действительно стоит! – сказал он с почти счастливым видом. – Элинор, большое тебе спасибо!

Мегги не понимала, о чем они говорят. Ясно было одно: она не зря опасалась. Мо все еще думал о «Чернильном сердце». Он никак не мог смириться с потерей книги.

– Кто такой Фенолио? – неуверенным голосом спросила Мегги. – Какой-то книготорговец?

Имя показалось ей знакомым, но она не могла вспомнить, где его слышала.

Мо смотрел в окно и молчал.

– Давай поедем вместе с Элинор! Пожалуйста! – взмолилась Мегги.

Несмотря на то что купаться по утрам в море было приятно, а разноцветные домики радовали глаз, Мегги хотелось уехать. В уличной толпе ей то и дело мерещились лица Басты и Плосконоса, а при взгляде на окружавшие город холмы сердце начинало бешено колотиться. Мегги хотела домой или, по крайней мере, к Элинор. Она хотела наблюдать, как Мо одевает книги в новые наряды, как впечатывает в кожу тончайший слой золотой краски, выбирает форзацную бумагу, смешивает клеящий раствор, закручивает пресс. Она хотела, чтобы все снова стало по-прежнему. Как было до появления Сажерука той дождливой ночью.

– Нет, Мегги, – покачал головой Мо. – Сначала мне нужно побывать у этого человека, а потом поедем к Элинор. Самое позднее послезавтра.

Мегги уставилась себе в тарелку. В дорогих отелях подают замечательные завтраки… Но у нее пропал аппетит: не хотелось даже свежих вафель с клубникой.

– Хорошо, значит, через два дня увидимся. Мортимер, дай мне слово, что так и будет! – Голос Элинор звучал встревоженно. – Обещай, что приедешь, даже если с Фенолио ничего не получится.

Мо улыбнулся:

– Элинор, даю тебе честное слово.

Элинор облегченно вздохнула и с наслаждением откусила кусочек давно смотревшего на нее круассана.

– Даже не спрашивай, что мне пришлось сделать, чтобы достать

адрес! – проговорила она с набитым ртом. – А живет он действительно недалеко отсюда. Меньше часа езды на машине. Не правда ли, странно, что они с Каприкорном живут так близко?

– Да, странно, – пробурчал Мо, глядя в окно: ветер в саду отеля ворошил пальмовые листья.

– В этой местности разворачиваются почти все его истории, – продолжала Элинор, – хотя, насколько я знаю, он долго жил за границей и вернулся только несколько лет назад.

Она подозвала официантку и попросила еще кофе.

Когда девушка спросила у Мегги, желает ли она что-нибудь еще, та покачала головой.

– Мо, я больше не хочу здесь оставаться, – тихо проговорила Мегги. – И не хочу ни к кому ехать. Я хочу домой. Или, по крайней мере, к Элинор.

Мо потянулся за кофе. Было видно, что двигать левой рукой ему до сих пор больно.

– Мы поедем к этому господину прямо завтра, Мегги, – сказал Мо. – Ты же слышала, что он живет совсем близко. А уже послезавтра ты будешь спать в доме Элинор на огромной кровати, где могли бы поместиться все твои одноклассники.

Он хотел рассмешить Мегги, но ей было не до смеха. Она рассматривала клубнику у себя в тарелке – красные-красные ягоды.

– Послушай, Элинор, мне тоже нужно будет взять напрокат машину, – сказал Мо. – Можешь одолжить мне денег? Когда приедем к тебе, я все отдам.

Элинор кивнула, а потом внимательно посмотрела на Мегги и сказала:

– Знаешь что, Мортимер, я думаю, твоя дочь сейчас во всем винит книги. Мне знакомо это чувство: когда отца какая-нибудь история захватывала настолько, что собственные дети переставали для него существовать, мне хотелось отнять у него книгу и разрезать ее на мелкие кусочки. Это было в детстве. А теперь я такая же сумасшедшая, как он. Удивительно, не находишь? Ладно, – она сложила салфетку и отодвинула стул, – пойду собираться, а ты пока расскажи дочери, кто такой Фенолио.

Элинор ушла. Мегги осталась наедине с Мо. Он заказал еще кофе, хотя обычно не пил больше одной чашки.

– Почему ты не ешь клубнику? – спросил он. – Не хочешь?

Мегги покачала головой.

Мо вздохнул, съел ягодку с ее тарелки и сказал:

– Фенолио – автор «Чернильного сердца». Возможно, у него осталось несколько экземпляров. Даже скорее всего.

– Вряд ли! – сказала Мегги, пренебрежительно махнув рукой. – Наверняка Каприкорн их давно выкрал! Ты же видел, что он собрал у себя все книги!

Мо покачал головой:

– Мне кажется, о Фенолио он даже не подумал. Знаешь, люди странно относятся к писателям: большинство не может себе представить, что книги пишут такие же люди, как они. Им кажется, что писатели жили когда-то давно и просто не могут ходить с ними по одним улицам и делать покупки в тех же магазинах. Все помнят их истории, но мало кто знает, как их зовут и как они выглядят. Причем большинству писателей это нравится – ты сама слышала, с каким трудом Элинор удалось раздобыть адрес Фенолио. Скорее всего, Каприкорн и не подозревает, что живет всего в двух часах езды от своего создателя.

Мегги это не казалось столь очевидным. Она задумчиво теребила светло-желтую скатерть, морщила ее и снова расправляла.

– И все-таки я бы лучше поехала к Элинор, – сказала Мегги. – Книга… – Она запнулась, но потом все-таки заставила себя произнести то, что думала: – Я не понимаю, почему ты так стремишься ее заполучить. Все равно это ничего не даст. – А про себя добавила: «Книга пропала. Ты уже пытался ее вернуть, но ничего не вышло. Поехали, наконец, домой!»

Мо взял с ее тарелки еще одну клубничку, самую маленькую.

– Маленькие слаще всего, – сказал он, поднося ее ко рту. – Твоя мама любила клубнику. Могла съесть ее сколько угодно и всегда ужасно ругалась, если весной из-за дождей ягоды у нее на грядке покрывались плесенью.

Он снова посмотрел в окно, и по его лицу пробежала улыбка.

– Еще одна попытка, Мегги, – проговорил он. – Последняя. А потом поедем к Элинор. Обещаю.

Ночь, полная слов

Любой ребенок знает, что, когда теплой летней ночью не можешь заснуть, иногда кажется, что по небу плывет парусник Питера Пэна.

Я хочу рассказать тебе, как его можно увидеть.

Р. Котронео. Когда ребенок летним утром…

Письмо к сыну про любовь к книгам

Мо пошел в контору, где заказал машину напрокат, а Мегги осталась в отеле. Она вынесла стул на балкон и через белые лакированные перила стала смотреть на море: оно мерцало между домами, как синее стекло. Мегги старалась ни о чем не думать, выкинуть все из головы. Из-за гула машин, доносившегося даже до верхнего этажа, она не сразу улышала, что в номер стучат.

Когда Мегги открыла дверь, Элинор уже шла по коридору.

– Ах, ты тут, – сказала она, смущенно пряча что-то за спиной.

– Да. А Мо пошел забирать машину.

– У меня есть для тебя прощальный подарок. – Элинор достала из-за спины плоский сверток. – Было непросто найти книгу, в которой нет злодеев, но я очень хотела, чтобы твой отец мог читать

тебе вслух, ничего не опасаясь. Думаю, от этой книги вреда быть не может.

Мегги развернула цветастую упаковочную бумагу. На обложке были нарисованы двое детей и собака, они сидели на камне или узкой скале и напряженно смотрели в зияющую под ними пропасть.

– Это стихи, – пояснила Элинор. – Не знаю, любишь ли ты такое, но уверена: в исполнении отца они тебе понравятся.

Мегги открыла книгу и прочла: «…Я никогда не стираю свою тень, какой бы длинной она ни была». Как будто легкий ветерок донес с ее страниц звуки музыки. Она бережно закрыла книгу.

– Спасибо, Элинор, – сказала Мегги. – У меня для тебя… к сожалению, ничего нет.

– Значит, будешь моей должницей! – Элинор улыбнулась и достала из своей новой сумочки второй сверток. – Книжному червю одной книги надолго не хватает, а ты у нас как раз из той породы. Но эту книжку тебе лучше читать самой. В ней куча злодеев. И все-таки, мне кажется, она тебе понравится. Вдали от дома ничто не утешает так, как книга, верно?

Мегги кивнула и сказала:

– Мо обещал, что послезавтра мы уже будем у тебя. Ты ведь подождешь его, чтобы попрощаться?

Она положила сборник стихов на комод рядом с дверью и принялась разворачивать второй сверток. В отличие от первого он был приятно увесистым.

– Да ладно, сделай это за меня! – махнула рукой Элинор. – Я не люблю прощаний. И вообще мы скоро увидимся, а главное, я ему уже сказала, чтобы он берег дочь. – Прежде чем уйти, она предупредила Мегги: – Не клади книги обложкой вверх, чтобы корешок не отходил от переплета. Да ты и сама знаешь: наверняка отец тысячу раз тебе это говорил.

– Больше, – сказала Мегги, но Элинор уже скрылась из виду.

Через несколько минут она услышала, как по коридору везут чемодан, но не стала выходить из номера, чтобы убедиться, что это Элинор. Она тоже не любила прощаний.

Во второй половине дня Мегги была молчалива. Мо вернулся ближе к вечеру, и они сразу пошли обедать в маленький ресторан на соседней улице. Когда они вышли оттуда, начало смеркаться и улицы наполнились людьми. Особенно много народу собралось на площади. Протискиваясь сквозь толпу, Мегги увидела, что люди теснятся

вокруг глотателя огня.

Когда пламя поползло по голым рукам Сажерука, все сначала замерли, а потом оглушительно захлопали. Пока Сажерук раскланивался, Фарид ходил перед зрителями с серебряной чашей сказочного вида. Зато его самого теперь трудно было отличить от мальчишек, которые целыми днями торчали на пляже и каждый раз, когда мимо проходила девочка, толкали друг друга в бок. Может, кожа Фарида и была чуть смуглее, а волосы чуть чернее, но при взгляде на него никому бы и в голову не пришло, что он выскользнул из истории, в которой ковры летают, горы раздвигаются, а лампы исполняют желания. Синюю длиннополую рубашку он сменил на штаны и футболку, и в них он выглядел старше. Это Сажерук купил ему одежду и обувь. К ботинкам Фарид, видимо, еще не привык, поэтому ступал очень осторожно. Заметив в толпе Мегги, он смущенно кивнул и быстро прошел дальше.

Сажерук изверг изо рта такой большой огненный шар, что даже самые смелые зрители отшатнулись. После этого он отложил факелы и достал шары. Они, словно на невидимых нитях, взмывали в небо, и людям приходилось запрокидывать головы, чтобы не упустить их из виду. Потом Сажерук заставлял шарики отскакивать от колена, лба или подбородка и снова подниматься вверх. За его ловкими руками невозможно было уследить: он то закручивал шары, то ловил их за спиной – и выглядело это так, будто он выхватывает их из воздуха. Маленькие разноцветные шарики создавали атмосферу воздушности и беззаботности. Можно было подумать, что жонглирование для Сажерука – веселая и легкая игра, если бы не его лицо, остававшееся за стеной мелькавших шариков безучастно-серьезным, словно оно принадлежало другому человеку, – не тому, чьи руки порхали так беспечно. Мегги подумала, что у Сажерука, наверное, до сих пор болят пальцы. Они все еще были красными. Хотя возможно, на них просто падал свет от пламени.

После того как Сажерук убрал шары в рюкзак и раскланялся, зрители долго не хотели расходиться, но в конце концов на площади остались только Мо и Мегги. Фарид присел на мостовую и стал считать собранные деньги. Вид у него был довольный, как будто он всю жизнь только этим и занимался.

– Значит, ты все еще здесь, – проговорил Мо.

– Это место не хуже любого другого, – буркнул Сажерук, собирая вещи: две бутылки, фокусы с которыми он показывал Мегги в саду у

Элинор, обгоревшие факелы и плевательницу, содержимое которой он без малейшего стеснения выплеснул на мостовую. Он раздобыл себе новую сумку – старая, видимо, осталась в деревне Каприкорна. Мегги подошла к рюкзаку, но Гвина в нем не было.

– Я надеялся, ты уже далеко: где-нибудь, где Баста не сможет тебя найти.

Сажерук пожал плечами:

– Для этого нужно достать немного денег. И вообще здесь неплохая погода, а люди охотно останавливаются и не скупятся. Верно, Фарид? Сколько мы заработали сегодня?

В тот момент, когда Сажерук повернулся к Фариду, мальчик, отодвинув чашу с деньгами, пытался засунуть в рот зажженную спичку. Заметив, что на него смотрят, он вздрогнул и торопливо затушил огонек пальцами. Сажерук с трудом сдержал улыбку и объяснил Мо и Мегги:

– Он во что бы то ни стало хочет научиться играть с огнем. Я показал ему, как тренироваться на спичках, но он слишком торопится и постоянно обжигает губы.

Мегги незаметно взглянула на Фарида. Он делал вид, что убирает вещи Сажерука в сумку и ни она, ни Мо его не интересуют. Но Мегги была уверена, что он прислушивается к каждому их слову. Дважды она ловила на себе взгляд его темных глаз, причем во второй раз он так резко отвернулся, что чуть не уронил одну из бутылок.

– Эй, поосторожней с этим, ладно? – прикрикнул на него Сажерук.

Когда Сажерук снова повернулся, Мо спросил:

– Надеюсь, у тебя нет других причин для пребывания здесь?

– Что ты имеешь в виду? – Сажерук отвел глаза в сторону. – Ах, ты думаешь, я хочу вернуться за книгой? Ты меня переоцениваешь. Я трус.

– Неправда, – раздраженно возразил Мо. – Кстати, Элинор сегодня уезжает домой.

– Очень рад за нее. – Сажерук равнодушно посмотрел на Мо. – А ты? Разве ты не едешь вместе с ней?

Мо обвел взглядом окрестные дома и покачал головой:

– Мне надо еще кое-кого навестить.

– Здесь? Кого же? – Сажерук был в цветастой летней рубашке, и она совершенно не шла к его покрытому шрамами лицу.

– Есть один человек, у которого, возможно, сохранился

экземпляр. Ты знаешь, о чем я…

Лицо Сажерука осталось неподвижным, но пальцы выдали его волнение – они никак не могли справиться с пуговицами на рубашке.

– Этого не может быть! – прохрипел он. – Когда Каприкорн собирал книги, он наверняка не упустил ни одной.

Мо пожал плечами:

– Может быть. Но я все же хочу проверить этот вариант. Человек, о котором я говорю, не книготорговец и не букинист. Каприкорн, скорее всего, даже не знает о его существовании.

Сажерук осмотрелся: в одном из домов кто-то закрыл ставни, а на другом конце площади дети играли в прятки среди ресторанных стульев. Потом официант их прогнал. Пахло горячей едой и недавним огненным представлением – поблизости не было ни одного человека в черном, кроме официанта, который со скучающим видом приводил стулья в порядок.

– И кто же этот таинственный незнакомец? – шепотом спросил Сажерук.

– Человек, который написал «Чернильное сердце». И живет он здесь неподалеку.

В это время к ним подошел Фарид, держа в руке чашу с деньгами.

– Гвин до сих пор не вернулся, – сообщил он Сажеруку. – И приманки для него у нас больше нет. Может, купить яйца?

– Нет, он сам себя прокормит. – Сажерук провел рукой по одному из своих шрамов и нетерпеливо приказал Фариду: – Достань из рюкзака кожаный мешок – ты знаешь, где он лежит, – и положи туда сегодняшнюю выручку.

Если бы Мо заговорил с Мегги в таком тоне, то встретил бы укоризненный взгляд, но для Фарида в таком обращении, похоже, не было ничего обидного – он послушно удалился.

– Я уж действительно подумал, что все закончилось, что нет пути назад и что никогда больше… – Сажерук осекся и посмотрел наверх.

По ночному небу, сверкая цветными огоньками, летел самолет. Фарид тоже поднял голову. Он уже убрал деньги и стоял возле рюкзака в ожидании новых поручений. В этот момент что-то пушистое бесшумно скользнуло через площадь, подобралось к ним и, цепляясь за одежду мальчика, вскарабкалось ему на плечо. Улыбнувшись, Фарид достал из кармана кусочек хлеба и дал его Гвину.

– А что, если один экземпляр и вправду сохранился? – Сажерук смахнул длинные волосы со лба. – Дашь мне еще один шанс? Попробуешь вчитать меня обратно? В последний раз? – В его голосе было столько надежды, что у Мегги защемило сердце.

Но лицо Мо вдруг приняло холодное выражение.

– В эту книгу нет пути обратно! Я знаю, что ты об этом и слышать не желаешь, но такова действительность, и в конце концов тебе придется с этим смириться. Может, когда-нибудь я смогу тебе помочь. Есть у меня одна сумасшедшая идея, но… – Покачав головой, он замолчал и слегка пнул лежавший на мостовой пустой спичечный коробок.

Мегги в недоумении взглянула на Мо. О какой такой идее он говорил? Он действительно что-то придумал или просто хотел утешить Сажерука? Если так, то это ему не удалось. Сажерук посмотрел на Мо с былой враждебностью и пробормотал:

– Я поеду с тобой. Навестим этого человека вместе, а дальше посмотрим. – Он снова провел пальцами по шраму, и на его лице остался след от сажи.

Вдруг за спиной у Сажерука раздался громкий смех. Он обернулся и увидел, что Гвин пытается забраться Фариду на голову, а тот хохочет так, словно на свете нет ничего приятнее, чем ощущать у себя на макушке острые когти куницы.

– Вот он совершенно не скучает по дому! – проворчал Сажерук. – Я у него спрашивал. Ни капельки! Все это, – он широким жестом обвел площадь, – ему нравится. Даже шум и вонь машин. Он рад, что оказался здесь. Ему ты, по-видимому, оказал услугу.

С этими словами Сажерук смерил Мо уничтожающим взглядом, и Мегги, чтобы поддержать отца, взяла его за руку.

Гвин спрыгнул с плеча Фарида и с любопытством стал обнюхивать мостовую. Маленький мальчик, прежде резвившийся с другими детьми среди ресторанных столов, подбежал к кунице и в недоумении уставился на ее рожки. Ребенок уже протянул руку, чтобы дотронуться до зверька, но в ту же секунду к нему подскочил Фарид, схватил Гвина и посадил его обратно на плечо.

– А где живет этот… – Сажерук не закончил свой вопрос.

– Примерно в часе езды отсюда.

Наступило долгое молчание. Когда в небе снова показались огоньки самолета, Сажерук начал вспоминать:

– Идешь, бывало, ранним утром к роднику, чтобы умыться, а над

водой вьются крошечные феи фиалкового цвета, размером с ваших стрекоз. Они любят залетать в волосы и могут даже плюнуть в лицо. Не сказать что они очень приветливые, зато по ночам мерцают, как светлячки. Порой ловишь одну из них и закрываешь в банке, а перед сном выпускаешь. И тогда всю ночь снятся прекрасные сны.

– Каприкорн говорил, что там еще есть гномы и великаны, – тихо добавила Мегги.

Сажерук задумчиво посмотрел на нее:

– Да. Гномы, кикиморы, стеклянные человечки… Каприкорн ненавидел и приказывал травить всех без исключения. Будь его воля, он уничтожил бы все живое.

– Должно быть, там опасно. – Мегги попыталась представить себе мир с великанами, гномами… и феями: однажды Мо подарил ей книгу про фей.

Сажерук пожал плечами:

– Да, опасно. И что? Здесь тоже опасно, не находишь?

Он резко отвернулся, взял рюкзак, забросил его на спину и, кивнув мальчику, подошел к Мо. Фарид мигом поднял сумку с бутылками и факелами и потащил ее за Сажеруком.

– Не вздумай говорить обо мне этому человеку! – рявкнул Сажерук. – Я подожду в машине: не желаю его видеть. Мне нужно только узнать, есть ли у него книга, ясно? Ведь до той, что у Каприкорна, мне не добраться.

Мо спокойно ответил:

– Как пожелаешь…

Сажерук опустил глаза на покрасневшие пальцы, провел рукой по потрескавшейся коже и пробормотал:

– Вдруг он еще захочет рассказать мне, чем закончится моя история.

Мегги не поверила своим ушам:

– А ты разве не знаешь?

Сажерук улыбнулся. Мегги все еще находила его улыбку неприятной: казалось, она появляется только затем, чтобы что-то скрыть.

– Что в этом особенного, принцесса? – спросил он тихим голосом. – Можно подумать, ты знаешь, чем закончится твоя история.

На это Мегги нечего было ответить.

Подмигнув ей, Сажерук развернулся и бросил через плечо:

– Завтра утром буду ждать вас возле отеля!

И он, не оглядываясь, пошел прочь, а Фарид с довольным видом понес за ним его тяжелую сумку. Мальчик напоминал бродячего пса, который наконец-то нашел хозяина.

Этой ночью луна была похожа на апельсин: такая же оранжево-красная и круглая. Мо открыл шторы, чтобы можно было любоваться этим сияющим среди белых звезд ярким бумажным фонариком. Потом он и Мегги улеглись в кровать.

Но уснуть ни ему, ни ей не удавалось – оба читали. Мо купил себе несколько карманных книжек, которые, судя по их потрепанному виду, побывали уже во многих руках. А Мегги погрузилась в чтение увлекательной книги с кучей злодеев, которую ей подарила Элинор. В какой-то момент ее глаза от усталости стали закрываться, и она, успокоенная близостью Мо, уснула под чужим небом и оранжевой луной.

Когда Мегги, вздрогнув, проснулась от тревожного сна, Мо все еще сидел в кровати с открытой книгой в руке. Луна уже давно уплыла, и за окном была видна только ночь.

– Не можешь уснуть? – спросила Мегги и тоже села поверх одеяла.

– Видишь ли, глупый пес укусил меня за левую руку, а я – ты знаешь – засыпаю именно на этой стороне. И еще мысли покоя не дают…

– У меня в голове тоже крутятся разные мысли. – Мегги взяла с тумбочки подаренный Элинор сборник стихов, провела пальцами по переплету, выпуклому корешку и буквам на обложке. Немного помолчав, она призналась: – Знаешь что, Мо, мне кажется, я тоже хочу так уметь.

– Как уметь?

Мегги еще раз погладила переплет: ей показалось, что книга что-то нашептывает. Тихо-тихо.

– Как ты, – пояснила она. – Я хочу уметь читать, как ты. Чтобы все оживало.

Мо в недоумении посмотрел на Мегги:

– Да ты с ума сошла! Именно от этого все наши неприятности.

– Я знаю.

Зажав палец между страницами, Мо закрыл книгу.

– Почитай мне, Мо! Пожалуйста. Один-единственный раз, – попросила Мегги и пододвинула к нему сборник стихов. – Это мне

подарила Элинор. Она сказала, что ничего страшного не произойдет.

– Так и сказала? – Мо открыл книгу и перелистнул несколько хрустящих страниц. – А что, если все-таки произойдет?

Мегги положила свою подушку рядом с его.

– Ты правда придумал, как вчитать Сажерука обратно, или просто соврал?

– Брось, ты ведь знаешь, что я не умею врать.

– Верно, – улыбнулась Мегги. – Тогда что это за идея?

– Я расскажу тебе, когда выясню, работает она или нет.

Мо все еще изучал книгу Элинор. Нахмурив лоб, он прочитал страничку, потом перевернул ее и прочитал следующую.

– Ну, пожалуйста, Мо! – Мегги подвинулась вплотную к нему. – Только одно стихотворение. Хоть самое малюсенькое. Пожалуйста! Ради меня!

Мо тяжело вздохнул:

– Всего одно?

Мегги кивнула.

Шум машин давно стих. Мир за окнами притаился, словно мотылек в коконе, чтобы утром пробудиться к новой жизни.

– Читай же, Мо! – проговорила Мегги.

И он заполнил тишину словами. Длинные и короткие, остренькие и мягкие, мурлычущие и воркующие, они, подчиняясь его голосу, охотно слетали со страниц, танцевали по комнате, рисовали картины из цветного стекла и щекотали Мегги шею. Их эхо раздавалось даже после того, как она задремала и Мо закрыл книгу. Волшебные слова показали ей мир с темной и со светлой стороны и оградили ее от дурных сновидений. Этой ночью Мегги снилось только хорошее.

Утром она проснулась от шороха крыльев: на спинке кровати сидела птица, такая же оранжево-красная, как луна прошлой ночью. Мегги попыталась ее поймать, но та вспорхнула и подлетела к окну: ее манило голубое небо. Птица снова и снова билась о прозрачное стекло, пока Мо ее не выпустил.

– Ну что, все еще хочешь так уметь? – спросил он, пока Мегги провожала взглядом исчезавшую в синеве неба красную точку.

– Невероятно красивая птица! – сказала она.

– Да, но понравится ли ей здесь? – возразил Мо. – И кто теперь оказался там, откуда она прибыла?

С этими словами он вышел, чтобы оплатить счет за отель, а

Мегги осталась сидеть у окна. Она вспомнила, какое стихотворение Мо ночью читал последним, взяла с тумбочки книгу и, преодолев сомнения, раскрыла ее.

Там тропка тихонечко сходит на нет,
Дорога видна вдалеке,
Там травка серебряно, мягко блестит,
Пурпурное солнце там ярко горит
И лунная птица уставшая спит
На мятном сквозном ветерке.

Мегги шепотом произнесла слова Шела Сильверстайна, но на этот раз никакая лунная птица не слетела со светильника. А запах перечной мяты Мегги, скорее всего, просто вообразила.

Фенолио

Вы про меня ничего не знаете, если не читали книжки под названием «Приключения Тома Сойера», но это не беда. Эту книжку написал мистер Марк Твен и, в общем, не очень наврал. Кое-что он присочинил, но, в общем, не так уж наврал. Это ничего. Я еще не видал таких людей, чтобы совсем не врали…

Марк Твен. Приключения Гекльберри Финна[9]

Когда Мо и Мегги вышли из отеля, Сажерук с Фаридом уже ждали их на парковке. Над окрестными холмами нависали дождевые облака. Знойный ветер медленно гнал их к морю. Этим утром все казалось серым, даже яркие домики и цветущие кусты. Мо поехал в западном направлении по той же прибрежной дороге, по которой Элинор везла Мегги с Сажеруком в деревню Каприкорна. Тогда она рассказывала, что эта дорога проложена еще римлянами.

По левую руку на протяжении всего пути виднелась водная гладь до самого горизонта, и лишь изредка она скрывалась за домами и

9 Перевод Н. Дарузес.

деревьями. Но сегодня море не казалось Мегги таким привлекательным, как в день, когда они с Элинор и Сажеруком впервые увидели этот пейзаж. Волны матово отражали серое небо, а прибой пенился, словно грязная мыльная вода. Мегги все чаще ловила себя на мысли, что смотрит вправо – на холмы. Где-то там притаилась деревня Каприкорна. Однажды ей даже показалось, что в темной впадине мелькнула бледная церковная башня. Сердце забилось сильнее, несмотря на то что она понимала: это не может быть церковь Каприкорна. Но воспоминание о бесконечном блуждании по зарослям было еще слишком живо.

Мо вел машину намного быстрее, чем обычно: видимо, ему не терпелось скорее добраться до места. Не меньше часа они ехали по прибрежному шоссе, а затем свернули на узкую извилистую дорогу. Она вела сначала через долину, застроенную серыми домами, а потом через холмы, густо усеянные теплицами. Для защиты от солнца их стекла побелили известью. Но сегодня солнца не было. Когда дорога пошла в гору, с обеих сторон наконец показалась зелень: постройки сменились дикими полянами, а вдоль обочины стояли оливковые деревья. Каждый раз, доезжая до развилки, Мо доставал карту, которую предусмотрительно купил в городе. В конце концов они добрались до деревни с нужным названием.

Она была совсем крошечная: площадь, не больше дюжины домов и церковь, очень похожая на церковь Каприкорна. Мегги вышла из машины и далеко внизу увидела море. В этот пасмурный день оно сильно волновалось: гребешки пены были различимы даже на таком большом расстоянии. Мо припарковался на площади возле памятника жертвам двух прошедших войн. Для такой маленькой деревни жертв было много: в списке погибших Мегги насчитала почти столько же имен, сколько домов в селении.

Мо потянулся к автомобильному замку, но Сажерук крикнул:

– Можешь не закрывать – я присмотрю за машиной!

Он привычным движением забросил за плечо рюкзак, надел на заспанного Гвина поводок и устроился на ступеньках памятника. Фарид молча сел рядом с ним, а Мегги пошла вместе с Мо.

– Не забудь, что ты обещал ничего ему обо мне не рассказывать! – крикнул Сажерук им вдогонку.

– Я помню! – ответил Мо.

Мегги оглянулась и заметила, что Фарид снова играет со спичками. Он уже научился тушить огонек ртом, но Сажерук все

равно забрал у него коробок, и Фарид грустно уставился на свои пустые ладони.

Из-за профессии отца Мегги часто приходилось встречать самых разных любителей книг: одни их продавали, другие собирали, третьи издавали, а иные, как Мо, не давали книгам рассыпаться. Но она еще ни разу не видела человека, который писал книги. Мегги даже не знала, как зовут некоторых авторов ее любимых историй, не говоря уж о том, как они выглядят. Она всегда соприкасалась только с возникавшими из слов персонажами и никогда с теми, кто их придумал. Мо был прав: чаще всего кажется, что писатель давно умер или, в крайнем случае, очень-очень стар. Но про человека, открывшего им дверь после того, как Мо дважды позвонил, нельзя было сказать ни того ни другого. Конечно, он был в возрасте: с виду не меньше шестидесяти лет. Мегги даже назвала бы его пожилым, но никак не дряхлым. Лицо, как у черепахи, было испещрено глубокими морщинами, зато в черноте волос не было ни малейшего намека на седину (позже выяснилось, что он их красит). Развалиной писатель, бесспорно, не был: наоборот, вышел на порог так бодро, что у Мегги от изумления даже пропал дар речи.

Слава богу, Мо не растерялся и спросил:

– Господин Фенолио?

– Что вам угодно? – недоверчиво спросил тот, и морщины на его неприветливом лице стали еще глубже, но на гостя это не произвело никакого впечатления.

– Меня зовут Мортимер Фольхарт, – вежливо представился Мо, – а это моя дочь Мегги. Я здесь из-за одной вашей книги.

Тут на порог выскочил маленький мальчик лет пяти, а за ним в дверной проем высунулась девочка. Дети принялись с любопытством рассматривать незнакомцев.

– Пиппо выковырял шоколад из пирога, – прошептала малышка, с тревогой глядя на Мо.

Он ей подмигнул, и она, хихикнув, спряталась за спину недоброжелательно настроенного Фенолио.

– Весь шоколад? – проворчал он. – Скажи этому негоднику, что я сейчас приду и устрою ему взбучку.

Кивнув, девочка с радостью побежала сообщать Пиппо плохую новость, тем временем маленький мальчик обхватил ногу Фенолио.

– Речь о «Чернильном сердце», – уверенно продолжил Мо. – Вы

написали его давно, и сейчас книгу, увы, невозможно нигде найти.

Мегги восхищалась тем, что мрачный взгляд писателя не сбивал Мо с толку.

– Так вот в чем дело. Ну и чего вы хотите? – Фенолио сложил руки на груди.

Слева от него снова появилась девочка и прошептала:

– Пиппо спрятался.

– Это ему не поможет, – сказал Фенолио. – Я его все равно найду.

Девочка шмыгнула обратно в дом и стала громко звать похитителя шоколада.

Фенолио снова обратился к Мо:

– Что вам нужно? Если хотите задать мне какие-нибудь хитрые вопросы про книгу, то вы зря приехали. У меня на это нет времени. И вообще, как вы сами заметили, с тех пор как я ее написал, прошла уже целая вечность.

– Нет, я приехал сюда не за этим. Все, что я хочу знать: остались ли у вас еще экземпляры этой книги и не продадите ли вы мне один.

Взгляд старика немного смягчился.

– Смотри-ка, книга, похоже, задела вас за живое. Мне это льстит. Хотя… – Он снова нахмурился. – Вы ведь не один из тех сумасшедших, что гоняются за редкими книгами только потому, что они редкие?

Мо улыбнулся:

– Нет! Я хочу ее прочитать, просто прочитать.

Фенолио оперся рукой о косяк и принялся рассматривать дом напротив, как будто ждал, что тот вот-вот рухнет. Улочка, на которой они стояли, была такой узкой, что если бы Мо вытянул руки, то смог бы дотянуться до домов по обе ее стороны. Многие дома, как в деревне Каприкорна, были построены из песочно-серых неотесанных камней, зато под свежевыкрашенными ставнями и на лестницах висели горшки с цветами. Возле одного дома стояла коляска, возле другого – мопед, а из открытых окон доносились голоса. Мегги подумала, что деревня Каприкорна когда-то, наверное, выглядела так же.

Мимо них прошла старушка и окинула незнакомцев недоверчивым взглядом. Фенолио, кивнув, коротко поздоровался и подождал, пока она скроется за зеленой дверью своего дома.

– Значит, «Чернильное сердце», – проговорил он. – Старая история. Странно, что вы интересуетесь именно этой книгой.

На порог вернулась девочка, потянула Фенолио за рукав и что-то прошептала ему на ухо. На черепашьем лице появилась улыбка. Таким оно нравилось Мегги гораздо больше.

– Да, Паула, он всегда там прячется, – тихо сказал Фенолио. – Посоветуй ему найти какое-нибудь другое укрытие.

Перед тем как убежать, девочка еще раз с интересом взглянула на Мегги.

– Ну, хорошо, давайте для начала войдем, – сказал Фенолио, махнул рукой, чтобы они следовали за ним, и, хромая, потому что мальчик висел на его ноге, как маленькая обезьянка, пошел в дом. Пройдя через узкий темный коридор, он распахнул дверь на кухню. На столе стоял растерзанный пирог. Коричневая корочка была вся в дырках, как изгрызенный червями книжный переплет.

– Пиппо! – взревел Фенолио, и Мегги вздрогнула, хотя была ни в чем не виновата. – Я знаю, что ты меня слышишь. Так вот, как только выйдешь, мне придется завязать твои шоколадные пальцы узлом, чтобы они больше не дырявили пироги, ясно?

Из шкафа рядом с холодильником послышалось хихиканье. Фенолио отломил себе кусочек продырявленного пирога и сказал:

– Паула, угости девочку, если ее не смущают дырки.

Паула вылезла из-под стола и вопросительно посмотрела на Мегги.

– Совершенно не смущают, – ответила та, и девочка огромным ножом отрезала от пирога такой же огромный кусок и положила его на скатерть перед Мегги.

– Пиппо, дай-ка тарелку с розочками, – сказал Фенолио, и из шкафа высунулась вымазанная в шоколаде рука.

Мегги успела подхватить тарелку, прежде чем та выскользнула из руки, и положила на нее свой кусок пирога.

– Хотите тоже? – спросил Фенолио у Мо, на что Мо ответил:

– Я бы хотел увидеть книгу. – Он был довольно бледен.

Со словами «Рико, поищи себе другое дерево» Фенолио отцепил от ноги маленького мальчика и сел. Затем он задумчиво посмотрел на Мо и произнес:

– К сожалению, я не могу вам ее дать. У меня не осталось ни одного экземпляра. Их украли, все до единого. Я одолжил их организаторам выставки старых детских книг в Генуе. Среди них было два специальных издания с чудесными иллюстрациями, причем на одном была дарственная надпись художника, потом две книжки с

пометками моих детей (я всегда просил их подчеркивать понравившиеся места) и мой личный экземпляр. Все украли. Через два дня после открытия выставки.

Мо провел рукой по лицу, словно хотел стереть разочарование:

– Украли! Ну конечно.

– Конечно? – переспросил Фенолио, прищурив глаза. – Интересно, почему? Вы должны мне объяснить. Я вас не отпущу, пока вы не расскажете, почему ищете именно эту книгу. Иначе я натравлю на вас детей, и вам мало не покажется.

Мо попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло. Помолчав, он сказал:

– Мою книгу тоже украли, и это тоже был особенный экземпляр.

– Невероятно. – Фенолио поднял лохматые брови, похожие на волосатых гусениц. – Давайте, рассказывайте все.

На его лице не осталось и тени враждебности – теперь оно выражало только любопытство. В глазах Фенолио Мегги прочитала знакомую ей неутолимую жажду новых историй, которая одолевала ее при виде каждой непрочитанной книги.

– Да рассказывать в общем-то нечего. – По голосу Мо Мегги поняла, что он не собирается говорить старику всю правду. – Я реставрирую книги и на это живу. Много лет назад я наткнулся на вашу книгу в букинистическом магазине, хотел ее заново переплести и продать, но она мне так понравилась, что я ее оставил. А недавно книгу украли. Я пытался купить новую, но не смог. Тогда подруга, которая умеет доставать редкие книги, посоветовала мне обратиться непосредственно к автору. Она же дала мне ваш адрес. Вот я и приехал.

Фенолио стряхнул со стола несколько крошек и уверенно произнес:

– Прекрасно, но это не вся история.

– Что вы хотите этим сказать?

Старик смотрел в глаза Мо до тех пор, пока тот не перевел взгляд на узкое кухонное окошко.

– Я хочу сказать, что у меня нюх на интересные истории, я их за километр чую, так что не пытайтесь от меня ничего скрыть. Выкладывайте. За это получите кусочек чудесного дырявого пирога.

Паула забралась Фенолио на колени и сунула голову ему под подбородок. Вдвоем они выжидающе уставились на Мо. Но Мо покачал головой:

– Нет, думаю, не стоит. Все равно вы не поверите ни одному моему слову.

– О, я верю в самые невероятные вещи! – возразил Фенолио, отрезая Мо кусок пирога. – Я поверю любой истории, лишь бы она была хорошо рассказана.

Тут дверца шкафа приоткрылась, мальчик высунул оттуда голову и спросил:

– Что там с моим наказанием?

Судя по шоколадным пальцам, это был Пиппо.

– Позже, – ответил Фенолио. – Сейчас я занят.

Пиппо вылез из шкафа и разочарованно захныкал:

– Ты обещал завязать мне пальцы узлом.

– Хоть двойным, хоть морским, даже альпийской бабочкой завяжу, если пожелаешь. Но позже. Сначала я выслушаю одну историю. Так что пока можешь еще побезобразничать.

Обиженно надув губы, Пиппо вышел в коридор, и маленький мальчик ускакал за ним.

Мо все еще молчал, водя пальцем по шероховатой столешнице и смахивая с нее крошки от пирога. Наконец он выдавил из себя:

– Эта история связана с человеком, которому я обещал ничего не рассказывать.

– «Плохое обещание не станет лучше, если его сдержать», – заявил Фенолио. – По крайней мере, так написано в одной из моих любимых книжек.

– Я не знаю, плохое это обещание или нет, – сказал Мо, тяжело вздохнув, и уставился в потолок, словно надеялся найти там ответ. – Ну хорошо, я вам расскажу, но, когда Сажерук узнает, он меня убьет.

– Сажерук? Однажды я дал такое имя персонажу. Вспомнил: это был трюкач из «Чернильного сердца»! В предпоследней главе пришлось его убить, и мне было его так жалко, что я даже плакал.

Мегги чуть не поперхнулась пирогом, который только что откусила, но Фенолио ничего не заметил и спокойно продолжил:

– Я редко убиваю своих персонажей, но иногда по-другому нельзя. Описывать сцены смерти не так-то просто: часто они получаются слишком слезливыми. Но сценой смерти Сажерука я остался доволен.

Мегги повернулась к Мо и сокрушенно спросила:

– Он умрет? Ты что… знал об этом?

– Конечно, Мегги. Я прочитал книгу до конца.

– Но почему ты ему не скажешь?

– Он не хочет этого знать.

Фенолио с любопытством следил за их диалогом, но было видно, что он ни слова не понимает.

– Кто его убьет? – спросила Мегги. – Баста?

– Ах, Баста! – Фенолио усмехнулся, и каждая его морщинка наполнилась самодовольством. – Один из лучших негодяев, которых я когда-либо придумывал. Настоящий бешеный пес. Но до другого моего злодея – Каприкорна – ему далеко. Баста ради него готов вырвать себе сердце, но Каприкорну чужды такие страсти. Он ничего не чувствует, вообще ничего. Даже собственная жестокость не доставляет ему радости. Да, отрицательные персонажи в «Чернильном сердце» мне определенно удались. Взять хотя бы собаку Каприкорна. Я назвал ее Тень, хотя для такого чудовища это, конечно, слишком безобидная кличка.

– Тень? – прошептала Мегги. – Это она убьет Сажерука?

– Нет-нет, прости, я совсем забыл про твой вопрос. Если я начинаю говорить о своих персонажах, то не могу остановиться. Нет, Сажерука убьет один из людей Каприкорна. Душещипательная сцена. У Сажерука есть ручная куница, и на нее с ножом нападает подручный Каприкорна, который любит убивать маленьких животных. Тогда Сажерук пытается спасти своего пушистого друга и погибает.

У Мегги не было сил говорить. Думать она тоже ни о чем не могла. В голове крутилась единственная мысль: «Бедный, несчастный Сажерук…» Наконец Мегги спросила:

– Кто это сделал – Плосконос или Кокерель?

Фенолио был в восторге:

– Смотри-ка, ты помнишь все имена. Я их часто придумываю и тут же забываю.

– Ни тот ни другой, Мегги, – перебил его Мо. – В книге убийца даже не назван. За Гвином охотится целая орава подручных Каприкорна. Один из них наносит удар. Он, наверное, до сих пор поджидает Сажерука.

– То есть как – поджидает? – удивился Фенолио.

– Это отвратительно! – рассердилась Мегги. – Я рада, что не стала читать дальше.

– Ты о чем? О моей книге? – спросил Фенолио обиженным тоном.

– Да, о ней! – резко ответила Мегги и повернулась к Мо. – А что с Каприкорном? Кто убьет его?

– Никто.

– Никто?

Мегги так осуждающе посмотрела на Фенолио, что тот от смущения принялся тереть свой большой нос.

– Что ты так смотришь? – вспылил он. – Да, я позволил ему уйти. Он один из моих лучших злодеев. С какой стати мне его убивать? В реальности так и бывает: жестокие убийцы уходят от правосудия и живут счастливо до конца своих дней, а хорошие, даже самые лучшие люди умирают. Такова жизнь. Почему в книгах должно быть по-другому?

– А как же Баста? Он что, тоже остается жив? – возмутилась Мегги.

Она вспомнила, как Фарид у хижины сказал: «Почему вы их не убьете? Они-то с нами именно это собирались сделать!»

– Баста тоже остается жив, – ответил Фенолио. – Я тогда носился с идеей написать продолжение «Чернильного сердца», и эти двое непременно должны были там присутствовать. Я гордился ими! Да, Тень тоже неплохо получилась, даже хорошо, но сильнее всего я привязываюсь к человеческим персонажам. Знаешь, если бы ты меня спросила, кем я больше гордился – Бастой или Каприкорном, – я бы не знал, что тебе ответить!

Мо задумчиво посмотрел в окно, а потом повернулся к Фенолио и спросил:

– А вы бы хотели с ними встретиться?

– С кем? – не понял вопроса писатель.

– С Каприкорном и Бастой.

– Что вы! Упаси бог! – Фенолио так громко рассмеялся, что Паула вздрогнула и закрыла ему рот рукой.

– А вот мы с ними встретились, – устало проговорил Мо. – Я, Мегги и Сажерук.

Фальшивый конец

Рассказы, романы и сказки похожи на живых существ, а может, они и в самом деле живые. У них есть голова, ноги, по их жилам течет кровь, а еще они носят одежду, совсем

как люди.

Э. Кестнер. Эмиль и сыщики

После того как Мо рассказал свою историю, Фенолио надолго погрузился в молчание. Паула давно ушла к Пиппо и Рико. Мегги слышала, как они, громко крича и смеясь, играли на втором этаже: прыгали, бегали и катались по деревянным половицам. Но на кухне тишину нарушало только тиканье настенных часов.

– А у него на лице есть шрамы от?.. Ну, вы знаете, – спросил Фенолио.

Мо кивнул.

– Баста порезал ему лицо, потому что им нравилась одна и та же девушка. – Фенолио стряхнул крошки со штанов и отвернулся к окну.

– Да, я знаю, – сказал Мо.

– Феи залечили раны, и на его лице осталось только три тонких шрама, три едва заметные линии, верно? – Старик повернулся к Мо и вопросительно посмотрел на него.

Тот кивнул, и Фенолио снова устремил взгляд на улицу. В доме напротив было открыто окно, и оттуда раздавались крики: мать ругала ребенка.

– В такой ситуации я бы должен гордиться собой, – пробормотал Фенолио. – Каждый писатель мечтает вдохнуть жизнь в своих персонажей, а мои прямо-таки вышли из книжки!

– Потому что отец их вычитал, – добавила Мегги. – Он может сделать это с любыми другими персонажами.

– Верно, – кивнув, сказал Фенолио. – Хорошо, что ты мне об этом напомнила, а то я, чего доброго, возомнил бы себя маленьким богом, не так ли? Мне жаль, что с твоей матерью так получилось. Хотя, если разобраться, моей вины в этом нет.

– Отец сильнее переживает, – сказала Мегги. – Я ее почти не помню.

Мо был удивлен.

– Оно и понятно. Ты тогда была младше, чем Пиппо, Паула и Рико, – задумчиво проговорил Фенолио, подойдя к окну. – Я бы очень хотел на него посмотреть. На Сажерука. Теперь я, конечно, раскаиваюсь в том, что заставил беднягу плохо кончить, но такой исход просто напрашивался. Как писал Шекспир: «Мир – сцена, где у всякого есть роль, моя – грустна».

Он все еще глядел в окно. На втором этаже что-то разбили, но Фенолио не обратил на это внимания.

– Скажите, это ваши дети? – спросила Мегги, указывая на потолок.

– Слава богу, нет. Это мои внуки. Одна из моих дочерей живет здесь же, в деревне, и они часто приходят, чтобы я им что-нибудь рассказал. Мои истории любит вся деревня, но я больше не хочу их записывать, – объяснил Фенолио и, повернувшись к Мо, спросил: – Где он сейчас?

– Сажерук? Я не могу вам сказать: он не хочет вас видеть.

– Когда отец рассказал ему о вас, он очень испугался, – добавила Мегги, а про себя подумала: «И все-таки Сажерук должен узнать, что с ним произойдет. Непременно. Тогда он поймет, что ему нельзя назад. Конечно, он все равно будет тосковать. До конца своих дней».

– Я должен его увидеть! Всего раз. Неужели вы не понимаете? – Фенолио умоляюще посмотрел на Мо. – Я могу незаметно пойти за вами – он меня и не узнает. Все, чего я хочу, – это удостовериться, что он выглядит так, как я его себе представлял.

На это Мо только покачал головой:

– Лучше оставьте его в покое.

– Вздор! Я имею право смотреть на него, когда захочу, – я его создал!

– Но потом вы же его и убили, – заметила Мегги.

– Ничего не поделаешь, – развел руками Фенолио. – Мне нужен был захватывающий сюжет. Тебе разве не нравятся захватывающие истории?

– Нравятся. Но только с хорошим концом.

– С хорошим концом! – Фенолио презрительно фыркнул и прислушался к тому, что происходило наверху. Кто-то или что-то с грохотом рухнуло на пол – потом раздался громкий плач. Фенолио бросился к двери. – Подождите меня здесь! Я сейчас вернусь, – прокричал он, выбежав в коридор.

– Мо! – шепнула Мегги. – Ты должен все рассказать Сажеруку, чтобы он знал, что не может вернуться.

Но Мо покачал головой:

– Поверь мне, он об этом и слышать не хочет. Я дюжину раз пытался с ним поговорить. Думаю, правильно будет свести его с Фенолио. Может, создатель окажется для него бóльшим авторитетом, чем я, и ему он поверит. – Тяжело вздохнув, Мо смахнул с кухонного

стола несколько крошек от пирога. – В «Чернильном сердце» была одна иллюстрация, – пробормотал он и провел ладонью по столешнице, словно хотел наколдовать картину прямо на дереве, – там несколько женщин в пышных праздничных платьях стоят под аркой ворот, и у одной такие же светлые волосы, как у твоей матери. Лица не видно – женщина отвернулась от зрителя, но я всегда представлял себе, что это она. Как считаешь, это – безумие?

Мегги положила свою руку на его и твердо сказала:

– Мо, обещай мне, что не поедешь снова в деревню! Пожалуйста! Обещай, что не будешь пытаться вернуть книгу.

Секундная стрелка кухонных часов отмерила множество мучительно долгих отрезков, прежде чем Мо наконец ответил.

– Я обещаю, – тихо проговорил он.

– Посмотри мне в глаза!

Мо поднял глаза на Мегги и еще раз повторил:

– Обещаю! – А потом добавил: – Я хочу обсудить с Фенолио еще одну вещь, а потом поедем домой и забудем о книге. Довольна?

Мегги кивнула, хотя и не понимала, что тут еще обсуждать.

Фенолио вернулся, неся на спине заплаканного Пиппо. Девочка и малыш с удрученным видом следовали за дедушкой.

– Дырок в пироге тебе не хватило – надо было еще и собственный лоб продырявить! Похоже, пора отправить вас домой! – проворчал Фенолио, усаживая Пиппо на стул. Затем он долго рылся в большом шкафу, наконец отыскал пластырь и не слишком бережно наклеил его на разбитый лоб внука.

Мо отодвинул стул и поднялся.

– Я передумал: вы встретитесь с Сажеруком.

Фенолио в недоумении обернулся.

– Может быть, вам удастся донести до него, что ему нельзя обратно, – разъяснил свои намерения Мо. – Иначе он может натворить бог знает что. Даже подвергнуть свою жизнь опасности… А еще у меня есть одна сумасшедшая идея. Я бы хотел ее с вами обсудить.

– Более сумасшедшая, чем все то, что вы мне уже рассказали? По-моему, это невозможно, как считаете? – усмехнулся Фенолио. Его внуки снова забрались в шкаф и, хихикая, закрыли за собой дверь. – Я готов выслушать вашу идею. Но прежде я хочу встретиться с Сажеруком! – поставил условие писатель.

Мо посмотрел на Мегги: в его взгляде читалось сомнение. Он не привык нарушать обещания и, очевидно, чувствовал себя при этом прескверно. Мегги его очень хорошо понимала.

– Он ждет нас на рыночной площади, – неуверенно проговорил Мо. – Но сначала я поговорю с ним сам.

– Здесь, на рыночной площади? – От удивления Фенолио широко раскрыл глаза. – Превосходно!

Он подскочил к маленькому зеркалу возле кухонной двери и провел рукой по темным волосам, как будто боялся, что Сажерук может быть разочарован внешним видом своего создателя.

– Я сделаю вид, что не замечаю его, пока вы меня не позовете! – воодушевленно произнес Фенолио. – Решено, так и сделаем!

В шкафу началась возня. Через минуту оттуда выкатился Пиппо в куртке до пят и спадающей на глаза шляпе.

– Ну конечно! – вскричал Фенолио и, забрав у Пиппо шляпу, надел ее на себя. – Я возьму с собой детей! Нет ничего менее подозрительного, чем дедушка с тремя внуками.

Мо кивнул и подтолкнул Мегги к двери.

По узенькой улочке Мо и Мегги направились вниз, к рыночной площади. Фенолио следовал за ними, отстав на несколько шагов, а внуки скакали вокруг него, словно свора щенков.

Озноб и предчувствие

Только теперь она отложила книгу и посмотрела на меня. И произнесла эти слова:

– Жизнь несправедлива, Билл. Мы уверяем наших детей, что справедливость восторжествует, но так говорить подло. Мы их не просто обманываем – мы их жестоко обманываем. Жизнь несправедлива, никогда такой не была и никогда не будет.

У. Голдман. Принцесса-невеста

Сажерук сидел на холодных каменных ступенях и ждал. Ему было не по себе от страха. Но он не мог понять, чего, собственно, боится. Может быть, памятник за спиной заставлял его думать о смерти. Сажерук всегда боялся ее, она представлялась ему холодной,

как ночь без огня. Впрочем, сейчас нечто другое пугало его больше, чем смерть, – уныние. С тех пор как Волшебный Язык выманил его в этот мир, оно всегда и везде преследовало Сажерука, сковывало тело и лишало жизнь красок.

Рядом с ним Фарид скакал по ступенькам. Вверх-вниз, вверх-вниз. Его сильные ноги не знали усталости, а лицо выражало несказанное удовольствие, как будто Волшебный Язык вычитал его прямо в рай. Отчего он так счастлив? Сажерук обвел глазами раскинувшуюся перед ним деревню: узкие бледно-желтые, розовые и персиковые дома с темно-зелеными ставнями и ржаво-черепичными крышами, растущий у стены олеандр с полыхающими от цветов ветвями, кошки, трущиеся о теплые стены… К одной из них подкрался Фарид и схватил ее за серый хвост. Не обращая внимания на то, что кошка нещадно царапала ему ноги, он усадил ее себе на колени.

– А знаешь, что здесь делают, чтобы кошек не стало слишком много? – Сажерук вытянул ноги и, зажмурившись, посмотрел на солнце. – Когда приходит зима, своих кошек люди забирают в дом, а для бродячих выставляют миски с отравленной едой.

Фарид провел рукой по острым ушам серой кошки. Его умиленное лицо вмиг ожесточилось, от радости не осталось и следа. Сажерук быстро отвернулся. Зачем он это сказал? Так сильно раздражало счастье мальчика?

Фарид отпустил кошку, сел на нижнюю ступеньку памятника и поджал под себя ноги.

Он сидел в той же позе, когда те двое наконец вернулись. Книги у Волшебного Языка не было, зато по его напряженному лицу сразу было понятно, что его мучают угрызения совести.

Из-за чего Волшебный Язык чувствовал себя виноватым? Сажерук настороженно осмотрелся в поисках неведомой опасности. Волшебный Язык никогда не умел скрывать свои чувства и для каждого был открытой книгой. Дочь в этом отношении от него отличалась. Трудно было понять, что у нее на уме. Но теперь Сажеруку показалось, что в ее глазах он различил озабоченность или даже сочувствие. Это ему она сочувствовала? Что такого мог сказать девочке писака, что она пожалела Сажерука?

Когда Мо и Мегги приблизились, Сажерук поднялся, отряхнул штаны от пыли и спросил:

– У него не оказалось больше книг, верно?

– Верно, – ответил Мо. – Все его экземпляры украли. Еще несколько лет назад.

Мегги не сводила с Сажерука глаз.

– Почему ты так на меня смотришь, принцесса? – не выдержал он. – Знаешь что-то, чего не знаю я?

Сажерук и не думал докапываться до истины – он спросил наугад, а попал прямо в точку. Девочка закусила губы. Ее глаза по-прежнему выражали заботу и сочувствие.

Сажерук провел рукой по лицу и почувствовал свои шрамы – вечное напоминание о Басте. Как он ни старался, он ни на день не мог забыть о бешеном псе Каприкорна. Тогда, стирая кровь с ножа, Баста еще прошептал: «Теперь все девушки будут от тебя без ума!»

– Дьявол! Проклятье! – Сажерук с такой силой пнул стену, что нога у него болела еще несколько дней, затем он набросился на Мо: – Ты рассказал про меня писаке! И теперь даже твоя дочь знает обо мне больше, чем я сам! Ладно, выкладывай. Раз так, я тоже хочу знать! Валяй, говори. Ты же всегда мечтал мне все рассказать. Баста меня повесит, да? Схватит меня за горло и будет душить до тех пор, пока я не стану твердым, как бревно, верно? Но почему я должен этого бояться? Баста сейчас здесь. История изменилась, иначе и быть не может! Баста не причинит мне вреда, если ты вернешь меня в мир, где я свой!

Сажерук двинулся на Мо, хотел схватить его, встряхнуть, ударить за все то, что он ему сделал. Но Мегги встала между ним и отцом и, оттолкнув Сажерука, крикнула:

– Перестань! Это не Баста! Это один из людей Каприкорна. Он уже ждет тебя. Они захотят убить Гвина, и ты погибнешь, пытаясь его спасти! Эта история не изменилась! Все так и случится, и ты не сможешь этому помешать, понятно? Поэтому ты должен остаться здесь. Тебе нельзя возвращаться!

Глаза Сажерука говорили девочке: «Замолчи!» – но она выдержала его взгляд и даже попыталась взять его за руку.

Сажерук отошел, и она, запинаясь, добавила:

– Радуйся, что ты здесь! Тут ты можешь ускользнуть от них. Можешь убежать далеко-далеко и… – Мегги осеклась.

Может, она заметила в глазах Сажерука слезы, которые он тут же раздраженно вытер рукавом. Он озирался, словно зверь, попавший в западню. Искал глазами выход. Но выхода не было. Нельзя было ни вперед, ни – что еще хуже – назад.

Неподалеку, на автобусной остановке, стояли три женщины. Они с интересом смотрели на незнакомцев. Сажеруку часто приходилось ловить на себе любопытные взгляды: казалось, все чувствовали, что ему здесь не место. В этом мире он всегда будет чужаком.

На другой стороне площади пожилой господин играл с тремя детьми в футбол. Вместо мяча они пинали консервную банку. Фарид смотрел в их сторону. На его узких плечах болтался рюкзак Сажерука, штаны были в кошачьей шерсти. Засунув пальцы ног между камнями мостовой, мальчик думал о чем-то своем. Фарид постоянно снимал кроссовки, которые Сажерук ему купил, и, словно добычу, привязывал их к рюкзаку. Даже по горячему асфальту он бегал босиком.

Мо тоже повернулся к играющим детям и подал старику знак, и тот направился к ним. Сажерук попятился и почувствовал, как по его спине пробежала дрожь.

Старик подошел и сказал:

– Дети в восторге от ручной куницы, которую мальчик держит на поводке. – Сажерук отшатнулся. Почему этот человек так на него смотрит? Иначе, чем женщины на остановке. – Дети утверждают, что куница умеет делать трюки, а мальчик глотает пламя. Можно нам посмотреть на это поближе?

С неба светило горячее солнце, а Сажерука бил озноб. От взгляда старика. Тот смотрел на него, как на своего пса, который давно убежал, и вот наконец, поджав хвост, вернулся. Зверь исхудал, в шерсти завелись блохи, но это не помешало хозяину узнать своего питомца.

– Вздор, не делает он никаких трюков! – выпалил Сажерук. – И вообще тут не на что смотреть!

Он отступил еще на шаг, но старик снова приблизился, как будто их связывала невидимая нить.

– Простите! – проговорил старик и поднял руку, словно хотел прикоснуться к шрамам на лице собеседника.

Сажерук уперся спиной в одну из припаркованных машин. Теперь они со стариком стояли лицом к лицу. Взгляд незнакомца был словно прикован к нему…

– Убирайтесь! – Сажерук грубо оттолкнул старика и взревел: – Фарид, принеси мои вещи!

В мгновение ока мальчик оказался рядом. Сажерук вырвал у него из рук рюкзак и сунул туда куницу, не обращая внимания на укусы ее

острых зубов. Старик уставился на рожки Гвина. Сажерук проворно забросил рюкзак на спину и попытался протиснуться мимо незнакомца.

– Пожалуйста, я просто хочу поговорить с тобой. – Старик встал у Сажерука на пути и схватил его за руку.

– Зато я не хочу.

Сажерук попытался высвободиться, но сильные костлявые пальцы не пускали его. Тут он вспомнил, что у него есть нож – нож Басты. Сажерук достал его из сумки, открыл и дрожащей рукой приставил к горлу старика – ему претило угрожать людям оружием. Старик сразу ослабил хватку.

Сажерук вырвался и побежал.

Ему не было дела до того, что Мо кричал ему вслед. Раньше ему часто приходилось спасаться бегством. Как сейчас. Ноги его еще ни разу не подводили. Хотя он и не знал, куда в конце концов прибежит. Оставив позади деревню и шоссе, он скрывался за деревьями, нырял в дикую траву, тонул в желтых зарослях дрока и в серебристой листве олив… Прочь от домов и асфальтированных дорог. Дикая местность всегда была его надежным укрытием.

Лишь начав задыхаться, Сажерук бросился на траву рядом с заброшенной цистерной. Дождь наполнил ее водой, и там обосновались лягушки. Тяжело дыша, Сажерук лежал на земле, прислушивался к своему сердцебиению и смотрел в небо.

– Кто этот старик?

Вдруг он вскочил. Перед ним стоял Фарид. Он бежал за ним следом.

– Убирайся! – закричал Сажерук.

Вместо этого мальчик уселся в заросли диких цветов. Они были повсюду: синие, желтые, красные, словно кто-то разбрызгал на траве краску.

– Ты мне не нужен! – резко выговорил Сажерук.

Фарид молча сорвал дикую орхидею и стал ее рассматривать. Цветок был похож на сидящего на стебле шмеля.

– Какой странный цветок! – пробормотал мальчик. – Никогда еще такого не видел.

Сажерук сел, прислонился спиной к цистерне и предупредил Фарида:

– Если последуешь за мной, пожалеешь. Я собираюсь вернуться,

сам знаешь куда.

Только когда он произнес эти слова, он понял, что решился. Причем давно. Он пойдет туда. Трус Сажерук пойдет в логово льва. Не важно, что говорит Волшебный Язык, что говорит его дочь… Он всегда стремился к единственной цели. Пока она была недостижима. Но никто не смел отнимать у него надежду на то, что когда-нибудь его желание сбудется.

Мальчик не двигался с места.

– Уходи. Возвращайся к Волшебному Языку. Он о тебе позаботится.

Фарид все еще сидел на траве, обхватив руками колени. Потом он спросил:

– Ты собираешься вернуться в ту деревню?

– Да! Туда, где живут демоны и черти. Поверь мне, такого мальчишку, как ты, они убьют не моргнув глазом, а потом преспокойно пойдут пить свой утренний кофе.

Фарид провел орхидеей по щеке и, улыбнувшись от прикосновения лепестков, сказал:

– Гвин хочет наружу.

Он был прав. Зверек прокусил рюкзак и высунул мордочку в дырку. Сажерук расстегнул ремни и выпустил его.

Недовольный временем суток, Гвин заморгал на солнце, фыркнул и шмыгнул к Фариду.

Тот посадил куницу на плечо и, серьезно посмотрев на Сажерука, сказал:

– Я никогда прежде не видел таких красивых цветов, таких зеленых холмов и таких умных куниц. А людей вроде тех, о которых ты говоришь, я видел предостаточно. Они везде одинаковые.

Сажерук покачал головой:

– Эти хуже всех.

– Нет. – Упрямство Фарида рассмешило Сажерука. Почему, он и сам не знал. – Можем пойти куда-нибудь в другое место, – сказал мальчик.

– Нет, не можем.

– Почему? Что тебе нужно в той деревне?

– Хочу кое-что украсть, – ответил Сажерук.

Мальчик кивнул, сочтя это намерение совершенно нормальным, осторожно сунул орхидею в карман и спросил:

– Но прежде научишь меня своим огненным трюкам?

– Прежде? – Сажерук улыбнулся.

Фарид – умный малый: сообразил, что никакого «потом» может и не быть.

– Конечно, – сказал он. – Я покажу тебе все, что умею. Прежде.

Всего лишь идея

– Пусть так, – сказал Страшила, – но вы дали обещание. А обещания надо выполнять.

Л. Ф. Баум. Удивительный Волшебник из Страны Оз

После того как Сажерук исчез, они не поехали к Элинор.

– Мегги, я знаю, что обещал тебе сразу поехать к Элинор, – сказал Мо, растерянно стоя посреди площади, – но я бы хотел задержаться здесь до завтрашнего дня. Я тебе уже говорил: мне нужно кое-что обсудить с Фенолио.

Старик не двигался с того места, где разговаривал с Сажеруком, и продолжал смотреть в направлении, куда тот убежал. Внуки тянули его за рукав, уговаривали пойти домой, но он их как будто не замечал.

– Что ты хочешь с ним обсудить?

Мо опустился на ступени памятника и притянул Мегги к себе.

– Видишь эти имена? – спросил он, указывая на высеченные на камне буквы. – Они принадлежат людям, которых больше нет. Но у

каждого погибшего осталась семья: мать или отец, братья, сестры, может быть, жена. Представь, что кто-то из них узнал, что может оживить эти буквы, вернуть пустому имени плоть и кровь. Неужели ты думаешь, что он или она не пошли бы на все, чтобы это сделать?

Мегги посмотрела на длинный список имен. Возле первого кто-то нарисовал сердечко. Перед памятником лежали сухие цветы.

– Никто не может воскресить мертвых, Мегги, – продолжил Мо. – Возможно, смерть в самом деле только начало новой истории, однако книгу, в которой она написана, еще никто не читал, и ее автор наверняка не играет в футбол с внуками в маленькой деревушке на берегу моря. Но имя твоей матери не высечено на памятнике, оно затерялось на страницах книги, и то, что случилось девять лет назад, вероятно, еще можно исправить. Я даже, кажется, знаю как.

– Ты хочешь вернуться!

– Нет. Я же дал тебе слово. Разве я когда-нибудь нарушал свои обещания?

Мегги покачала головой: она не стала говорить про то, что Мо не сдержал обещания, данного Сажеруку.

– Вот видишь, – сказал Мо. – Я хочу остаться, чтобы поговорить с Фенолио. Это все.

Мегги посмотрела на море. Сквозь тучи проглянуло солнце, и по волнам побежали блики. Воду как будто кто-то раскрасил.

– Очень уж мы близко, – пробормотала она.

– К чему?

– К деревне Каприкорна.

Мо взглянул на восток:

– Да, странно, что его потянуло именно сюда, не находишь? Такое впечатление, что он искал края, напоминавшие ему родину.

– Что, если он нас найдет?

– Чепуха. Знаешь, сколько на этом побережье деревень?

Мегги пожала плечами:

– Однажды он уже нашел тебя. Тогда ты был гораздо дальше от него, чем сейчас.

– Но тогда ему помог Сажерук. А больше он этого не сделает, я уверен. – Мо поднялся и помог Мегги встать. – Пойдем спросим у Фенолио, где здесь можно переночевать. Он совсем расстроился – надо его отвлечь.

Фенолио не сказал, соответствовал ли Сажерук его

представлениям. Пока они шли к дому, он не проронил ни слова. Но, когда Мо сообщил старику, что они хотят остаться еще на день, он немного оживился и даже предложил им переночевать в квартире, которую иногда сдавал туристам.

Мо с благодарностью согласился.

Весь вечер, пока он беседовал с Фенолио, дети гоняли Мегги по тесному дому. Мужчины устроились в кабинете рядом с кухней, и она несколько раз пыталась подслушать, о чем они говорят за закрытой дверью. Но ей удалось разобрать лишь несколько слов: как только Пиппо и Рико замечали, что она подслушивает, тут же хватали ее своими грязными ручками и тащили к лестнице.

В конце концов Мегги оставила свои попытки. Она согласилась, чтобы Паула показала ей котят бездомной кошки в крошечном палисаднике, а потом пошла вместе с детьми в дом их родителей. Там они пробыли недолго: ровно столько, сколько пришлось уговаривать мать, чтобы она позволила им остаться у дедушки на ужин.

Фенолио приготовил макароны с шалфеем. Пиппо и Рико с отвращением убирали терпкую зелень с макаронин, а Мегги и Пауле хрустящие листочки пришлись по вкусу. После ужина Мо с Фенолио распили бутылку красного вина. Наконец старик проводил гостей до двери, но вместо прощания сказал:

– Значит, решено, Мортимер: ты позаботишься о моих книгах, а я прямо завтра приступлю к работе.

Выйдя на тускло освещенную улицу, Мегги спросила:

– О какой работе он говорил?

С приходом вечера жара в деревне не спала: непривычно горячий ветер гонял по воздуху песок. Казалось, он принес его из пустыни на другом берегу моря.

– Лучше не думай об этом, – ответил Мо. – Давай просто представим, что у нас небольшие каникулы. Это место отлично подходит для отдыха, как ты считаешь?

Мегги ничего не ответила – только кивнула. Мо, конечно, хорошо ее знал и часто угадывал, о чем она думала, но временами все-таки забывал, что Мегги уже не пять лет и что теперь недостаточно примитивных слов, чтобы отвлечь ее от тревожных мыслей.

«Ладно! – думала Мегги, пока они молча шли по спящей деревне. – Раз он мне не рассказывает, что Фенолио должен для него сделать, придется спросить у самой Черепахи. А если и тот ничего не

скажет, кто-нибудь из его внуков все для меня выведает!» Мегги уже давно не могла прятаться под столом, зато рост Паулы идеально подходил для шпионажа.

Дóма

Мне, бедняку, все царство – книги.
У. Шекспир. Буря[10]

Было уже почти полночь, когда возле дороги наконец показались ворота дома Элинор. Внизу, на берегу озера, мерцали огоньки, похожие на вереницу светлячков, – в черной воде дрожали их отражения. Как приятно снова оказаться дома. Элинор вышла из машины, чтобы открыть ворота, и даже прикосновение ветра показалось ей знакомым. Все было родное: аромат живой изгороди, запах земли, сам воздух, по сравнению с южным более прохладный и влажный и совсем не соленый. «Хотя соленого воздуха мне, возможно, будет не хватать», – подумала Элинор. Море всегда пробуждало в ней тягу к какой-то неведомой цели.

Элинор толкнула железные ворота, и они тихонько скрипнули, приветствуя хозяйку. «Больше никто не скажет: «Добро пожаловать!» – подумала Элинор, снова садясь в машину, и тут же отбросила столь

[10] Перевод М. Кузмина.

не свойственную ей мысль. – Твои книги будут тебе рады. И этого достаточно».

На самом деле в дороге у нее уже был похожий приступ. Она хотела вдоволь насладиться тоской по дому, поэтому ехала не спеша, объезжала крупные магистрали и даже заночевала в крошечной горной деревушке, название которой тут же забыла. Элинор упивалась одиночеством, своим привычным состоянием. Но потом она вдруг ощутила, что больше не может выносить тишину в машине, и зашла в сонном городишке, в котором даже не было книжного, в кафе. Просто для того, чтобы услышать человеческие голоса. За такое желание Элинор рассердилась на себя, быстро выпила кофе и ушла. Сев в машину, она пробормотала:

– Что это такое, Элинор? С каких пор ты скучаешь по общению с людьми? Надо возвращаться домой, пока ты совсем не спятила.

Когда Элинор подъехала к темному заброшенному дому, он показался ей даже немного чужим. Это неприятное чувство ослабло, только когда она, поднимаясь по ступенькам, почувствовала запах своего сада. Обычно над дверью горел свет, но сейчас лампа была погашена, и Элинор долго не могла вставить ключ в замок. Глупейшая ситуация. Наконец она вошла. В холле была кромешная тьма, и Элинор про себя выбранила человека, который в ее отсутствие обычно следил за домом и садом. Перед отъездом она трижды пыталась до него дозвониться, но он, видимо, снова уехал к дочери. Почему никто не понимал, какие сокровища хранятся в этом доме? Конечно, все было бы по-другому, если бы они были из золота, а не из бумаги и печатной краски…

Было тихо. Так тихо, что на мгновение Элинор показалось, что в доме раздался оживляющий слова голос Мортимера, как тогда, в красной церкви. «Век бы его слушала. Нет, тысячу лет! – подумала Элинор, стягивая ботинки с уставших ног. – Когда Мортимер приедет, обязательно попрошу его почитать мне вслух! Наверняка есть книги, которые он сможет взять в руки без страха».

Почему раньше она никогда не замечала, как тихо в этом доме? Элинор думала, что, когда ее снова окружат родные стены, она почувствует радость. Но радости не было.

Нащупывая на стене выключатель, она крикнула в мертвую тишину:

– А вот и я, мои драгоценные! Сейчас вас почистят и приведут в порядок! – Когда свет зажегся, Элинор в ужасе отшатнулась и упала,

запнувшись за собственную брошенную на пол сумку. Поднимаясь, она прошептала: – Боже милостивый! Этого не может быть!

Книжные стеллажи, сделанные вручную по индивидуальному заказу и призванные защищать любимцев Элинор от пыли, были пусты. Книги, которые раньше ровными рядами стояли на полках, теперь валялись на полу, рваные, грязные и растоптанные, словно кто-то в тяжелых сапогах скакал по ним в бешеном танце. Элинор задрожала всем телом, подняла одну книжку, но тут же бессильно опустила руки. По холлу, усеянному осквернеными сокровищами, она, как по болоту, пробралась к длинному коридору, ведущему в библиотеку.

В коридоре Элинор обнаружила ту же картину: книги лежали такими высокими кучами, что она с трудом через них перелезла. Наконец Элинор пробилась к библиотеке. И целую вечность с дрожащими коленками стояла перед прикрытой дверью, не решаясь ее распахнуть.

Библиотека была пуста.

Ни одной книги не было ни на стеллажах, ни в витринах, стекла которых были разбиты, ни даже на полу. Все исчезло. А на потолке болтался мертвый рыжий петух.

Увидев его, Элинор вскрикнула. Птица висела вниз головой, бородка спадала на застывшие глаза. Перья на рыжей грудке, пестрых крыльях и длинном темно-зеленом хвосте переливались, как шелк. Казалось, что в них еще теплилась жизнь.

Одно из окон было открыто. На белом лакированном подоконнике сажей была нарисована стрелка, указывавшая наружу. Элинор нетвердым шагом подошла к окну: от страха ноги ее не слушались. В свете луны она увидела лежавшую на газоне беловато-серую кучу пепла. По цвету та напоминала крылья моли. Или сожженную бумагу.

Вот где они, все ее драгоценные книги. Вернее, то, что от них осталось.

Элинор опустилась на деревянные половицы, которые когда-то тщательно выбирала для своей библиотеки. В окно подул знакомый ветер, и в комнате запахло почти так же, как в церкви Каприкорна. Элинор хотелось кричать, ругаться, сыпать проклятиями, но она не могла произнести ни слова. В конце концов она заплакала.

Хорошее место, чтобы остаться

– У меня нет мамы, – сказал Питер.

У него не просто не было мамы. Мама ему была не нужна.

Он вообще считал, что мама человеку ни к чему.

Дж. М. Барри. Питер Пэн[11]

Квартира, которую сдавал Фенолио, находилась всего через две улочки от его дома. В ней было две комнаты, кухня и малюсенькая ванная. Несмотря на то что комнаты были темноваты, а кровати скрипели, Мегги спала хорошо.

А Мо этой ночью совсем не спал. Из-за кошачьего визга Мегги трижды просыпалась и каждый раз видела, как он лежал, заложив руки за голову, и смотрел в темное окно.

Утром он встал очень рано и купил теплые булочки в маленьком магазинчике в конце улицы. После завтрака они с Мегги поехали в соседний городок за всем, что было необходимо Мо для работы. После того как они купили нож, кисточки, ткань и плотный картон, пополам съели гигантское мороженое в прибрежном кафе, у Мегги было такое ощущение, что они на каникулах. Когда Мо постучал в дверь Фенолио, она все еще чувствовала во рту сладкий вкус. Старик и Мо выпили еще по чашке кофе в зеленой кухне, а потом все втроем поднялись на чердак, где писатель хранил свои книги.

Увидев пыльные стеллажи, Мо воскликнул:

– Глазам не верю! Надо у вас срочно забрать все книги! Когда вы

---

11 Здесь и далее пересказ И. Токмаковой.

последний раз сюда заходили? Пыль со страниц хоть шпателем соскребай!

Фенолио стало стыдно, и все же он попытался оправдаться:

– Мне пришлось переселить их сюда, потому что внизу из-за стеллажей стало слишком тесно. К тому же я хотел уберечь их от внуков.

– Они бы не причинили столько вреда, сколько сырость и пыль, – раздраженно проговорил Мо.

После этих слов Фенолио поспешил удалиться. Спускаясь с Мегги по крутой лестнице, он посочувствовал ей:

– Бедный ребенок. Твой отец всегда такой строгий?

– Только когда дело касается книг, – ответила она.

Фенолио исчез в своем кабинете прежде, чем Мегги успела его о чем-либо спросить, а дети были в школе и в детском саду, так что она взяла книги, подаренные ей Элинор, и уселась на лестницу, ведущую в крошечный палисадник. Дикие розы росли в нем так густо, что и шагу нельзя было ступить, чтобы не задеть их. С верхней ступеньки было видно море. На самом деле водная гладь была далеко, но казалось, что до нее рукой подать.

Мегги снова открыла сборник стихов и зажмурилась от солнца. Прежде чем начать читать, она оглянулась, чтобы удостовериться, что Мо наверху. Она собиралась кое-что попробовать и не хотела, чтобы он застал ее за этим занятием. Мегги было стыдно, но она просто не могла устоять перед искушением.

Убедившись в том, что никого нет, она глубоко вдохнула, откашлялась и начала. Губы, как у Мо, ласкали слова, как будто каждый звук – это нота и, если произнести его грубо, мелодия утратит благозвучие. Но вскоре Мегги заметила, что, если уделять внимание каждому слову и следить только за звучанием, а не за смыслом, невозможно разобрать предложения. А вместе с ними теряются и описанные картины. Все оказалось сложнее, чем она предполагала. Мегги устала. Разморенная жарой, она наконец закрыла книгу и подставила лицо теплым солнечным лучам. Все равно это была глупая затея…

Во второй половине дня Пиппо, Рико и Паула зашли за Мегги и отправились гулять. Они купили поесть в магазинчике, куда утром заходил Мо, сели на забор на краю деревни и стали наблюдать, как муравьи тащат по неровным камням сосновые иголки и цветочные семена. Когда им это наскучило, они принялись считать

проплывавшие вдалеке корабли.

Следующий день прошел так же. Иногда Мегги спрашивала себя: «Интересно, где сейчас Сажерук? С ним ли Фарид? Как там поживает Элинор? Не потеряла ли она нас?» – но не могла ответить ни на один из этих вопросов. Ей не удалось даже выяснить, над чем в своем кабинете работал Фенолио. Паула один раз спряталась у него под столом, но все, что она сообщила: «Он ходит туда-сюда и грызет карандаш».

– Мо, когда мы поедем к Элинор? – спросила Мегги на вторую ночь, снова почувствовав, что он не может уснуть.

Девочка села на край его кровати, и та заскрипела.

– Скоро, – ответил он. – Спи.

– Ты по ней скучаешь? – неожиданно спросила Мегги и сама удивилась этому вопросу: он просто сорвался у нее с губ.

Мо долго молчал.

– Иногда, – сказал он наконец. – Утром, днем, вечером и ночью. Почти постоянно.

Мегги почувствовала, как коготки ревности впились ей в сердце. Знакомое ощущение: оно просыпалось каждый раз, когда у Мо появлялась новая подруга. Но ревновать к собственной матери?

– Расскажи мне о ней, – тихо попросила Мегги. – Но не надо этих придуманных историй, которые ты рассказывал раньше.

Когда Мегги была маленькой, она пыталась найти подходящую мать в книгах, но в ее любимых историях такого персонажа не было. Том Сойер? Сирота. Гек Финн? Нет матери. Джим Пуговка и Питер Пэн с потерянными мальчишками? То же самое… Список можно было продолжать. А в сказках встречались либо злые мачехи, либо матери, которые не знали сострадания. Это часто утешало Мегги: казалось, нет ничего необычного в том, чтобы не иметь матери. По крайней мере, так было для героев ее любимых книг.

– Что тебе рассказать? – спросил Мо, глядя в окно, за которым, визжа, как дети, опять дрались коты. – Ты больше похожа на нее, чем на меня. К счастью. Она смеется, как ты, и точно как ты жует прядь волос, когда читает. У нее близорукость, но она слишком гордая, чтобы носить очки…

– Я ее понимаю. – Мегги села рядом с Мо.

Рана от укуса собаки у него на руке почти зажила. И все-таки на этом месте останется шрам. Такой же, как от раны девятилетней

давности, когда Баста полоснул Мо ножом.

– Почему это ты ее понимаешь? – спросил Мо. – Мне нравятся очки.

– А мне нет. Расскажи еще.

– Она любит камни, круглые плоские камни, которые приятно держать в руке. Пара таких всегда есть у нее в сумке. Еще она кладет их на книги, особенно на карманные, потому что ей не нравится, когда обложка оттопыривается. Ты всегда отнимала у нее эти камни и катала их по полу.

– Нехорошо я себя вела.

– Да нет, она щекотала твою лоснящуюся маленькую шейку до тех пор, пока ты не выпускала камни из рук. – Мо повернулся к Мегги. – Скажи, ты правда по ней не скучаешь?

– Не знаю. Только когда злюсь на тебя.

– То есть примерно дюжину раз в день.

– Неправда!

Улыбнувшись, Мегги пихнула его локтем в бок. Они прислушались к ночной тишине за окном. Коты замолкли, наверное зализывая свои раны. У магазинчика Мегги несколько раз видела полосатого кота с разодранным ухом. Вдруг ей показалось, что она слышит шум моря, но возможно, это был просто гул машин с автострады.

– Как ты думаешь, где сейчас Сажерук? – спросила Мегги.

Тьма окутала ее мягким покрывалом, и она подумала, что будет скучать по здешнему теплому воздуху.

– Не знаю, – рассеянно ответил Мо. – Надеюсь, далеко отсюда. Но не уверен.

Мегги тоже сомневалась в том, что он далеко.

– Думаешь, мальчик все еще с ним?

Фарид. Ей нравилось это имя.

– Скорее всего, да. Он побежал за ним, как верный пес за хозяином.

– Потому что Сажерук ему нравится. Думаешь, это взаимно?

Мо пожал плечами:

– Трудно сказать, что нравится Сажеруку.

Мегги положила голову отцу на грудь. Дома она всегда так делала, когда он рассказывал ей истории.

– Он все еще хочет добраться до книги, да? – прошептала она. – Баста разрежет его на кусочки, если поймает. Наверняка он давно уже

раздобыл новый нож.

На узкой улочке послышались шаги. Кто-то открыл и тут же захлопнул дверь. Залаяла собака.

Мо сказал:

– Если бы не ты, я бы тоже вернулся.

Болтливый Пиппо

– Вас кто-то ввел в заблуждение, – сказала ему Лютик. – Здесь нет никакой деревни. Ближайшая находится в нескольких милях отсюда.

– Значит, никто не услышит твоих криков, – проговорил сицилиец и бросился на нее.

У. Голдман. Принцесса-невеста

На следующий день, часов в десять утра, Элинор позвонила Фенолио. Мегги была на чердаке и наблюдала, с какой осторожностью Мо снимает с книги покрытую плесенью обложку. Он словно доставал из капкана раненое животное.

– Мортимер! – крикнул Фенолио в лестничный проем. – Тут звонит какая-то истеричная бабенка: утверждает, что твоя подруга. Больше я ни слова не смог разобрать.

Мо отложил раздетую книжку в сторону и спустился. Фенолио

мрачно протянул ему трубку, и тихий кабинет наполнился криками гнева и отчаяния. По отдельным возгласам Элинор Мо с трудом, но все же восстановил картину произошедшего.

Мегги услышала, как он говорил:

– Но как он узнал? Ах да, конечно… Сожжены? Все? – Мо провел рукой по лицу и взглянул на Мегги, но ей показалось, что он смотрит сквозь нее. – Ладно, договорились, – сказал он наконец. – Но, боюсь, здесь они тебе тоже не поверят. А за то, что произошло с твоими книгами, здешняя полиция ответственности не несет… Да, хорошо. Конечно, я тебя встречу. Да.

Мо положил трубку.

Фенолио не мог скрыть своего любопытства. Старик почуял новую историю.

– Что это было? – с нетерпением спросил он у Мо, который не сводил глаз с телефона. Была суббота. Рико, как обезьянка, сидел на спине у дедушки, а Паула и Пиппо еще не появлялись. – Мортимер, что случилось? Ты с нами больше не разговариваешь? Словно воды в рот набрал! Мегги, посмотри на отца! Стоит, не шелохнется.

– Звонила Элинор, – проговорил Мо. – Тетушка Мегги. Я тебе про нее рассказывал. К ней вломились люди Каприкорна, во всем доме побросали книги на пол и растоптали. А книги из библиотеки, все самое ценное, они… – Мо на мгновение замолчал, – вынесли в сад и сожгли. В пустой библиотеке она нашла только мертвого петуха.

Сняв Рико со спины, Фенолио сказал:

– Пойди посмотри, как там котята! Не стоит тебе это слушать. – Малыш стал было возражать, но дедушка без лишних разговоров выставил его за дверь. Повернувшись к Мо, Фенолио спросил: – Почему ты так уверен, что это дело рук Каприкорна?

– А кто еще мог такое сделать? Кроме того, рыжий петух, насколько я помню, его знак. Или ты уже забыл собственную историю?

Помолчав, Фенолио с тяжелым вздохом проговорил:

– Нет-нет, я помню.

– А как Элинор? – тревожно спросила Мегги.

– К счастью, это случилось до ее возвращения. Она ехала домой не спеша. Слава богу. Но можешь себе представить ее состояние. Ее лучшие книги, боже мой…

Нервно собирая с ковра игрушечных солдатиков, Фенолио глухо

сказал:

– Да, Каприкорн любит огонь. Если это и правда был он, ваша подруга должна быть рада, что он и ее заодно не сжег.

– Я ей передам, – сказал Мо, взял со стола Фенолио спичечный коробок, открыл его, а потом медленно закрыл.

– А что с моими книгами, которые я спрятала под кроватью? – робко спросила Мегги.

Мо положил коробок обратно на стол и ответил:

– Это единственная хорошая новость: твои книги лежат под кроватью в целости и сохранности. Элинор проверила.

Мегги облегченно вздохнула.

Кто сжег книги Элинор? Баста? Нет, Баста боялся огня. Мегги отлично помнила, как Сажерук насмехался над его страхом. В общем, не так уж важно, кто из чернокурточников это сделал. Главное, что сокровища Элинор уничтожены, и теперь никто не сможет их вернуть, даже Мо.

– Элинор прилетит сюда на самолете, я должен ее встретить, – сказал Мо. – Она одержима идеей натравить на Каприкорна полицию. Я сказал ей, что из этого ничего не выйдет. Даже если ей удастся доказать, что к ней в дом вломились его люди, нет никаких подтверждений тому, что именно он отдал приказ. Но Элинор упрямая, ты же ее знаешь.

Мегги уныло кивнула. Да, она знала Элинор – и хорошо ее понимала.

А Фенолио только рассмеялся:

– Полиция! Никакая полиция для Каприкорна не помеха! Он живет по собственным правилам и законам…

– Перестань! Это – жизнь, а не одна из твоих книг, – резко прервал его Мо. – Может, и приятно выдумывать таких персонажей, как Каприкорн, но, поверь мне, во встрече с ними мало приятного. Я поехал в аэропорт. Мегги остается здесь. Присмотри за ней.

Мо вышел, не успела Мегги и возразить. Она побежала за ним, но на улице наткнулась на Паулу и Пиппо. Дети схватили ее и потащили за собой. Они хотели разыграть одну из дедушкиных историй, и Мегги должна была выбрать, кем она будет: людоедом, ведьмой или шестируким чудовищем. Когда она наконец отцепилась от малышей и прибежала на площадь, было уже поздно: Мо уехал. Взятой напрокат машины на месте не было. Возле памятника погибшим Мегги обнаружила только нескольких стариков, которые, засунув

руки в карманы, смотрели на море.

В нерешительности она подошла к памятнику и села на ступени. Мегги была не в настроении гоняться за внуками Фенолио по дому или играть с ними в прятки. Нет, она будет просто сидеть здесь и ждать возвращения Мо. Горячий ветер, который прошлой ночью гулял по деревне и засыпал подоконники мелким песком, стих. Воздух остыл. Над морем небо было еще ясным, но со стороны холмов оно уже начало затягиваться серыми облаками. Каждый раз, когда они закрывали солнце и на деревню ложилась тень, по спине Мегги пробегал озноб.

Через несколько минут к ней на прямых лапах и с поднятым хвостом подкрался котенок. На серой шерсти сидели клещи, а ребра торчали так, что их можно было пересчитать. Мегги тихонько поманила его, и он, урча, потянулся к руке, чтобы его погладили. Очевидно, котенок был бездомный: на нем не было ошейника. Кроме того, будь у него заботливый хозяин, он не был бы таким худым. Мегги чесала котенка за ушами, гладила ему шейку и спинку, а сама не сводила глаз с дороги, которая сразу за деревней круто поворачивала.

Долго ли ехать до ближайшего аэропорта? Мегги уперлась руками в подбородок. Тяжелые дождевые облака у нее над головой угрожающе сгущались.

Котенок терся спиной о ногу девочки. Мегги провела пальцами по грязной шерсти, и тут ей на ум пришел неожиданный вопрос: что, если Сажерук выдал Каприкорну не только адрес Элинор, но и рассказал, где живут они с Мо? Тогда в своем дворе они тоже найдут кучу пепла? Нет. Она не хотела больше об этом думать.

– Он не знает, где наш дом! – прошептала Мегги. – Он ничего не знает. Сажерук ничего ему про нас не рассказал. – Она повторяла эти слова снова и снова, как заклинание.

Вскоре Мегги почувствовала, как ей на руку упали первые капли дождя. Она подняла голову: тучи затянули небо плотной пеленой, от лазури не осталось и следа. Как быстро на море меняется погода! «Раз так, подожду его в квартире, – подумала Мегги. – Может быть, там даже найдется молоко для котенка». Когда она подняла бедное создание, оказалось, что оно весит не больше носового платка. Мегги несла котенка очень осторожно, боясь ему что-нибудь сломать.

В квартире была кромешная тьма – утром Мо закрыл ставни, чтобы солнце не нагревало помещение. Под моросящим дождем

Мегги промокла и, войдя в прохладную спальню, задрожала всем телом. Она посадила котенка на разобранную постель, натянула на себя свитер Мо, который был ей велик, и побежала на кухню. В пакете осталось совсем немного молока, но, после того как Мегги разбавила его теплой водой, его хватило как раз на маленькую мисочку.

Когда она поставила миску рядом с кроватью, котенок так быстро побежал к молоку, что чуть не запутался в собственных лапах. Дождь усилился. Мегги слышала, как он стучал по мостовой. Она подошла к окну и открыла ставни. Небо над крышами было совсем темное – как будто солнце уже зашло. Мегги села на кровать Мо. Котенок жадно вылизывал миску, снова и снова проводя розовым язычком по цветастому стеклу, чтобы на нем не осталось ни капли лакомства. Вдруг Мегги услышала приближавшиеся шаги. Через мгновение в дверь постучали. Кто это? Мо не мог так скоро вернуться. А может, он что-нибудь забыл? Котенок тут же исчез. Наверное, спрятался под кроватью.

– Кто там? – спросила Мегги.

– Мегги! – послышался детский голос.

Конечно, это Паула или Пиппо. Да, скорее всего, Пиппо. Хочет позвать ее наблюдать за муравьями. Даже дождь ему не помеха. Из-под кровати высунулась серая лапка и принялась играть шнурком от ее ботинка. Мегги вышла в крошечный коридор и через дверь прокричала:

– У меня сейчас нет времени для игр!

– Пожалуйста, Мегги! – взмолился Пиппо.

Тяжело вздохнув, Мегги открыла дверь… и оказалась лицом к лицу с Бастой.

– Посмотри, кто тут у нас, – сказал он угрожающе тихим голосом, обхватив рукой тоненькую шейку Пиппо. – Что ты на это скажешь, Плосконос? У нее нет времени для игр.

Баста грубо толкнул Мегги обратно в квартиру и вместе с Пиппо вошел сам. Вслед за ним, с трудом протиснув широкие плечи в узкий дверной проем, в коридор ввалился Плосконос.

– Отпусти его! – дрожащим голосом крикнула Мегги. – Ты делаешь ему больно.

– Разве? – Баста опустил голову, чтобы посмотреть на бледное лицо Пиппо. – С моей стороны это, конечно, невежливо. Тем более что мальчик так любезно показал нам, где тебя найти. – И он еще

крепче сжал шею Пиппо. – Знаешь, сколько мы пролежали в той мерзкой хижине? – Он так зло посмотрел на Мегги, что та отшатнулась. – О-о-очень долго! – протянул Баста и приблизил к ней свое лисье лицо, так что Мегги увидела в его глазах свое отражение. – Верно, Плосконос?

– Чертовы крысы изгрызли мне все пальцы на ногах, – прорычал великан. – За это я готов вывернуть маленькой ведьме нос.

– Может быть, позже тебе представится такая возможность. – Баста втолкнул Мегги в темную спальню и спросил: – Где твой отец? – Затем, грубо пихнув Пиппо в спину, так что тот налетел на Мегги, прибавил: – Мальчик сказал нам, что он уехал. Куда?

– За покупками, – ответила Мегги, задыхаясь от страха, и прошептала: – Как ты нас нашел? – и тут же сама догадалась: Сажерук. Кто же еще? На какие же обещания Каприкорна он купился на этот раз?

– Сажерук, – ответил Баста, словно прочитав ее мысли. – На свете не так уж много бродячих сумасшедших, которые дышат огнем и таскают с собой ручную куницу, ко всему прочему рогатую. Так что нам нужно было только поспрашивать людей. А выследив Сажерука, мы, естественно, обнаружили и твоего отца. Мы нанесли бы вам визит еще несколько дней назад, если бы этот осел… – он с такой силой ткнул Плосконоса локтем в живот, что тот хрюкнул от боли, – не потерял вас из виду на пути сюда. Прежде чем попасть в эту деревню, мы прочесали дюжину других и стерли себе все ноги. А от бесконечных расспросов у нас чуть не отвалились языки. В итоге один из тех стариков, что целыми днями глазеют на море, вспомнил человека со шрамами. Кстати, где Сажерук? – Баста ухмыльнулся. – Тоже уехал за покупками?

Мегги покачала головой и глухо проговорила:

– Он ушел. Давно.

Значит, Сажерук их все-таки не предал. На этот раз нет. И ускользнул от Басты. Подумав об этом, Мегги чуть не улыбнулась. Прижав к себе онемевшего от страха Пиппо, она резко сказала:

– Вы еще пожалеете о том, что сожгли книги Элинор!

– Что ты говоришь? – зло улыбнулся Баста. – С какой стати мы должны жалеть? Уверен: Кокерель здорово повеселился. А теперь хватит болтать, у нас не так много времени. Мальчик, – Баста указал на Пиппо, и тот отшатнулся от пальца, как от ножа, – рассказал нам кое-что любопытное про своего дедушку, который пишет книги, и

про то, что твой отец одной из них сильно интересовался.

Мегги сглотнула. Глупый Пиппо. Маленький болтливый дурачок.

– Ты что, язык проглотила? – рявкнул Баста. – Может, мне сдавить шейку малыша, чтобы ты заговорила?

Пиппо заплакал и уткнулся лицом в свитер Мо, который был на Мегги. Гладя мальчика по голове, она попыталась его успокоить.

– У его деда все равно уже нет той книги! – крикнула Мегги. – Вы ее давно украли!

Собственный голос показался ей чужим: никогда раньше в нем не было столько ненависти. От своих мыслей Мегги тоже пришла в ужас. Ей хотелось пнуть Басту, ударить его, достать у него из-за пояса новый блестящий нож и вонзить ему в живот.

– Украли? Неужели? – Баста ухмыльнулся и посмотрел на Плосконоса. – Это мы еще проверим, да?

Плосконос рассеянно кивнул и спросил:

– Слышишь, кто-то скребется?

Звук раздавался из-под кровати. Плосконос присел на корточки, отдернул свисавшую простыню и принялся водить по полу ружьем. Серый котенок, шипя, выскочил из своего укрытия. Плосконос попытался его поймать, но тот, защищаясь, поцарапал его уродливое лицо. Вскрикнув от боли, громила поднялся и со словами: «Я сверну ему шею! Череп проломлю!» – бросился на котенка.

Мегги хотела ему помешать, но Баста ее опередил.

– Ничего ты не сделаешь! – прошипел он, в то время как котенок скрылся под шкафом. – Сколько раз тебе говорить: убивать кошек – плохая примета!

– Ерунда! Все это твои суеверные бредни! Я за свою жизнь сотне кошек свернул шеи! – ругался Плосконос, приложив руку к царапине на щеке. – Можно подумать, что мне не везет больше, чем тебе. Порой меня раздражают твои предрассудки: «Не вступай в эту тень, иначе будет несчастье… Ты надел левый сапог прежде, чем правый? Беда!.. О нет, тот человек зевнул – значит, завтра я упаду замертво!»

– Перестань! – прикрикнул на него Баста. – Если здесь кто и бредит, так это ты! Отведи детей к двери.

Плосконос вытолкал их в коридор и рявкнул на вцепившегося в Мегги мальчика:

– Чего ты ноешь? Мы идем к твоему дедушке.

Выйдя на улицу, они пошли за Плосконосом, и Пиппо так крепко схватил Мегги за руку, что его короткие ногти больно впились ей в

кожу. В это время она думала: «Почему Мо меня не послушал? Мы же могли уехать домой».

Дождь лил как из ведра. Мегги чувствовала, как холодные капли катились по лицу и затылку. Улицы опустели: не было никого, кто мог бы им помочь. Баста шел вплотную за ней. Она слышала, как он тихо ругался на дождь. К дому Фенолио они подошли промокшие до нитки: у Мегги хлюпали ботинки, а кудри Пиппо прилипли ко лбу. «Может быть, его нет дома! – с надеждой подумала Мегги. – Что тогда сделает Баста?» Но тут красная дверь открылась, и на порог вышел Фенолио.

– Вы что, рехнулись: гулять в такую погоду? – вскричал он. – Я уже собирался вас искать. А ну марш домой!

– Можно нам тоже войти?

Злодеи прислонились спинами к стене по обе стороны от двери, чтобы Фенолио их не заметил, а теперь Баста вышел из укрытия и положил руки Мегги на плечи. Пока старик удивленно смотрел на незнакомца, Плосконос выступил вперед и просунул ногу в дверь. Пиппо проворно, как белка, проскочил мимо громилы и скрылся в доме.

– Кто это? – спросил Фенолио, с упреком глядя на Мегги, как будто она добровольно привела к нему этих людей. – Друзья твоего отца?

Мегги стерла с лица капли дождя и, ответив не менее укоризненным взглядом, сказала:

– Вообще-то они скорее ваши знакомые!

– Мои? – Фенолио посмотрел на нее непонимающими глазами, потом еще раз взглянул на Басту и оцепенел. – Боже мой! Этого не может быть.

Из-за спины старика выглянула Паула.

– Пиппо плачет! – сообщила она. – Он спрятался в шкафу.

– Иди к нему! – сказал Фенолио, не сводя глаз с Басты. – Я сейчас приду.

– Баста, долго ты еще собираешься торчать на улице? – пробурчал Плосконос. – Нравится мокнуть под дождем?

– Баста! – повторил Фенолио, по-прежнему стоя у них на дороге.

– Да, старик, так меня зовут. – Баста улыбнулся, и его глаза превратились в щелочки. – Мы здесь, потому что у тебя есть вещь, которая нам нужна. Книга…

Конечно. Мегги чуть не рассмеялась. Он ничего не понимает!

Баста не знает, кто такой Фенолио! Да и откуда ему знать? Как он мог догадаться, что стоит перед человеком, который его придумал, который создал его лицо, нож и злобный характер из бумаги и чернил.

– Хватит болтать! – рявкнул Плосконос. – Вода мне уже все уши залила.

Он отодвинул Фенолио, словно преграждавшую путь ветку, и протиснулся в дверь. Баста подтолкнул Мегги и последовал за ним. Из кухонного шкафа раздавались всхлипывания Пиппо. Паула стояла перед закрытой дверью и пыталась успокоить брата. Когда Фенолио вместе с незнакомцами вошел в кухню, она развернулась и обеспокоенно посмотрела на вечно хмурое лицо Плосконоса. Казалось, он не смог бы улыбнуться, даже если бы захотел.

Фенолио сел за стол и жестом подозвал Паулу.

– Ну и где же она? – Баста осмотрелся в поисках книги.

Но старик был слишком поглощен созерцанием своих персонажей, чтобы отвечать. Он во все глаза глядел на Басту, как будто до сих пор не верил в его существование.

Вместо него ответила Мегги:

– Я же вам уже сказала, что у него больше нет этих книг!

Баста пропустил ее слова мимо ушей и, дав Плосконосу знак, нетерпеливо приказал:

– Найди ее!

Тот проворчал что-то в ответ и подчинился. Мегги услышала, как он, тяжело ступая, стал подниматься по узкой лестнице на чердак.

– Скажи-ка, маленькая ведьма, как вы вышли на этого старика? – Баста толкнул Мегги в спину. – Как узнали, что у него есть еще один экземпляр книги?

Мегги взглядом попыталась предупредить Фенолио, но тот, к сожалению, как и Пиппо, не умел держать язык за зубами.

– Как они на меня вышли? Я написал эту книгу! – гордо заявил старик.

Возможно, писатель ожидал, что Баста тут же упадет перед ним на колени, но тот лишь усмехнулся.

– Ну конечно! – язвительно проговорил Баста, вытаскивая из-за пояса нож.

– Он правда ее написал! – не выдержала Мегги.

Она хотела, чтобы Баста ощутил тот же страх, который заставил Сажерука побледнеть, когда он впервые услышал про Фенолио. Но

Баста, рассмеявшись, принялся делать зарубки на столе старика.

– Кто выдумал эту ложь? – спросил он. – Твой отец? Я что, похож на дурака? Даже ребенок знает, что все книги написаны давным-давно, а их авторы умерли много лет назад.

Баста воткнул лезвие в столешницу, вытащил его и снова воткнул. Слышно было, как на чердаке хозяйничает Плосконос.

– Значит, по-вашему, умерли? – Фенолио посадил внучку на колени. – Ты слышала, Паула? Молодой человек утверждает, что все книги написаны в допотопные времена людьми, которых давно нет в живых. И взяли они свои истории неизвестно откуда. Может, свили из воздуха?

Паула хихикнула. Пиппо в шкафу утих. Скорее всего, он, затаив дыхание, прислушивался к разговору на кухне.

– Что здесь смешного? – Баста вытянулся, как змея, которой наступили на хвост.

Фенолио сделал вид, что не обращает на него внимания, и, улыбнувшись, принялся рассматривать свои пальцы. Похоже, старик вспоминал тот день, когда записал первые строчки «Чернильного сердца». Затем он взглянул на Басту и сказал:

– Ты… все время ходишь в рубашках с длинным рукавом, не так ли? Сказать почему?

Баста зажмурился, а потом, посмотрев на потолок, процедил:

– Почему этот идиот так долго ищет проклятую книжку?

Сложив руки на груди, Фенолио долго смотрел на Басту, а потом тихо произнес:

– Потому что Плосконос не умеет читать. И ты не умеешь. Если, конечно, за это время не научился. Никто из людей Каприкорна не умеет читать. Как и он сам.

Баста так крепко всадил лезвие в дерево, что с трудом смог его достать. Потом он с ножом в руке угрожающе перегнулся через стол и сказал:

– Вздор: он умеет читать! Ты все лжешь, старик! Мне это не нравится. Если не прекратишь, твое лицо будет исполосовано не только морщинами.

Фенолио улыбнулся. Может, он думал, что Баста ему ничего не сделает, потому что он его выдумал? Мегги не была в этом уверена. Писатель продолжил, медленно и отчетливо произнося каждое слово:

– Ты носишь рубашки с длинным рукавом, потому что твой господин любит играть с огнем. Каприкорну понравилась дочь

одного человека, но тот ему отказал. Тогда ты по приказу хозяина поджег дом несчастного и при этом опалил себе руки до плеч. С тех пор поджогами занимаются другие, а ты имеешь дело исключительно с ножами.

Баста вскочил так резко, что Паула соскользнула с колен деда и спряталась под столом.

– Умника из себя строишь? – прорычал он, приставив нож к горлу писателя. – Да ты просто прочитал проклятую книгу!

Мегги испугалась, а Фенолио бесстрашно посмотрел в лисьи глаза и спокойно сказал:

– Баста, я знаю о тебе все. Знаю, что ты готов отдать жизнь за Каприкорна, что каждый день жаждешь его похвалы, что, когда его люди тебя подобрали, ты был младше, чем Мегги, и что с тех пор он тебе как отец. Но открою тебе маленький секрет: он считает тебя дураком и презирает. Каприкорн презирает всех своих безмозглых «сыновей», хотя ему самому на руку, чтобы вы и впредь оставались глупыми. Любого из вас он, не задумываясь, сдаст в полицию, если ему это будет выгодно. Ясно тебе?

– Закрой свой грязный рот, старик! – Баста приставил нож к лицу Фенолио. На мгновение Мегги показалось, что он вот-вот отрежет писателю нос. – О Каприкорне ты не знаешь ничего, кроме того, что прочитал в этой дурацкой книжке. Мне надоело тебя слушать – пора перерезать тебе глотку!

– Стой!

Баста оглянулся на Мегги:

– Не вмешивайся, маленькая ведьма! Тобой я еще займусь.

Обхватив шею руками, Фенолио растерянно посмотрел на Басту. Кажется, писатель наконец понял, что ничто не защищает его от собственного персонажа.

– Ты не можешь его убить! – вскричала Мегги. – Иначе…

Баста провел большим пальцем по лезвию ножа:

– Иначе что?

Мегги в отчаянии пыталась что-нибудь придумать. Иначе что? Чего он испугается?

– Иначе Каприкорн тоже умрет! – выпалила она. – Да, точно! Вы все умрете: ты, Плосконос, Каприкорн… Если убьешь старика, вы все умрете, потому что он вас создал!

Баста опустил нож, и Мегги показалось, что в его глазах промелькнул страх. Но он быстро скрыл его за презрительной

ухмылкой.

Фенолио взглядом поблагодарил Мегги.

Баста отступил и принялся внимательно рассматривать лезвие, словно обнаружил на нем пятно. Затем он тщательно вытер клинок краем своей черной куртки и сказал:

– Чтоб вы знали: я не поверил ни одному вашему слову! Но история настолько безумная, что Каприкорну тоже будет любопытно ее послушать. Поэтому, – он в последний раз полюбовался своим блестящим ножом, сложил его и сунул за пояс, – мы возьмем с собой не только книгу и девчонку, но и тебя, старик.

Фенолио тяжело вздохнул. Мегги показалось, что от страха у нее замерло сердце. Баста возьмет ее с собой. «Нет! – подумала она. – Только не это».

– Куда вы собираетесь нас везти? – спросил Фенолио.

– Спроси у девчонки! – ехидно ответил Баста, указывая на Мегги. – Они с отцом уже имели честь быть нашими гостями. Ночевка, питание – все включено.

– Так не пойдет! – вскричал Фенолио. – Я думал, вам нужна только книга!

– Неправильно думал, старик. Мы даже не знали, что есть еще один экземпляр. Каприкорн дал нам задание вернуть Волшебного Языка. Он не любит, когда гости уходят не попрощавшись. А Волшебный Язык – особенный гость. Верно, дорогуша? – Баста подмигнул Мегги. – Но его сейчас нет, а у меня есть дела поважнее, чем сидеть и ждать. Поэтому мы просто заберем его дочь, и он сам к нам прибежит. – Баста подошел к Мегги, убрал волосы ей за уши и сказал: – Хорошенькая приманка, не так ли? Поверь мне, старик, тот, у кого девчонка, может управлять Волшебным Языком, как дрессированным медведем.

Мегги резко оттолкнула его руку. Ее трясло от злости.

– Больше так не делай! – прошипел Баста ей на ухо.

На радость Мегги, в этот момент раздались грузные шаги Плосконоса. Тяжело дыша, он вошел в кухню с кучей книг под мышкой. Громила вывалил их на стол и сообщил:

– Вот! Все, которые начинаются с этой вешалки. А потом идет расческа – все, как ты нарисовал.

Он показал засаленную бумажку, на которой неуклюже были выведены буквы «Ч» и «Е». Писал их явно неграмотный человек.

Баста ножом раздвинул книги.

– Не то, – сказал он и скинул две на пол, так что у них помялись страницы. – Остальные тоже не подходят. – Баста сбросил все книги со стола и спросил у Плосконоса: – Ты уверен, что там больше нет ничего похожего?

– Да!

– Ну, смотри. Если ошибаешься, влетит тебе, а не мне.

Плосконос обеспокоенно посмотрел на книги, лежавшие у его ног.

– Да, кстати, у нас небольшие изменения: этого берем с собой! – Баста ножом указал на Фенолио. – Пусть расскажет свои басни боссу. Поверь, он придумывает очень занимательные истории. К тому же дома у нас будет достаточно времени, чтобы расспросить старика, где он прячет книгу, если она у него все-таки есть. Не спускай с него глаз, а я присмотрю за девчонкой.

Плосконос кивнул и стащил Фенолио со стула, а Баста схватил Мегги за руку и поволок к кухонной двери. Снова в деревню Каприкорна! Она закусила губы, чтобы не заплакать. Нет, ее слез Баста не увидит. Мегги не доставит ему такого удовольствия. «Хорошо хоть Мо они не поймали!» – подумала она и тут же испугалась: что, если Мо с Элинор вернутся до того, как они покинут деревню? Что, если они попадутся им сейчас навстречу?

Мегги тут же ускорила шаг, но Плосконос остановился в двери и спросил:

– Как быть с малышкой и тем плаксой в шкафу?

Лицо Фенолио стало белым, как рубашка Басты.

– Старик, ты же обо мне все знаешь, – съязвил Баста. – Скажи, что я сделаю с ребятишками?

Фенолио не мог вымолвить ни слова – в голове у него пронеслись все жестокости, на которые по его милости был способен Баста.

Несколько минут Баста упивался страхом на лице писателя, а потом повернулся к Плосконосу и сказал:

– Дети останутся здесь. С меня хватит и одной дерзкой девчонки.

Плосконос вытолкнул Фенолио в коридор, и тот с трудом заставил себя прокричать:

– Паула, возвращайтесь домой! Слышите? Немедленно ступайте к родителям. Скажите маме, что мне пришлось на несколько дней уехать. Поняли?

Выйдя на улицу, Баста сказал:

– Зайдем еще раз в квартиру: я совсем забыл оставить твоему

отцу послание. Должен же он знать, где его дочь.

«Как ты собираешься оставить послание, если с трудом можешь написать две буквы?» – подумала Мегги, но, конечно, промолчала. Всю дорогу она боялась, что они встретятся с Мо. Но на улицах по-прежнему никого не было. Только у самой квартиры им встретилась пожилая женщина. Проходя мимо них, она замедлила шаг, и Баста прошептал Фенолио:

– Одно лишнее слово, и я вернусь и сверну детишкам шеи!

– Привет, Розалия! – глухим голосом проговорил старик. – Снова нашел съемщиков для квартиры. Неплохо, да?

Недоверие исчезло с лица Розалии, и через несколько мгновений она скрылась из виду. Мегги отперла дверь и во второй раз впустила Басту и Плосконоса в квартиру, казавшуюся им с Мо такой безопасной.

В коридоре она вспомнила о котенке, тревожно осмотрелась, но нигде его не заметила. Когда все вошли в спальню, Мегги проговорила:

– Надо выпустить кошку, чтобы она не умерла с голоду.

Баста открыл окно и сказал:

– Теперь она сможет выскочить.

Плосконос презрительно фыркнул, но на этот раз не стал возмущаться по поводу суеверий Басты.

– Можно взять с собой одежду? – спросила Мегги.

Плосконос в ответ только хрюкнул. Фенолио, посмотрев на себя, грустно заметил:

– Мне бы тоже сменная одежда не помешала.

Но на это никто не обратил внимания. Баста был занят своим посланием. По-детски зажав язык между зубами, он тщательно выцарапывал на дверце платяного шкафа свое имя: БАСТА. Послание – доступнее некуда.

Оставшись в свитере Мо, Мегги торопливо положила в рюкзак кое-какую одежду. Она хотела среди тряпок спрятать книги Элинор, но Баста сказал: «Это останется здесь» – и выбил их у нее из рук.

Путь до машины Басты показался Мегги вечностью.

С Мо они не встретились.

На склоне холма

«Оставь его в покое, – сказал Мерлин. – Может, для того, чтобы подружиться, ему нужно сперва получше узнать тебя. Совы – народ неторопливый».

Т. Х. Уайт. Король былого и грядущего

Сажерук окинул взглядом деревню Каприкорна. Она была как на ладони: в оконных стеклах отражалось небо, а на одной из крыш чернокурточник менял черепицу. Сажерук видел, как он стирал пот со лба. Даже в самую сильную жару эти болваны не снимали черных курток, как будто боялись, что без своей формы распадутся на части. Что ж, вороны тоже никогда не расстаются со своим оперением, а чернокурточники очень на них похожи: такие же хищники, раздирающие острыми клювами мертвечину.

Когда Сажерук показал Фариду место для укрытия, мальчик обеспокоенно спросил, не слишком ли оно близко к деревне. Сажерук объяснил ему, почему в окрестных холмах нет более безопасного места, чем обугленные стены этого дома. Черных от сажи камней почти не было видно – так густо они поросли молочаем, дроком и диким тимьяном. Горе и боль скрылись под покровом зелени. Вскоре после того, как Каприкорн занял заброшенную деревню, его люди подожгли дом. В нем жила старушка, которая не хотела переезжать. Каприкорн не потерпел постороннего человека так близко от своего нового пристанища и выпустил воронов-чернокурточников. Они подожгли не только крошечный домик с единственной комнатой, но и курятник, который старушка сама построила, растоптали грядки, в которые было вложено столько труда, и застрелили старого осла,

служившего хозяйке верой и правдой много десятилетий. Люди Каприкорна напали на дом под покровом темноты – как всегда. Но в ту ночь ярко светила луна, и служанка, рассказавшая об этом Сажеруку, могла видеть все подробности. Старушка, плача и крича, выбежала из дома. Проклиная злодеев, она кинулась к Басте, который стоял немного в стороне, потому что боялся огня. Возможно, она подумала, что у человека в сияющей белой рубашке доброе сердце. Но он подал знак Плосконосу, и тот закрыл ей рот рукой. Чернокурточники засмеялись, и вдруг старушка упала замертво прямо на свои растоптанные грядки. С тех пор обугленные стены, поросшие молочаем, внушают Басте дикий ужас, и он обходит их стороной. Лучшего места для наблюдения за деревней нельзя было и придумать.

Почти все время Сажерук сидел на одном из каменных дубов, росших перед домом. Возможно, в их тени когда-то отдыхала старушка. За ветвями он мог не бояться, что попадется на глаза какому-нибудь любопытному, случайно взглянувшему на склон. Час за часом он держал в руках бинокль и наблюдал за домами и парковкой. Фариду он приказал оставаться в овраге за домом, на что мальчик согласился очень неохотно. Он пристал к Сажеруку как репей: не хотел отходить от него ни на шаг, особенно вблизи сгоревшего дома, который приводил его в ужас. Фарид то и дело повторял: «Дух старой женщины наверняка еще здесь. Что, если она была ведьмой?»

Но Сажерук только смеялся: в здешнем мире не было духов. По крайней мере, их нельзя было увидеть. А в глубоком овраге было так безопасно, что прошлой ночью Сажерук даже развел там костер. Мальчик поймал кролика – он весьма искусно умел расставлять силки. Кроме того, ему, в отличие от Сажерука, не мешала жалость. Когда Сажерук видел, что в силки попалось животное, он решался подойти к нему, только когда оно переставало дергаться. Чтобы не наблюдать муки несчастного создания. Фариду такое сопереживание было незнакомо. Может быть, ему слишком часто приходилось голодать.

Зато когда Сажерук разжигал огонь с помощью двух тоненьких веточек, мальчик приходил в неописуемый восторг. Фарид не бросал игры с огнем, несмотря на то что пламя опалило ему пальцы, нос и губы. Сажерук отбирал у него спички, но тогда он скручивал факелы из веток и ваты. Когда Фарид однажды случайно поджег сухую траву,

Сажерук схватил его, как непослушного пса, и тряс до тех пор, пока по лицу мальчика не покатились слезы.

– Слушай меня внимательно, повторять не буду! Огонь – это опасный зверь! – кричал он. – Огонь тебе не друг. Если будешь с ним неправильно обращаться, он тебя убьет или дымом выдаст врагам!

– Но тебе он друг! – упрямо пробормотал Фарид.

– Чепуха! Я просто не веду себя легкомысленно и всегда слежу за ветром! Сто раз тебе говорил: не разжигай огонь в ветреную погоду. А теперь исчезни – найди Гвина.

– И все-таки он твой друг, – проворчал мальчик, уходя. – По крайней мере, он тебя слушается лучше, чем куница.

Справедливое замечание. Но куницы никого не слушаются – тут уж ничего не поделаешь. Да и огонь в этом мире был далеко не такой покорный, как в родных краях Сажерука. Там ему достаточно было приказать, и языки пламени принимали форму цветов, начинали танцевать или ветвиться, как деревья, осыпая его дождем искр. Порой огонь трескучим голосом нашептывал Сажеруку истории. В этом мире пламя можно было заставить подчиниться, но не было уверенности, что оно не взбунтуется. Огонь походил на безмолвное чужое животное, которое позволяет себя подкармливать, но может и укусить. Только иногда, холодными одинокими ночами, Сажеруку казалось, что пламя с ним разговаривает, но он не понимал его языка.

Видимо, мальчик был прав: огонь дружил с Сажеруком. Но именно по его вине Сажерук попал в лапы к Каприкорну. Тогда, в прошлой жизни. Его притащили к злодею, и тот приказал: «Покажи мне, как играть с огнем!» Сажеруку ничего не оставалось, как подчиниться. Он раскаивался в том, что многому научил Каприкорна, которому понравилось спускать пламя с поводка и не усмирять его до тех пор, пока оно не насытится, уничтожив близлежащие пашни, хлева и дома, а также всех, кто не успел убежать.

– Он все еще не вернулся? – спросил Фарид, опершись на шершавый ствол дуба.

Мальчик двигался бесшумно, как змея. Сажерук вздрагивал каждый раз, когда он неожиданно оказывался рядом.

– Нет! – ответил Сажерук. – Удача нам улыбается.

В день их прибытия серебряная машина Каприкорна еще стояла на парковке, но во второй половине дня два мальчика принялись ее полировать и так старательно выполнили работу, что машина стала почти зеркальной. Каприкорн уехал до наступления сумерек. Он

часто разъезжал по прибрежным деревням и своим базам, как он их называл. Хотя большинство «баз» представляли собой всего лишь лесные хижины с парой скучавших подручных. Каприкорн, как и Сажерук, не умел водить машину, но некоторые из его людей владели этим искусством. Почти все они водили без прав: чтобы получить водительские права, нужно уметь читать.

– Сегодня ночью снова туда прокрадусь, – сказал Сажерук. – Каприкорн обычно не уезжает надолго, да и Баста должен скоро вернуться.

Когда они добрались до места, машины Басты на парковке не было. Может, они с Плосконосом до сих пор лежат связанные в заброшенной хижине?

– Хорошо! Когда выдвигаемся? – нетерпеливо спросил Фарид: казалось, он был готов идти туда хоть сейчас. – Как только зайдет солнце и все отправятся ужинать в церковь?

Сажерук согнал с бинокля муху и мрачно проговорил:

– Я пойду один. Ты останешься здесь и присмотришь за вещами.

– Нет!

– Не спорь! Это опасно. Я хочу кое-кого навестить, и мне придется прокрасться в сад Каприкорна.

От изумления черные глаза мальчика округлились. Порой казалось, что за свою недолгую жизнь он уже успел на многое насмотреться и теперь любого человека видел насквозь.

– Удивлен? – Сажерук сдержал улыбку. – Не ожидал, что у меня есть друзья в доме Каприкорна?

Мальчик пожал плечами и перевел взгляд на деревню. На парковку въехал пыльный грузовик с двумя козами в кузове.

– Очередной крестьянин лишился коз! – объяснил Сажерук. – Молодец, что хотя бы отдал их добровольно. Иначе сегодня же вечером к воротам его хлева была бы приклеена записка.

Фарид непонимающе посмотрел на него.

– Записка с надписью «Завтра пропоет рыжий петух» – это единственная фраза, которую умеют писать люди Каприкорна. Иногда они просто вешают на дверь мертвого петуха. Такое предупреждение любой поймет.

– Рыжий петух – это что-то вроде проклятия? – спросил Фарид, недоуменно качая головой.

– Нет! Черт, опять ты говоришь, как Баста, – усмехнулся Сажерук.

Из грузовика вышли двое людей Каприкорна. Один, низкорослый, достал из кабины два набитых пакета, а тот, что повыше, принялся вытаскивать из кузова коз.

– Рыжий петух – это огонь. Они поджигают хлева и оливковые плантации крестьян. Иногда рыжий петух поет в домах, а у особенно несговорчивых – в детских комнатах. Почти у каждого человека есть то, что дорого его сердцу.

Подручные поволокли коз в деревню. Один из них хромал – в нем Сажерук узнал Кокереля. Он часто задавался вопросом, обо всех ли «сделках» подобного рода знал Каприкорн или его люди занимались вымогательством и для собственной прибыли.

Фарид поймал в ладони кузнечика и, наблюдая за ним сквозь пальцы, сказал:

– Я все равно пойду с тобой.

– Нет.

– Я не боюсь!

– Тем хуже.

После того как от Каприкорна сбежали его пленники, он приказал установить прожекторы перед церковью, на крыше своего дома и на парковке. Теперь остаться незамеченным было сложнее. В первую же ночь, вымазав исполосованное лицо сажей, чтобы оно не выделялось на черном фоне, Сажерук совершил пробную вылазку в деревню.

Оказалось, что Каприкорн, ко всему прочему, усилил сторожевые посты. Скорее всего, из-за сокровищ, которые ему вычитал Волшебный Язык. Конечно, их давно отнесли в подвалы его дома и старательно заперли в сейфы. Каприкорн не любил тратить золото. Он копил свои богатства, как сказочный дракон. Порой он мог надеть несколько колец, подарить понравившейся служанке цепочку или послать Басту за новым охотничьим ружьем – но не более.

– С кем ты хочешь встретиться?

– Не твое дело.

Фарид выпустил кузнечика, и тот быстро ускакал, отталкиваясь своими неуклюжими ярко-зелеными лапками.

– Это женщина, – сказал Сажерук. – Одна из служанок Каприкорна. Она меня уже не раз выручала.

– Это ее фотографию ты носишь в рюкзаке?

Сажерук опустил бинокль и грозно спросил:

– Откуда ты знаешь, что у меня в рюкзаке?

Мальчик инстинктивно втянул голову в плечи – раньше за каждое необдуманное слово его били – и пролепетал:

– Я искал спички.

– Если я еще раз узнаю, что ты рылся в моем рюкзаке, прикажу Гвину откусить тебе пальцы.

Фарид усмехнулся:

– Гвин меня никогда не укусит.

И правда: куница была без ума от мальчика.

– Кстати, куда запропастился этот изменник? – Сажерук осмотрелся. – Со вчерашнего дня его не видел.

– По-моему, он нашел самку. – Фарид провел веткой по сухим листьям у себя под ногами. Землю устилал шуршащий ковер, и Сажерук был спокоен: ночью к ним никто не сможет подкрасться незаметно. – Если ты не возьмешь меня с собой, – сказал Фарид, не глядя на Сажерука, – я пойду за тобой тайком.

– Если пойдешь за мной, я тебя побью так, что мало не покажется.

Фарид опустил голову и тупо уставился на босые ноги. Потом он оглянулся на обугленные стены, за которыми было их укрытие.

– Про дух старухи я и слышать ничего не хочу! – раздраженно сказал Сажерук. – Сколько раз тебе повторять, что все, чего стоит бояться, находится внизу: в деревне! Если в темноте тебе станет не по себе, разведи в овраге костер.

– Духи костров не боятся, – почти шепотом проговорил Фарид.

Тяжело вздохнув, Сажерук оставил свой наблюдательный пункт и слез на землю. Беда! Мальчик был почти такой же суеверный, как Баста. Проклятий, лестниц и черных кошек он, конечно, не боялся, зато ему постоянно мерещились привидения. Дух старухи, которая мирно покоилась в земле, был далеко не единственным. Он верил во множество злых призраков, которые питались сердцами бедных мальчиков. Когда Сажерук убеждал Фарида в том, что это было в другом мире, ему не верилось, что духи и жестокие разбойники не выскочили из книги вместе с ним. Может, он умрет от страха, если останется ночью один…

– Ладно, пойдешь со мной, – сказал Сажерук. – Но чтобы вел себя тише воды ниже травы, понятно? Потому что в деревне живут не духи, а настоящие люди, которые к тому же вооружены ножами и ружьями.

Фарид с благодарностью улыбнулся и обнял Сажерука.

– Будет тебе! – проворчал тот, отстраняя мальчика. – Лучше покажи, научился ли ты стоять на одной руке.

Фарид мгновенно выполнил просьбу: его босые ноги взмыли в воздух, а лицо налилось кровью. Пробалансировав на правой руке три секунды, он сменил руку, зашатался и с грохотом упал в ладанник, но тут же встал, отряхнулся и попробовал снова.

Сажерук уселся под деревом.

Пришло время отвязаться от мальчика. Но как? В собаку можно было бросить камень, а с человеком что делать? Жалко, что он не остался с Волшебным Языком. У того лучше получалось присматривать за детьми. К тому же именно Волшебный Язык его вызвал. Но нет: парень увязался за Сажеруком!

– Посмотрю, как там Гвин, – сказал Сажерук и поднялся.

Ни слова не сказав, Фарид последовал за ним.

Возвращение

Она пришла поговорить с королем в надежде, что он запретит своему сыну это путешествие. Но он сказал: «Дорогая моя, не сомневайся: приключения полезны даже самым маленьким. Когда человек вырастет, приключения будут у него в крови, даже если он о них и не вспомнит».

Е. Ибботсон. Секрет платформы № 13

Настал час, когда Мегги снова увидела деревню Каприкорна: за пеленой дождя она ничем не отличалась от обычного тихого местечка. В пасмурную погоду окруженные зелеными холмами дома выглядели совсем ветхими. Неужели это они в ночь побега внушали Мегги столько страха?

– Любопытно! – прошептал Фенолио, когда Баста въехал на парковку. – Ты знала, что для «Чернильного сердца» я придумал очень похожее место действия? Местность и старые домики вполне подходят под описание. Только замка не хватает. События книги происходят в мире, напоминавшем наше Средневековье. Конечно, кое-что я добавил, например великанов и фей, а кое о чем, наоборот, умолчал, но в целом…

Дальше Мегги его не слушала. Она вспоминала ночь, когда они сбежали из плена Каприкорна. Тогда она надеялась, что больше никогда не увидит эти холмы, парковку и церковь.

– Давайте пошевеливайтесь! – приказал Плосконос, распахнув дверцу машины. – Ты ведь еще не забыла дорогу?

Нет, дорогу Мегги не забыла, хотя на этот раз все выглядело несколько иначе. Фенолио оглядывался кругом, как турист. Когда они пошли вниз по улице, он прошептал:

– Я знаю эту деревню! То есть я о ней слышал. Про нее рассказывают немало грустных историй. В прошлом веке здесь было землетрясение, а во время войны…

– Хватит шушукаться! – прервал его Баста. – Побереги свой голос, писака. Он тебе еще понадобится.

Фенолио ответил недовольным взглядом, но до самой церкви не произнес больше ни слова.

Плосконос рявкнул:

– Чего вы ждете: открывайте дверь! – И Мегги с Фенолио потянули на себя тяжелые деревянные ворота.

Из церкви на них пахнуло холодом, Мегги услышала знакомый затхлый запах, который впервые почувствовала, когда вошла сюда вместе с Мо и Элинор. Внутри почти ничего не изменилось. Из-за тусклого освещения статуя Каприкорна взирала на вновь прибывших еще злее, а красные стены производили еще более угрожающее впечатление. Бочки, в которых горели книги, стояли на прежних местах. Только кресло Каприкорна исчезло с возвышения. Вместо

него должны были установить новое: двое подручных как раз поднимали его по ступенькам. Старая женщина, похожая на сороку, нетерпеливо давала им указания. Узнав ее, Мегги вздрогнула.

Оттолкнув двух женщин, которые мыли пол в центральном проходе, Баста направился к ступеням алтаря и издалека крикнул старухе:

– Мортола, где Каприкорн? У меня для него новости, важные новости.

Она и ухом не повела. Подручные никак не могли справиться с тяжелым креслом, и старуха прикрикнула на них:

– Правее, болваны! Вот так.

Потом она со скучающим видом обернулась к Басте.

– Мы ждали тебя намного раньше, – проговорила старуха.

– Что это значит? – громко возмутился Баста, но по нотке неуверенности в его голосе Мегги поняла, что он боится старуху. – Знаешь, сколько деревень на этом проклятом побережье? А ведь мы даже не были уверены, остался ли Волшебный Язык в этих краях! Но чутье меня не подвело, и я выполнил задание. – Баста кивнул в сторону Мегги.

– Неужели? – Не удостоив Басту взглядом, Сорока посмотрела на Мегги и Фенолио, которых охранял Плосконос. – Я вижу только девчонку и какого-то старика. Где ее отец?

– Его с ней не было! Но он обязательно появится: малышка – лучшая приманка.

– А как он узнает, что она здесь?

– Я оставил ему послание!

– С каких это пор ты умеешь писать?

От злости Баста сжал кулаки:

– Я написал свое имя. Этого достаточно, чтобы он понял, где искать свою драгоценную дочурку. Скажи Каприкорну, что я запер их в одну из клеток.

Он развернулся на каблуках и гордо зашагал к Мегги и Фенолио.

– Каприкорн уехал, и я не знаю, когда он вернется, – крикнула Мортола ему вслед. – Но до тех пор здесь командую я. И по-моему, в последнее время ты не справляешься со своими обязанностями. – Баста оглянулся как ужаленный, но Мортола только холодно добавила: – Сначала Сажерук украл у тебя ключи, потом ты потерял наших собак, да и самого тебя пришлось искать в горах, а теперь новая оплошность. – Сорока протянула руку: – Отдай мне ключи.

– Что? – Баста побледнел, как мальчишка, которого на глазах у всего класса собирались выпороть.

– Ты меня понял. Теперь ключи от клеток, склепа и склада с бензином будут у меня. Давай.

Баста не двинулся с места.

– Не имеешь права! – прошипел он. – Мне их дал Каприкорн, и только он может их у меня забрать.

Он снова развернулся.

– Заберет, не сомневайся! – крикнула старуха. – По возвращении он хочет услышать от тебя отчет. Может, тебе удастся объяснить ему, почему ты не привез Волшебного Языка. Меня твои отговорки не убедили.

Баста ничего не ответил. Схватив Мегги и Фенолио за руки, он потащил их к выходу. Сорока еще что-то кричала, но ее слов уже невозможно было разобрать. Баста ни разу не оглянулся.

Они подошли к каморке с номером пять – той, где раньше сидел Фарид. Со словами: «Здесь и подождете твоего отца!» – Баста толкнул девочку и старика внутрь и запер за ними дверь.

Мегги казалось, что ей снится кошмарный сон, который она уже видела. Только на этот раз на полу не было даже заплесневелой соломы и лампочка не работала. Зато сквозь щель в стене в каморку попадало немного дневного света.

– Отлично! – воскликнул Фенолио и, вздохнув, опустился на холодный пол. – Теперь мы в хлеву. Как прозаично! Я-то думал, что Каприкорн держит своих заключенных в настоящей темнице.

– Это хлев? – спросила Мегги, прислонившись спиной к стене. Она слышала, как дождь барабанил в закрытую дверь.

– Да. А ты что думала? Типичная средневековая постройка: внизу – скот, сверху – люди. Некоторые жители горных деревень до сих пор живут в одном доме со своими ослами и козами. По утрам пастухи выводят скот на луга, после чего на улицах остаются коровьи лепешки, и каждый, кто идет за хлебом, обязательно в них вляпывается. Если честно, я чувствую себя немного жутковато, – пробормотал он. – Ведь именно так я себе и представлял мать Каприкорна: крючковатый нос, близко посаженные глаза и даже привычка складывать руки за спиной и выпячивать подбородок.

Мегги не поверила своим ушам:

– Сорока – мать Каприкорна?

– Сорока? Так ты ее называешь? – усмехнулся Фенолио. – В книжке у нее как раз такое прозвище. Невероятно. Остерегайся ее: у нее дурной характер.

– Я думала, она экономка Каприкорна.

– Гм, видимо, они хотят, чтобы ты так думала. Пока никому не говори, что знаешь правду, хорошо?

Мегги кивнула, хотя и не поняла, что это за тайна. Не важно, кем Каприкорну приходится старуха! Больше ничто не имеет значения. На этот раз поблизости нет Сажерука, который откроет ночью дверь и освободит их. Все усилия потрачены зря – как будто они никуда и не сбегали. Мегги уперлась руками в дверь и прошептала:

– Мо придет, и они нас больше никогда отсюда не выпустят.

– Ну-ну, не говори так! – Фенолио встал, подошел к девочке и обнял ее. Мегги уткнулась в его грубую куртку, которая пахла трубочным табаком. – Я что-нибудь придумаю, – попытался успокоить ее старик. – В конце концов, именно я выдумал этих злодеев. Значит, и исчезнуть они должны по моей воле. Твой отец кое-что придумал, но… – Мегги подняла заплаканное лицо и с надеждой посмотрела на писателя, но тот только покачал головой и сказал: – Позже. Сначала объясни мне, зачем Каприкорну твой отец. Это как-то связано с его исключительными способностями?

Вытерев слезы, Мегги кивнула:

– Он хочет, чтобы Мо вычитал его старого друга…

Фенолио протянул ей носовой платок, из которого высыпалось несколько крошек табака, и Мегги вытерла нос. Старик нахмурился:

– Друга? Но у Каприкорна нет друзей.

Вдруг он шумно вздохнул.

– О ком речь? – спросила Мегги.

Фенолио смахнул с ее щеки слезу и уклончиво ответил:

– О том, с кем ты, надеюсь, никогда не встретишься. Разве что на страницах книги. – Он развернулся и принялся ходить взад-вперед. – Скоро приедет Каприкорн, – обеспокоенно проговорил писатель. – Надо подумать, в каком виде перед ним предстать.

Но Каприкорн не приехал. На улице стемнело, а за ними так никто и не пришел. Даже поесть не принесли. Через щель в каморку проник холодный ночной воздух. Чтобы согреться, пленники сели на твердый пол спиной к спине.

Спустя некоторое время Фенолио спросил:

– Скажи, Баста до сих пор суеверный?

– Да, очень, – ответила Мегги. – Сажерук его этим часто дразнит.

– Хорошо, – пробормотал Фенолио, но больше ничего не добавил.

Служанка Каприкорна

Оттого, что я никогда не видел ни отца, ни матери, ни каких-либо их портретов… первое представление о родителях странным образом связалось у меня с их могильными плитами. По форме букв на могиле отца я почему-то решил, что он был плотный и широкоплечий, смуглый, с черными курчавыми волосами. Надпись «А также Джорджиана, супруга вышереченного» вызывала в моем детском воображении образ матери – хилой, веснушчатой женщины.

Ч. Диккенс. Большие надежды[12]

Когда совсем стемнело, Сажерук отправился в путь. На небе не было ни звездочки. Только временами сквозь тучи проглядывал тонкий чахоточно-бледный месяц, похожий на ломтик лимона в море чернил.

Сажерук радовался кромешной тьме, а Фарида она пугала: стоило ветке задеть его лицо, как он вздрагивал.

– Проклятье, надо было оставить тебя с куницей! – рассердился Сажерук. – Из-за тебя мы еще попадемся: ты так громко стучишь зубами, что за километр слышно. Гляди вперед! Там то, чего стоит

[12] Перевод М. Лорие.

бояться: и это вовсе не привидения, а люди с оружием!

Они были в нескольких шагах от деревни Каприкорна, ярко освещенной новыми прожекторами.

– Я бы сейчас поспорил с тем, кто считает электричество лучшим изобретением человечества! – прошептал Сажерук Фариду, пробираясь по краю парковки. Среди машин, зевая, бродил постовой. Прислонившись к грузовику, на котором Кокерель привез коз, он надел наушники. – Отлично! Так мимо может пройти целая армия, а он и не заметит! – обрадовался Сажерук. – Если бы Баста его увидел, то запер бы на три дня в хлев без еды.

– Может, полезем по крышам? – На лице Фарида не было и тени страха.

В отличие от воображаемых духов постовой с ружьем его ни капельки не пугал. Сажерук подивился безрассудству мальчика, но счел его предложение удачным. Прожектора светили вниз, так что на погруженных во мрак крышах было безопасно. Они подкрались к дому, по стене которого густо вился виноград. Как только постовой, покачивая головой в такт музыке, лениво перешел на другой конец парковки, Сажерук ухватился за толстые ветви и подтянулся. Фарид залез на крышу проворнее его и гордо протянул ему руку. Они пробирались мимо дымовых труб и антенн бесшумно, словно кошки. Один раз из-под ботинка Сажерука выскользнул кусок черепицы, но он успел его поймать прежде, чем тот разбился о мостовую.

Добравшись до церковной площади, где стоял дом Каприкорна, они по водосточному желобу спустились вниз. Сажерук спрятался за ящиками из-под фруктов и, затаив дыхание, попробовал оценить обстановку. Площадь и часть улочки, на которую одной стороной выходил дом Каприкорна, были залиты светом. На фонтане перед церковью сидела черная кошка. При виде ее у Басты, наверное, замерло бы сердце, но Сажерука гораздо больше беспокоили двое часовых у входа в дом Каприкорна. Один из них, плотный коротышка, четыре года назад выследил его в северном городе, где он хотел дать свое последнее представление, и вместе с двумя другими подручными притащил сюда. А здесь Каприкорн хотел от Сажерука только одного: чтобы тот сказал ему, где Волшебный Язык и книга. Для этого он использовал свои обычные методы.

Часовые ругались. Они были так заняты собой, что не заметили, как Сажерук, собравшись с духом, скрылся в улочке. Фарид беззвучно, как тень, скользнул за ним. Каприкорн жил в большом,

массивном здании, которое, судя по всему, строилось как ратуша, монастырь или школа. Все окна в доме были погашены. С первого взгляда казалось, что постовых на улочке нет, но Сажерук оставался начеку, ведь чернокурточники ночью почти не видны, особенно когда стоят в темных дверных нишах. Да, Сажерук знал деревню Каприкорна как свои пять пальцев. У него было достаточно времени ее изучить с тех пор, как Каприкорн привез его сюда и приказал разыскать Волшебного Языка и книгу. Каждый раз, когда тоска по родине становилась невыносимой, он сам возвращался в деревню. Среди старых врагов Сажерук не чувствовал себя таким чужим. Даже страх перед ножом Басты не мог его удержать.

Сажерук подозвал Фарида к себе, поднял с земли камень и бросил его в темный конец улицы. Никто не шелохнулся. Видимо, часовой как раз обходил дом. Сажерук вскочил на ограду, защищавшую фруктовые деревья, овощные грядки и кусты зелени в саду Каприкорна от холодного ветра, дувшего с гор. Когда служанки пололи грядки, Сажерук часто развлекал их разговорами. В саду не было ни прожекторов, ни охраны (кому придет в голову красть овощи?). Зарешеченную дверь, что вела в дом, на ночь всегда запирали. Прямо у ограды стояла собачья будка, но, спрыгнув вниз, Сажерук увидел, что она пуста. Значит, собаки не вернулись с холмов. Они оказались умнее, чем предполагал Сажерук. А новых Баста еще не завел. Глупо с его стороны. Глупый Баста.

Сажерук шепнул Фариду, чтобы тот следовал за ним, и, пройдя мимо ухоженных грядок, оказался у черного хода. Прокравшись к нему, мальчик в недоумении посмотрел на зарешеченную дверь, но Сажерук только прижал палец к губам и взглядом указал на окно во втором этаже. Его створки были открыты. Сажерук мяукнул так натурально, что на его зов откликнулось сразу несколько кошек, но за окном никто не шевельнулся. Он прислушался, тихо выругался, а потом каркнул так пронзительно, что Фарид, вздрогнув, прислонился к стене. На этот раз из окна выглянула женщина. Сажерук приветственно помахал ей, она махнула ему в ответ и исчезла.

– Не беспокойся! – шепнул Сажерук, увидев озабоченный взгляд Фарида. – Ей можно доверять. Многие служанки Каприкорна не лучшего мнения о своем хозяине и его людях и хотели бы уйти отсюда, но их держит страх. Он же заставляет их молчать о том, что происходит в деревне. Женщины боятся, что Каприкорн подожжет дома их родных или подошлет Басту с ножом… А Резе нечего

бояться – у нее нет семьи. – Мысленно он добавил: «Больше нет».

Дверь открылась, и за решеткой показалось бледное встревоженное лицо женщины с темно-русыми волосами.

– Как поживаешь? – спросил Сажерук, просунув руку сквозь прутья.

Улыбнувшись, Реза пожала его пальцы и кивнула в сторону мальчика.

– Это Фарид, – прошептал Сажерук. – Он за мной, можно сказать, увязался. Но он свой и так же, как мы, не любит Каприкорна.

Реза кивнула и посмотрела на Сажерука с упреком.

– Я понимаю, что глупо было сюда возвращаться. Ты знаешь, что произошло? – спросил Сажерук и не без гордости добавил: – Они думали, что я все стерплю, но не тут-то было. Остался еще один экземпляр книги, и я его добуду! Не смотри на меня так. Знаешь, где Каприкорн его хранит?

Реза покачала головой. Вдруг в тишине раздался шорох, Сажерук резко обернулся и увидел, как по саду прошмыгнула мышь. Реза достала из кармана халата карандаш и бумажку. Зная, что Сажеруку легче разбирать печатные буквы, она писала медленно и аккуратно. Это она научила его читать и писать, чтобы они могли общаться.

Сажеруку, как всегда, понадобилось время, чтобы расшифровать написанное. Закорючки напоминали ему букашек, из которых нужно было составить имевшие смысл слова. Каждый раз, когда это ему удавалось, он считал, что совершил подвиг.

– «Я навострю уши», – тихо прочитал Сажерук. – Хорошо, но будь осторожна. Я не хочу, чтобы из-за меня ты рисковала своей милой головкой. – Он еще раз склонился над листочком и спросил: – Что значит «Ключи Басты теперь у Сороки»?

Сажерук вернул бумажку Резе. Фарид так внимательно следил за тем, как она пишет, словно видел в этом колдовство.

– Похоже, его тебе тоже придется обучить грамоте! – шепнул ей Сажерук. – Смотри, как он наблюдает за каждым твоим движением.

Подняв голову, Реза улыбнулась мальчику. Тот застеснялся и отвел взгляд в сторону. Она провела пальцами по лицу.

– Считаешь, он симпатичный? – ехидно усмехнулся Сажерук, в то время как Фарид не знал, куда девать глаза от смущения. – А как насчет меня? Что значит «Ты красив, как луна»? Это – комплимент? Или ты хочешь сказать, что на моем лице столько же шрамов?

Реза засмеялась, как маленькая девочка, и закрыла рот рукой. Ее

легко было рассмешить. Только когда она смеялась, был слышен ее голос.

Внезапно ночь разорвали выстрелы. Реза схватилась за решетку, а Фарид от страха съежился у стены. Сажерук поднял его и сказал:

– Не бойся! Постовые просто стреляют по кошкам. Они всегда так делают, когда им скучно.

Мальчик был поражен.

Реза закончила писать, отдала листочек Сажеруку, и тот прочитал:

– «Она их у него отобрала. В качестве наказания». Думаю, Басте это не понравилось. Он всегда хвастался тем, что Каприкорн доверил ему ключи, – сказал Сажерук.

Сделав мрачное лицо, Реза жестом изобразила, как достает из-за пояса нож. Сажерук в голос рассмеялся, но тут же замолчал и прислушался. В саду было тихо, как на кладбище.

– Да, могу себе представить, как Баста разозлился, – прошептал он. – Чтобы угодить Каприкорну, он убивал и уродовал людей, а тут вдруг такое.

Реза потянулась за листочком, после чего Сажерук опять мучительно долго разбирал ее четкий почерк.

– Ты слышала про Волшебного Языка и хочешь знать, кто это? Если бы не я, он бы до сих пор сидел в одной из клеток Каприкорна. Остальное можешь спросить у мальчика. Волшебный Язык выдернул Фарида из его истории, как репку. Но мы должны радоваться, что вместе с мальчиком в этот мир не выскочили плотоядные духи, о которых он постоянно болтает. Да, Волшебный Язык – отличный чтец, он читает намного лучше Дариуса. Как видишь, Фарид не хромает, у него нормальное лицо, и даже есть голос, в чем, правда, иногда можно усомниться.

Фарид укоризненно посмотрел на Сажерука.

– Как выглядит Волшебный Язык? Все, что я могу сказать: Баста еще не успел разукрасить ему лицо.

В этот момент над их головами заскрипело окно. Сажерук прижался к решетке. Первое, что он подумал: «Это просто ветер». Фарид взглянул на него глазами полными ужаса. Наверное, он принял скрип за голос демона. Но вместо демона из окна высунулось существо из плоти и крови: Мортола, или, как ее тайно называли, Сорока. Все служанки были у нее в подчинении. От ее внимания не ускользала ни одна мелочь: она знала даже то, о чем женщины

секретничали в своих спальнях. О деньгах Каприкорн заботился гораздо лучше, чем о служанках: всем им приходилось тесниться в его доме по четверо в комнате. За исключением тех, которые сходились с его подручными и переезжали вместе с ними в заброшенные дома.

Облокотившись на подоконник, Сорока долго дышала холодным ночным воздухом. Сажеруку уже хотелось свернуть ей шею, когда она наконец сочла, что достаточно освежилась, и закрыла окно.

– Мне пора. Завтра я снова приду. Может, к тому времени тебе удастся что-нибудь разузнать о книге! – Сажерук сжал пальцы Резы. От постоянной стирки и уборки ее руки огрубели. – Знаю, я уже говорил, но все-таки будь осторожна и держись подальше от Басты.

В ответ на этот бесполезный совет Реза только пожала плечами. Почти все женщины деревни сторонились Басты. Но что толку: он-то их не сторонился.

Сажерук стоял у зарешеченной двери до тех пор, пока Реза не поднялась к себе в комнату и не подала ему оттуда знак – зажгла свечу.

Постовой на парковке все еще слушал музыку. Забыв обо всем на свете, он обхватил ружье, словно девушку, и пустился в пляс среди машин. Ночь поглотила Сажерука и Фарида прежде, чем постовой посмотрел в их сторону.

На обратном пути они не встретили никого, кроме голодной лисы, которая поспешила скрыться в кустах. Сидя возле обгоревшего дома, Гвин уплетал птицу. В темноте светились ее белые перья.

– Она всегда была немой? – спросил Фарид, когда Сажерук растянулся под деревьями и уже собирался спать.

– С тех пор, как я ее знаю, – ответил Сажерук и повернулся к мальчику спиной.

Фарид лег рядом с ним. Такая уж у него была привычка. Во сне Сажерук мог сколько угодно отодвигаться – когда он просыпался, Фарид всегда лежал с ним бок о бок.

– Это ее фотография у тебя в рюкзаке, – проговорил мальчик.

– И что?

Фарид промолчал.

– Если ты положил на нее глаз, – усмехнулся Сажерук, – можешь выкинуть эти мысли из головы: она одна из любимых служанок Каприкорна. Он даже позволяет ей приносить ему в постель завтрак и помогать одеваться.

– Давно она у него?

– Пять лет, – сказал Сажерук. – За все эти годы она ни разу не была за пределами деревни. Каприкорн почти не позволяет ей выходить из дома, потому что она дважды пыталась бежать. Конечно, далеко ей уйти не удавалось. Один раз ей помешал укус змеи. Она мне никогда не рассказывала, как Каприкорн ее наказал, но с тех пор она больше не сбегает.

В зарослях послышался шорох, Фарид встрепенулся и увидел, что по сухим листьям к ним скачет Гвин. Куница забралась ему на живот и облизнулась. Фарид со смехом вытащил у него из шерсти перышко. Гвин обнюхал лицо мальчика так, словно соскучился, а потом спрыгнул на землю и снова исчез во мраке.

– Гвин такой милый! – прошептал Фарид.

– Вовсе нет, – буркнул Сажерук и натянул тонкое одеяло до самого подбородка. – Просто ты ему нравишься, потому что пахнешь, как девчонка.

Фарид долго ничего не говорил.

Сажерук уже задремал, когда мальчик вдруг произнес:

– А они похожи. Женщина и дочь Волшебного Языка. У них одинаковые глаза и губы. И смеются они одинаково.

– Чепуха! – сказал Сажерук. – Не вижу ни малейшего сходства. Просто у обеих голубые глаза. Здесь это не редкость. А теперь спи.

Мальчик послушался. Закутавшись в свитер, который ему дал Сажерук, он лег на бок и заснул, как младенец. Сажерук слушал его ровное дыхание и глядел в темноту. Уснуть он больше не мог.

Тайна Каприкорна

– Если бы меня посвятили в рыцари, – сказал Варт, мечтательно глядя на пламя, – я бы… попросил Бога, чтобы он мне одному послал все зло, которое есть на земле. Если бы я его победил, в мире больше не осталось бы зла, а если бы оно победило, страдал бы только я.

– Ты бы поступил очень опрометчиво, – сказал Мерлин. – Оно бы победило. И ты бы страдал.

Т. Х. Уайт. Король былого и грядущего

Когда Мегги и Фенолио вошли в церковь, то увидели Каприкорна в окружении дюжины подручных. Он сидел в черном как сажа кожаном кресле, которое накануне под присмотром Мортолы установили на алтаре. Сегодня костюм на нем был не красный, а для разнообразия бледно-желтый, как сочившийся сквозь окна утренний свет. Каприкорн рано послал за своими пленниками: холмы еще укутывал густой туман, а солнце всплывало над ним, как мяч над мутной водой.

– Клянусь всеми буквами алфавита! – прошептал Фенолио, когда они с Мегги в сопровождении Басты направились к алтарю. – Он выглядит точь-в-точь как я его себе представлял. «Бесцветный, как стакан молока» – кажется, так я описал Каприкорна.

Писатель ускорил шаг, как будто ему не терпелось посмотреть на свое создание, и оставил Мегги позади. Баста остановил старика, и тот не дошел до лестницы.

– Ты чего? – прошипел он. – Не так быстро. И не забудь поклониться, понял?

Презрительно посмотрев на Басту, Фенолио выпрямился во весь рост. Баста замахнулся, но Каприкорн чуть заметно покачал головой, и тот опустил руку, как ребенок, которому сделали замечание. Мортола стояла рядом с Каприкорном, сложив руки за спиной, словно крылья.

Глядя то на Мегги, то на черепашье лицо Фенолио, Каприкорн произнес:

– Баста, я до сих пор не могу понять, о чем ты думал, когда

возвращался сюда без ее отца!

– Я же вам уже объяснял: его с ней не было, – обиженно проговорил Баста. – Я что, должен был сидеть и ждать у моря погоды? Он скоро сам сюда прибежит! Мы же все видели, как безумно он любит девчонку. Я готов поручиться своим ножом, что он явится не позднее завтрашнего дня.

– Ножом? Недавно ты его уже потерял, – язвительно заметила Мортола.

Баста от злости стиснул зубы.

– Да, Баста, что-то ты сдал! – заключил Каприкорн. – Вспыльчивость совсем затуманила твой рассудок. А теперь посмотрим, что ты мне привез.

Старик не сводил глаз с Каприкорна. Фенолио рассматривал его, как художник рассматривает картину, которую написал много лет назад. И, судя по выражению его лица, он был доволен тем, что видел. Мегги не заметила в глазах писателя ни тени страха – в них были только любопытство и довольство собой. Каприкорну взгляд старика не понравился. Он не привык, чтобы на него смотрели так бесстрашно.

– Баста рассказал мне о вас кое-что интересное, господин…

– Фенолио.

Мегги напряженно следила за реакцией Каприкорна: знает ли он, кто написал «Чернильное сердце»? Обращал ли он внимание на имя автора, которое написано над названием?

– Даже голос у него такой, каким я его себе представлял! – прошептал Фенолио Мегги.

Он напоминал ей ребенка, который с восторгом глядит на сидящего в клетке льва. С той только разницей, что Каприкорн не сидел в клетке. Одного его взгляда было достаточно, чтобы Баста локтем толкнул Фенолио в спину. От сильного удара у старика даже перехватило дыхание.

Пока Фенолио ртом ловил воздух, Каприкорн пояснил:

– Не люблю, когда в моем присутствии шепчутся. Итак, продолжим. Баста поделился со мной удивительной историей: вы якобы утверждаете, что написали некую книгу… Как, говорите, она называется?

– «Чернильное сердце», – ответил Фенолио, потирая спину. – Я так назвал книгу, потому что она о человеке, сердце которого черно от злости. Мне это название до сих пор кажется удачным.

Каприкорн поднял брови и улыбнулся:

– О, как это понимать? Может, как комплимент? Ведь вы говорите о моей истории.

– Нет, это – моя история. Ты в ней всего лишь персонаж.

Мегги заметила, как Баста вопросительно посмотрел на Каприкорна, но тот слегка покачал головой. Спину Фенолио на этот раз пощадили.

– Так-так, значит, ты не собираешься отказываться от своих вымыслов. – Каприкорн встал с кресла и медленно спустился по ступенькам.

Фенолио заговорщически улыбнулся Мегги.

Остановившись прямо перед писателем, Каприкорн железным тоном проговорил:

– Над чем ты смеешься? – Его голос резал слух, как нож Басты.

– Я тут как раз вспомнил, что тщеславие – главная черта твоего характера. Да, я наделил тебя изрядной долей тщеславия и… – Фенолио сделал театральную паузу, – еще кое-какими слабостями, о которых я лучше не буду говорить при твоих людях.

Каприкорн целую вечность молча смотрел на писателя. Потом он приподнял уголки губ в намеке на улыбку. Глаза Каприкорна блуждали по церкви, как будто он и забыл о Фенолио.

– Ты дерзкий старик, – произнес он наконец. – И к тому же лгун. Но, если ты считаешь, что твое притворство произвело на меня такое же впечатление, как на Басту, ты сильно заблуждаешься. Твои россказни смехотворны, как и ты сам. Когда Баста привез тебя сюда, он совершил глупость. Теперь придется от тебя избавиться.

Баста побледнел и, втянув голову в плечи, подскочил к Каприкорну. Мегги услышала его испуганный шепот:

– Но вдруг эти двое не врут? Они утверждают, что если мы убьем старика, то все умрем.

Каприкорн взглянул на него с таким презрением, что тот отшатнулся, как от удара.

А по виду Фенолио можно было подумать, что вся эта ситуация его забавляет. Такое впечатление, что писатель воспринимал происходящее как спектакль, который исполняли специально для него.

– Бедный Баста! – сказал он Каприкорну. – Ты опять к нему несправедлив. А ведь он прав. Что, если я не вру? Что, если я и вправду вас создал: тебя и Басту? Все говорит о том, что вы

испаритесь, как только меня уничтожите.

Каприкорн рассмеялся, но Мегги почувствовала, что слова Фенолио его встревожили, хотя он и старался скрыть беспокойство за маской равнодушия.

– Я могу доказать, что я тот, за кого себя выдаю! – тихо проговорил Фенолио, чтобы никто, кроме Каприкорна, Мегги и Басты, его не услышал. – Но ты ведь не хочешь, чтобы о твоих родителях узнали все подручные и служанки?

В церкви наступила тишина. Все замерли. Баста, подручные у лестницы и даже суетившиеся возле столов женщины смотрели на Каприкорна и незнакомого старика. Мортола стояла на своем месте и, выпятив подбородок, напряженно прислушивалась к шепоту.

Каприкорн молча разглядывал свои запонки. На светлой рубашке они выглядели как капли крови. Потом он поднял бесцветные глаза на Фенолио и тихо произнес:

– Говори, что ты хочешь сказать, старик! Но, если тебе дорога твоя жизнь, кричать не обязательно.

Мегги почувствовала, с каким трудом он сдерживает злобу. Еще никогда она не боялась его так, как сейчас.

Каприкорн подал Басте знак, и тот неохотно отошел.

– Малышке-то можно послушать? – Фенолио положил руку Мегги на плечо. – Или ты и ее испугался?

Каприкорн даже не взглянул на Мегги. Все его внимание занимал человек, который его создал.

– Говори, я жду! Хотя я уверен, что ничего нового ты мне не скажешь. Люди в этой церкви уже неоднократно пытались спасти свою жизнь при помощи лжи. Но если ты и дальше будешь болтать попусту, я позабочусь о том, чтобы тебя укусила змея. Для такого случая у меня дома всегда найдется пара гадюк.

Угрозы Каприкорна не произвели впечатления на Фенолио.

– Хорошо! – сказал он и обвел взглядом окружающих, словно сожалея о том, что они его не услышат. – С чего начать? Прежде всего поясню: в книгу попадает далеко не все, что писатель знает о своих персонажах. Кое-что для читателей остается тайной. Ее знают только герой и его создатель. Например, я всегда знал, что он, – Фенолио кивнул в сторону Басты, – до того, как ты его подобрал, был очень несчастным ребенком. Как говорится в одной замечательной книге, «детей страшно легко убедить в том, что они отвратительны». Баста был в этом уверен. Конечно, нельзя сказать, что ты убедил его в

обратном, нет! С какой стати? Просто в его жизни появился человек, к которому он привязался. Кто-то, кто говорил ему, что делать… Ты стал для него богом, Каприкорн, несмотря на то что плохо с ним обращался. Но ведь не все боги милосердны, верно? Они часто бывают грозными и жестокими. Я не стал все это записывать. Достаточно было того, что я это знаю. Но хватит о Басте – перейдем к тебе.

Каприкорн не сводил глаз с Фенолио. Его лицо окаменело.

– Каприкорн… – почти нежно произнес писатель, глядя поверх плеч своего собеседника. Он словно забыл, что говорит не о литературном персонаже, а о человеке, который стоит напротив него. – Конечно, у него есть и другое имя. Но он и сам его уже не помнит. С пятнадцати лет он называет себя Каприкорном. Это его знак зодиака. Каприкорн Неприступный, Непостижимый и Ненасытный. Он любит играть бога. Или дьявола – в зависимости от ситуации. Но есть ли у дьявола мать? – Фенолио посмотрел Каприкорну в глаза. – У тебя есть.

Мегги взглянула на Сороку. Теперь та, сжав костлявые кулаки, стояла у самого края лестницы, но все равно ничего не могла разобрать – Фенолио говорил очень тихо.

– Ты распространил слух о том, что у твоей матери знатное происхождение, – продолжал писатель. – Еще ты любишь рассказывать, что она была дочерью короля и что твой отец служил у него при дворе оружейным мастером. Красивая история. Но хочешь, поделюсь своей версией?

Впервые Мегги увидела на лице Каприкорна нечто похожее на страх. Это был безымянный страх, который нигде не начинался и нигде не заканчивался. А за ним, словно гигантская черная тень, вставала ненависть. Мегги точно знала: в этот момент Каприкорн готов был убить Фенолио. Но страх связывал ему руки и заставлял ненависть расти.

Заметил ли это Фенолио?

– Рассказывай свою историю. Почему бы и нет? – Каприкорн уставился на писателя неподвижными, как у змеи, глазами.

В шаловливой улыбке Фенолио Мегги узнала улыбку Пиппо. Он сказал:

– Хорошо, продолжим. Конечно, история про оружейного мастера – ложь.

Мегги не покидало чувство, что весь этот разговор для старика –

развлечение. Он вел себя так, словно играл с котенком. Неужели он так плохо знал своего собственного персонажа?

– Его отец был обычным кузнецом, – продолжил Фенолио, не обращая внимания на холодную злобу в глазах Каприкорна. – В детстве единственными игрушками мальчика были раскаленные угли. Стоило ему заплакать, кого-нибудь пожалеть или хотя бы сказать «Я не смогу, у меня не получится», как отец его бил. В удары он вкладывал всю силу, с какой ковал раскаленное железо. Отец хотел, чтобы сын усвоил одну простую истину: сила – это главное, все остальное не в счет. Он все время повторял: «Сильный устанавливает правила, так что изволь быть сильным!» Мать Каприкорна тоже считала это единственной непреложной истиной на земле. Она изо дня в день убеждала сына в том, что однажды он станет самым могущественным человеком в мире. Она была вовсе не принцессой, а служанкой с грубыми от работы руками и шершавыми коленками. Мать повсюду следовала за сыном даже тогда, когда он начал ее стесняться и придумал себе новых родителей. Она восхищалась его жестокостью и упивалась страхом в глазах окружавших его людей. Она любила его чернильное сердце. Да, Каприкорн, у тебя вместо сердца черный камень. Такой же бесчувственный, как кусок обгоревшего дерева. И ты этим гордишься.

Каприкорн внимательно рассматривал свои красные металлические запонки и делал вид, что слова Фенолио ему безразличны. Когда старик замолчал, он аккуратно натянул рукав пиджака на запястье и смахнул с него ворсинку. Казалось, тем же легким движением он избавился от гнева, ненависти и страха. Его холодный взгляд не выражал больше ничего.

– Да, старик, ты рассказал удивительную историю, – тихим голосом произнес Каприкорн. – Она мне понравилась. Ты хороший лжец, поэтому я оставлю тебя у себя. До поры до времени. Пока твои истории мне не наскучат.

– Оставишь меня у себя? – Фенолио гордо выпрямился во весь рост. – Я не намерен здесь оставаться! Что…

Каприкорн зажал ему рот рукой и прошептал:

– Ни слова больше! Баста сказал, что у тебя есть три внука. Если из-за тебя у меня будут неприятности или если вздумаешь поделиться своими россказнями с моими людьми, я попрошу Басту завернуть несколько гадюк в подарочную упаковку и положить их твоим внукам под дверь. Я ясно выражаюсь, старик?

Фенолио бессильно уронил голову на грудь. Можно было подумать, что тихие слова Каприкорна сломали ему шею. Когда писатель наконец поднял голову, страх крылся в каждой его морщинке.

Каприкорн с довольной улыбкой сунул руки в карманы и сказал:

– Ох уж эти мягкосердечные люди! У них столько привязанностей! Они любят своих детей, внуков, братьев, сестер, родителей, собак, кошек, канареек… У каждого, будь то крестьянин или торговец, есть что-то, что дорого его сердцу. Даже у полицейских есть семьи или хотя бы домашние животные. Взгляни на ее отца! – Каприкорн так резко показал на Мегги, что она вздрогнула. Потом он добавил: – Волшебный Язык придет, хотя прекрасно знает, что ни его, ни ее я отсюда не отпущу. Но не прийти он не может. По-моему, мир устроен чудесно! Как считаешь?

– Да, – пробормотал Фенолио. – Чудесно.

Впервые писатель посмотрел на свое создание не с восторгом, а с отвращением. Злодею это пришлось по нраву.

– Баста! – Каприкорн жестом подозвал его к себе. Тот, желая продемонстрировать, что он оскорблен, подошел подчеркнуто медленно. Каприкорн приказал: – Отведи старика в бывшую комнату Дариуса и поставь у двери охрану!

– Хочешь, чтобы я отвел его в твой дом?

– Да, что тут такого? Ведь, по словам этого человека, он мне как отец. Ко всему прочему его истории меня забавляют.

Баста пожал плечами и грубо схватил Фенолио. Мегги в испуге посмотрела на писателя. Неужели она останется в хлеву одна? А ведь там даже окон нет. Но, когда Баста стал уводить Фенолио, старик взял Мегги за руку и сказал Каприкорну:

– Пусть девочка пойдет со мной. Не запирать же ее в этой конуре одну-одинешеньку.

Каприкорн повернулся к нему спиной и равнодушно проговорил:

– Как хочешь. Все равно скоро приедет ее отец.

Да, Мо скоро приедет. Мегги вместе с Фенолио шла вниз по улице и думала только об этом. Старик положил руку ей на плечо и прижал к себе. Но разве он мог защитить ее от Каприкорна, Басты и всех остальных? Нет. А Мо сможет? Тоже нет. «Пожалуйста! – подумала Мегги. – Хоть бы он не нашел сюда дорогу! Ему нельзя приезжать!» И все-таки она хотела, чтобы он приехал. Хотела больше всего на свете.

Разные цели

Фабер понюхал книгу. «Знаете, книги пахнут мускатным орехом или еще какими-то пряностями из далеких заморских стран. Ребенком я любил нюхать книги».

Р. Брэдбери. 451° по Фаренгейту

Первым машину заметил Фарид.

Когда она показалась на дороге, Сажерук лежал под деревьями. Он хотел обдумать, что делать дальше, но с тех пор, как Каприкорн вернулся в деревню, ему не удавалось сосредоточиться.

Каприкорн вернулся, а Сажерук все еще не выяснил, где он хранит книгу. Листья отбрасывали на его лицо причудливые тени. Иногда солнце пробивалось сквозь ветви и белыми горячими иглами покалывало кожу. Сажеруку казалось, что у него температура. Баста и Плосконос тоже вернулись. Нечего было и сомневаться, что они скоро приедут.

– Что ты волнуешься, Сажерук? – прошептал он, глядя на листву. – Тебе не следовало сюда возвращаться. Ты знал, что это опасно. – Вдруг он услышал торопливые шаги.

– Там едет серая машина! – Фарид, задыхаясь, присел на землю рядом с ним. – Мне кажется, это Волшебный Язык!

Сажерук вскочил. Мальчик знал, о чем говорил: он отличал этих вонючих металлических жуков друг от друга. Сажеруку все машины казались одинаковыми.

Вместе с Фаридом Сажерук поспешил к месту, откуда был виден мост. От него дорога, извиваясь как змея, поднималась к деревне. У них оставалось совсем мало времени, чтобы перехватить Мо, и они со всех ног побежали по склону холма. Первым на асфальт выскочил Фарид. Сажерук всегда гордился своим проворством, но Фарид был еще быстрее его. На своих стройных ногах мальчик летел стремительно, словно лань. В последнее время он научился уверенно управляться с огнем, хотя порой все же забывал, что играет не со щенком. Тогда Сажеруку приходилось его обжигать, чтобы напомнить, что огонь – опасный зверь.

Увидев на дороге Сажерука и Фарида, Мо резко затормозил. Он выглядел таким уставшим, как будто не спал сразу несколько ночей. Рядом с ним сидела Элинор. Откуда она взялась? Разве она не уехала домой, в свой книжный склеп? И почему с ними не было Мегги?

Мо с грозным видом вышел из машины и направился к Сажеруку.

– Это ты им нас выдал! – закричал он. – Кто же еще? Что Каприкорн пообещал тебе на этот раз?

– Что значит – выдал? – Сажерук попятился. – Никому я вас не выдавал! Можешь спросить у мальчика.

Мо даже не посмотрел на Фарида. Почитательница книг тоже вышла из машины и, встав рядом с ней, бросила на Сажерука яростный взгляд.

– Если кто кого и выдал, так это ты! – резко проговорил Сажерук. – Ты рассказал обо мне старику, хотя обещал этого не делать!

Мо остановился. Вызвать в нем угрызения совести было легче легкого.

– Вам лучше спрятать машину в чаще. – Сажерук махнул в сторону обочины. – В любую минуту здесь могут появиться подручные Каприкорна, и они не обрадуются, если увидят здесь чужой автомобиль.

Мо посмотрел в ту сторону, откуда они приехали. Элинор крикнула:

– Только не говори, что ты ему поверил! Конечно, это он вас предал. Больше некому. У этого человека что ни слово, то ложь.

– Баста забрал Мегги, – непривычно бесцветным тоном произнес Мо. Казалось, вместе с дочерью он лишился и своего выразительного голоса. – Фенолио они тоже взяли с собой. Это произошло вчера утром, когда я поехал в аэропорт встречать Элинор. С тех самых пор мы ищем эту проклятую деревню. Я и понятия не имел, сколько в этих холмах заброшенных деревень. И вот наконец по заграждению я узнал эту дорогу.

Сажерук молча посмотрел на небо. Черные перелетные птицы летели на юг. Они напоминали ему чернокурточников. Как же он не заметил, что Баста привез девочку? Но ведь он не мог круглые сутки наблюдать за парковкой!

– Басты несколько дней не было. Я так и подумал, что он вас ищет, – сказал Сажерук. – Тебе повезло, что он тебя не поймал.

– Повезло? – раздался возмущенный голос Элинор. – Мортимер, скажи ему, чтобы он сейчас же убрался с дороги! Иначе я его перееду! Он с самого начала был заодно с этими подлыми поджигателями!

Мо с сомнением посмотрел на Сажерука: он никак не мог решить, верить ему или нет. В конце концов он сказал:

– Люди Каприкорна вломились в дом к Элинор и в саду сожгли все книги из ее библиотеки.

На мгновение Сажерук почувствовал почти удовлетворение. Чего, собственно, ожидала эта фанатичная охотница за книгами? Что Каприкорн просто о ней забудет? Пожав плечами, он равнодушно произнес:

– Этого следовало ожидать.

– Этого следовало ожидать?! – Голос Элинор чуть не сорвался. Тяжело ступая, она направилась к Сажеруку. Взгляд у нее был свирепый, точно у бультерьера, готового разорвать его на куски. Фарид встал у нее на пути, но она грубо оттолкнула его, и он упал на горячий асфальт. – Мальчику ты легко запудрил мозги своими огненными плевками и цветными шарами, пожиратель спичек! – проревела Элинор. – Но меня ты этим не одурачишь! От моих книг не осталось ничего, кроме кучи пепла, которую вывозили из сада экскаватором! Полиция только развела руками: «Но ведь ваш дом цел, госпожа Лоредан. Даже сад не пострадал. Ну, разве что газон чуть-чуть подпорчен». Какое мне дело до дома и до чертова газона? Они сожгли мои самые ценные книги!

Глаза Элинор наполнились слезами, и она быстро отвернулась.

Тогда Сажеруку все-таки стало ее жаль. Похоже, у него с ней было больше общего, чем он предполагал: ее родной мир состоял из бумаги и печатной краски, так же как и его. А в реальности они оба чувствовали себя чужими. Но Сажерук не показал Элинор своего сочувствия. Он скрыл его за безразличной усмешкой, Элинор же скрыла отчаяние за гневом.

– А чего вы ожидали? Каприкорн знал, где вы живете. Можно было предвидеть, что после того, как вы от него сбежали, он пошлет туда своих людей. Он всегда был очень злопамятным.

– Да, но откуда он узнал, где я живу? От тебя! – Элинор сжала кулак и замахнулась, но Фарид остановил ее удар.

Крепко держа ее руку, мальчик крикнул:

– Он никого не выдавал! Он здесь, чтобы кое-что украсть.

Элинор опустила руку.

– Значит, ты все-таки хочешь украсть книгу. – Мо подошел к Сажеруку. – Это безумие!

– Ну а ты что собираешься делать? – презрительно спросил Сажерук. – Зайти в церковь и попросить Каприкорна отдать тебе дочь?

Мо ничего не ответил.

– Ты прекрасно знаешь, что он тебе ее не отдаст! – продолжил Сажерук. – Она просто приманка, и, как только ты клюнешь, вы оба до конца жизни станете пленниками Каприкорна.

– Я хотела приехать с полицией! – Элинор освободилась от цепкой хватки Фарида. – Но Мортимер не согласился.

– И правильно сделал! Каприкорн приказал бы отвести Мегги в горы, и вы бы никогда больше ее не увидели.

Мо посмотрел на темные очертания гор.

– Подожди, пока я выкраду книгу! – сказал Сажерук. – Сегодня ночью я снова прокрадусь в деревню! Правда, освободить Мегги, как в прошлый раз, не получится: Каприкорн утроил охрану и поставил кучу прожекторов, так что деревня по ночам освещена, как витрина ювелирного магазина. Но, может быть, мне удастся выяснить, где они ее держат! Дальше уж поступай как знаешь. А в качестве платы за старания ты еще раз попробуешь вчитать меня обратно. Идет?

Сажеруку его предложение казалось очень разумным. Мортимер на мгновение задумался, но потом покачал головой:

– Нет, извини. Я больше не могу ждать. Мегги и так уже меня потеряла. Я ей нужен.

Он развернулся и пошел к машине.

Но не успел Мо открыть дверцу, как Сажерук подскочил к нему с ножом Басты:

– И ты меня извини. Ты знаешь, я не люблю оружие, но иногда с его помощью приходится спасать людей от того, чтобы они не совершали глупостей. Я не позволю, чтобы ты отправился в деревню, словно кролик в западню, и чтобы Каприкорн посадил тебя вместе с твоим чудо-голосом под замок. Твоей дочери это не поможет, а мне и подавно.

Сажерук подал Фариду знак, и тот тоже выхватил нож – он купил его у мальчика еще в прибрежном курортном городе. У ножа было крошечное лезвие, но Фарид так плотно прижал его к боку Элинор, что та с исказившимся от боли лицом закричала:

– Господи, ты что, хочешь меня зарезать, маленький негодяй?

Фарид отпрянул, но нож не опустил.

– Убери машину с дороги, Волшебный Язык! – приказал Сажерук. – И не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость: подумай о любительнице книг. Мальчик не опустит нож, пока ты не вернешься.

Мо подчинился. Конечно, что ему оставалось? Сажерук и Фарид привязали пленников к деревьям за стенами обгоревшего дома. Элинор визжала громче, чем Гвин, когда его вытаскивали из рюкзака за хвост.

– Перестаньте! – прикрикнул на нее Сажерук. – Если люди Каприкорна нас здесь найдут, нам всем будет только хуже.

Подействовало. Она тут же замолчала. Мо прислонился головой к стволу и закрыл глаза.

Сажерук подозвал к себе Фарида. Мальчик подошел не сразу, он еще раз тщательно проверил узлы на прочность.

– Ночью я пойду в деревню, а ты останешься здесь и будешь за ними следить, – прошептал Сажерук. – И не говори мне про духов, ведь сегодня ты будешь не один.

Фарид посмотрел на Сажерука таким страдающим взглядом, как будто тот сунул его руку в огонь.

– Но ведь они привязаны! – заспорил он. – Зачем за ними следить? Мои узлы еще никому не удавалось распутать, честное слово! Пожалуйста! Я хочу пойти с тобой! Я могу стоять на страже или отвлекать часовых. Я могу даже прокрасться в дом Каприкорна! Я же двигаюсь тише, чем Гвин!

Сажерук покачал головой и строго сказал:

– Нет! Сегодня ночью я пойду один. Если мне понадобится кто-то, кто всегда будет следовать за мной, я заведу себе собаку.

И он оставил мальчика одного.

День был жарким. На голубом небе над холмами не было ни единого облачка. До темноты оставалось еще несколько часов.

В доме Каприкорна

Во сне я иногда бродил по мрачным домам, которых совсем не знал, по незнакомым, темным, страшным комнатам. Их черные стены сжимались до тех пор, пока я не начинал задыхаться…

А. Линдгрен. Мио, мой Мио!

Две узкие металлические койки, подвешенные одна над другой, белые стены, шкаф, перед окном стол, стул и пустая полка, на которой одиноко лежала свеча. Мегги надеялась, что из окна будет видна дорога или хотя бы парковка, но вид открывался только на сад, один угол которого был отгорожен проволочным забором: там гуляли куры. Несколько служанок, склонившись к земле, пололи грядки. Сад, словно тюремный двор, был обнесен высокой оградой.

Фенолио сел на нижнюю койку и мрачно уставился на пыльный пол. Деревянные половицы скрипели при каждом шаге. Было

слышно, как за дверью возмущался Плосконос:

– Что я должен делать? Нет уж, поищи для этого кого-нибудь другого, черт возьми! Лучше я проберусь в соседнюю деревню и подложу кому-нибудь под дверь пропитанную бензином тряпку или повешу на окно дохлого петуха. Я даже готов надеть дьявольскую маску и, как Кокерель в прошлом месяце, скакать в ней у соседей под окнами. Но я не собираюсь караулить старика и девчонку до тех пор, пока у меня отвалятся ноги! Позови кого-нибудь из мальчишек: им наверняка надоело мыть машины, и новому заданию они только обрадуются.

Но Баста не стал пререкаться с Плосконосом. Он только сказал:

– После ужина тебя сменят! – и ушел.

Мегги слышала, как по длинному коридору удалялись его шаги. Надо пройти мимо пяти дверей, спуститься вниз по лестнице и повернуть налево – там будет выход… Мегги хорошо запомнила дорогу. Но как прошмыгнуть мимо Плосконоса?

Она снова подошла к окну, выглянула на улицу и тут же почувствовала головокружение. Нет, вылезти через окно не получится – не хватало еще шею сломать!

– Не закрывай окно! – раздался за спиной голос Фенолио. – Тут так жарко, что можно расплавиться.

Мегги села на койку рядом с ним.

– Как только стемнеет, – прошептала она, – я собираюсь бежать!

Старик с недоумением посмотрел на нее и быстро замотал головой:

– Ты с ума сошла! Это слишком опасно!

В коридоре все еще ворчал Плосконос.

– Я скажу, что мне нужно в туалет, – Мегги прижала к себе рюкзак, – и рвану вниз по лестнице.

Фенолио схватил ее за плечи и твердо произнес:

– Нет! Ты этого не сделаешь! Я что-нибудь придумаю! Или ты забыла, что придумывать – моя профессия?

Мегги упрямо сжала губы и процедила:

– Ладно…

Она встала и уныло побрела обратно к окну.

На улице начало смеркаться.

Устало вздохнув, Фенолио растянулся на узкой койке, а Мегги подумала: «И все-таки я попробую! Не собираюсь быть приманкой для Мо! Не позволю им его поймать!»

В ожидании темноты Мегги пришлось коротать время за размышлениями. Она старалась гнать от себя тревожные мысли, но в голове снова и снова всплывал вопрос: где Мо?

Почему он до сих пор не приехал?

Опрометчивость

– Значит, ты думаешь, что это – ловушка? – спросил граф.

– Я всегда и везде подозреваю ловушки, пока не убеждаюсь в обратном, – ответил принц. – Поэтому я до сих пор жив.

У. Голдман. Принцесса-невеста

Когда солнце зашло, Сажерук снова отправился в деревню Каприкорна. В горячем воздухе не было ни ветерка. Над сухой травой вились светлячки.

Этой ночью постовых на парковке было двое, и оба были без наушников. Поэтому Сажерук решил пробраться к дому Каприкорна другим путем. Больше века назад в этих краях было землетрясение. Разрушив несколько улиц с другой стороны деревни, оно заставило оставшихся жителей покинуть свои дома. Улицы, заваленные обломками, так сильно пострадали, что Каприкорн решил их не восстанавливать. Пробираться по этим руинам было небезопасно.

Даже спустя столько лет тут то и дело что-нибудь обваливалось. Кое-где за гнилыми дверями на столах до сих пор стояла грязная посуда давно исчезнувших хозяев. Люди Каприкорна обходили эту часть деревни стороной. Здесь не было прожекторов. Даже постовые сюда редко заглядывали.

Пробираясь по разрушенной улице, Сажерук по колено проваливался в груды обломков. Разбитая черепица и щебень с грохотом уходили у него из-под ног. В какой-то момент Сажерук остановился и прислушался, не привлек ли шум внимание постовых. Внезапно из-за руин показался чернокурточник. От страха у Сажерука пересохло во рту. Присев на корточки, он спрятался за обвалившейся стеной, облепленной ласточкиными гнездами. Напевая, постовой подошел ближе. Сажерук знал его: он уже много лет был на службе у Каприкорна. Баста завербовал его в одной далекой деревушке – не всегда же Каприкорн обитал в этих холмах. Его пристанищем были многие уединенные деревни, заброшенные усадьбы и один раз даже замок. Но рано или поздно наступал день, когда паутина страха, которую Каприкорн так искусно плел вокруг себя, разрывалась, и им начинала интересоваться полиция. Когда-нибудь это случится и здесь.

Постовой остановился и закурил сигарету. Почувствовав дым, Сажерук отвернулся и увидел рядом с собой худую белую кошку. Она сидела на камнях, словно статуя, и смотрела на него зелеными глазами. Ему так и хотелось шепнуть ей: «Ш-ш! Разве я похож на опасного типа? Нет. Зато человек в черной куртке вполне может тебя застрелить. А затем очередь дойдет и до меня». Кошка не сводила с Сажерука зеленых глаз. Белый хвост раздраженно задергался в воздухе. Сажерук перевел взгляд с кошки сначала на свои пыльные ботинки, а потом на искореженный кусок металла, торчавший из щебня. Звери не любят, когда им смотрят в глаза. Каждый раз, когда Сажерук смотрел в глаза Гвину, тот скалил свои острые, как иголки, зубы.

С сигаретой во рту постовой снова стал напевать. Когда Сажеруку уже стало казаться, что ему придется сидеть за этой стеной до конца своих дней, постовой развернулся и побрел прочь. Сажерук не шевелился до тех пор, пока шаги не затихли. Когда он наконец поднялся, кошка, шипя, убежала. А Сажерук еще долго стоял среди мертвых домов и ждал, пока сердце перестанет бешено колотиться.

До самого сада Каприкорна ему больше не встретился ни один

постовой. Сажерук перескочил через ограду, и в нос ему ударил такой резкий запах тимьяна, какой бывает только днем. В эту жаркую ночь пахло каждое растение, даже томаты и салат. На грядке прямо перед домом росли ядовитые кустарники и травы. Сорока собственноручно за ними ухаживала. В деревне уже не один человек умер от олеандра или белены.

Окно в комнате Резы было, как обычно, открыто. Когда Сажерук изобразил злобное тявканье Гвина, из окна высунулась рука, помахала ему и быстро исчезла. В ожидании Резы Сажерук облокотился на зарешеченную дверь. Небо у него над головой было густо усеяно звездами: ночи в их ослепительном свете, казалось, не было места. «Наверняка она что-нибудь разузнала, – подумал Сажерук. – Но что? Вдруг она скажет, что Каприкорн хранит книгу в одном из сейфов?»

Дверь за решеткой открылась. Каждый раз она скрипела так, словно роптала на то, что нарушили ее покой. Сажерук обернулся и увидел перед собой незнакомку. Перед ним стояла девочка лет пятнадцати – шестнадцати с почти детским толстощеким личиком.

– Где Реза? – Сажерук схватился за решетку. – Что с ней?

Девочка оцепенела от страха. Она уставилась на его шрамы, как будто никогда не видела изрезанного лица.

– Это она тебя послала? – Сажеруку хотелось просунуть руки сквозь прутья и хорошенько встряхнуть маленькую дурочку. – Говори же! Я не могу торчать здесь всю ночь! – Ему не следовало просить Резу о помощи. Нужно было самому выяснять, где книга. Как он мог подвергнуть ее опасности? – Они ее заперли? Отвечай! – нетерпеливо прорычал Сажерук.

Вдруг девочка перевела взгляд на что-то позади него и отпрянула. Сажерук оглянулся, чтобы посмотреть, что она там увидела… и оказался лицом к лицу с Бастой.

Почему он не услышал приближавшихся шагов? Баста славился своим умением подкрадываться, но стоявший рядом с ним Плосконос никогда не отличался тихой походкой. Баста привел с собой еще кое-кого: Мортолу. Значит, высунувшись прошлой ночью из окна, она все-таки что-то услышала. Или Реза его предала? Больно было думать об этом.

– Вот уж не ожидал, что ты решишься еще раз сюда прийти! – сладким голосом проговорил Баста и ладонью прижал Сажерука к решетке, и тот почувствовал, как металлические прутья вдавились

ему в спину.

Плосконос широко улыбался. Он радовался любой возможности попугать человека, так же как ребенок радуется Рождеству.

– Что у тебя с малышкой Резой? – Баста со щелчком раскрыл нож.

Увидев, как страх капельками пота выступил на лбу Сажерука, Плосконос улыбнулся еще шире.

– Я всегда говорил, что наш огнеглотатель влюблен в Резу, – продолжал Баста, медленно проводя острием по груди Сажерука, – что он прямо-таки пожирает ее глазами. Но мне никто не верил. А теперь смотрите: такой трусишка, а решился прийти.

– Вот что делает любовь! – засмеялся Плосконос.

Но Баста покачал головой:

– Нет. Только из-за любви наш грязнорукий друг не пришел бы. Для этого ему не хватает страсти. Он здесь из-за книги, верно? Ты все еще тоскуешь по порхающим феям и вонючим гномам?

Баста почти нежно провел ножом по горлу Сажерука. Сажерук не дышал. Он забыл, как дышать.

– Что ты тут торчишь? – крикнула Сорока девочке за его спиной. – Иди к себе в комнату!

Сажерук услышал, как зашелестело платье и захлопнулась дверь.

Лезвие медленно ползло по его шее. Когда оно стало приближаться к лицу, Сорока схватила Басту за руку.

– Довольно! – резко проговорила она. – Оставь свои игры, Баста.

– Да, босс сказал, что мы должны доставить его к нему в целости и сохранности, – недовольно пробурчал Плосконос.

Лезвие в последний раз скользнуло по горлу Сажерука, а потом в мгновение ока исчезло в рукоятке.

– Какая жалость! – сказал Баста.

Сажерук кожей ощутил прохладу его дыхания. Баста дышал мятной свежестью. Однажды девушка, которую он хотел поцеловать, якобы сказала ему, что у него воняет изо рта. С тех пор Баста с утра до вечера жевал листья перечной мяты, но та девушка об этом уже не узнала.

– Мне всегда нравилось играть с тобой, Сажерук. – Баста отошел, все еще держа в руке сложенный нож.

– Отведите его в церковь! – приказала Мортола. – Я сообщу Каприкорну.

– А знаешь, босс очень рассердился на твою немую подружку, –

прошептал Плосконос, беря Сажерука под руку. С другой стороны его подхватил Баста. – Не быть ей больше его любимицей.

На мгновение у Сажерука отлегло от сердца, и он вздохнул. Значит, Реза его не предала. Все равно нельзя было просить ее о помощи. Ни в коем случае.

Тихие слова

Огонек ее угасал. Она что-то шептала, Питер с трудом разобрал ее шепот. Она говорила, что ей, может быть, могло бы помочь, если бы много ребят сказали, что они верят в фей.

Дж. М. Барри. Питер Пэн

Едва стемнело, Мегги принялась барабанить кулаками в дверь. Фенолио подскочил к ней спросонок, но удержать ее не успел: Мегги уже крикнула часовому, караулившему их за дверью, что ей надо в туалет. Часовой, сменивший Плосконоса, был коротконогий, лопоухий малый. Разгоняя скуку, он прихлопывал газетой, свернутой в трубку, надоедливых мух. Выходя в коридор, Мегги увидела на белой стене с дюжину пятен.

– Мне тоже нужно выйти! – крикнул Фенолио, возможно пытаясь хотя бы под этим предлогом отговорить Мегги от ее затеи, но часовой закрыл дверь прямо перед его носом.

– По очереди! – рявкнул он. – А коли невтерпеж – можешь прямо из окошка.

Прихватив с собой газету, он повел Мегги в туалет. По дороге ему удалось прихлопнуть еще трех мух, а также бабочку,

лихорадочно махавшую крылышками. Наконец он пинком отворил одну из пяти дверей, последнюю перед лестницей, ведущей к выходу.

«Еще только парочку шагов! – думала Мегги. – Я сбегу вниз по ступенькам быстрее, чем он».

«Умоляю тебя, Мегги, выкинь из головы эту идею! – вспомнила она слова Фенолио, которые он успел прошептать ей вдогонку. – Ты не сможешь сбежать – заблудишься. Там, за стеной, на много километров вокруг – сплошной дикий лес! Знай отец, что ты затеваешь, он как пить дать отшлепал бы тебя!»

«А вот и не отшлепал бы», – подумала Мегги.

Но, очутившись в тесной каморке, в которой не было ничего, кроме унитаза и ведра, она чуть было не утратила всю свою решимость. На улице было так темно, так ужасно темно! И до дома Каприкорна было далеко.

– Я все равно попробую! – прошептала она, прежде чем открыть дверь. – Я должна!

Но уже на пятой ступеньке часовой настиг ее и, забросив на плечо, как мешок картошки, понес обратно.

– Еще раз попробуешь сбежать, я отведу тебя к боссу! – предупредил он, вталкивая ее в комнату. – Уж он-то придумает, как тебя получше наказать!

После его ухода она тихо всхлипывала, наверное, целых полчаса, а Фенолио сидел рядом и смотрел в белую стену неподвижным взглядом.

– Все в порядке, – с несчастным видом бормотал он. – Все уже хорошо.

Но все было совсем не хорошо, все было просто ужасно.

– Нам ведь даже посветить нечем! – сказала наконец Мегги. – И книги они забрали.

Фенолио вдруг сунул руку под подушку и положил ей на колени фонарик.

– Я нашел его под своим матрасом, – прошептал он. – А еще там было несколько книг. Видно, кто-то их спрятал.

Наверняка Дариус, чтец. Мегги вспомнила, как маленький, тщедушный человек со стопкой книжек в руках спешил через всю церковь Каприкорна. И фонарик, скорее всего, был тоже его. Сколько же Каприкорн продержал его в этой комнате?

– В шкафу я нашел шерстяное одеяло, – прошептал Фенолио. – Я положил его на твою верхнюю кровать. Мне туда все равно не

забраться. Я попытался, но ее качает, как суденышко в бурном море.

– Мне больше нравится спать наверху. – Мегги провела рукавом по лицу, вытирая слезы: плакать расхотелось, все равно без толку.

Книги Дариуса Фенолио положил на кровать Мегги вместе с одеялом. Она разложила их в ряд: затрепанный детектив, книга о змеях, еще одна об Александре Македонском и «Одиссея». Все книги для взрослых. Для детей был только сборник сказок да «Питер Пэн», которого она читала уже раз пять, если не больше.

За дверью часовой вновь принялся шлепать газетой мух, а на нижней узкой кровати ворочался Фенолио. Мегги знала, что заснуть она все равно не сможет, не стоит даже пытаться. Она еще раз посмотрела на книги – они напоминали ей запертые двери. В какую из них войти? За какой ей удастся забыть обо всем – и о Басте с Каприкорном, и о «Чернильном сердце», даже о себе?.. Да обо всем на свете!

Детектив и книгу об Александре Македонском она сразу отложила, потом немного подумала и принялась за «Одиссею». Видно, Дариус ее очень любил и буквально зачитал до дыр – он подчеркивал некоторые строчки, иногда так сильно, что местами прорвалась бумага: «Но не спас он друзей, как к тому ни стремился…» Полистав истрепанные страницы, Мегги закрыла книгу. Нет. Она слишком хорошо знала сюжет и боялась древних героев этой книги, пожалуй, не меньше, чем людей Каприкорна. Мегги смахнула оставшуюся на щеке слезинку и провела рукой по детским книжкам. Сказки. Честно говоря, сказки она не очень-то жаловала, но эта книжка была удивительная. Тонкие, как папиросная бумага, страницы с маленькими буковками и красивыми картинками, на которых художник изобразил гномов и фей, призывно шелестели. В сказках говорилось о могучих героях, огромных и сильных, как тигры, и бессмертных, но коварных существах: великанах-людоедах, жадных до золота гномах, злых феях. Мегги посветила фонариком на последнюю книжку – «Питер Пэн».

Вообще-то фея там тоже была не очень добрая, зато Мегги хорошо знала тот мир, что ждал ее в этой книге. И может быть, в такую темную ночь туда и стоило отправиться. За окном изредка ухал филин, но в деревне Каприкорна все спали, было тихо. Фенолио что-то пробормотал во сне и начал похрапывать. Мегги залезла под одеяло, достала из рюкзака свитер Мо и, сделав из него подушку, положила под голову.

– Пожалуйста, – прошептала она, открывая книгу, – забери меня отсюда хоть на часок, очень прошу.

За дверью что-то бурчал часовой. Может, ему было просто скучно. Деревянные половицы скрипели у него под ногами, а он все вышагивал перед запертой дверью.

– Унеси меня далеко-далеко! – снова зашептала Мегги. – Пожалуйста!

Она провела пальцем по строчкам на шершавой бумаге, устремляясь за буквами в дальнюю даль – в другое время и в другой дом, где не запирали дверей и где не было людей, одетых в черное.

«Минуту спустя после того, как фея появилась в детской, маленькие звездочки разом подули на окно, оно растворилось, и в комнату влетел Питер, – едва слышно читала Мегги. Казалось, она слышала скрип рам. – Ровно половину пути к дому Дарлингов он нес Динь-Динь на руках, поэтому он был весь обсыпан пыльцой, которой обычно посыпают себя феи».

Можно понять Сажерука, который так по ним скучает. Но сейчас это была запретная мысль. Не о нем следовало думать, а только о Динь-Динь, Питере Пэне и Венди, которая безмятежно спала в своей постельке и еще ничего не знала про странного мальчишку, влетевшего в ее комнату в диковинном платье из сухих листьев и прозрачной смолы.

«“Динь-Динь, – позвал он тихонько, после того как убедился, что ребята спят. – Динь, ты где?” Динь-Динь сидела в кувшине, и, надо сказать, ей это очень нравилось, потому что до сих пор ей никогда не приходилось попадать в кувшин с водой».

Динь-Динь. Мегги еще дважды прошептала ее имя: ей нравилось произносить имя феи – его звуки скатывались с губ, словно поцелуй.

«“Да вылезай ты из этого кувшина! Лучше скажи, ты нашла, куда они девали мою тень?” В ответ раздался нежный звон, как будто кто-то зазвонил в маленькие золотые колокольчики. Так говорят феи. Это их язык. Он такой тихий, что обычно ребята его не слышат».

«Если бы я умела летать, как Динь-Динь, – подумала Мегги, – то можно было бы просто влезть на подоконник и улететь. И не надо было бы бояться змей, и я нашла бы Мо прежде, чем он доберется сюда. Он, наверное, заблудился. А вдруг с ним что-то случилось?»

Мегги замотала головой, как будто хотела вытряхнуть тайные мысли.

«Динь-Динь сказала, что тень спрятана в большой коробке. Она

имела в виду комод. Питер подскочил к комоду, выдвинул один за другим все ящики и вышвырнул их содержимое на пол».

Мегги затаила дыхание. В комнате появилось какое-то светлое пятнышко, непонятный огонек. Она выключила фонарик, но огонек не пропал. Он был в тысячу раз ярче ночников.

«В один миг он нашел свою тень и так этому обрадовался, что не заметил, как задвинул ящик вместе с находившейся там…» – не дочитала Мегги. Теперь она следила за огоньком, который был намного больше светлячка и как сумасшедший метался по комнате.

– Фенолио! – окликнула Мегги. За дверью было тихо. Часовой, похоже, заснул. Мегги свесилась со своей кровати и дотянулась до старика. – Фенолио, смотри! – Она трясла его за плечо до тех пор, пока тот не проснулся.

Только бы она не улетела!

Поспешно спрыгнув на пол, Мегги так быстро захлопнула окно, что чуть не прищемила блестящее крылышко. Фея испуганно упорхнула. Мегги показалось, что из дальнего угла послышались проклятия.

Фенолио смотрел на порхающее создание сонными глазами.

– Что это? – с хрипотцой в голосе спросил он. – Светлячок-мутант?

Мегги, не спуская глаз с феи, метавшейся от окна к двери, как залетевшая в комнату испуганная птичка, вернулась к кровати и положила книгу на колени Фенолио.

– «Питер Пэн», – прочитал старик и перевел взгляд с книги на фею.

«Молоденькая фея величиной, ну, например, с вашу ладонь… Друзья за ее голосок, похожий на нежный звон колокольчика, привыкли называть ее Динь-Динь. Одевалась она в короткое платьице из ажурных листиков, которое ей, кстати сказать, очень шло и подчеркивало изящество ее фигурки».

– Я этого не хотела! – прошептала Мегги. – Честное слово!

А фея все билась и билась в оконное стекло.

– Нет! – бросилась к ней Мегги. – Тебе нельзя туда! Ну как тебе объяснить?

– Кто-то идет! – Фенолио так резко выпрямился, что ударился головой о верхнюю кровать.

Из коридора послышались шаги – быстрые, решительные. За окном была глубокая ночь. «Это Мо! – подумала Мегги. – Он

добрался!» И сердечко ее подпрыгнуло от радости.

– Спрячь ее! – прошептал Фенолио. – Да скорее же!

Мегги недоуменно взглянула на него. Ах да! Им нельзя видеть фею. Мегги попыталась ее поймать, но та упорхнула к потолку и притаилась там.

Теперь шаги были совсем рядом.

– Хорош сторож! – раздался за дверью голос Басты. Мегги показалось, что он пнул часового, чтобы разбудить его. – Отворяй сию секунду! Мне что тут, всю ночь торчать?

В замок вставили ключ.

– Да не тот! Идиот! Каприкорн велел привести к нему девчонку, и уж я доложу, почему ему пришлось ждать.

Мегги забралась на свою качающуюся кровать и осторожно выпрямилась.

– Динь-Динь, – шепотом позвала она, – прошу тебя, иди сюда!

Девочка протянула фее руку, но та вдруг метнулась к окну. В это мгновение открылась дверь и вошел Баста.

– А эта тут откуда? – спросил он, застыв у порога. – Давненько я таких летучек не видел.

Мегги и Фенолио ничего не ответили. Да и что тут можно было сказать?

– Даже не думайте играть в молчанку. – Баста снял куртку и, взяв ее в левую руку, медленно направился к окну. – Встань в дверях! – приказал он часовому. – Вдруг выскользнет! Упустишь – уши отрежу.

– Не трогай ее!

Мегги быстро спрыгнула с кровати, но Баста оказался проворнее. Он бросил куртку, и огонек феи погас, словно порыв ветра затушил свечку. Что-то слабо затрепыхалось под черной материей, когда куртка упала на пол. Баста осторожно поднял куртку и сложил ее как мешок.

– Ну-с, деточка, и откуда же взялась фея? – спокойно, но с угрозой в голосе спросил он, встав напротив Мегги.

– Не знаю, – тихо произнесла девочка, уставившись в пол. – Сама как-то появилась…

Баста бросил взгляд на часового.

– Ты видал когда-нибудь в нашей округе фей? – спросил он.

Часовой взял газету, на которой остались следы убитых мух, и, криво ухмыльнувшись, хлопнул ею по дверному косяку.

– Не приходилось, – ответил тот. – Но если б увидал, наверняка знал бы, что с ними делать!

– Эта мелюзга назойливей комаров, хотя, говорят, они счастье приносят. – Баста снова повернулся к Мегги: – Последний раз спрашиваю: откуда она взялась?

Вдруг Фенолио уронил книгу, и Мегги невольно взглянула на нее.

– Ничего себе! – удивился Баста, поднимая книгу и разглядывая обложку. Нарисованная на ней фея была очень похожа на Динь-Динь. Правда, Динь-Динь была немножко бледнее, чем фея на картинке, и поменьше ростом, но Баста конечно же сразу узнал ее. Он даже присвистнул и сунул книжку Мегги под нос. – Только не ври, что это старик вычитал ее оттуда! – сказал он. – Твоя работа. Могу поспорить на свой нож. Тебя отец научил или просто наследственность? Впрочем, не важно. – Он запихнул книгу под ремень и схватил Мегги за руку. – Идем, надо рассказать обо всем Каприкорну. Вообще-то он велел привести тебя на свидание с твоим старым знакомым, но, уверен, будет рад узнать такие волнующие новости.

– Папа пришел?

Мегги даже не сопротивлялась, когда Баста потащил ее за собой.

– Да нет, – сказал Баста с насмешкой. – Своя шкура ему, видать, дороже. Будь я на твоем месте, я бы обиделся на него.

Мегги испытала острое разочарование и одновременно облегчение.

– Должен признаться, он меня огорчил, – продолжал Баста. – Я ведь головой рисковал, настолько был уверен, что он придет. Но теперь мы и без него прекрасно обойдемся, верно? – Он встряхнул куртку, и Мегги показалось, что в ней что-то жалобно зазвенело. – Запри старика! – приказал Баста часовому. – Только попробуй еще спать на посту!

И он потащил Мегги вниз по лестнице.

Наказание для предателей

– А ты? – все допытывался Лобош. – Крабат, ты что, ничего не боишься?

– Боюсь. Больше, чем ты думаешь, – отвечал Крабат. – И не только за себя самого.

О. Пройслер. Крабат

Когда Мегги в сопровождении Басты шла через площадь перед церковью, ее тень, словно злой дух, следовала за ней по пятам. Луна в ярком свете прожекторов казалась блеклым бумажным фонариком.

В церкви было почти темно. Статуя Каприкорна выступала из полумрака, наполовину скрытая тенями, а между колоннами было так мрачно, будто сама ночь пряталась там от света прожекторов. Только над креслом Каприкорна висела одинокая тусклая лампа. В шелковом халате, переливавшемся в ее свете, как оперение павлина, он сидел со скучающим видом, откинувшись на спинку. Сорока, как всегда, стояла позади него, но при скудном освещении ее почти не было видно – лишь бледное лицо белело над воротом черного платья. В одной из бочек около лестницы горел огонь. От едкого дыма щипало в глазах, отсветы пламени плясали по стенам и колоннам – Мегги показалось, что в церкви пожар.

– Это последнее предупреждение, – услышала она голос Каприкорна, хотя говорил он негромко. – Накиньте тряпку на окно

комнаты, где спят его дети, и облейте ее бензином, чтобы капало! – приказал он Кокерелю, стоявшему у лестницы с двумя другими подручными. – Когда этого недоумка разбудит запах, возможно, до него наконец дойдет, что мое терпение подходит к концу.

Кокерель кивнул, принимая приказ, и, развернувшись на каблуках, велел подручным следовать за ним. Их лица были в саже, в петлице у каждого – красное петушье перо.

– А вот и дочка Волшебного Языка! – язвительно заметил Кокерель и, хромая, прошел мимо Мегги. – Надо же, папочка твой так и не явился за тобой? Видать, не очень-то он по тебе тоскует!

Двое сопровождавших расхохотались, а Мегги залилась краской.

– Наконец-то! – ворчливо сказал Басте Каприкорн, когда тот вместе с девочкой остановился у лестницы, ведущей к трону. – Почему так долго?

На лице матери Каприкорна промелькнуло подобие улыбки. Сорока оттопырила нижнюю губу, придав своему изможденному лицу довольное выражение, что встревожило Мегги гораздо сильнее, чем ее привычно мрачная физиономия.

– Часовой долго возился с ключом, – с обидой в голосе ответил Баста. – К тому же я ловил вот эту… – Он приподнял куртку.

Фея зашевелилась, изо всех сил стараясь освободиться.

– Что это такое? – раздраженно спросил Каприкорн. – Ты подрядился ловить летучих мышей?

Выслушав несправедливый упрек, Баста сжал губы, молча сунул руку под куртку и, сыпля проклятиями, вытащил фею.

– Чертовы летучки! – выругался он. – Я совсем забыл, как они больно кусаются!

Динь-Динь отчаянно била одним крылом, другое крепко сжимал Баста. Мегги не могла вынести этого зрелища. Ей было ужасно стыдно, что она выманила несчастную крошку из книги.

– С такими крыльями я еще не видел! – сказал Каприкорн, с отвращением глядя на фею. – Откуда она взялась?

Баста положил книгу про Питера Пэна на ступеньку лестницы.

– По-моему, вот отсюда, – сказал он, указывая на книгу. – Посмотри на обложку, да и внутри тоже она нарисована. Догадываешься, кто ее оттуда вычитал?

Баста, положив одну руку на плечо Мегги, другой с такой силой сжал Динь-Динь, что фея, словно рыба, выброшенная на сушу, стала ловить воздух ртом. Девочка попыталась скинуть руку Басты с плеча,

но тот только крепче вцепился в него.

– Неужели девчонка? – с недоверием в голосе спросил Каприкорн.

– Она самая. И кажется, у нее получается не хуже, чем у ее отца. Ты на фею посмотри! – Баста приподнял Динь-Динь, схватив за тонкие ножки. – Выглядит что надо и умеет делать все, что этим дурным летучкам положено: летает, ругается, динькает.

– Интересно. Очень интересно. – Каприкорн встал, потуже подпоясал халат и сошел вниз. – Так это у них, оказывается, семейное, – пробормотал он, поднимая книгу. Нахмурившись, он рассматривал обложку. – «Питер Пэн», – прочитал он. – Это же одна из тех книг, которые особенно ценил мой прежний чтец. Точно, я помню, как он зачитывал мне отрывки из нее. Он должен был выманить оттуда главаря пиратов по прозвищу Крюк, но ему это не удалось. Вместо Крюка в моей спальне оказались вонючие рыбешки да ржавый багор. Мы еще заставили его съесть всю эту рыбу в наказание.

Баста засмеялся:

– Ну да, но больше всего он огорчился оттого, что ты велел отобрать у него книги. А эту он, похоже, припрятал.

– Да, скорее всего. – Каприкорн, размышляя о чем-то, подошел к Мегги. Когда он приподнял ее подбородок, отчего взгляд девочки уперся в его бесцветные глаза, ей захотелось укусить его за руку. – Видишь, как она на меня смотрит, Баста? – насмешливо сказал он. – Так же упрямо, как ее отец. Оставь этот взгляд для папочки, детка. Ты ведь злишься на него, не так ли? Хотя, по правде, мне уже все равно, где он. Теперь ты будешь моим новым чтецом. Должно быть, ты возненавидела его за то, что он бросил тебя? Не стыдись своих чувств. Я и сам никогда не любил своего отца. – Каприкорн наконец выпустил ее подбородок, и Мегги сразу отвернулась. Лицо ее пылало от ярости и стыда, а на коже все еще чувствовались его пальцы, как будто от них остались синяки. – Баста объяснил, зачем ему было велено привести тебя среди ночи?

– Он сказал про какое-то свидание со старым знакомым. – Мегги пыталась говорить твердо и бесстрашно, но ком подступил к горлу, и все услышали лишь ее шепот.

– Верно!

Каприкорн жестом подал знак Сороке. Та кивнула и, спустившись по ступенькам, исчезла в темноте за колоннами.

Чуть погодя Мегги услышала странный скрип и, в испуге подняв глаза к потолку, увидела, как сверху, из тьмы, что-то опускается. Сеть… нет, две сети… Такие же, как рыбацкие. Метрах в пяти от пола, прямо над головой Мегги, они остановились, и только тогда девочка заметила людей, сидевших в них, совсем как птицы, попавшиеся в ловчие сети. Мегги стало дурно от одного взгляда на них. Каково же было этим несчастным?

– Узнаешь старого приятеля? – Каприкорн сунул руки в карманы халата.

Баста все еще держал Динь-Динь за ноги, и она висела в его руке, как сломанная куколка. В тишине были слышны ее робкие звоночки.

– Вот так поступают с подлыми предателями, которые воруют ключи и выпускают пленных, – с удовольствием проговорил Каприкорн.

Мегги даже не взглянула на него. Она смотрела только на Сажерука. Да, конечно, это был Сажерук.

– Привет, Мегги! – крикнул он ей сверху. – Ты что такая бледная? – Он изо всех сил старался говорить бодро, но в его голосе слышался страх. Что-что, а уж голоса Мегги хорошо различала. – Отец передает тебе привет! Он сказал, что скоро придет, и не один, и заберет тебя.

– Продолжай в том же духе, пожиратель огня! Глядишь, настоящим сказочником станешь! – крикнул ему снизу Баста. – Но в такую сказочку даже эта девчонка не поверит. Сочини что-нибудь получше!

Мегги смотрела на Сажерука не отрываясь, и ей так хотелось ему верить.

– Эй, Баста, да отпусти же наконец бедную фею! – крикнул Сажерук своему заклятому врагу. – Пусть летит сюда, ко мне, я давно таких не видел.

– Да уж, тебе бы только до них добраться! Не выйдет! Я ее себе оставлю, – ответил Баста и щелкнул Динь-Динь по носу. – Говорят, несчастья обходят стороной те домá, где держат фей. Посажу-ка я ее в большую бутыль из-под вина. Ты с этими летучками водил компанию, так расскажи, что они едят. Может, мухами ее накормить?

Динь-Динь предприняла отчаянную попытку освободиться, но, поскольку Баста крепко сжимал ее крыло и одновременно держал ее за ноги, она, как ни трепыхалась, вырваться не смогла. В конце концов она слабо динькнула и сдалась. Огонек ее едва теплился,

совсем как догорающая свечка.

– Ты не догадываешься, Сажерук, зачем здесь эта девчонка? – крикнул Каприкорн своему пленнику. – Я велел привести ее, чтобы она уговорила тебя рассказать, где ее отец. Хотя я сомневаюсь, что тебе что-то известно. Но теперь сведения о нем мне уже не нужны. Дочь займет место своего отца. А для тебя мне хочется придумать особенное наказание – нечто незабываемое! В конце концов, с предателями так и следует поступать. Соображаешь, к чему я клоню? Нет? Так я помогу. Моя новая чтица прочтет в твою честь отрывок из «Чернильного сердца». Ведь это же твоя любимая книга, верно? Правда, ты не любишь того, кого она должна оттуда выманить. Ее отец давно бы сделал это, если бы ты не помог ему сбежать. Теперь придется поработать девчонке. Ты понял, о ком я говорю?

Сажерук прижался к сетке щекой со шрамами.

– Конечно. Едва ли я забуду его, – еле слышно сказал он.

Из-за колонн вновь показалась Сорока.

– Разве только огнеглотателя следует наказать? – спросила она. – А как же наша немая голубка? Забыли о ней? Ведь ее предательство ничуть не меньше его. – Мать Каприкорна с нескрываемым презрением посмотрела на вторую сеть.

– Да уж… – с явным сожалением сказал Каприкорн. – Но ничего уже не изменишь.

Мегги не удалось разглядеть женщину, качавшуюся во второй сетке позади Сажерука. Ей были видны лишь пряди русых волос, синяя ткань платья и кисти рук, вцепившихся в веревки.

Каприкорн глубоко вздохнул.

– Ну почему тебе понадобилась именно она? – спросил он, обращаясь к Сажеруку. – Разве ты не мог уговорить любую другую служанку? Признаюсь, с тех пор как этот бездельник и халтурщик Дариус вычитал ее, я испытывал к ней привязанность, и меня вовсе не смущало, что она поплатилась своим голосом. Я даже наивно полагал, что, раз она немая, ей можно доверять. А ты помнишь, что раньше волосы у нее были как витое золото?

– Конечно, – прохрипел Сажерук, – но рядом с тобой они потускнели.

– Вздор! – Каприкорн гневно сморщил лоб. – Может, стоит попробовать пыльцу феи? Совсем немного такой пыльцы – и даже латунь становится похожей на золото. Вдруг это подходит и для женских волос?

– Овчинка выделки не стоит, – ехидно усмехнулась Сорока. – Впрочем, если ты хочешь, чтобы она хорошо смотрелась во время казни…

– С какой стати? – Каприкорн резко повернулся и пошел к лестнице.

Мегги посмотрела вверх, на незнакомку. Слова Каприкорна стучали в висках: «Волосы как витое золото… Халтурщик…» Нет, не может быть! Она не отрываясь смотрела вверх, тщетно стараясь разглядеть лицо женщины, но его закрывала черная тень.

– Итак, – сказал Каприкорн и, глубоко вздохнув, опустился в кресло, – сколько времени потребуется для приготовлений? В конце концов, для такого действа требуется надлежащее оформление.

– Два дня, если ты хочешь созвать людей из других крепостей, – ответила Сорока, поднимаясь по ступенькам и занимая свое место позади кресла.

Каприкорн наморщил лоб.

– Было бы нелишне. Действительно, самое время преподнести им надлежащий урок, а то в последнее время дисциплина что-то стала хромать. – Он посмотрел на Басту, и тот опустил голову, словно все проступки его подчиненных тяжким бременем лежали на его плечах. – Значит, послезавтра, – продолжал Каприкорн, – как только стемнеет. Дариусу придется провести с девчонкой пробное чтение. Надо, чтобы она вычитала что-нибудь еще, – стоит убедиться, что эта фея появилась не случайно.

Баста снова запихнул Динь-Динь в куртку. Больше всего на свете Мегги хотелось зажать руками уши, чтобы не слышать отчаянного диньканья феи. Девочка изо всех сил сжала губы, чтобы они не дрожали, и посмотрела на Каприкорна.

– Не буду я читать тебе! – твердо сказала она, и ее голос, ставший вдруг чужим, гулким эхом отозвался в церкви. – Ни единого словечка не прочитаю! Не буду я вычитывать тебе золото, а уж тем более… палача! – Мегги словно плюнула этим словом в лицо Каприкорну, но тот со скучающим видом крутил пояс своего халата.

– Отведи ее обратно! – велел он Басте. – Поздно уже, детям давно пора спать.

Баста пихнул Мегги в спину:

– Пошевеливайся!

Мегги в последний раз посмотрела на Сажерука, потом медленно пошла по проходу и еще раз взглянула наверх. Лицо незнакомки

по-прежнему закрывала тень, но девочке показалось, что она узнала глаза, тонкий нос… А если волосы вообразить более светлыми…

– А ну, давай живее! – прикрикнул Баста.

Мегги послушалась, но то и дело оборачивалась, глядя наверх.

– Я не буду читать тебе, обещаю! – крикнула она, остановившись в дверях церкви. – Ни за что!

– Не обещай того, чего не можешь выполнить! – проворчал Баста и, вытолкав Мегги из церкви, потащил ее через ярко освещенную площадь.

Черный конь ночи

БДВ наклонился, вытащил Софи из кармана и поставил на землю.

Она все еще была босиком и в ночной рубашке. Девочка поежилась и стала озираться кругом.

– Где мы? – спросила она.

– Мы в Стране Снов, – ответил БДВ. – Отсюда берут начало все сны.

Р. Даль. БДВ, или Большой и Добрый великан[13]

Фенолио лежал на кровати, но, когда Баста с силой втолкнул Мегги в дверь, сразу вскочил.

– Господи, что вы с ней сделали? – накинулся он на Басту. – Она же бледнее привидения!

Но Баста уже закрыл дверь.

– Тебя сменят через два часа, – услышала Мегги его слова, обращенные к часовому.

Фенолио обнял девочку, потом, чуть отстранившись, с тревогой посмотрел ей в глаза.

– Ну скажи хоть что-нибудь! Что им от тебя надо? Отец твой там?

– Они поймали Сажерука, – ответила Мегги, мотая головой. – И еще женщину.

---

[13] Перевод И. Шишковой.

– Какую женщину? Господи, ты бредишь?

Фенолио усадил Мегги на кровать и сел рядом.

– Мне кажется, она моя мама, – прошептала девочка.

– Твоя мама? – Фенолио в недоумении глядел на нее. Под глазами у него темнели круги от бессонной ночи.

Мегги с отсутствующим видом разглаживала на коленях грязное, мятое платье, ведь она уже столько дней спала не раздеваясь.

– Волосы у нее темные… – думая о чем-то своем, сказала Мегги. – У Мо есть фотография, она сделана почти десять лет назад… Каприкорн посадил их с Сажеруком в сеть. Послезавтра он собирается их казнить и заставляет меня вычитать кого-то из «Чернильного сердца»… какого-то друга… Я тебе рассказывала. От Мо они тоже добивались, чтобы он его выманил, а ты не хотел говорить, кто это. Теперь ты должен сказать! – Она умоляюще посмотрела на Фенолио.

– Господь всемилостивый! – пробормотал старик и закрыл глаза.

За окном было еще темно. Луну, застывшую в небе прямо напротив их окна, закрыло облако, похожее на истрепавшееся платье Мегги.

– Я расскажу тебе завтра, – тихо произнес Фенолио. – Обещаю.

– Нет, сейчас!

– Ночью? – посмотрел он на нее, раздумывая. – Это не сказка. Боюсь, тебе приснится кошмарный сон.

– Расскажи! – умоляла Мегги.

– Боже, – вздохнул Фенолио, – ты смотришь на меня, как мои внуки… Ну что ж… – Он помог Мегги залезть на верхнюю кровать, подложил ей под голову отцовский свитер и, укрыв, заботливо подоткнул одеяло. – Эти строки из «Чернильного сердца» я помню почти наизусть, когда-то я ими очень гордился… – Фенолио откашлялся и зашептал: – «Но было еще нечто, чего боялись больше, чем людей Каприкорна, и называли Тенью. Тень являлась только по зову Каприкорна и была то красной, как огонь, то серой, как пепел, в который огонь превращает все, что пожирает. Подобно языкам пламени, вспыхивающим в костре, она пробивалась из земли. Пальцы ее и ее дыхание несли смерть. Тень, безмолвная и безликая, вырастала у ног своего господина и, принюхиваясь, как гончая, идущая по следу, ждала, когда хозяин укажет ей жертву». – Фенолио провел ладонью по лбу и отвернулся к окну. Помолчав, он заговорил снова, через силу вспоминая давно написанные им строки. –

«Рассказывали, что Каприкорн приказал кому-то из кобольдов или гномов, искусных во всем, что связано с огнем, сотворить Тень из пепла его жертв. Никто не знал наверное, но ходили слухи, что Каприкорн умертвил тех, кто вызвал Тень к жизни. Как и ее хозяин, Тень была бессмертна и безжалостна». – Фенолио замолчал. Мегги смотрела в темноту. Сердце ее колотилось. – Знаешь, Мегги, – совсем тихо произнес старик, – думаю, ты должна будешь вызвать Тень. И боже упаси, если тебе это удастся. В мире много чудовищ, человек, если вдуматься, один из них, но все они смертны. Видит бог, сочиняя книгу, я меньше всего хотел, чтобы по земле разгуливал, сея повсюду страх и ужас, бессмертный монстр. Помнишь, я тебе рассказывал про одну идею твоего отца? Вероятно, это наш единственный шанс, хотя и неизвестно, что из этого выйдет. Мне надо все обдумать, времени у нас мало. Ложись поспи. Так ты говоришь, казнь состоится послезавтра?

Мегги кивнула.

– Как только стемнеет, – прошептала она.

Фенолио устало прикрыл рукой глаза.

– А о той женщине не думай, – сказал он. – Может, мои слова покажутся тебе неприятными, но она вряд ли может быть твоей мамой. Даже если тебе этого очень хочется. Откуда ей здесь взяться?

– Дариус! – Мегги уткнулась лицом в свитер Мо. – Он скверный чтец. Каприкорн сказал: Дариус вычитал ее, но у нее пропал голос, она онемела. Я уверена, это она. Она вернулась, а Мо об этом даже не догадывается. Он все еще думает, что она по-прежнему в книге…

– Я бы очень хотел, чтобы она там и оставалась, если, конечно, ты права, – вздохнув, сказал Фенолио и снова укрыл Мегги. – Но мне почему-то кажется, что ты ошибаешься. Впрочем, ты вольна верить во что хочешь! А теперь спи.

Но Мегги не могла сомкнуть глаз. Она лежала, отвернувшись к стене, и пыталась разобраться в своих ощущениях. В ее душе радость и тревога смешивались, как разноцветные краски. Всякий раз, когда она закрывала глаза, ей представлялись лица за веревочными сетками – лицо Сажерука и то, другое, нечеткое, как на старом, пожелтевшем снимке. Как ни пыталась Мегги разглядеть его, оно все время расплывалось.

За окном уже начало брезжить утро, когда ей наконец удалось заснуть. Часы предрассветных сумерек быстро росли, из секунд сплетая вечность, но страшные сны не растворились вместе с ночью.

Мегги снились все чудища, какие только встречались ей в царстве книг: одноглазые великаны и гигантские пауки, трехглавые псы и ведьмы, глодавшие косточки детей. Страшилища вылезали из сундука, который сделал для нее Мо, соскальзывали со страниц любимых книг, выползали даже из тех книжек с картинками, которые Мо дарил ей, когда она еще не умела читать. Страшные и косматые, они плясали, улыбаясь во всю пасть и обнажая мелкие острые зубы. Там был Чеширский Кот, которого она до смерти боялась, и Сорванцы, которые так нравились Мо, что он даже повесил в мастерской картинку, где они были нарисованы. Какие у них огромные зубы! Они в два счета перекусили бы Сажерука, словно хрустящий тост! Но когда один из них, с глазами размером с тарелку, выпустил острые когти, из пустоты возникло нечто безликое и безымянное, серое, как пепел, и потрескивавшее, как огонь. Оно схватило Сорванца и разорвало его на мелкие клочки.

– Мегги!

Страшилища тут же исчезли. В лицо ей светило солнце, и Фенолио стоял рядом с ее кроватью.

– Это был всего лишь сон.

Старик выглядел так, будто не спал всю ночь, и от усталости морщин на его лице стало еще больше.

– Где же Мо, Фенолио? – спросила она. – Ну почему он все не идет?

Фарид

Разбойники бесчинствовали на проселочных дорогах, по обыкновению нападая на одиноких путников. Они грабили караваны с богатыми товарами, разоряли деревни и города, не давая покоя мирным жителям, и всякий раз прятали добычу в своем тайнике – неприметном, надежно укрытом месте, подальше от людских глаз.

Али-Баба и сорок разбойников

Фарид сверлил взглядом темноту, и у него уже болели глаза, но Сажерук все не возвращался. Среди ветвей мальчику даже стало мерещиться его покрытое шрамами лицо, а в опавшей листве слышался едва уловимый шорох его беззвучных шагов. Но Сажерук не появлялся.

Фарид привык вслушиваться в ночь. Много, бесконечно много ночей провел он так, научившись больше верить своим ушам, нежели глазам. В той, другой жизни, где мир вокруг него был не зеленым, а песочно-коричневым, глаза могли подвести его, уши – никогда.

Однако в ту ночь, самую длинную в его жизни, Фарид напрасно вслушивался. Сажерук так и не вернулся. На рассвете, когда над холмами прояснилось, Фарид пошел к пленникам, чтобы дать им воды, немного сухарей и оливок.

– Ну же, Фарид, развяжи нас! – сказал Волшебный Язык, когда мальчик протянул ему сухарь. – Сажерук давно должен был вернуться, ты ведь и сам это знаешь.

Фарид молчал. Ему было приятно слушать голос человека, который выманил его из прежней безрадостной жизни. Но Сажерука, сам не зная почему, мальчик любил больше, а Сажерук поручил ему сторожить пленников. Но развязывать их он не велел.

– Ты же умный мальчик! – сказала женщина. – Ну на минуточку попользуйся головой по назначению, а? Хочешь, чтобы сюда явились люди Каприкорна и нашли нас всех? То-то будет картина: мальчик, охраняющий двух связанных взрослых, которые не могут пошевелить ни рукой, ни ногой, чтобы ему помочь. Да они со смеху умрут.

Как бишь ее зовут? Ах да! Э-ли-нор. Фарид никак не мог запомнить это имя. Оно тяжело лежало на языке, словно как камень-голыш, и было похоже на имя волшебницы из далекой

страны. Мальчик стеснялся ее: она смотрела на него как мужчина – беззастенчиво и бесстрашно, да и голос у нее иногда становился как рык льва…

– Нам нужно вниз, в деревню, Фарид! – пытался убедить его Волшебный Язык. – Мы должны выяснить, что случилось с Сажеруком и с моей дочерью.

Ну да… Девочка с ярко-синими, как небо, глазами и темными пушистыми ресницами… Фарид бездумно чертил палочкой по земле.

– Наверное, он нас не понимает! – сказала Элинор.

Фарид кинул на нее сердитый взгляд:

– Я все понимаю!

Он прекрасно их понимал, как будто никогда не говорил на другом языке. Ему вспомнилась красная церковь. Фарид раньше никогда не видел таких зданий, и Сажерук объяснил ему, что раньше это была церковь. Он вспомнил человека с ножом. Таких людей в его прежней жизни было много. Все они очень любили свои длинные ножи и с их помощью совершали ужасные вещи.

– Ты же сбежишь, если я развяжу тебя. – Фарид нерешительно смотрел на Мо.

– Не бойся, не сбегу. Или ты и правда думаешь, что я оставлю свою дочь у Басты и Каприкорна?

Да, это их имена. Баста и Каприкорн. Человек с ножом и человек с бесцветными, водянистыми глазами – разбойник и убийца. Фарид знал о нем все – по вечерам у костра Сажерук о многом ему рассказывал.

– Лучше пойду я, – сказал Фарид, с такой силой воткнув в землю палочку, что она сломалась. – Я умею украдкой проникать в чужие деревни, дома и даже дворцы. Так я раньше зарабатывал на жизнь. Ты же знаешь.

Мо кивнул.

– Они всегда посылали меня, – продолжал Фарид. – Кто заподозрит худющего мальчишку? Я мог все разведать: когда меняются часовые, где легче скрыться, где живет главный богатей города. Если все проходило гладко, они давали мне еду. А если что-то было не так – били, как собаку.

– Они? – спросила Элинор.

– Разбойники, – ответил Фарид и стал смотреть вниз на деревню, на крыши домов, освещенные первыми лучами солнца.

– Ладно, – сказал Мо, – может, ты и прав. Иди и все разузнай,

только сначала развяжи нас, ведь если они тебя поймают, мы не сможем тебе помочь. И потом, если вдруг появится змея, хочется, чтобы руки были свободны.

Элинор испуганно оглянулась, как будто и вправду услышала, как ползет змея. Фарид вглядывался в лицо Мо, пытаясь понять, могут ли его глаза доверять этому человеку, ведь уши и так ему верили. Наконец, не проронив ни слова, он вытащил из-за пояса нож, подаренный ему Сажеруком, и разрезал связывавшие пленников веревки.

– Слава богу! – воскликнула Элинор, растирая затекшие руки и ноги. – Все тело онемело, стало как деревянное, ничего не чувствую. А ты как, Мортимер? Разогнуться можешь?

Фарид глядел на нее с любопытством.

– Ты совсем не похожа на его жену. Ты его мать? – спросил он, указывая на Мо.

Лицо Элинор покрылось красными пятнами.

– Да ты что? Как ты мог подумать такое? Неужели я выгляжу как старуха? – Но, осмотрев свои ноги, она согласилась: – А впрочем, возможно. Но как бы то ни было, я ему не мать. И Мегги я не мать, если тебе такое взбредет в голову. Мои дети были из бумаги и чернил. А этот, – кивнула она вниз, где сквозь листву краснели черепичные крыши деревни Каприкорна, – велел их убить. Но он раскается, уж поверь мне.

Фарид изумленно уставился на нее. Он никак не мог представить себе, что Каприкорн испугается женщины, которая задыхалась, поднимаясь в горку, и боялась змей. Нет, если человек с бесцветными глазами и боялся чего-то, то только смерти. Но ее боятся все. А по виду Элинор можно было точно сказать, что она не способна на убийство. Как и Волшебный Язык.

– А где же мать девочки? – робко спросил Фарид.

Мо погасил костер и взял еще сухарей – несколько кусочков лежали между закопченными камнями.

– Ее уже давно нет, – сказал он. – Мегги было тогда три года. А где твоя мать?

Пожав плечами, Фарид взглянул на небо. Оно было таким ярко-синим, как будто ночи вовсе не было.

– Ну, я пойду, – сказал он и, спрятав нож, потянулся за рюкзаком Сажерука.

Гвин спал неподалеку от них, уютно свернувшись между

корнями дерева. Фарид поднял его и стал запихивать в рюкзак. Куница стала сопротивляться, но мальчик почесал ее за ухом и завязал рюкзак.

– Зачем он тебе? – удивленно спросила Элинор. – Его запах выдаст тебя.

– Пригодится, – ответил Фарид, запихивая кончик пушистого хвоста, торчавший из рюкзака. – Он умный. Умнее собаки и верблюда. Он понимает, что ему говорят, и поможет найти Сажерука.

Мо, порывшись в карманах, достал клочок бумаги.

– Фарид, не знаю, сумеешь ли ты выяснить, где они держат Мегги, – сказал он и огрызком карандаша быстро написал что-то на бумажке, – но попытайся передать ей вот это.

Фарид взял листок и повертел его в руках.

– Что тут написано? – спросил он.

Элинор выхватила у него записку.

– Черт побери, Мортимер! – воскликнула она. – Какая-то китайская грамота!

Мо улыбнулся:

– Это наш тайный шифр. Так мы с Мегги писали друг другу письма. Она владеет мастерством тайнописи гораздо лучше меня. А ты разве не узнаешь этот шифр? Мы позаимствовали его из одной книги. Я написал: «Не волнуйся, мы рядом, скоро заберем тебя. Мо, Элинор, Фарид». Эту записку не сможет прочесть никто, кроме Мегги.

– Ну ладно, – пробормотала Элинор, возвращая Фариду записку. – Если она попадет в чужие руки, наверное, так будет лучше – вдруг кто-нибудь из этих бандитов все же умеет читать.

Фарид, сложив записку так, что она стала размером с мелкую монету, спрятал ее в карман.

– Я вернусь, когда солнце дойдет вон до того холма, – сказал он. – А если нет…

– …То я пойду тебя искать, – закончил за него Мо.

– И я тоже, – присоединилась Элинор.

Не сказав больше ни слова, Фарид пошел той же дорогой, какой уходил Сажерук в ту ночь, когда он исчез так внезапно, как будто его поглотили привидения, дожидавшиеся в темноте.

Мех на подоконнике

И лишь язык защищает нас от страха перед тем, чему нет названия.

Т. Моррисон. Нобелевская лекция 1993 г.

Утром Плосконос принес Мегги и Фенолио завтрак. Правда, кроме хлеба и маслин, которые им обычно давали, он, криво улыбнувшись, поставил на стол кофейник, корзинку с фруктами и тарелку пирожных. Мегги совсем не понравилась ухмылка Плосконоса.

– Это для тебя, принцесса! – сказал он и ущипнул девочку за щеку толстыми пальцами. – Чтобы подкрепить твой голосок. В деревне такое оживление из-за предстоящей казни! Я всегда говорил: должно быть в жизни что-то еще, кроме вешания дохлых петухов и стрельбы по кошкам.

Фенолио посмотрел на Плосконоса с таким отвращением, будто никак не мог поверить, что такого мерзавца сотворило его перо.

– Я серьезно! Давненько у нас не было прилюдных казней! – рассуждал Плосконос, направляясь к двери. – Каждый раз, когда нужно было кого-то убрать, делали это незаметно, чтобы выглядело как несчастный случай. А удовольствие в этом какое? Да никакого. Не то что в старые добрые времена – застолье с выпивкой, танцы, музыка… Но на этот раз все будет как полагается.

Фенолио чуть не поперхнулся кофе.

– Ты что, не рад это слышать? – с издевкой спросил Плосконос. – Уж поверь, Каприкорн устроит из этой казни настоящее зрелище!

– Уж лучше б ты молчал, – пробормотал несчастный Фенолио.

Тут раздался стук в дверь, и в комнату робко заглянул Дариус.

– Простите, – сказал он и посмотрел на Плосконоса. В глазах чтеца был тот же страх, что и у птички, которой нужно ускользнуть от голодной кошки. – Каприкорн… приказал мне послушать, как девочка читает…

– Ну заходи! Может, хоть сегодня она вычитает что-нибудь дельное. Баста показывал мне ту фею. Так у нее даже пыльцы нет, уж как мы ее ни трясли. – Плосконос бросил на Мегги взгляд, в котором отвращение смешивалось с почтением. Похоже, он принимал ее за ведьму. – Постучи потом, я тебя выпущу, – сказал он, выходя из комнаты.

Дариус кивнул и, потоптавшись в дверях, смущаясь, сел за стол.

Он так жадно смотрел на фрукты, что Фенолио пододвинул ему корзинку. Дариус нерешительно взял абрикос и с таким благоговением положил его в рот, как будто знал, что уж никогда больше ему не придется отведать такого лакомства.

– Это всего лишь абрикос! – с иронией воскликнул Фенолио. – Не очень редкий фрукт в этих местах.

Дариус несмело выплюнул в ладонь косточку.

– Когда меня держали взаперти в этой комнате, – сказал он, – мне давали только черствый хлеб. И книги мои отобрали. Правда, некоторые мне все же удалось спрятать, и, когда от голода урчало в желудке, я разглядывал картинки в этих книжках. На самой красивой были нарисованы абрикосы. Иногда я часами смотрел на них и только облизывался. С тех пор, когда я их вижу, не могу ничего с собой поделать.

Мегги, протянув Дариусу еще один абрикос, спросила:

– Они тебя часто запирали?

– Почти каждый раз, когда я неудачно читал, – пожав худыми плечами, ответил он. – Ну… практически всегда. Но потом они перестали меня запирать, потому что, наверное, поняли, что от страха, который они мне внушают, я все равно не могу читать лучше. Даже наоборот… – Дариус нервно оглянулся на дверь и прошептал: – Например, Плосконоса я вычитал, когда рядом стоял Баста с ножом. И вот что из этого получилось… – Он снова пожал плечами.

Мегги посмотрела на него с сочувствием и дрожащим от волнения голосом спросила:

– А женщин ты тоже вычитывал?

Фенолио бросил на нее обеспокоенный взгляд.

– Приходилось, – ответил Дариус. – Я вычитал Мортолу. Она уверяет, что я превратил ее в старуху, которая при каждом шаге скрипит, как несмазанная телега. Но мне кажется, что с ней-то я как раз мало что напутал. Слава богу, Каприкорн тоже так считает.

– А молодых женщин тебе приходилось вычитывать? – спросила Мегги, глядя куда-то в пространство.

– Уж лучше и не вспоминать! – вздохнул Дариус. – Это было в тот же день, когда я вычитал Мортолу. Каприкорн поселился тогда на севере в старом, заброшенном доме в горах. Я жил неподалеку вместе со своей сестрой, работал учителем. Мне нравилось читать вслух, и в свободное время я читал в школе или в библиотеке, а летними вечерами на площади или в кафе. – Он задумчиво посмотрел в окно,

наверное вспомнив то счастливое время. – Как-то раз на деревенском празднике, где я читал, кажется, «Доктора Дулиттла», меня заметил Баста. После праздника он поймал меня и, как бродячую собаку, привел к Каприкорну. Сначала Каприкорн велел мне, как и твоему отцу, вычитывать ему золото. – Дариус грустно улыбнулся Мегги. – Потом приказал вывести ему Мортолу, а затем служанок. Мне было так жалко их! – Дрожащими руками Дариус передвинул очки на лоб. – Я ужасно боялся и не мог хорошо читать. Каприкорн дал мне три попытки. – Дариус всхлипнул, закрыв лицо костлявыми, как у старика, руками.

Мегги не сразу решилась задать следующий вопрос.

– А служанка, которую зовут Реза, тоже была среди них? – помявшись, все-таки спросила Мегги. Сердце ее бешено забилось.

Дариус убрал руки от лица.

– Да, хотя она вышла случайно, в книжке даже имени ее не было. Каприкорн вообще-то требовал другую женщину, но, когда появилась Реза, я даже подумал, что на этот раз сделал все как надо. Она была настоящая красавица с золотыми волосами и грустными глазами… Но потом стали замечать, что она не может говорить. Хотя Каприкорну, по-моему, было все равно. – Дариус вынул из кармана мятый носовой платок. – У меня раньше лучше получалось, – снова всхлипнул он. – Можно еще один? – Грустно улыбнувшись, он взял из корзинки абрикос. Съев его и вытерев рукавом губы, он откашлялся и посмотрел на Мегги. За стеклами очков его глаза казались странно большими. – Ты уже знаешь, что на этом… празднике… который собирается устроить Каприкорн, тебе придется читать вслух «Чернильное сердце», – сказал он, потупив глаза и водя пальцем по краю стола. – Книга хранится в тайном месте, о котором знает только Каприкорн. Но он хочет проверить твой талант, поэтому нам потребуется другая книга. Слава богу, в этой деревне еще остались книги, правда, немного, но мне велели выбрать одну. – Подняв голову, Дариус слегка улыбнулся Мегги. – Каприкорн не стал требовать вычитать ему золото или что-нибудь в этом роде. Ему просто надо убедиться в твоих способностях, поэтому я выбрал вот эту. – Дариус достал небольшую книжку и положил ее на стол.

– «Ханс Кристиан Андерсен. Сказки», – прочитала Мегги на обложке и, взглянув на Дариуса, добавила: – Замечательная книжка.

– Да, – согласился тот. – Сказки Андерсена очень хорошие, но такие печальные. – Обойдя вокруг стола, он раскрыл книгу с

пожелтевшими страницами в том месте, где была заложена длинная травинка. – Сначала я выбрал свою любимую сказку про соловья. Ты читала ее?

Мегги кивнула.

– Потом я вспомнил ту фею, которую ты вычитала вчера. Ей плохо приходится в бутылке, в которую ее посадил Баста, – продолжал Дариус. – Поэтому я подумал: может, стоит почитать про оловянного солдатика?

Мегги молчала. Стойкий оловянный солдатик в бумажном кораблике… Она вдруг вообразила: вот он стоит перед ней около корзинки с фруктами.

– Нет! – сказала Мегги. – Я ничего не буду вычитывать Каприкорну. Даже для пробы! Я же ему говорила! Скажи ему, что я пробовала, но ничего не вышло.

Глаза Дариуса светились сочувствием.

– Я бы с радостью, но Сорока… – Он поспешно зажал рот рукой. – Ой, простите, я имел в виду госпожу Мортолу. Ты будешь читать ей. Мне было велено лишь выбрать отрывок из книги.

Мегги представила себе птичьи глазки этой особы.

«А если нарочно прикусить себе язык?» – подумала она, вспомнив, как однажды нечаянно так сильно прикусила его, что он распух и они с Мо два дня объяснялись жестами. Она оглянулась на Фенолио.

– Сделай, что они велят, – сказал тот, чем очень удивил ее. – Согласись читать старухе, но с условием, что ты оставишь оловянного солдатика себе. Скажи, что тебе скучно и ты хочешь с ним поиграть. А еще скажи, что хочешь рисовать, и попроси бумагу и карандаши. Поняла? Важно, чтобы она согласилась на это, а там видно будет.

Мегги не понимала, зачем все это нужно, но спросить Фенолио не успела: дверь отворилась и в комнату вошла Сорока.

Увидев ее, Дариус так быстро вскочил, что столкнул со стола тарелку Мегги.

– Ох, прости, прости! – промямлил он, подбирая костлявыми пальцами осколки, и так поранил большой палец, что кровь закапала на деревянный пол.

– Вставай, недоумок! – в сердцах прикрикнула Мортола. – Ты показал ей книгу, которую она должна читать? – Дариус кивнул и уставился на порезанный палец. – Тогда пошел прочь! Ступай на

кухню помогать служанкам щипать кур.

Дариус скривился от отвращения, но перечить не посмел и, бросив на Мегги сострадательный взгляд, молча поклонился и исчез за дверью.

Сорока посмотрела на Мегги и нетерпеливо сказала:

– Начинай, да читай как следует! С выражением!

Мегги придвинула к себе книгу.

– «…Солдатик полетел головой вниз с третьего этажа – только в ушах засвистело! Минута – и он уже стоял на мостовой кверху ногой: голова его в каске и ружье застряли между камнями мостовой»[14]. – Мегги вычитала оловянного солдатика.

Ей показалось, что он просто упал с потолка.

Сорока схватила его и стала разглядывать, потом сунула в карман кофты, связанной из грубой шерсти.

– Можно я возьму его себе? – робко спросила Мегги.

Сорока остановилась в дверях и посмотрела на девочку своими птичьими глазами.

– Зачем он вам? – запинаясь, сказала Мегги. – Я бы играла с ним, а то мне здесь скучно. Ну пожалуйста, оставьте его мне!

– Получишь его, если Каприкорн разрешит! – сказала Сорока и ушла.

– Бумага! – воскликнул Фенолио. – Ты забыла про бумагу и карандаш!

– Извини! – пробормотала Мегги.

Она не забыла про бумагу. Она просто не решилась обратиться к Сороке еще с одной просьбой. У нее и без того сердце колотилось так, что казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

– Ну что ж, тогда мне придется раздобыть их каким-нибудь другим способом, – сказал Фенолио. – Вот только каким?

Мегги подошла к окну и, прислонившись лбом к стеклу, стала смотреть, как служанки Каприкорна пололи и подвязывали помидоры.

«Интересно, что сказал бы Мо, если бы узнал, что я тоже так умею? – думала она. – “Кого ты вычитала, Мегги? – спросил бы он. – Бедняжку Динь-Динь и стойкого оловянного солдатика?”»

– Да, – пробормотала Мегги, рисуя пальцем на стекле невидимую букву «М». – Бедная фея, бедный оловянный солдатик, бедный

---

[14] Здесь и далее перевод А. Ганзен.

Сажерук и… – Снова подумав о той женщине с темными волосами, она прошептала: – Реза… Тереза.

Это было имя ее матери.

Вздохнув, Мегги отвернулась от окна, но в последний момент краем глаза заметила, как с той стороны окна, с улицы, из-под карниза выглядывает пушистая мордочка. Мегги отпрянула. Разве крысы могут лазать по стенам домов? Но это была не крыса. У этого существа мордочка слишком курносая для крысы. Мегги снова прижалась лбом к стеклу.

Гвин!

Куница сидела на узком подоконнике и сонно смотрела на нее.

– Эврика! – услышала она голос Фенолио. – У меня идея! Бумагу нам раздобудет Баста.

Мегги очень медленно открыла окно, чтобы Гвин от испуга не упал вниз на булыжники, которыми был вымощен двор. Упади он с такой высоты, от него бы мокрого места не осталось. Мегги дрожащими пальцами погладила Гвина по спине, схватила его и быстро втащила в комнату. Зверек лишь лязгнул острыми зубками, не успев цапнуть ее за руку. Девочка осторожно посмотрела вниз – никто ничего не заметил: служанки Каприкорна, согнувшись до земли, в мокрых от пота платьях пололи грядки на палящем солнце.

Под ошейником Гвина была спрятана запылившаяся записка, которую кто-то привязал кусочком веревки, сложив много-много раз.

– Зачем ты открыла окно? На улице такая же жара, как и в комнате! Мы… – Фенолио, не договорив, застыл на месте и удивленно смотрел на зверька, сидевшего на плече Мегги.

Девочка сделала предостерегающий жест, приложив палец к губам, потом, прижав упиравшегося Гвина к себе, достала из-под ошейника записку. Куница стала угрожающе цокать и попыталась схватить ее за палец – она не любила, когда ее долго удерживали, и кусала за это даже Сажерука.

– Что это у тебя? Крыса? – Фенолио, стряхнув оцепенение, подошел поближе. Мегги отпустила куницу, и та снова прыгнула на подоконник. – Куница! – воскликнул Фенолио. – Откуда она тут взялась?

Мегги тревожно посмотрела на дверь. Слава богу, часовой ничего не услышал. Фенолио, зажав рот, изучал Гвина с таким изумлением, что Мегги едва удержалась от смеха.

– У нее рога! – прошептал он.

– Так ведь это ты придумал ее таким!

Гвин сидел на подоконнике, недовольно шурясь на солнце: обычно днем он спал. Так как же он попал сюда?

Мегги выглянула из окна, но, кроме служанок, никого во дворе не увидела. Она отошла подальше от окна и стала читать записку.

– От твоего отца? – Фенолио заглянул ей через плечо.

Мегги кивнула, сразу узнав его почерк. Сердце у нее запрыгало от радости. Она следила глазами за буквами с такой тоской, как будто они были тропинкой, в конце которой ее ждал Мо.

– Что это за галиматья? – проворчал Фенолио. – Невозможно прочитать!

– Это по-эльфийски! – улыбнувшись, прошептала Мегги. – После того как я прочитала «Властелина колец» и узнала про руны, мы с Мо стали использовать их как тайнопись. Но Мо немножко разучился ими писать, наделал столько ошибок.

– Ладно, а что там все-таки написано?

Мегги прочитала записку вслух.

– Фарид? Это еще кто?

– Мальчик. Ты видел его. Мо вычитал его из «Тысячи и одной ночи». Он был с Сажеруком, когда тот убежал от тебя.

Мегги сложила записку и снова выглянула в окно. Одна из служанок, разогнув спину, стряхивала с рук землю и задумчиво смотрела на высокую стену, словно мечтала вырваться на волю, птицей перелетев через нее.

Как же Гвин попал сюда? Неужели сам нашел дорогу? Это было невероятно. Кто-то ему помог.

Мегги спрятала записку в рукаве. Гвин так и сидел на подоконнике. Сонно щурясь, он вытянул шею и принюхивался – может, чуял голубей, которые иногда садились на окно.

– Покорми его хлебом, чтобы не сбежал, – шепотом попросила Мегги Фенолио и стащила с кровати свой рюкзак.

Где же ручка? И карандаш куда-то подевался. Ах, вот он. Один огрызок и остался. Но где взять бумагу? Она вытащила из-под матраса какую-то книгу Дариуса и аккуратно оторвала страничку форзаца. Никогда в жизни она не позволяла себе ничего подобного, но сейчас это было необходимо.

Она опустилась на колени и прямо на полу принялась писать ответ, умело выводя эльфийские руны. Их она могла написать даже с закрытыми глазами самой темной ночью.

«Мы в порядке. Я тоже так умею, Мо! Я вычитала Динь-Динь, а завтра вечером Каприкорн велел мне вычитать Тень из «Чернильного сердца», чтобы она уничтожила Сажерука».

Она ничего не написала ни о Резе, ни о том, что, возможно, видела свою мать, которой, если никто не помешает Каприкорну, осталось жить всего два дня. Такие новости не могли уместиться даже на самой большой бумаге.

Гвин грыз хлеб, который дал ему Фенолио. Мегги сложила записку и привязала ее к ошейнику зверька.

– Будь осторожен! – прошептала она ему и бросила остатки хлеба во двор.

Куница легко сбежала вниз по стене. Одна из служанок вскрикнула, когда она проскочила у нее под ногами. Она прокричала остальным женщинам что-то про кур Каприкорна, но зверька уже и след простыл.

– Значит, твой отец пришел за тобой! – прошептал Фенолио и встал рядом с Мегги у открытого окна. – Он где-то там, за стеной, – сощурился старик, глядя на солнце. – Все будет хорошо, я же говорил. И оловянного солдатика тебе отдадут. А теперь, – сказал он, – не грех воспользоваться тем, что Баста такой суеверный. Какая удача, что я придумал ему этот маленький недостаток!

Мегги не понимала, о чем он говорит. Она думала только об одном: Мо здесь.

Темное место

– Джим, приятель, – прохрипел Лукас, – короткой была наша поездка. Жаль, что теперь тебе придется разделить мою участь.

Джим вздохнул.

– Мы же с тобой друзья, – тихо ответил он и прикусил нижнюю губу, чтобы она не дрожала.

М. Эйде. Джим Пуговка и Лукас-машинист

Сажерук думал, что Каприкорн до самой казни оставит их в этой проклятой сетке, но они провисели в ней только одну ночь, которая показалась ему бесконечной. Ранним утром, как только первые солнечные лучи коснулись стен церкви, Баста приказал спустить их. Сажерук со страхом в душе подумал, что Каприкорн решил избавиться от них как можно быстрее, и не мог справиться с дрожью в ногах. Он не понимал, почему так дрожат колени – от страха или оттого, что он провисел ночь в сетке. Даже почувствовав под собой каменный пол, он едва держался на ногах.

– Я бы с удовольствием оставил тебя болтаться наверху, – сказал ему Баста, пока его люди вытаскивали Сажерука из сетки, – но Каприкорн решил запереть вас в склеп, чтобы остаток своей короткой жизни вы провели там.

Сажерук почувствовал облегчение – хоть на шажок, но смерть все-таки отступила.

– Каприкорн, наверное, злится оттого, что кто-то знает о его грязных планах, которые он обсуждает с вами, – сказал он. – А может, он просто хочет, чтобы до эшафота мы дошли своими ногами?

Проведи Сажерук еще одну ночь в сетке, он вообще забыл бы, что такое ноги. Превозмогая боль, он спускался за Бастой по лестнице в склеп неуверенной, словно у старика, походкой. Реза тоже шла спотыкаясь – ей, бедняжке, было еще хуже. Когда она поскользнулась на ступеньке, Баста подхватил ее под руку, но она вырвалась и посмотрела на него с такой ненавистью, что он больше не прикасался к ней.

В церковном склепе было сыро и холодно даже в такую жару, какая стояла в эти дни, когда от солнца на крышах плавилась черепица. В подвале старой церкви пахло мышами, плесенью и еще

чем-то – Сажерук не мог распознать этот запах. Поселившись в заброшенной деревне, Каприкорн велел забрать решетками узкие клетушки, где в каменных гробах покоились давно умершие священники. «Для тех, кто приговорен к казни, гробы – самая подходящая постель», – заметил он смеясь. Юмор у него был особенный.

В конце лестницы, на нижних ступеньках, Баста грубо подтолкнул пленников – он боялся мертвецов и торопился выбраться отсюда. Дрожащими руками он повесил на крюк фонарь и открыл решетку камеры. В склепе не было ни электричества, ни отопления, ни прочих благ цивилизации – только каменные гробы-саркофаги да мыши, которые выскакивали из трещин в камне.

– Может, составишь нам компанию? – спросил Сажерук, когда Баста втолкнул их в камеру, где старинные сводчатые потолки были такие низкие, что стоять в полный рост было невозможно. – Посидим, поболтаем о привидениях. Я знаю про них парочку новых историй.

– Для тебя, Сажерук, гроб не понадобится, – прорычал Баста, словно пес, и запер за собой решетку.

– Точно, гроб не понадобится, разве что урна. – Сажерук отошел от решетки, чтобы Баста не смог дотянуться до него ножом. – У тебя никак новый амулет? – крикнул он, когда Баста был уже у лестницы. – Снова кроличья лапка? Я же тебе говорил, что она притягивает Белых Женщин, которые шепчут заклинания и шевелят ледяными пальцами.

Баста стоял на лестнице к нему спиной, сжав кулаки. «Как легко его напугать, – думал Сажерук. – Стоит сказать лишь несколько слов…»

– Помнишь, как они подбираются к своей жертве? – продолжал он тихо. – Они шепчут тебе на ухо: «Баста-а-а…» – и тебе сразу становится холодно, а потом…

– Скоро они твое имя прошепчут! – не дав ему договорить, испуганно сказал Баста и побежал вверх по ступенькам, как будто за ним уже гнались Белые Женщины.

Сажерук остался наедине с Резой. Похоже, в склепе, кроме них, больше не было ни души. Каприкорн иногда запирал здесь кого-нибудь, чтобы нагнать страху, но обычно узники, оставлявшие свои нацарапанные на саркофагах имена, просто бесследно исчезали.

Их расставание с миром будет иным. «Мое последнее представление… – с горькой иронией подумал Сажерук. – А может,

все, что я здесь пережил, окажется просто страшным сном и я снова окажусь дома?» О, если б можно было в это поверить!

Реза села на саркофаг. Это был простой каменный гроб. Крышка на нем от времени треснула, а имя того, кто в нем покоился, уже невозможно было прочитать. Резу, похоже, совсем не пугало соседство с мертвецами. А Сажерука?

Он, в отличие от Басты, не боялся духов и Белых Женщин. Если б она сейчас появилась перед ним, он бы учтиво с ней поздоровался. А вот смерти он боялся. Ему казалось, что он чувствует ее присутствие, что она, как большой, мерзкий зверь, сидит у него на груди и не дает ему дышать.

Он понял, что Реза наблюдает за ним. Поманив его рукой, она похлопала по крышке саркофага, приглашая сесть, и, достав из кармана свечку, взглянула на него. Сажерук улыбнулся: ну конечно, у него есть спички. Припрятать от Басты такую мелочь – просто детская забава.

Капнув расплавленным воском на саркофаг, Реза прилепила свечку. Она любила свечи и камешки и всегда носила их в карманах. Но сейчас она зажгла свечку, наверное, ради него, потому что знала, как он любит огонь.

– Я виноват, прости меня, – сказал он, прикоснувшись к пламени. – Я должен был искать книгу один.

Она закрыла ему рот рукой. Видимо, это означало, что незачем просить прощения. Милая ложь. Когда она убрала руку, Сажерук, покашляв, спросил:

– Ты… так и не нашла ее?

Реза покачала головой.

– Так я и думал, – вздохнув, сказал он.

Тишина в склепе была ужасна.

– Расскажи мне что-нибудь, Реза! – тихо произнес он, придвигаясь к ней. «Пожалуйста! – мысленно добавил он. – Отгони страх. Унеси нас куда-нибудь отсюда».

Реза знала множество историй. Он не удивлялся тому, откуда они известны ей. Он был прекрасно осведомлен в том, кто читал ей эти истории, и поэтому сразу догадался, кто она, увидев ее в доме Каприкорна. Мо часто показывал ему ее фотографию.

Реза достала из кармана клочок бумаги. Как у Сажерука всегда было при себе что-нибудь для разведения огня, так у Резы – бумага и карандаш, ее деревянный язык. Огарок свечки, камешек, огрызок

карандаша, запачканный клочок бумаги у нее не отбирали, поскольку у людей Каприкорна они не вызывали никаких опасений.

Излагая какую-нибудь историю, она писала только половину предложения, а Сажерук его заканчивал – так получалось быстрее. Но на этот раз ей не хотелось рассказывать.

«Кто эта девочка?» – написала Реза.

Ну конечно Мегги. Может, солгать ей? Но он, сам не зная почему, сказал правду.

– Это дочь Волшебного Языка.

«Сколько ей лет?»

– По-моему, двенадцать.

Так и есть, она догадалась. Это было понятно по ее глазам, а глаза у нее были как у Мегги, только усталые.

– Как выглядит Волшебный Язык? По-моему, ты меня уже спрашивала. У него нет шрамов на лице, как у меня. – Он слегка улыбнулся, но Реза не ответила ему улыбкой.

«Его лицо тебе знакомо лучше, чем мое, – думал Сажерук, – но от меня ты об этом не узнаешь. Он отнял у меня целый мир – так почему бы мне не отнять у него жену?»

Она встала, подняв руку над головой.

– Да, он высокий. Выше тебя и выше меня. – Почему он не соврал ей и в этот раз? – Да, волосы у него темные, но мне не хочется говорить о нем. – В его голосе звучала обида. – Прошу тебя! – Взяв ее за руку, Сажерук усадил ее рядом с собой. – Лучше расскажи мне что-нибудь. Свечка скоро догорит, а при свете фонаря, который оставил Баста, можно только разглядеть эти проклятые гробы, а не буквы.

Она так пристально посмотрела на него, будто хотела прочесть его мысли, но Сажерук умел скрывать их. Его лицо было словно непроницаемый щит, закрывавший его от чужих любопытных взглядов.

Реза, склонившись над бумагой, начала писать: «Слушай, мой милый мальчик, слушай, внимай, разумей, потому что это случилось, потому что это произошло, потому что это было еще в ту далекую пору, когда Ручные Животные были Животными Дикими.

Собака была дикая, и Лошадь была дикая, и Корова была дикая, и Овца была дикая, и Свинья была дикая – все они были дикие-предикие и дико блуждали по Мокрым и Диким Лесам.

Но самая дикая была Дикая Кошка – она бродила где вздумается

и гуляла сама по себе»[15].

Реза знала, какая история нужна ему сейчас.

Она, так же как и он, была чужая в этом мире, и было невозможно поверить, что она принадлежит Волшебному Языку.

Сообщение Фарида

– Ну хорошо, – проговорил Цофф. – Вот что я вам скажу: если кто думает, что у него есть план получше, пусть поделится им.

М. де Ларрабейти. Борриблы-2. В лабиринте спирали

Возвращаясь, Фарид увидел, что Мо ждет его на том же месте. Элинор спала под деревьями, от полуденной жары ее лицо было красным, в капельках пота. Заметив идущего вверх по склону мальчика, Мо обрадовался.

– Мы слышали выстрелы! – прокричал он и пошел навстречу Фариду. – Я уж не надеялся больше тебя увидеть.

– Часовые стреляли по кошкам, – ответил Фарид, опускаясь на траву.

Он смущался оттого, что Мо беспокоился о нем. Он не привык к

[15] Р. Киплинг. Сказки. – Пер. К. Чуковского.

тому, что кто-то за него тревожится. «Где ты шатался?» – так его обычно встречали в том мире, где он прежде жил. Даже Сажерук был всегда неприступен, словно запертая дверь. А у Волшебного Языка, даже если он хотел скрыть свои чувства, все было написано на лице – тревога, радость, обида, боль, любовь. Вот и сейчас Фарид понял, что вопрос давно вертится у Мо на языке.

– Твою дочь заперли в доме Каприкорна, – сказал он. – Но письмо твое она получила. Гвин отлично лазает по стенам, даже Сажеруку за ним не угнаться.

Мо вздохнул с облегчением, как будто непосильный груз, давивший на него, спал с его плеч.

– Я и ответ принес от нее.

Открыв рюкзак, Фарид достал из-под ошейника Гвина записку Мегги. Мо разворачивал ее так осторожно, словно боялся, что буквы на бумаге могут исчезнуть.

– Это форзац… – пробормотал он. – Ей, похоже, пришлось разорвать книгу.

– Что она написала?

– А ты не прочитал?

Фарид помотал головой и вынул из кармана кусок хлеба – Гвин заслужил награду. Но зверек уже исчез – наверное, пошел отсыпаться.

– Ты не умеешь читать?

– Нет.

– Ну, эту тайнопись вообще никто не может прочитать. Это те же знаки, что были в моей записке. Даже Элинор ничего в них не понимает. – Мо разгладил бледно-желтый листок и стал читать. Вдруг он вскинул голову: – Господи, только этого не хватало!

– Что случилось? – спросил Фарид, разгрызая хлеб, предназначенный для куницы.

– Мегги тоже это умеет! – Уставившись на записку, Мо недоверчиво покачал головой.

– Знаю, я подслушал. В деревне только об этом и говорят. Они сказали, что раз девчонка умеет колдовать, как ты, то Каприкорну ты теперь не нужен.

– И то верно, – тихо сказал Мо с таким видом, будто эта мысль ему в голову не приходила. – Теперь они ее ни за что не отпустят.

Буквы, написанные Мегги, казались Фариду чем-то вроде змеиного рисунка на песке.

– А что еще она написала?

– Что они поймали Сажерука и велят Мегги вычитать им того, кто уничтожит его завтра вечером.

– Об этом я тоже слышал, – сказал Фарид, срывая травинку. – Они, наверное, заперли его в склепе под церковью. Твоя дочь не написала, кого она должна вычитать Каприкорну?

Мо покачал головой, но Фарид понял, что Волшебный Язык просто не хочет говорить.

– Палача? Да?

Мо сделал вид, что не слышит.

– Я видал такое, – сказал Фарид, – так что можешь сказать мне. Если палач мастер рубить головы, все происходит очень быстро.

Мо с изумлением посмотрел на него и снова покачал головой:

– Это не палач. Вернее, не просто палач. Это вообще не человек.

Фарид побледнел:

– Не человек?

Мо вновь покачал головой – он не решался произнести это слово.

– Это Тень, – еле слышно сказал он наконец. – Я плохо помню, как она описана в книге, но мне она казалась чем-то… из раскаленного пепла – горячей, серой и безликой.

Фарид пристально смотрел на него: похоже, он сожалел, что настоял на ответе.

– Они… ждут не дождутся казни, – запинаясь, продолжал рассказывать он. – Женщину, с которой встречался жонглер, тоже хотят казнить – она помогала ему искать книгу.

Фарид ковырял босой ногой землю. Сажерук пытался приучить его носить обувь из-за змей, но в обуви его пальцам было так тесно, словно их зажали, и в конце концов ботинки оказались в костре.

– Какая женщина? – спросил Мо. – Служанка Каприкорна?

Фарид кивнул, почесав ступни, искусанные муравьями.

– Она немая как рыба. У жонглера в рюкзаке есть ее фотография. Эта женщина ему много раз помогала. По-моему, он в нее влюблен.

Разузнать обо всем этом было нетрудно: в деревне полно мальчишек его возраста. Они мыли чернокурточникам машины, чистили сапоги и оружие, носили любовные записки… В той, другой, жизни ему тоже поручали носить любовные записки. Сапоги он там не чистил, а вот оружие приходилось, а еще он убирал верблюжий помет. Но натирать до блеска машины было, наверное, гораздо приятнее.

Фарид взглянул на небо, где проплывали легкие облака, белые, как лебединые перья. Они нравились мальчику. В том мире, откуда он появился, на небе никогда не было облаков – небо всегда было синим.

– Уже завтра… – произнес Мо. – Что же делать? Как освободить ее? Может, попытаться ночью проникнуть в дом Каприкорна? Если б у меня была такая же одежда, как у них…

– Я принес. – Фарид вытащил из рюкзака куртку и брюки. – И платье для Элинор. Они сушились на веревке.

Мо так восхищенно посмотрел на него, что Фарид покраснел.

– Ну ты молодец! Может, ты знаешь, как выручить Мегги?

Фарид смутился. Никто никогда не интересовался его мыслями. Он был только ищейкой, а планы обычно строили другие: кого ограбить, как отомстить… Собаку не спрашивают. Собаку бьют, если она не слушается.

– Нас всего двое, а их человек двадцать, – сказал Фарид. – Это будет не так просто…

– А Элинор ты не считаешь? Зря! Она настроена очень воинственно.

Фарид не мог сдержать улыбку.

– Ну, значит, трое, – произнес он. – Трое против двадцати.

– Звучит безнадежно, понимаю, – вздохнул Мо и встал. – Надо рассказать об этом Элинор, – предложил он.

Но Фарид остался сидеть на траве, разглядывая сухую ветку, которую поднял с земли, – отличный хворост для костра, и его здесь сколько хочешь. В его прежней жизни за таким хворостом приходилось ехать далеко-далеко, и ценился он на вес золота.

– Нам мог бы помочь огонь, – сказал он, глядя в сторону деревни Каприкорна.

Мо непонимающе посмотрел на мальчика:

– И как же?

Фарид подобрал другую ветку, потом еще и еще одну и, складывая их в кучу, объяснил:

– Сажерук научил меня приручать огонь. Это несложно, все равно что с Гвином справиться: он кусает только того, кто не может его схватить, а если с ним обращаться умело, он будет слушаться. Если использовать огонь в нужное время и в нужном месте…

– А вдруг он разгуляется? Дождя не было уже давно. Оглянуться не успеешь, как лес запылает, – сказал Мо.

Фарид пожал плечами:

– Только если ветер налетит.

Но Мо покачал головой.

– Нет, – решительно возразил он, – не дело играть с огнем. Лучше пробраться ночью в деревню. Может быть, в черной одежде нам удастся незаметно проскочить мимо часовых. Может быть, они примут меня за своего. Ведь однажды нам удалось от них ускользнуть. Может быть, и на этот раз повезет.

– Слишком много «может быть», – сказал Фарид.

– Знаю, – ответил Мо. – Знаю.

Ложь во спасение

– Гляди: я плюю на него! Чтоб ему сгинуть на веки веков! Увидишь владельца, скажи ему, что ты слышал! Скажи, что в тысячу двести девятнадцатый раз Дженнет Клустон призывает проклятие на его голову, на его дом, хлев и конюшню, на чад и домочадцев, на всю его родню, на его слуг и гостей – будь они прокляты до седьмого колена!

Р. Л. Стивенсон. Похищенный[16]

Фенолио убедил часового, что ему срочно нужно поговорить с Бастой. Старик был мастер сочинять. Он плел истории быстрее, чем паук паутину.

– Тебе чего, старик? – спросил Баста, появившись в дверях с оловянным солдатиком в руке. – На, маленькая ведьма! – сказал он и отдал солдатика Мегги. – Я бросил бы его в огонь, но от меня здесь уже мало что зависит.

Услышав слово «огонь», оловянный солдатик вздрогнул, усы у него встали дыбом. Мегги больно кольнуло отчаяние, мелькнувшее в его глазах. Ей казалось, что она чувствует, как бьется его маленькое сердце у нее в кулаке. Она вспомнила конец этой сказки: «Оловянный солдатик растаял и сплавился в комочек. На другой день горничная выгребала из печки золу и нашла маленькое оловянное сердечко».

---

16 Перевод М. Кан.

– Да, от тебя здесь уже мало что зависит. – Фенолио снисходительно смотрел на Басту, как отец на сына: в некотором смысле он и был его отцом. – Поэтому-то я и хотел с тобой поговорить, – сказал он и заговорщически добавил: – Я предлагаю тебе сделку.

– Сделку? – Во взгляде Басты отразились высокомерие и страх.

– Да, – тихо ответил Фенолио. – Мне тут скучно. Я ведь, как ты сказал, писака. Мне нужна бумага, как другим хлеб и вино. Принеси мне бумагу, и я помогу тебе вернуть ключи, которые отняла у тебя Мортола.

Баста вытащил нож. Когда он раскрыл его, оловянный солдатик так задрожал, что выронил штык.

– И как же ты это сделаешь? – спросил Баста, выковыривая ножом грязь из-под ногтей.

Фенолио нагнулся к нему:

– Я напишу тебе старинный заговор, насылающий такую хворобу, что Мортола надолго сляжет и у тебя будет время убедить Каприкорна, что надежнее, если ключи будут храниться у тебя. Заговор, конечно, подействует не сразу, необходимо выждать, но, когда он подействует, можешь не сомневаться… – Фенолио многозначительно поднял брови.

Баста презрительно ухмыльнулся:

– Да я уже пробовал – и пауками, и петрушкой с солью… Ничего проклятую каргу не берет.

– Это же надо! – тихо рассмеялся Фенолио. – Петрушка и пауки! Как же ты глуп, Баста! Я говорю не о детском заклинании. Я говорю о буквах, при помощи которых можно сотворить и добра и зла больше, чем любым другим способом. Уж поверь мне, – прошептал Фенолио и добавил: – Ведь тебя я создал из букв, Баста! И тебя, и Каприкорна.

Баста отшатнулся. Страх и ненависть – двойняшки, и Мегги увидела, как на лице Басты отразилось и то и другое. Но она поняла: он поверил старику. Поверил каждому слову!

– Ты колдун! – прошипел он. – И тебя, и девчонку с ее папашей надо бы сжечь заодно с вашими проклятыми книгами. – И он трижды плюнул старику под ноги.

– Плюешься, чтоб не сглазить, да? – насмешливо спросил Фенолио. – Насчет сжечь – так это мысль не новая, Баста. Тебе ведь новые мысли никогда и не приходили в голову. Ну что, мы

договорились?

– Ладно, – согласился Баста. – Но я каждый день буду проверять твою писанину. Понял?

– Конечно! – ответил Фенолио. – Еще мне понадобится ручка и черные чернила.

Баста принес ему ручку и стопку писчей бумаги. С самым глубокомысленным видом Фенолио сел за стол и взял лист бумаги. Положив его перед собой, он аккуратно разорвал его на девять частей и на каждой написал пять одинаковых витиевато-неразборчивых букв. Потом, тщательно сложив все бумажки, он плюнул на каждую и вручил их Басте.

– Три положи туда, где она ест, три – где спит и три – где работает. Тогда через три дня и три ночи случится то, что ты хочешь. Но если она заметит хоть одну бумажку, заклятие обратится против тебя.

– Как против меня? – Баста смотрел на бумажки с таким видом, будто боялся, что они заразят его проказой.

– Спрячь их получше, чтобы проклятая старуха не нашла их, – ответил Фенолио, стараясь поскорее выпроводить его.

– Если твой заговор не подействует, старик, – закрывая за собой дверь, прорычал Баста, – твоя морда будет в таких же шрамах, как у Сажерука!

Он удалился, а Фенолио, довольно улыбаясь, прислонился к запертой двери.

– Так ведь он же не подействует, – еле слышно произнесла Мегги.

– Три дня – большой срок, – сказал Фенолио, снова усаживаясь за стол. – Надеюсь, столько не понадобится. Нам ведь необходимо, чтобы казнь не состоялась завтра вечером, верно?

Оставшуюся часть дня он то сидел задумавшись, то писал как одержимый. Мегги ему не мешала. Она сидела у окна, поставив на подоконник оловянного солдатика, и смотрела на холмы. «Где-то там, наверное в чаще, скрывается Мо», – размышляла она. Оловянный солдатик стоял на одной ноге и испуганными глазами таращился на незнакомый мир, в котором очутился. Может быть, он вспоминал картонную танцовщицу, в которую был влюблен, а может, и вовсе не думал о ней. Он не проронил ни слова.

Разбуженные в ночи

К обеду приносили цветы. Огромные охапки цветов таволги и ракитника, самых красивых, какие только можно было найти в поле и в лесу.

Е. Уолтон. Четыре ветки мабиногии

За окном давно стемнело, а Фенолио все писал своим крупным, неровным, торопливым почерком. Под столом лежали смятые и разорванные листки. Их было гораздо больше тех, которые он осторожно откладывал в сторону, словно боялся, что буквы могут скатиться с бумаги. Когда худенькая служанка принесла ужин, Фенолио спрятал отложенные листки под одеяло. Мегги легла спать только тогда, когда за окном стемнело так, что холмы на фоне неба уже невозможно было разглядеть.

– Спокойной ночи! – тихо сказала она в ночи, как будто отец мог ее услышать.

Оловянного солдатика она посадила возле своей подушки.

– Тебе повезло больше, чем Динь-Динь, правда-правда, – шепнула она ему. – Баста засунул Динь-Динь в бутыль из-под вина и держит ее там, потому что думает, будто феи приносят счастье. Знаешь, что я придумала? Если мы когда-нибудь выберемся отсюда, я вырежу тебе из картона такую же танцовщицу, как в твоей сказке.

Но солдатик опять промолчал. Он только смотрел на девочку

грустными глазами, а потом чуть заметно кивнул. «Наверное, он тоже лишился голоса, – подумала Мегги. – Или он и не умел говорить? Похоже, рот у него ни разу не открывался. Была бы у меня книжка, – размышляла Мегги, – я могла бы проверить это или попыталась бы вычитать ему танцовщицу. Но книгу забрала Сорока. Она вообще все книги забрала». Оловянный солдатик прислонился к стене и закрыл глаза. «Нет, – решила Мегги, – танцовщица разобьет ему сердце!»

Засыпая, она некоторое время еще слышала торопливый скрип пера Фенолио, которое бегало по бумаге от буквы к букве, словно челнок, ткущий полотно из черных ниток…

В ту ночь Мегги не мучил кошмар, ей приснился просто сон: она была дома в комнате, похожей на ту, где она жила у Элинор. С ней были Мо и мама, выглядевшая почему-то как Элинор, но Мегги точно знала, что это та самая женщина, которая висела в сетке вместе с Сажеруком. Во сне человеку дается знание. Он знает о том, что, например, глазам верить нельзя. Просто знает. Мегги не терпелось сесть рядом с мамой на старый диван, что стоял между книжными полками Мо, но кто-то тихо позвал ее: «Мегги!» Она решила, что не станет отзываться, ей хотелось, чтобы сон длился без конца, но голос все звал и звал ее. Голос был знакомый. Когда Мегги открыла глаза, у ее постели стоял Фенолио. Пальцы у него были перепачканы чернилами, черными, как ночь за окном.

– Что случилось? Я хочу спать! – Девочка повернулась к нему спиной.

Ей хотелось вернуться в сон, который еще не успел улетучиться из-под ее сомкнутых век. А может, на ее ресницы прилипла золотая пыльца счастья. В сказках так иногда случается. Оловянный солдатик тоже спал, свесив голову на грудь.

– Я закончил! – прошептал Фенолио, хотя за дверью было слышно, как храпит часовой.

На столе в неровном свете догоравшей свечи лежали исписанные листы.

Зевнув, Мегги села в постели.

– Нам нужно кое-что сделать, – еще тише прошептал Фенолио. – Срочно нужно проверить, смогут ли твой голос и мои слова изменить историю. Давай попробуем отправить оловянного солдатика обратно в сказку. – Он положил ей на колени исписанные листки. – Жаль, что пробовать придется с историей, которую придумал не я, но делать нечего.

– Как отправить обратно? Я не хочу отправлять его назад, – сказала изумленная Мегги. – Он же там погибнет, расплавится в печке.

– Да нет же! – Фенолио постучал пальцем по страницам, которые лежали у нее на коленях. – Я сочинил для него новую историю, и конец там счастливый. В том-то и была идея твоего отца: изменить уже придуманную историю. Он хотел переписать «Чернильное сердце», чтобы твоя мама вернулась обратно. Если такое возможно, Мегги, значит, любую историю можно изменить, переписав в ней то, что нам необходимо, например: кто попадет в книгу, кто из нее выйдет, чем она закончится, кто будет счастлив, а кто – нет. Понимаешь? Это только попытка, Мегги, но, если солдатик исчезнет, мы наверняка сможем изменить и «Чернильное сердце». Правда, я пока не знаю как, но надо подумать. Но прошу тебя, читай! – И Фенолио протянул Мегги фонарик.

– В ней правда хороший конец? – спросила Мегги и посмотрела сначала на сплошь исписанную страницу, потом на спящего оловянного солдатика: ей почудилось, что тот слегка похрапывает.

Фенолио с нетерпением ответил:

– Ну конечно, я написал счастливый конец про то, как солдатик поселился со своей танцовщицей в замке, и жили они долго и счастливо, пока не умерли в один день.

– У тебя неразборчивый почерк.

– Я очень старался, – вздохнул старик.

– Ладно, – сказала Мегги, – попробую.

«Здесь важна каждая буква! – твердила она себе. – Она должна стать живой – звенеть, шептать, катиться, шуршать…»

Мегги начала…

Краем глаза она заметила, как на третьей фразе солдатик проснулся и встал по стойке «смирно». На мгновение девочка запнулась и, прочитав слово дважды, больше не решалась взглянуть на солдатика. Она остановилась, только когда Фенолио прошептал:

– Мегги, он исчез! – и до боли сжал ее локоть.

Действительно, солдатика около подушки не было.

– Ты и в самом деле маленькая колдунья! – радовался он. – Но ведь и я молодец. Да?

Он довольно посмотрел на свои пальцы, измазанные чернилами, и, хлопнув в ладоши, заплясал, как медведь в цирке. Немного запыхавшись, он остановился возле Мегги и с улыбкой прошептал:

– Это будет для Каприкорна очень неприятный сюрприз! Я немедленно берусь за дело! Он получит то, что хочет: ты вычитаешь ему Тень. Но его покорный слуга изменится до неузнаваемости. Я, Фенолио, повелитель слов и заклинатель чернил! Я создал Каприкорна – я его уничтожу. С ним случится то же, что и с волшебником, сотворившим для своего племянника женщину из цветов. Ты читала эту историю?

Мегги все смотрела на подушку, возле которой сидел оловянный солдатик.

– Нет, – проговорила она. – Что еще за женщина из цветов?

– Это старинная история. Я коротко расскажу ее тебе, а то скоро уже рассвет. Так вот, жил на свете волшебник Гвидион, и был у него любимый племянник, которого прокляла собственная мать.

– Почему?

– Долго рассказывать. И проклятие ее было такое: если он прикоснется к женщине, то умрет. У Гвидиона душа изболелась оттого, что всю жизнь его любимый племянник проведет в одиночестве. Поэтому он заперся в своих покоях на три дня и три ночи и сотворил женщину из цветков таволги и ракитника. Она была прекраснее всех женщин на свете, и племянник Гвидиона сразу влюбился в нее. Но Блодеувед – так звали красавицу – не сделала его счастливым. Она полюбила другого, и вдвоем они погубили бедного племянника волшебника Гвидиона.

– Бло-де-увед! – нараспев произнесла Мегги, пробуя новое имя на вкус, будто это был диковинный фрукт. – Грустная история. И что же с ней случилось потом?

– Гвидион превратил ее в сову, и с тех пор голос всех сов похож на женский плач.

– Красивая история, хоть и грустная, – сказала Мегги. – Ну что ж, историю о женщине из цветов я теперь знаю. Но при чем здесь Каприкорн? – спросила она.

– Дело в том, что Блодеувед сделала совсем не то, что от нее ожидал Гвидион. Мы тоже попробуем устроить что-нибудь подобное: с помощью твоего голоса и моих слов – заметь, совершенно новых слов – Тень, явившись по зову Каприкорна, совершит совсем не то, что тот ожидает от нее, – с довольным видом сказал Фенолио.

– И что же она сделает?

Старик вдруг нахмурился.

– Именно это я и обдумываю, – пробурчал он, постучав пальцем

себе по лбу, – но мне требуется время.

Вдруг Мегги услышала мужские голоса, раздававшиеся не со стороны двора, огражденного стеной, а откуда-то издалека. Мегги подбежала к открытому окну и услышала торопливые шаги, а затем выстрелы. Она так свесилась в окно, что чуть не упала, однако ничего так и не разглядела. Похоже, шум и стрельба доносились с площади перед церковью.

– Осторожно! – прошептал Фенолио, схватив Мегги за плечи.

Снова послышались выстрелы, потом крики людей Каприкорна. Мегги не могла разобрать ни слова. Она испуганно оглянулась на Фенолио – может быть, он что-нибудь понял?

– Я, кажется, знаю, о чем ты подумала, но вряд ли твой отец может быть причиной этого переполоха, – успокоил ее старик. – Он же не сумасшедший, чтобы лезть на рожон, пытаясь проникнуть в дом Каприкорна.

Фенолио осторожно отвел ее от окна. Голоса смолкли. Ночную тишину вновь ничто не нарушало.

Мегги забралась в свою кровать, но сердце у нее неистово стучало.

– Пусть Тень убьет Каприкорна! – сказала она и сама испугалась своих слов.

– Да, придется сделать это. – Фенолио потер лоб. – Другого выхода у нас нет.

Мегги уткнулась в свитер Мо. Было слышно, как в доме захлопали двери, раздались шаги. Потом все стихло. Но в наступившей тишине затаилась угроза. «Мертвая тишина», – пришло на ум Мегги.

– А если Тень не послушается тебя, как та женщина из цветов? – спросила она.

– Об этом лучше не думать, – не сразу ответил Фенолио.

В одиночестве

– Зачем, ах, зачем я покинул мою норку! – повторял несчастный мистер Бэггинс, подпрыгивая на спине у Бомбура.

Дж. Р. Р. Толкин. Хоббит[17]

Услышав выстрелы, Элинор так быстро вскочила на ноги, что споткнулась в темноте о свое одеяло и, не удержашись на ногах, растянулась на колючей траве. Вставая, она исколола все руки.

– Боже мой, они их поймали! – охнула она и засуетилась, разыскивая черное платье, которое принес для нее мальчик. Темнота была такой непроглядной, что она не видела собственных ног. – Вот ведь как вышло… Ну почему эти упрямые идиоты не взяли меня с собой? Я бы уж уследила… – все приговаривала Элинор.

Она наконец нашла платье и дрожащими руками стала натягивать его на себя. И вдруг замерла. Какая мертвая тишина вокруг!

«Они пристрелили их! – ёкнуло в груди. – И поэтому так тихо. Их окровавленные тела лежат на площади. Боже мой! Что же теперь делать? – Слезы подступили к горлу. – Нет, Элинор, не смей плакать! Иди искать их. Живее!»

Спотыкаясь и раздумывая, туда ли она идет, Элинор побрела к деревне.

«– Тебе с нами нельзя, Элинор, – сказал Мо, облачившись в наряд, который украл для него Фарид. В нем он был неузнаваем и выглядел точь-в-точь как подручный Каприкорна. Мальчик прихватил для него даже ружье.

– Почему? – спросила Элинор. – Я согласна напялить на себя это черное платье!

– Женщина привлечет внимание. Ты же сама видела, Элинор, там ночью ни одной женщины не встретишь. Вокруг только часовые. Спроси у мальчика.

– Не собираюсь я его ни о чем спрашивать! Надо было украсть и для меня мужской наряд.

– Прошу тебя, Элинор, кто-то же должен караулить вещи. – Мо

---

[17] Перевод Н. Рахмановой.

не сразу нашел что сказать.

– Вещи? Ты это о вонючем рюкзаке Сажерука? – Она с возмущением пнула рюкзак».

Но никакой маскарад не помог. Интересно, кто их узнал? Баста, Плосконос или тот хромоногий?

«– Мы вернемся на рассвете, Элинор! – уверил ее Мо. – С Мегги».

Лжет! По его голосу она поняла, что он и сам мало верит в то, что сказал. Споткнувшись о корень дерева, Элинор схватилась за какие-то колючки и, заплакав, опустилась на колени. Убийцы! Что у нее общего с этими бандитами? Ей бы сразу догадаться, еще когда Мортимер неожиданно появился у нее и попросил спрятать книгу. Почему она не отказалась? Ведь было ясно как дважды два, что от Сажерука ничего, кроме неприятностей, не жди. У него это на лице было написано. Но перед книгой она не устояла…

«Какую-то вонючую куницу они с собой взяли, – подумала она, вставая, – а меня нет. И теперь их убили. Сколько раз я предлагала обратиться в полицию, но Мортимер всегда отвечал: «Нет, Элинор, если в деревне появится полицейский, Каприкорн тут же избавится от Мегги. Нож Басты действует быстрее любой полиции, поверь мне». И каждый раз при этом разговоре у него на переносице появлялась морщинка. Элинор хорошо знала Мортимера – без всяких слов было ясно, что она означала.

Как же быть? Она осталась совсем одна.

«Держи себя в руках, Элинор! – приказала она себе. – Не распускаться! Ты что, забыла, что всегда была одна? Думай! Ты должна спасти девочку, что бы ни случилось с ее отцом. Кроме тебя, ее никто не выручит. Ты ведь не хочешь, чтобы она стала такой же замученной служанкой, как те, что глаз поднять не смеют и всю жизнь только стряпают и стирают на своих хозяев? Может, если Каприкорн пожелает, ей иногда позволят почитать ему вслух, а когда она повзрослеет… Симпатичная девочка…» – Элинор схватилась за сердце.

– Мне нужно ружье, – прошептала она. – Или нож. Я проберусь в дом Каприкорна. В этом платье меня никто не узнает. Мортимер считает, что я умею только книжки читать… Так я ему докажу!.. Как же так? – всхлипнула она. – Его уже нет… Просто нет больше…» – И Элинор зарыдала так громко, что, испугавшись, зажала рот рукой.

Под ногой хрустнула ветка. Она пошла на мутно-белый, как

разбавленное молоко, свет, который пробивался сквозь ночь из деревни Каприкорна.

Да, мир ужасен и жесток, как кошмарный сон. Только книги могут спасти, только в них можно найти и сочувствие, и утешение, и любовь… Книги, ничего не требуя взамен, любят каждого, кто их открывает. Они никогда не покидают даже тех, кто не заботится о них.

В деревне на стоянке около машин, наклонив головы, стояли трое.

«Похваляетесь друг перед дружкой кровью на руках, – подумала Элинор. – Видит бог, вы еще пожалеете!»

Она не знала, на что решиться: пробраться в деревню сейчас или подождать до утра?

Один из троицы на стоянке посмотрел в ее сторону, и Элинор показалось, что он ее заметил. Она отшатнулась и, поскользнувшись, схватилась за ветку, чтобы не упасть. Услышав шорох, она хотела обернуться, но не успела – кто-то зажал ей рот.

– Так вот ты где! А я бог знает сколько времени ищу тебя!

Не может быть! Она уже и не надеялась еще когда-нибудь услышать этот голос.

– Прости, но я был уверен, что ты закричишь. – Мо убрал руку с ее лица. – Идем со мной!

Она не знала, чего ей хочется больше: повиснуть у него на шее или двинуть ему побольнее.

Он повел ее так быстро, что Элинор задыхалась, и остановился, только когда крыши деревни Каприкорна скрылись за деревьями.

– Что ты бродишь в темноте? Не понимаешь, как это опасно?

– Опасно? – Она никак не могла отдышаться и говорила с трудом. – Ты говоришь, опасно? – Она была в ярости. – Я слышала выстрелы! Думала, вас убили…

Мо устало провел рукой по лицу.

– На наше счастье, они не умеют целиться как следует, – сказал он невозмутимо.

Элинор захотелось встряхнуть его посильнее, чтобы он не говорил так спокойно.

– А что с мальчиком?

– Все в порядке. Правда, ему немного поцарапало лоб. Гвин испугался выстрелов и вырвался, а он бросился его ловить. Тут мальчишку и зацепило. Я оставил его в нашем укрытии.

– Гвин? Неужели вы не способны думать ни о чем, кроме вонючей куницы? Я за эту ночь постарела на десять лет! – Элинор чуть не сорвалась на крик, но, спохватившись, тихо сказала: – Я уже представляла вас убитыми, истекающими кровью… А ты говоришь про какую-то куницу, и тебе хоть бы хны! Это же чудо, что вы остались живы! Жаль, что я тебя послушалась и не обратилась в полицию.

– Сегодня нам просто не повезло, Элинор, – сказал Мо. – Как назло, дом охранял Кокерель. Другой часовой не узнал бы меня.

– А завтра кто будет стоять в карауле? Баста? Или Плосконос? Ты подумал, что будет с твоей дочерью, если тебя убьют?

Мо отвернулся.

– Меня ведь не убили, Элинор, – ответил он. – И я вытащу Мегги оттуда.

Когда они вернулись в укрытие, Фарид уже спал. Тряпка, которой Мортимер вместо бинта обмотал его голову, была в крови и смахивала на тюрбан, в котором он появился тогда в церкви Каприкорна.

– Эта рана только с виду опасная, – прошептал Мо. – Хотя, если б я не удержал его, он бы не только побежал за куницей, но и пробрался бы в церковь, чтобы найти Сажерука.

Молча кивнув, Элинор завернулась в одеяло. Ночь была такой тихой, что при других обстоятельствах ее вполне можно было бы назвать умиротворяющей.

– Как вам удалось уйти? – спросила Элинор.

Мо сел рядом со спящим мальчиком и, сняв с плеча ружье, которое украл для него Фарид, положил его на траву.

– Они даже не преследовали нас, – ответил он. – Да и зачем? Они уверены, что мы вернемся. Им остается только подождать.

«И Элинор пойдет с вами!» – дала она себе клятву. Ни за что на свете она не останется одна, чтобы снова пережить такую ночь!

– Что вы теперь намерены делать? – спросила она.

– Фарид предлагает устроить поджог. Прежде я считал, что это чересчур опасно, но время дорого…

– Поджог? – Это слово будто обожгло язык Элинор.

С тех пор как по приказу Каприкорна от ее книг остался только пепел, она начинала паниковать, стоило ей увидеть спички.

– Сажерук научил мальчишку обращаться с огнем. Если мы подожжем дом Каприкорна…

– Вы с ума сошли? – перебила она его. – А вдруг огонь перекинется на холмы?

Опустив голову, Мо погладил ружье.

– Но другого выхода нет, – сказал он. – Люди Каприкорна будут тушить пожар, а я в этой суматохе попытаюсь спасти Мегги. А Сажерука освободит Фарид.

– Ты с ума сошел! – закричала Элинор, уже не справляясь с собой.

Фарид беспокойно заворочался и, пробормотав что-то во сне, слегка задел повязку на лбу, потом перевернулся на другой бок. Мо поправил ему одеяло и прислонился к дереву.

– Нам придется это сделать, Элинор, – сказал он. – Я все думал, думал, чуть голову не сломал. У нас нет выбора. А если и с поджогом ничего не выйдет, я спалю дотла его церковь и всю деревню, расплавлю все его золото, но заберу свою дочь.

Элинор, ничего не ответив, легла и притворилась, что спит. На рассвете, так и не сомкнув глаз всю ночь, она сменила Мо на посту, уговорив его немного поспать. Когда он заснул и его дыхание стало ровным, Элинор сняла черное платье, переоделась в свою одежду, причесалась и написала ему записку: «Уехала за помощью, вернусь к полудню. Прошу, пожалуйста, до моего возвращения ничего не предпринимай. Элинор».

Она сунула записку ему в руку, чтобы он обнаружил ее сразу, как только проснется. Проходя мимо Фарида, она наклонилась над ним, чтобы поправить сбившуюся повязку, и увидела, что куница вернулась. Зверек, свернувшийся клубком у мальчика под боком, посмотрел на нее маленькими черными глазками. Это вонючее создание никогда ей не нравилось, но Фарид привязался к нему, как другие дети привязываются к собакам. Элинор вздохнула.

– Присматривай за ними, ладно? – прошептала она на прощание.

Машина стояла на прежнем месте. Она была хорошо спрятана среди густых ветвей, и Элинор даже не сразу нашла ее, проскочив мимо. Мотор легко завелся. Минуту-другую Элинор с тревогой прислушивалась, но вокруг было тихо, лишь пели птицы, приветствовавшие наступивший день с таким восторгом, словно он был последним в их жизни.

До ближайшего поселка, через который они проезжали с Мортимером, было с полчаса езды, а там наверняка имелся полицейский участок.

Сорока

Однако они пробудили его от грез своими речами, своим жестоким блестящим оружием.

Т. Х. Уайт. Книга Мерлина[18]

Рано утром Мегги услышала в коридоре голос Басты.

Когда перед этим служанка принесла завтрак, Мегги спросила ее, что за выстрелы раздавались ночью в деревне, но девушка, с ужасом глянув на нее, только помотала головой и поскорее выскользнула за дверь. Наверное, она, как и другие, считала Мегги ведьмой.

К еде Мегги даже не притронулась. Фенолио тоже не стал завтракать. Он снова писал – без остановки, как одержимый, лист за листом. Он то рвал их, то вновь начинал писать, откладывая в сторону исписанные листы, морщился и тянулся за чистой страницей. Проходили часы, а неразорванных страниц по-прежнему было только три.

Услышав голос Басты, Фенолио сунул их под матрас, а разорванные стал запихивать под кровать.

– Мегги, скорее помоги мне! – прошептал старик. – Он ни в коем случае не должен увидеть их!

Мегги автоматически помогала ему, но думала совсем о другом:

---

[18] Перевод С. Ильина.

зачем пришел Баста? Может, у него есть новости? А может, он хочет увидеть ее реакцию на известие о том, что ей больше не стоит ждать Мо?

Фенолио снова сел за стол и, положив перед собой чистый лист, стал что-то быстро-быстро писать. И тут открылась дверь.

Мегги перестала дышать, как будто задержка дыхания могла остановить слова, которые готовы сорваться с языка Басты и которые разобьют ей сердце.

– Что случилось? – спросил Фенолио, отложив ручку и встав рядом с Мегги.

– Девчонку вызывает Мортола, – с раздражением сказал Баста: ему явно было не по вкусу заниматься такой ерундой – исполнять роль конвоира он считал ниже своего достоинства.

Мортола? Сорока? Что все это значит? Мегги посмотрела на Фенолио, но старик только недоуменно пожал плечами.

– Нашей птичке придется взглянуть на книгу, которую она будет читать сегодня вечером, – сказал Баста. – Чтоб не запиналась, как Дариус. Давай живей! – торопил он Мегги.

– Сначала скажи, что случилось ночью? – спросила она, не двигаясь с места. – Я слышала выстрелы.

– Похоже, твой отец хотел тебя повидать, но Кокерель ему помешал, – улыбнулся Баста и, схватив Мегги за руку, потащил из комнаты.

Фенолио пытался пойти за ними, но Баста хлопнул дверью прямо у него перед носом. Старик что-то крикнул вслед, но Мегги не расслышала – в ушах стоял такой шум, будто вся кровь билась о барабанную перепонку.

– Ему удалось скрыться, если тебя это утешит, – сказал Баста, когда они подошли к лестнице. – Но это не столь важно. Бывает, что и кошки, в которых метит Кокерель, иногда удирают, но потом наши люди все равно находят их трупы.

Мегги изо всех сил пнула его в коленку и, перепрыгивая через ступеньки, бросилась вниз по лестнице, но Баста догнал ее.

– Не делай так больше, крошка, – прошипел он ей в ухо с перекошенным от боли лицом. – Скажи спасибо, что сегодня на нашем празднике у тебя главная роль, а то бы я с удовольствием свернул твою цыплячью шейку. – И, схватив девочку за волосы, он потащил ее дальше.

Мегги больше не сопротивлялась. Даже если б она и захотела

вырваться, все равно не смогла бы: Баста крепко держал ее за волосы и тащил за собой, как непослушную собаку. От боли у Мегги на глазах выступили слезы, но она отвернулась, чтобы Баста не видел их.

Он притащил ее в подвал, где потолок был ниже, чем в том помещении, куда их запирали с Мо и Элинор. Стены были выбелены, как в верхней части дома, и так же, как там, здесь было много дверей, но их, похоже, давно не отпирали. На некоторых висели тяжелые замки. Мегги вспомнила о сейфах, про которые ей рассказывал Сажерук, и о золоте, которое Мо вычитал Каприкорну в церкви. «Они промахнулись, – подумала она. – Точно промахнулись! Иначе и быть не может – хромоногий никудышный стрелок и совсем не умеет целиться».

Наконец они остановились у двери с красивыми разводами, наподобие тигриной шкуры. В свете голой электрической лампочки, освещавшей подвал, древесина отливала красным цветом.

Перед тем как постучать, Баста тихо сказал Мегги:

– Не вздумай, милочка, вести себя с Мортолой так же дерзко, как со мной, а то она подвесит тебя в сетке под потолком церкви, и ты будешь там висеть, пока от голода не начнешь грызть веревки. У меня, по сравнению с ней, сердце мягкое, как у любимого плюшевого мишки, которого маленьким детям кладут в кроватку, чтобы им снились сладкие сны.

Мегги почувствовала у себя на лице его дыхание, отдающее мятой. Никогда в жизни она не съест ничего, что имеет запах мяты.

Комната Сороки была размером с танцевальный зал. На таких же красных, как в церкви, стенах висели картины в золоченых рамах, на которых были изображены люди и дома. Картин было так много, что они теснились на стене, как толпа на маленькой площади. В самом центре висел портрет Каприкорна в массивной раме. Художник, написавший его портрет, был такой же неумелый и безвкусный, как и скульптор, изваявший статую Каприкорна в церкви. Его лицо на портрете было более круглым и мягким, чем на самом деле, а странной формы рот под коротким и широким носом был похож на экзотический плод. Только глаза были схвачены верно. Будто живые, они смотрели на Мегги сверху вниз с таким выражением, словно Мегги была лягушкой, которой собираются вспороть брюшко, чтобы посмотреть, что там у нее внутри. В деревне Каприкорна Мегги поняла одну вещь: самое страшное выражение на человеческом лице

– это безжалостность.

Сорока сидела в установленном под портретом сына зеленом бархатном кресле с высокой спинкой так, словно аршин проглотила. Весь ее вид говорил о том, что сидеть праздно она не привыкла: женщина, которая изо дня в день работает не покладая рук, без дела чувствует себя не в своей тарелке. Но иногда ее уставшее тело все-таки вынуждало ее присесть в это громоздкое кресло, и Мегги увидела ее отекшие, бесформенные ноги. Сорока поймала взгляд девочки и одернула подол.

– Он сказал, зачем я тебя вызвала? – С трудом, стиснув зубы, она поднялась, опираясь о стоявший рядом столик. Баста со злорадной улыбкой отметил, что она все слабеет, но Сорока бросила на него такой ледяной взгляд, что его улыбка тут же пропала. Она подозвала Мегги. Девочка замешкалась, и Баста подтолкнул ее в спину. – Подойди ко мне, я хочу показать тебе кое-что.

Сорока медленным, но уверенным шагом подошла к пузатому комоду с изящными, изогнутыми ножками, на котором между двумя бледно-желтыми лампами стояла деревянная шкатулка с узором из крошечных дырочек.

Когда Сорока подняла крышку, Мегги в испуге отпрянула – в шкатулке лежали две тонкие змейки, длиной с руку Мегги от локтя до кисти.

– У меня в комнате всегда определенная температура, чтобы они не засыпали, – объяснила Сорока и, открыв верхний ящик комода, достала оттуда перчатку из прочной черной кожи. Перчатка была такая жесткая, что она с трудом натянула ее на узкую руку. – Твой друг Сажерук очень подвел Резу, попросив ее найти книгу. – Сорока, сунув руку в шкатулку, схватила одну змейку. – Поди сюда! – крикнула она Басте. – Живее! – И протянула ему извивавшуюся змею.

По лицу Басты Мегги видела, как все в нем восстало против этого приказа, но он послушно подошел и взял змею в руки, стараясь держать ее как можно дальше от себя.

– Басте не нравятся мои змейки, – с улыбкой сказала Сорока. – И никогда не нравились. Он вообще, насколько мне известно, ничего, кроме своего ножа, не любит. А еще он уверен, что змеи приносят несчастье, хотя это чушь собачья.

Мортола протянула Басте вторую змею, и в разинутой пасти Мегги увидела маленькие ядовитые зубы. На мгновение ей стало почти жаль Басту.

– Хороший тайник, верно?

Сунув руку в шкатулку в третий раз, Сорока достала книгу. Мегги догадалась бы, что́ это за книга, даже если бы никогда прежде не видела ее яркую обложку.

– В этой шкатулке я храню ценные вещи, – сказала Сорока. – Только Баста и Каприкорн знают, что в ней лежит. Бедняжка Реза – надо отдать ей должное, она смелая женщина – обыскала почти все комнаты, но до моего ларца так и не добралась. А она любит змей. Мне не встречалось еще ни одного человека, который совсем не боялся бы их. Но однажды змея ее все-таки укусила. Так ведь, Баста? – Сорока сняла перчатку и насмешливо посмотрела на него. – Басте нравится пугать змеями женщин, которые не уступают ему. Но с Резой у него ничего не вышло. Напомни-ка мне ту историю! Она как будто подложила змею тебе под дверь?

Баста молча держал змей, которые извивались у него в руках.

– Положи их обратно! – приказала Сорока. – Только осторожно! – И она вернулась в кресло, держа книгу в руке. – Садись! – велела она Мегги, указав на низкий табурет, стоявший рядом с креслом.

Мегги села, незаметно озираясь по сторонам. Комната Мортолы казалась ей доверху набитым сундуком с сокровищами. В ней было слишком много всего: подсвечников, ламп, ковров, картин, ваз, фарфоровых статуэток, искусственных цветов и позолоченных колокольчиков.

Сорока с насмешкой взглянула на нее. В невзрачном черном платье, девочка сидела в большом кресле, как кукушка, забравшаяся в чужое гнездо.

– Что скажешь? Великолепная комната для служанки, не правда ли? – сказала она гордо. – Каприкорн меня любит и ценит.

– Вы его мать, а он поселил вас в подвале! – возразила Мегги.

Почему она не откусила себе язык? Сорока смотрела на нее с такой ненавистью, что Мегги, казалось, чувствовала на горле ее костлявые пальцы. Но Мортола неподвижно сидела, уставившись на нее немигающими птичьими глазками.

– Тебе старый колдун сказал, да?

Крепко сжав губы, Мегги посмотрела на Басту. Он укладывал змею в ларец и, кажется, ничего не слышал. Знал ли он секрет Каприкорна? Мегги не успела подумать об этом – Мортола положила книгу ей на колени.

– Если ты проговоришься кому-нибудь и скажешь об этом хоть полслова, – прошипела Сорока, – я собственноручно приготовлю тебе угощение – экстракт аконита, несколько ягод тиса и, пожалуй, немного цикуты. Будь уверена, после такого блюда ты будешь чувствовать себя не лучшим образом. А теперь читай!

Мегги взглянула на книгу. Тогда, в церкви, она не могла как следует разглядеть картинку на обложке. Сейчас у нее появилась такая возможность. Это был пейзаж – вероятно, фотография холмов вокруг деревни Каприкорна, а на фоне пейзажа – черное сердце в красных языках пламени.

– Начинай! – цыкнула на нее Сорока.

Мегги послушно открыла страницу, текст на которой начинался большой буквицей, – верхом на «К» сидела куница с рожками. Сколько же времени прошло с той поры, как она видела эту страницу в библиотеке Элинор? Вечность?

– Листай дальше! – велела Сорока. – Тебе нужна страница с загнутым уголком.

Молча кивнув, Мегги нашла ту страницу и машинально распрямила уголок – Мо терпеть не мог, когда в книге загибали страницы.

– Зачем ты это сделала? Хочешь, чтобы потом я не могла найти отрывок, который тебе надо читать? – закричала Сорока. – Читай про себя со второго абзаца. Вслух читать не смей – я не хочу, чтобы сюда явилась Тень.

– Сколько абзацев я должна прочитать вечером?

– Откуда мне знать? – Сорока почесала левую ногу. – Сколько ты сама читаешь, чтобы выманить из книги всех этих фей и оловянных солдатиков?

– По-разному, – понуро ответила Мегги. – Иногда быстро получается, а бывает, они появляются через много страниц, а то и вообще ничего не получается.

– Прочитай всю главу. Этого должно хватить. А про то, что «вообще не получается», даже не заикайся. – Сорока почесала другую ногу (ноги у нее были забинтованы, и под темными чулками проглядывал эластичный бинт). – Ну что смотришь? – резко спросила она. – Или, может, знаешь историю, где есть средство от старости и смерти?

– Нет, – тихо сказала Мегги.

– Тогда нечего глазеть на меня, маленькая ведьма. Читай

внимательно, чтобы сегодня вечером все прошло без сучка без задоринки. Я прослежу, чтобы Каприкорн получил то, что хочет.

Глаза Мегги бегали по строчкам, но смысла она не понимала, в голове были только мысли о Мо и ночных выстрелах. Некоторое время она притворялась, что читает, сидя под неусыпным надзором Мортолы. Потом, подняв голову, она захлопнула книгу.

– Все, – сказала она.

– Как, уже? – недоверчиво спросила Сорока.

Мегги не ответила. Она смотрела на Басту, который со скучающим видом стоял, облокотившись о кресло Мортолы.

– Я не буду читать сегодня вечером, – заявила Мегги. – Баста сказал, что ночью застрелили моего отца. Ничего читать я вам не буду.

Сорока уставилась на Басту.

– Это что еще за фокусы? – грозно спросила она. – Думаешь, девчонка станет читать лучше, если ее глупое сердце будет разбито? А ну живо скажи ей, что вы промахнулись!

Баста уткнулся глазами в пол, словно нашкодивший мальчишка, которого схватили за руку.

– Я ей так и сказал, – пробубнил он. – Кокерель – никудышный стрелок. Ее отца даже не зацепило.

Мегги облегченно вздохнула, прикрыв глаза. На душе стало спокойно и хорошо. Радость придала ей смелости.

– И еще… – начала она.

Она им нужна, так чего же бояться? Только она и Мо могли вычитать им Тень, но Мо они так и не поймали. И пусть даже не рассчитывают.

– Что еще? – спросила Сорока, проводя рукой по туго собранным в пучок волосам.

Интересно, как она выглядела в детстве, когда была такой, как сейчас Мегги? Неужели у нее всегда были такие тонкие, поджатые губы?

– Я не буду читать, если мне не разрешат увидеть Сажерука, до того как…

– Зачем это? – перебила ее Сорока, не дав ей договорить.

«Чтобы сказать ему, что мы попробуем его спасти, – подумала Мегги. – И потому, что вместе с ним в церкви моя мама. Наверное, мама». Но вслух она сказала другое:

– Я хочу попросить у него прощения. Ведь он помог нам.

Мортола насмешливо скривилась:

– Как трогательно!

«Я бы посмотрела на нее еще раз, – думала Мегги. – Может, это все-таки не она…»

– А если я не позволю? – Сорока смотрела на нее так же, как кошка смотрит на пойманного мышонка, с которым решила поиграть, прежде чем съесть.

Но Мегги была готова к такому вопросу.

– Тогда я прикушу себе язык! – сказала она. – Он распухнет, и вечером я не смогу читать.

Сорока откинулась на спинку кресла и рассмеялась:

– А девчонка-то не так глупа, а, Баста? – Тот молча кивнул. Мортола смотрела на Мегги почти ласково. – Послушай, что я скажу тебе, деточка. Твое дурацкое желание я исполню. А что касается сегодняшнего вечера… Посмотри на эти портреты. – Мегги огляделась. – Видишь их лица? Каждый из этих людей когда-то поссорился с Каприкорном, и с тех пор о них никто не слышал. Их дома, которые ты тоже видишь на этих портретах, поглотил огонь. Когда будешь читать книгу сегодня вечером, вспомни эти портреты. И помни, маленькая ведьма, если начнешь запинаться или молчать, то и твой портрет будет висеть здесь в такой же золотой раме. Если же сделаешь все как надо, мы отпустим тебя к отцу. Будешь паинькой, снова увидишь его. Говорят, твой голос превращает слова в плоть и кровь, вот и читай как следует, не запинаясь, а не как этот остолоп Дариус. Поняла?

Мегги посмотрела ей прямо в глаза.

– Да, – тихо сказала она, ни минуты не сомневаясь, что Сорока лжет: они никогда не отпустят ее к Мо.

Придется Мо самому прийти за ней.

Гордость Басты и хитрость Сажерука

– А вообще-то интересно, попадем мы в сказку или песню? Ну да, конечно, мы и сейчас, но я не о том, а знаете: все, чтоб словами рассказано, вечерком у камина, или еще лучше – прочитано вслух из большой такой книжищи с красными и черными буквицами, через много-много лет. Отец усядется и скажет: «А ну-ка, почитаем про Фродо и про Кольцо!» А сын ему: «Ой, давай, папа, это же моя любимая история!»

Дж. Р. Р. Толкин. Властелин Колец[19]

Баста не переставая сыпал бранью, пока тащил Мегги через площадь к церкви.

– Прикусит язык! Ну надо же! С каких это пор старая карга стала поддаваться на такие уловки? И кто теперь должен тащить эту нахалку в склеп? Ну конечно Баста! Кто же еще? Я что, единственный слуга?

– В склеп?

Мегги думала, что пленники так и висят в сетках, но в церкви

---

19 Перевод В. Муравьева.

было пусто. Баста нетерпеливо потащил ее через колоннаду.

– Да, в склеп! – рявкнул он. – Там лежат мертвецы, и тех, кто скоро ими станут, мы сажаем туда же. Спускайся, да поживей! У меня есть дела поважнее, чем нянчиться с дочерью Волшебного Языка.

Ступеньки вели круто вниз, в темноту. Они были скользкие и разной высоты, и Мегги все время оступалась. Когда в непроглядной темноте она пыталась нащупать ногой следующую ступеньку, Баста подтолкнул ее грубым пинком.

– Чертов фонарь! – ругался он. – Опять погас!

Чиркнула спичка, и из мрака выплыло лицо Басты.

– Тут к тебе гости, жонглер! – язвительно сказал он, зажигая фонарь. – Дочка Волшебного Языка хочет с тобой попрощаться. Ее отец выманил тебя из другого мира, а дочка сегодня вечером постарается сделать так, что ты просто исчезнешь. Я бы ни за что не пустил ее сюда, но Сорока на старости лет очень уж подобрела. Видно, нравишься ты малышке. Уж не лицом ли? – расхохотался Баста, и его мерзкий смех эхом отозвался в сырых стенах склепа.

Мегги подошла к решетке, за которой стоял Сажерук. У него за спиной, на каменном саркофаге, сидела служанка Каприкорна. Даже в слабом свете фонаря она узнала ее лицо – лицо с фотографии Мо. Только волосы у нее потемнели и она не улыбалась.

Когда Мегги подошла к решетке, женщина, подняв голову, смотрела на нее не отрываясь.

– Просто не верится, что Мортола разрешила ей прийти сюда! – удивленно сказал Сажерук.

– Девчонка пригрозила, что, если ей не позволят навестить тебя, она прикусит себе язык. – Баста сжимал в кулаке кроличью лапку-амулет, которую он всегда носил на шее.

– Я хотела попросить у тебя прощения, – сказала Мегги, обращаясь к Сажеруку, а потом стала смотреть только на мать.

– За что? – улыбнулся тот.

– За то, что я все-таки буду читать сегодня вечером.

Ну как рассказать им о плане, который придумал Фенолио?

– Ладно, пошли, прощения ты уже попросила, – нетерпеливо сказал Баста. – Здесь ужасно сыро, ты охрипнешь.

Но Мегги, не оборачиваясь, вцепилась в решетку.

– Нет, – сказала она, – я еще побуду здесь. – Может, все-таки придет в голову что-нибудь дельное. – Я вычитала оловянного

солдатика, – сказала она Сажеруку.

– Правда? – снова улыбнулся тот. Странно, но его улыбка не показалась ей загадочной или надменной. – Значит, вечером все получится, да?

Он смотрел на нее в упор, и Мегги взглядом попыталась сказать ему: «Все будет не так, как задумал Каприкорн! Мы спасем вас!»

Внимательно вглядываясь в лицо Мегги, Сажерук старался понять, что же она хочет сказать ему. Потом, вопросительно подняв брови, он обратился к Басте.

– Как поживает фея? – спросил он. – Она еще жива?

Мегги видела, как ее мать осторожно, словно по битому стеклу, подходит к решетке.

– Еще жива, – неохотно буркнул Баста. – Динькает как заводная, спать мешает. Если не угомонится, я попрошу Плосконоса свернуть ей шею. Он ловко проделывает это с голубями, которые гадят ему на машину.

Мегги заметила, как мать осторожно достала из кармана платья бумажку и сунула ее в руку Сажерука.

– За такое обращение с феей вам с Плосконосом лет десять счастья не будет, – заверил его Сажерук. – Точно тебе говорю. Уж в феях-то я разбираюсь. А что это у тебя за спиной?

Баста обернулся как ужаленный. Сажерук, просунув руку в решетку, молниеносным движением передал записку Мегги.

– Черт, чтоб тебя!.. – выругался Баста, разгадав уловку Сажерука, и повернулся к нему лицом как раз в тот момент, когда Мегги сжала в руке клочок бумаги. – Смотри-ка, записка! – Баста без труда разогнул ее пальцы и уставился на мелкие буковки, которые написала ее мать. – А ну, читай! – Он ткнул записку ей в лицо.

Мегги покачала головой.

– Читай! – страшным шепотом сказал Баста. – Или на роже у тебя будет такой же красивый узор, как у твоего приятеля.

– Прочитай ему, Мегги, – сказал Сажерук. – Он и так знает, что без хорошего вина я жить не могу.

– Вина? – расхохотался Баста. – Так ты просил ее раздобыть вина? Да где ж она его возьмет?

Мегги смотрела на записку и запоминала каждое слово, пока не выучила наизусть: «Девять лет – долгий срок. Я каждый год отмечала твой день рождения. Ты еще красивее, чем я себе представляла».

– Да, это на тебя похоже, жонглер! – услышала она смех Басты. –

Ты хочешь напиться, чтобы победить страх? Но для этого тебе потребуется целая бочка, а то и две.

– Попытка не пытка, – пожал плечами Сажерук.

Видно, Басте показалось подозрительным, что у него такой довольный вид, поэтому он нахмурился и изучающе посмотрел на изуродованное шрамами лицо Сажерука.

– С другой стороны, – медленно проговорил Баста, – ты всегда был хитрый как лиса. Как ты думаешь, малышка, не много ли букв для одной бутылки вина? – Он сунул записку Мегги под нос. – Ты сама ее прочтешь или пусть Сорока на нее посмотрит?

Мегги выхватила у него записку и спрятала руку за спину. Баста в недоумении смотрел на свою пустую ладонь.

– А ну отдай, маленькая ведьма! – зашипел он от злости. – Отдай записку, не то я тебе все пальцы отрежу.

Но Мегги, отступив на шаг, прижалась к решетке спиной и крикнула:

– Не отдам!

Сажерук быстро сообразил и вытащил из руки Мегги бумажку, которую она прижимала к металлическим прутьям.

Баста наотмашь ударил девочку по лицу, и она ударилась головой о решетку. Кто-то погладил ее по голове. Оглушенная, Мегги обернулась и увидела перед собой лицо матери. «Сейчас он обо всем догадается», – подумала она. Но Баста смотрел на Сажерука, который размахивал у него перед носом запиской, как будто дразнил червяком голодную птицу.

– Ну что? – спросил Сажерук, отходя подальше от решетки. – Зайдешь сюда или будешь драться с маленькой девочкой?

Баста растерянно застыл на месте, как ребенок, которому незаслуженно дали подзатыльник, потом схватил Мегги за локоть и оттащил от решетки.

Девочка почувствовала, как он приставил ей к горлу что-то холодное. «Нож», – поняла она. Ее мать вскрикнула и ухватилась за Сажерука, но тот еще выше поднял записку.

– Ты трус, Баста! – сказал он. – Тебе проще приставить нож к горлу ребенка, чем войти ко мне. Вот если бы тут был Плосконос, тогда другое дело. Так ведь? Но его здесь нет. Ну, давай, заходи сюда! У тебя ведь нож, а я с голыми руками. К тому же ты знаешь, я берегу их и всегда неохотно лезу в драку.

Мегги почувствовала, как хватка Басты ослабла. Острие ножа

уже не впивалось ей в кожу. Она откашлялась и прикоснулась к шее. Ей казалось, что на руке должна быть кровь, но ее не было. Баста отпихнул Мегги с такой силой, что девочка упала на сырой каменный пол. Потом он вытащил из кармана связку ключей. Задыхаясь от ярости и тяжело дыша, как будто он пробежал марафонскую дистанцию, Баста дрожащими руками вставил ключ в замок.

Сажерук наблюдал за действиями Басты с самым невозмутимым видом. Он жестом велел матери Мегги отойти подальше от решетки и сам с изяществом танцора отступил на несколько шагов. Глядя на него, было непонятно, боится он или нет, только шрамы на его лице проступали ярче, чем всегда.

– А ну убери эту штуку! – сказал он, когда Баста вошел в камеру, наставив на него свой любимый нож. – Если ты меня убьешь, испортишь Каприкорну все удовольствие. Он тебе этого не простит.

Да, Сажерук боялся. Мегги поняла это по его голосу, да и говорил он чересчур быстро.

– Зачем же так сразу – убивать? – прошипел Баста, закрывая ногой решетку камеры.

Сажерук отступил к каменному саркофагу.

– Ты, видно, решил добавить мне узоров на лице? – Он говорил почти шепотом, но теперь в его голосе звучали ненависть, отвращение и злость. – Не думай, что это будет так же легко, как в прошлый раз, – сказал он. – С тех пор я хорошо выучил урок.

– Неужели? – Баста стоял уже в метре от него. – Посмотрим, что же ты выучил. Твой друг огонь сейчас тебе не поможет. Даже твоя вонючая куница далеко.

– Я говорю о словах! – Сажерук прикоснулся к саркофагу. – Я разве тебе не рассказывал? Феи пожалели меня за изуродованное лицо и научили насылать проклятие. Они знают, что я не люблю драться. Я тебя проклинаю, Баста, костями мертвеца, который лежит в этом гробу! Готов биться об заклад, что в нем уже давно лежит не священник, а один из тех несчастных, кто попался вам в руки. Так ведь? – Молчание Басты было красноречивее всяких слов. – Конечно, эти старые гробы – лучший тайник. – Сажерук провел рукой по треснувшей крышке. – Его дух будет преследовать тебя, Баста, до последних дней твоей жизни, – как заклинание произнес Сажерук. – Он будет вечно нашептывать тебе мое имя… – Баста схватился за свой амулет. – Это тебе не поможет, не надейся! Бедняга, у тебя, кажется, уже жар начинается? Дрожат руки и ноги подкашиваются?

Баста замахнулся на него ножом, но Сажерук ловко увернулся.

– Отдай записку! – крикнул Баста, но Сажерук с невозмутимым видом сунул ее в карман брюк.

Мегги, следившая за их поединком, краем глаза заметила, как Реза достала из кармана платья серый камешек – чуть больше перепелиного яйца.

Теперь Сажерук провел по крышке гроба двумя руками.

– Хочешь, я прикоснусь к тебе? – спросил он, показывая ему ладони. – Знаешь, что будет, если потрогать гроб, в котором лежит невинно убиенный? – Сажерук отступил на шаг в сторону, словно делая тур вальса.

– Если ты прикоснешься ко мне, я отрежу твои вонючие пальцы! – побагровев от гнева и ярости, прорычал Баста. – Сначала пальцы, а потом язык.

Он снова замахнулся ножом, но Сажерук и на этот раз увернулся. Он все быстрее двигался вокруг Басты, то отступая, то приближаясь, словно в танце, но неожиданно оказался в ловушке – за спиной была голая стена, справа – решетка, а прямо на него наступал Баста.

И тут мать Мегги бросила камешек – он попал Басте в голову. Баста обернулся, посмотрел на нее, словно вспоминая, кто она такая, и пощупал голову. Из ранки текла кровь. Мегги с удивлением обнаружила, что нож Басты теперь у Сажерука. Баста пораженно смотрел на знакомый нож, как будто не мог поверить, что тот коварно предал своего хозяина.

– Ну как? – Сажерук направил нож в живот Басты. – Какое мягкое у тебя тело! Человеческое тело вообще хрупкая вещь, а главное, найти ему замену невозможно. Как вы поступаете с бедными кошками и белками? Плосконос обожает рассказывать про это…

– Я не охочусь на белок, – прохрипел Баста, побледнев, – румянец ярости исчез с его лица. Страх не бывает румяным, страх бледен как мертвец. – Что ты хочешь сделать? – тяжело выговорил он, будто что-то душило его. – Думаешь, сможешь выбраться из деревни? Тебя пристрелят как собаку, прежде чем ты перейдешь площадь.

– Согласись, это лучше, чем встретиться с Тенью, – сказал Сажерук. – Кроме того, они все равно промажут.

Реза подошла к нему и показала в воздухе пальцем, будто пишет. Сажерук достал из кармана записку и отдал ей. Баста следил за ней одними глазами, как будто хотел взглядом, словно магнитом,

притянуть ее к себе. Реза что-то написала на ней и вернула Сажеруку. Наморщив лоб, он стал читать.

– Дождаться темноты? – спросил он. – Нет, я не хочу ждать. Но девочке, возможно, лучше остаться здесь. – Он посмотрел на Мегги. – Каприкорн вряд ли ей что-нибудь сделает, ведь она его новый Волшебный Язык, а потом отец заберет ее. – Сажерук положил записку в карман и провел кончиком ножа по пуговицам на рубашке Басты. – Иди к лестнице, Реза, – сказал он. – Мне надо закончить это дело, и мы уйдем отсюда, как самая обычная влюбленная парочка.

Реза робко открыла камеру и, выйдя оттуда, взяла Мегги за руку. Ее пальцы были холодные и чуть-чуть шершавые – чужие пальцы, но лицо было знакомое, хотя на фотографии она выглядела моложе и глаза не были такими грустными.

– Реза, мы не можем взять ее с собой! – крикнул ей Сажерук, прижимая Басту к стене. – Ее отец убьет меня, если ее вдруг застрелят. Отвернись сама и закрой ей глаза – не надо, чтобы она видела… – Нож дрогнул в его руке.

Реза с ужасом посмотрела на Сажерука и замотала головой, но Сажерук сделал вид, что не замечает ее реакции.

– Бей сильнее, жонглер! – прошипел Баста. – Убивать – непростое дело, уметь надо. Чтобы убивать, нужен опыт.

– Чушь! – Сажерук схватил его за куртку и подставил нож ему под подбородок, точно так же, как тогда в церкви Баста приставил нож к горлу Мо. – Любой дурак может убить. Сделать это так же легко, как кинуть книгу в огонь, пинком распахнуть дверь или испугать ребенка.

Мегги била дрожь. Реза сделала шаг к решетке, но замерла, увидев застывшее лицо Сажерука. Потом повернулась так, что Мегги головой уткнулась ей в грудь, и крепко обняла дочь. Запах Резы напомнил Мегги что-то давно забытое, она закрыла глаза и перестала думать. Все мысли о Сажеруке, ноже, побелевшем лице Басты улетучились из ее головы. Ей хотелось только одного – увидеть Басту мертвым, чтобы он лежал на сыром каменном полу склепа, как сломанная кукла, – неподвижный и немного страшный. Нож в руке Сажерука почти коснулся белой рубашки Басты, но вдруг Сажерук вытащил из кармана своего врага связку ключей.

– Выходит, ты прав: я не умею убивать, – сказал он, отступая к выходу из камеры. – И не хочу учиться этому, даже чтобы убить тебя.

Баста злорадно улыбнулся, но Сажерук запер решетку и, взяв

Резу за руку, повел ее к лестнице.

– Отпусти девочку, – сказал Сажерук, видя, что Реза все еще обнимает Мегги. – Поверь, ей ничто не угрожает, но взять ее с собой мы не можем.

Реза продолжала качать головой и все обнимала Мегги за плечи.

– Эй, жонглер! – крикнул Баста им вслед. – Я ведь знал, что ты не сможешь убить. Отдай нож, тебе он ни к чему.

– Они убьют тебя, если ты останешься, – не слушая его, сказал Сажерук Резе. Он не выпускал ее руку.

– Эй, тревога! Сюда! – заорал Баста. – Пленники сбежали!

– Почему ты не заткнул ему рот? – в ужасе спросила Мегги.

– А чем, принцесса? – спросил Сажерук.

Реза, прижав Мегги к себе, гладила ее по голове.

– Пристрелят! Они вас пристрелят! – Баста зашелся от крика. – Тревога! – вопил он, изо всех сил тряся решетку.

Наверху послышались шаги. Сажерук кинул взгляд на Резу, негромко выругался и бросился вверх по лестнице.

Мегги не слышала, как наверху открылась дверь. Непрерывный крик Басты заглушал все. Ей захотелось его ударить. Что же им теперь делать? Она услышала шаги – кто-то торопливо спускался по лестнице. Сажерук? Из темноты возник Плосконос. За ним прибежал еще один чернокурточник, на вид совсем мальчишка, и тут же наставил ружье на Мегги и Резу.

– Баста, как ты оказался за решеткой? – в недоумении спросил Плосконос.

– Выпусти меня, остолоп проклятый! – заорал на него Баста. – Жонглер смылся!

– Жонглер? – Плосконос утерся рукавом. – Значит, ты был прав, салага. Баста, этот сопляк видел пожирателя огня наверху за колонной церкви.

– И вы за ним не погнались? – рассвирепел Баста, прислонив лицо к решетке так, словно хотел протиснуться сквозь железные прутья. – Вы что, идиоты?

– Выбирай слова, умник! – Плосконос подошел к решетке и уставился на Басту. – Значит, Сажерук снова умыл тебя. Боюсь, Каприкорну это не понравится.

– Живо за ним в погоню! – рявкнул Баста. – А то скажу Каприкорну, что это ты его выпустил.

Плосконос достал из кармана носовой платок и не спеша

высморкался.

– Что ты говоришь? А кто же сидит за решеткой на его месте? Далеко ему все равно не уйти: на автостоянке двое постовых, на площади еще трое, а лицо у него такое, что ни с кем не спутаешь. Ты сам позаботился об этом. – И он засмеялся своим резким, лающим смехом. – Знаешь, а ты отлично смотришься в этой камере за решеткой. Совсем не наглый и ножом не машешь, надо и не надо.

– А ну открой этот чертов замок! – заорал Баста. – Или мне укоротить твой уродский нос?

– Я не могу его открыть, – сказал Плосконос занудным голосом, сложив руки на груди. – Сажерук унес ключи с собой. Или ты обронил их где-нибудь? – Он выразительно посмотрел на юнца, который все еще держал под прицелом Мегги и ее мать. Тот покачал головой. Плосконос ухмыльнулся всем своим расплющенным лицом. – Придется идти к Мортоле. Наверняка у нее есть запасной ключ.

– Хватит ухмыляться! – крикнул Баста. – А то я тебе не только нос, но и губы подрежу!

– Ах как страшно! Где же твой нож? Или Сажерук опять прихватил его? Таким манером у него скоро целая коллекция наберется! – Плосконос, повернувшись к Басте спиной, указал мальчишке на соседнюю камеру: – Запри в ней женщину и сторожи, пока я не вернусь с ключами. Но сначала отведу куда надо нашу деточку.

Мегги стала сопротивляться, но Плосконос, приподняв ее, перекинул через плечо и понес.

– А Каприкорн знает, что девчонка тут делала? – поинтересовался он у Басты.

– Спроси об этом Сороку, – усмехнулся тот.

– Обойдусь как-нибудь, – пробубнил Плосконос, поднимаясь со своей ношей по лестнице.

Мегги не видела, как молодой чернокурточник винтовкой заталкивал ее мать в соседнюю с Бастой камеру. В памяти остались только ступеньки, церковь и пыльная площадь, через которую Плосконос тащил ее, как мешок с картошкой.

– Неужели твой голос такой же дохлый, как ты сама, – съязвил он, опуская ее перед дверью комнаты, в которой ее держали с Фенолио. – Тогда вечером Тень у нас получится малахольная!

Мегги не ответила.

Когда Плосконос отпер дверь, она, не замечая Фенолио, залезла на свою кровать и уткнулась лицом в свитер Мо.

Элинор не повезло

Описав точное местонахождение полицейского участка и присовокупив многочисленные указания, как пройти переулком, пересечь двор, подняться по лестнице к двери по правую руку и, войдя в комнату, снять шляпу, Чарли Бейтс предложил ему проститься и быстро идти дальше и обещал ждать его возвращения там, где они расстались.

Ч. Диккенс. Оливер Твист[20]

Больше часа Элинор добиралась до поселка, где был полицейский участок. И хотя моря еще не было видно, холмы здесь были более пологими и их склоны покрывали виноградники, а не густой лес, как вокруг деревни Каприкорна. Утро предвещало очень знойный день, но, выходя из машины, Элинор услышала вдали раскаты грома. Небо над головой было синее-синее, как океанская глубь – манящая, но опасная…

«Не будь идиоткой, Элинор! – сказала она себе, подходя к светло-желтому зданию полицейского участка. – Сегодня будет гроза, только и всего. Неужели ты стала такой же суеверной, как этот бандит Баста?»

---

[20] Перевод А. Кравцовой.

Двое полицейских сидели в тесной комнатке. Их форменные куртки висели на спинках стульев. Под потолком лениво крутился большой вентилятор, но в помещении стояла такая духота, что было не продохнуть.

Полицейский помоложе, широким лицом и курносым носом походивший на мопса, даже не дослушав, высмеял Элинор. Он спросил, почему она такая красная, неужели любительница местного вина? Элинор чуть не спихнула его со стула, но второй полицейский – высокий худой человек с печальными глазами и темными волосами с залысинами – успокоил ее.

– Перестань! – сказал он напарнику. – Пусть она хотя бы договорит.

Он слушал, как Элинор рассказывала о Каприкорне и чернокурточниках, и лицо его оставалось бесстрастным. Потом, когда она поведала о поджогах и дохлых петухах, он нахмурился, а когда она дошла до Мегги и предстоящей казни – изумленно вскинул брови. Элинор не упомянула ни о книге, ни о том, каким способом совершится казнь сегодня вечером. Она сама, расскажи ей кто-нибудь подобную историю недели две назад, ни за что не поверила бы в эти небылицы.

Выслушав рассказ Элинор, полицейский некоторое время молчал. Он навел порядок на столе – аккуратно поставил на место карандаши, сложил стопкой бумаги, – и внимательно посмотрел на нее.

– Я слышал об этой деревне, – задумчиво сказал он.

– Еще бы, кто ж о ней не слышал! – с насмешкой сказал тот, что помоложе. – Это же деревня самого дьявола, прóклятая деревня, даже змеи ползут вокруг нее стороной. Ходят слухи, что стены церкви там выкрашены кровью, по улицам ходят люди в черном, которые на самом деле и не люди вовсе, а души умерших, и в карманах у них тлеет огонь. Стоит подойти к ним слишком близко – и человек исчезает, растворившись в воздухе… – Довольный собой, он заложил руки за голову.

Взгляд, которым Элинор его одарила, был холодным как лед. Другой полицейский улыбнулся и, вздохнув, встал из-за стола. Надев куртку, он махнул рукой, чтобы Элинор следовала за ним.

– Надо взглянуть, что там творится, – сказал он на ходу.

– Давай поезжай, видно, тебе делать больше нечего! – крикнул ему вслед молодой напарник и снова так громко рассмеялся, что

Элинор подумала, а не вернуться ли, чтобы все-таки спихнуть его со стула.

Через несколько минут она уже ехала в полицейской машине по той же дороге, что, петляя между холмами, привела ее в участок. «Господи, почему я не приехала сюда раньше? – размышляла она. – Вот теперь все будет хорошо! Никого не казнят, Мегги вернется к отцу, все снова будет хорошо. Молодец, Элионор!» – без конца повторяла она. Никогда еще она не была так довольна собой. Пусть теперь кто-нибудь попробует сказать, что она ничего не понимает в жизни! Ей хотелось петь и танцевать, хотя прежде она этого не делала, потому что не умела.

Полицейский сидел рядом. Он молча глядел на дорогу и поворачивал на такой скорости, что у Элинор сердце в пятки уходило, и, чтобы успокоиться, она теребила мочку уха. Дорога, по всей видимости, была ему хорошо знакома: ни на одном перекрестке, ни на одной развилке он не сбился с пути. Элинор вспомнила, как они с Мо искали эту деревню, как вдруг ей в голову пришла неожиданная мысль.

Машина в очередной раз повернула на такой бешеной скорости, что колеса с левого борта почти нависли над обрывом.

– У Каприкорна много людей, – сказала Элинор с тревогой в голосе. – Они вооружены, хотя стреляют плохо. Может, стоит вызвать подкрепление?

Она видела что-то подобное в каком-то идиотском полицейском боевике. Полицейские в кино всегда просили подкрепление.

Полицейский, пригладив редеющие волосы, кивнул: мол, он и сам об этом подумал.

– Конечно, подкрепление пригодится, – сказал он, с безучастным видом включая рацию. – Но пока пусть будет просто наготове. В деревне мы для начала зададим несколько вопросов.

Он вызвал по рации группу из пяти человек. По мнению Элинор, этого было мало против целой банды Каприкорна, но все же лучше, чем мужчина с мальчиком и неуклюжая любительница книг.

– Это она! – вскрикнула Элинор, разглядев вдали неприметную, скрытую в темной зелени, деревню Каприкорна.

– Скоро будем, – ответил полицейский и до самой деревни не произнес больше ни слова.

У нее не было никакого дурного предчувствия, когда он кивком поприветствовал постового на автостоянке. Но когда они вошли в

церковь и он передал ее в руки Каприкорну, словно найденную вещь ее законному хозяину, она осознала, что все пропало и что она просто набитая дура.

– Эта леди рассказала странную историю, – сказал полицейский, не глядя на Элинор. – Что-то о похищении ребенка. Это вам не поджог, это серьезное обвинение…

– Все это вздор, – бесстрастно сказал Каприкорн. – Я люблю детей, но на расстоянии. Они отвлекают от работы.

Полицейский кивнул, с обреченным видом разглядывая свои руки.

– Еще она рассказала о какой-то казни…

– Не может быть! – Каприкорн посмотрел на Элинор, словно поражаясь игре ее воображения. – Вы, офицер, прекрасно знаете, что это не мои методы. Мои люди исправно выполняют все мои приказы, и у меня нет надобности прибегать к подобным мерам.

– Конечно, – тихо сказал полицейский и направился к выходу.

Едва в церкви стихли его быстрые шаги, Кокерель, сидевший на ступенях, захохотал:

– Это у него трое детей? Надо, чтобы все полицейские имели маленьких детей. С этим справились легко: Баста всего лишь пару раз прогулялся перед школой, где учатся его дети. Может, освежить ему память? Для профилактики.

Он взглянул на Каприкорна, но тот покачал головой:

– Лучше подумаем, что делать с нашей гостьей. Поступим с ней так же, как и с другими, которые распускают о нас всякие слухи?

От взгляда бесцветных глаз Каприкорна у Элинор подкосились ноги. «Если бы сейчас Мортимер предложил вчитать меня в какую-нибудь книгу, – подумала она, – я бы тут же согласилась и не стала бы даже препираться с ним». За спиной у нее стояли подручные Каприкорна – о побеге не могло быть и речи. «Что ж, Элинор, – решила она, – тебе остается только достойно умереть!»

– Склеп или хлев? – спросил Кокерель.

«Склеп? – подумала Элинор. – Сажерук, кажется, что-то говорил о склепе… Думаю, ничего хорошего…»

– Какая разница? Пусть будет склеп. Все равно от нее надо избавиться. Кто знает, кого она приведет в следующий раз, – сказал Каприкорн и зевнул, прикрывая рот рукой. – Значит, сегодня вечером у Тени будет больше работы, чем планировалось. Она только обрадуется.

Элинор хотелось бросить им в лицо какое-нибудь смелое обвинение, но язык не желал слушаться. Кокерель почти дотащил ее до той дурацкой статуи, но Каприкорн велел вернуться.

– Я забыл спросить ее про Волшебного Языка, – сказал он. – Может, она знает, где он?

– А ну говори! – рявкнул Кокерель и с такой силой схватил ее сзади за шею, словно собрался вытрясти из нее ответ. – Выкладывай, где он скрывается?

Стиснув зубы, Элинор стала соображать.

– Разве меня надо об этом спрашивать? – крикнула она Каприкорну, когда язык снова стал ей повиноваться. Каприкорн по-прежнему сидел в своем кресле бледный, как будто его долго стирали и выбеливали на безжалостном солнце. – Разве не твои люди застрелили его вместе с мальчиком?

«А теперь взгляни на него в упор, Элинор, – велела она себе. – И не отводи глаза. Вспомни, как ты смотрела на отца, когда он заставал тебя с книгой, которую запрещал тебе читать! Выжми слезу. Разозлись! Вспомни свои сожженные книги, страх и отчаяние прошлой ночи, а если все это не поможет, ущипни себя как можно сильнее!»

Каприкорн подозрительно смотрел на нее.

– Я же говорил! – воскликнул Кокерель. – Мы его подстрелили!

Элинор не сводила глаз с лица Каприкорна, которое все больше расплывалось от ее притворных слез.

– Мои люди прочесывают холмы – ищут сбежавшего пленника, – медленно проговорил он. – Ты, наверное, знаешь, где искать трупы?

– Я похоронила их и, хоть режьте, не скажу где. – Элинор почувствовала, как по ее носу стекает слеза. «Клянусь буквами алфавита! – удивилась она. – Элинор, в тебе пропала драматическая актриса. Кто бы мог подумать!»

– Значит, говоришь, похоронила. – Каприкорн покрутил кольца на левой руке – их было три, и он то и дело поправлял их, как будто не позволял покинуть пост без разрешения командира.

– Поэтому я и обратилась в полицию, – призналась Элинор. – Я хотела отомстить за них и за свои книги.

Кокерель снова захохотал:

– Здорово же они горели! Лучше всяких дров.

Элинор со всей силы влепила ему пощечину, а рука у нее была тяжелая, и разбила ему нос. Он утер кровь рукавом и удивленно

уставился на красные пятна.

– Видишь? – показывал он Каприкорну измазанный кровью палец. – Спорим, Тени придется повозиться с ней подольше, чем с Бастой!

Схватив Элинор за локоть, он потащил было ее в склеп, но она зашагала рядом с ним, гордо подняв голову. Правда, увидев лестницу, уходившую в бездонную черную дыру, она на несколько мгновений утратила всю свою решимость. «Склеп – место для обреченных», – поняла она. В нем пахло плесенью, сыростью, смертью…

Но, увидев прижавшегося к решетке Басту, Элинор не поверила своим глазам. Она решила, что ослышалась, когда Кокерель сказал о нем. В глазах Басты застыло такое же отчаяние и страх, как у затравленного зверя в клетке. Он смотрел на Элинор невидящим взглядом – сквозь нее, словно она и Кокерель были невидимками, которых он так боялся.

– Что он тут делает? – спросила Элинор. – Вы уже своих сажаете?

– Сказать ей? – пожав плечами, спросил Кокерель Басту, но тот по-прежнему глядел на них пустым, ничего не выражающим взглядом. – Сперва он упустил Волшебного Языка, а теперь еще и жонглера. Нельзя же так портить отношения с боссом, даже если ты его любимчик. А поджигать ты уже давно разучился, – злорадно сказал Кокерель Басте и подтолкнул Элинор к соседней камере.

«Ну-с, госпожа Лоредан, вам самое время подумать о завещании, – вздохнула Элинор. – Если Каприкорн готов прикончить своего самого верного пса, то уж с вами церемониться не станет».

– Не вешай нос! – крикнул Кокерель Басте, вытаскивая из кармана ключи. – Ты все-таки в обществе дам.

– Вы так и не поймали пожирателя огня? – спросил он охрипшим голосом и уперся лбом в решетку.

– Нет, но эта толстуха утверждает, что мы все-таки пристрелили Волшебного Языка. Не зря же Плосконос столько кошек перебил, пока тренировался.

Когда Кокерель открыл дверь камеры, в темноте что-то зашевелилось – там, прислонясь спиной к каменному гробу, сидела женщина.

– Это тебе для компании, Реза! – Кокерель втолкнул Элинор в камеру и ушел, посмеиваясь. – Будет с кем поболтать.

Элинор не видела лица женщины, но, когда та поднялась, не знала, радоваться ей или плакать. Она предпочла бы встретиться со

своей любимой племянницей в другом месте и при других обстоятельствах.

Жизнь на волоске

– Я не знаю, что это, – грустно ответил Файвер.

– Сейчас в этом нет ничего страшного, но потом, потом…

Р. Адамс. Внизу у реки

Фарид услышал чьи-то шаги в то мгновение, когда они начали подготавливать факелы, которые должны были гореть долго, поэтому необходимо было сделать их туже и крупнее, чем те, что Сажерук использовал во время своих представлений. Мальчик обрезал Мо волосы ножом, который подарил ему Сажерук, и они стали короткие, как щетина, – Мо стал выглядеть немного по-другому. Потом Фарид посоветовал ему натереть землей лицо, чтобы оно стало темным. «Теперь нас никто не узнает!» – подумал он, как вдруг услышал чьи-то шаги и голоса: кто-то ругался, другой человек смеялся и что-то кричал, но разобрать слова было невозможно.

Мо собрал факелы. Фарид небрежно запихнул в рюкзак Гвина, и тот лязгнул зубами.

– Куда ты, Фарид? – прошептал Мо.

– Я сейчас! – сказал Фарид и закинул рюкзак на плечо. Он

перелез через черные камни в том месте, где когда-то было окно, и спрыгнул в траву. Металлическая плита, которую он отбросил в сторону, уже поросла алиссумом, невзрачные белые цветки которого покрывали ее, словно снег. Эту плиту Фарид нашел, когда ему пришлось провести здесь долгие часы с Сажеруком, с молчаливым, замкнутым жонглером. Забавляясь, мальчик прыгал в траву, чтобы прогнать скуку, и вдруг обнаружил яму под плитой. Он заметил, что под ней раздавался гулкий звук. Возможно, эту яму выкопали как погреб, но однажды ее использовали как тайник.

Мо наткнулся в темноте на скелет и отшатнулся. Вряд ли это был скелет взрослого человека. Он лежал свернувшись калачиком, и поэтому мальчик не испугался его – выглядел он вполне мирно.

Фарид задвинул плиту над тесной ямой. Мо был высок для такого убежища, но с ним мальчику было все-таки спокойнее, хотя он слышал такое же частое биение сердца Мо, как у него самого, когда они сидели рядом, прислушиваясь к звукам наверху.

Голоса были неразборчивы, словно доносились из преисподней. Вдруг кто-то наступил на плиту, и Фарид схватил Мо за локоть. Когда наверху все затихло, они еще долго не могли поверить, что вокруг тишина. Фариду даже стало мерещиться, что скелет двигается.

Мо осторожно сдвинул плиту и выглянул наружу – наверху действительно никого не было. Лишь трещали цикады да испуганно вспорхнула птица с обугленной стены.

Они взяли все: одеяла, свитер Фарида, в который он кутался ночью, и даже окровавленные тряпки, которыми Мо перевязывал ему лоб.

– Что ж, – произнес Мо, стоя у кострища, – сегодня одеяла нам не понадобятся. Что бы я без тебя делал, ухо-парень, ловкач и искатель тайников?! – воскликнул он и погладил мальчика по голове.

Потупив взор, Фарид улыбнулся.

Такое хрупкое создание

Когда она сказала, что надеется обрадовать Динь-Динь, он спросил:

– А кто такая Динь-Динь?

– Как, Питер?! – изумилась она, но даже после разъяснений он так ничего и не вспомнил.

– Их так много, – сказал он. – Думаю, она

теперь мертва.

И, кажется, был прав, ведь феи-то не живут долго, хотя сами настолько невелики, что и малый промежуток времени представляется им не таким уж маленьким.

Дж. М. Барри. Питер Пэн

Подручные Каприкорна искали Сажерука не там, где он был. Он не смог уйти из деревни. Сажерук прятался в доме Басты.

Дом Басты находился в переулке за двором Каприкорна, среди заброшенных построек, где обитали лишь кошки да крысы. Соседей у него не было, он вообще не любил общаться с людьми, кроме Каприкорна. Сажерук был уверен, что Баста спал бы, как собака, у порога Каприкорна, если б ему разрешил хозяин, но никто из подручных Каприкорна не жил в его доме. Они только охраняли его, а ели в церкви и спали в опустевшем доме, каких в деревне было немало. Чернокурточники постоянно меняли место жительства: сначала жили в одном доме, а если прохудится, например, крыша – перебирались в другой. И только Баста жил на одном месте. Сажерук предполагал, что он присмотрел этот дом, потому что у его порога рос зверобой – оберег от всякого зла, за исключением того зла, что было у самого Басты.

Дом был из серого камня, как почти все дома в округе. Черные ставни Баста обычно закрывал, нарисовав на них знак, защищавший, как он считал, от беды, подобно цветам зверобоя. Иногда Сажерук думал, что Баста боится проклятия, потому что боится мрака в своей душе, отчего мир вокруг кажется ему тоже мрачным.

Не успел Сажерук выйти из церкви, как наткнулся на отряд подручных Каприкорна. Увидев его, они растерялись от удивления, и он успел скрыться в переулке. К счастью, Сажерук знал в этой деревне каждый камень. Он направился было к автостоянке, чтобы оттуда уйти в горы, но внезапно вспомнил о том, что дом Басты стоит пустой. Он пробирался вдоль разрушенных стен, прячась в подвалах и опустевших домах. Он умел прятаться – даже Гвин не мог его превзойти. И это умение ему пригодилось: он облазил все заброшенные уголки деревни, как исследовал любое другое место, где ему приходилось бывать.

Обессиленный, он добрался до дома Басты. Баста, едва ли не

единственный в деревне, запирал свою дверь, но замок не остановил Сажерука. Чтобы немного отдышаться, он спрятался на чердаке, где так прогнили балки, что на каждом шагу можно было провалиться. На кухне оказалась еда – это было очень кстати: от голода у него уже сводило желудок. С тех пор как их с Резой посадили в сетки, их ни разу не покормили.

Перекусив, он приоткрыл ставни, чтобы его не застали врасплох, но услышал лишь легкое, едва уловимое динькание. И тут он вспомнил о фее, которую вычитала Мегги.

Он нашел ее у Басты в спальне, где стояли лишь кровать и комод, на котором были аккуратно сложены закопченные кирпичи. В деревне ходили слухи, что из каждого дома, подожженного по приказу Каприкорна, Баста уносил по кирпичу, хотя боялся огня. На одном кирпиче стоял стеклянный кувшин, в котором что-то мерцало, наподобие светлячка. На дне, свернувшись, словно бабочка, только что освободившаяся из кокона, лежала фея. Кувшин был накрыт тарелкой, но хрупкое создание вряд ли могло летать. Когда Сажерук снял тарелку, фея не подняла головы. Он осторожно вытащил ее. У феи были такие крошечные ручки и ножки, что он боялся сломать их. Феи, которых он знал раньше, были меньше, но не такие хрупкие, у них была кожа фиолетового цвета и четыре блестящих крылышка. А у этой был человеческий цвет кожи, а крылья как у бабочки. Ее нужно было покормить: она выглядела полумертвой. Станет ли она есть то, что любили все феи?

Сажерук взял с кровати подушку, положил ее на чистый стол (в доме у Басты все сияло чистотой, как его белоснежная рубашка) и устроил на ней фею. Потом он налил в блюдце молока и поставил на стол. Фея открыла глаза: похоже, она, как и все феи, которых он знал, тоже любила молоко. Он обмакнул в молоко палец и капнул ей на губы. Она слизала каплю, как котенок. Сажерук кормил ее молоком до тех пор, пока она смогла сесть. Фея слабо взмахнула крылышками, на ее лице появился румянец, и она начала тихо динькать, но он не понимал ни слова, хотя знал три языка, на которых говорят феи.

– Жаль! – прошептал он, пока она трепетала и неуверенно вспархивала. – Наверное, я не узнаю, сможешь ли ты сделать меня невидимкой или таким же маленьким существом, чтобы улететь с тобой на торжество Каприкорна.

Фея глянула на него, что-то динькнула и опустилась на буфет.

Сажерук присел к столу, посмотрел на нее и подумал: «Как

приятно снова увидеть фею! Если бы еще у огня было чувство юмора, а из-за деревьев хотя бы изредка выглядывал кобольд или стеклянный человечек, вероятно, я привык бы к этому миру: к шуму, спешке, толпе и к светлым ночам…»

Он еще долго сидел на кухне своего врага и наблюдал за феей, всюду совавшей свой нос (феи – существа любопытные, похоже, и эта не была исключением) и время от времени подлетавшей к блюдечку, пока он вновь не наполнил его молоком. Иногда он слышал за окном шаги, но каждый раз кто-то проходил мимо. Хорошо, что у Басты не было друзей. От духоты Сажерук начинал дремать, но ночь наступит еще не скоро – у него было время на размышления, стоит ли ему идти на праздник Каприкорна.

Зачем ему туда идти? Книгу он сможет украсть и позже, когда в деревне установится спокойствие. Реза? Но что он мог сделать для Резы? Тень заберет ее, и никто не сможет помочь ей, даже Волшебный Язык, если он и отважится на такой безумный поступок. Но он и не подозревает, что она там. А его дочка теперь любимая игрушка Каприкорна, он не даст ее в обиду Тени.

«Нет, не пойду я туда, – думал Сажерук. – Зачем? Помочь я им не смогу. Можно еще отсидеться здесь немного. А когда не будет Басты, я уйду отсюда…» Он знал, что не сделает этого, пока книга здесь.

Фея опустилась на окно и выглянула на улицу.

– Оставайся здесь, – сказал Сажерук. – Там жизнь не для тебя.

Она вопрошающе посмотрела на него, сложила крылья и села на подоконник, словно не могла сделать выбор между душной комнатой и свободой в чужом мире за окном.

Правильные слова

Именно это и было самым ужасным: тина преисподней обладала голосом и кричала, аморфный прах двигался и грешил, то, что было мертвым и лишенным формы, присваивало функции жизни.

Р. Л. Стивенсон. Странная история доктора Джекила и мистера Хайда[21]

[21] Перевод И. Гуровой.

Фенолио все писал и писал, но листов под матрацем не накапливалось. Он доставал их, что-то зачеркивал и вписывал, потом рвал лист, брал другой. Мегги слышала, как он ворчал:

– Нет, нет, нет! Это не то, пока не то.

– Через час-другой стемнеет, – беспокойно сказала она. – А вдруг вы не успеете?

Он раздраженно ответил:

– Я уже все закончил, но мне не нравится то, что я сделал. Тут столько вопросов! Ведь Тень, уничтожив Каприкорна, может пойти на тебя, или на меня, или на пленников! Неужели нет другого выхода, кроме убийства Каприкорна? И куда я дену его подручных?

– Пусть Тень их убьет! – прошептала Мегги. – Иначе нам не выбраться отсюда и не спасти мою маму!

Фенолио ответ не понравился.

– Какая ты безжалостная! – воскликнул он. – Всех убить! Ведь среди них есть совсем еще дети. – Он покачал головой: – Нет, я не организатор массовых убийств, я писатель! Я должен придумать бескровное решение.

И он вновь начал писать… Солнце уже садилось, и его лучи окрасили золотом вершины холмов.

Каждый раз, когда Фенолио слышал шаги в коридоре, он прятал исписанные страницы под матрац, но никто так и не пришел посмотреть, что же старик пишет, ведь Баста сидел в заключении.

За дверью скучали часовые. Со всей округи стекались люди Каприкорна, чтобы посмотреть на казнь. Мегги прижимала ухо к двери и подслушивала их разговоры. Все ждали представления. Басту никто, похоже, не жалел – напротив, казнь бывшего любимчика Каприкорна делала спектакль особенно заманчивым. Говорили и о Мегги, ее называли маленькой ведьмой, колдуньей, но верили в это, вероятно, не все.

О палаче Басты Мегги не узнала ничего нового, но имя его произносили со страхом. Тень была знакома только тем, кто, как и Каприкорн, был из книги Фенолио, но наслышаны о ней были все, и у всех были самые мрачные представления о том, как она расправится с пленниками. Были разные предположения, как Тень убивает свои жертвы, и то, что слышала Мегги, становилось с приближением темноты все страшнее и страшнее. Наконец ей надоело слушать, и она села к окну, зажав ладонями уши.

Когда часы на колокольне пробили шесть, Фенолио отложил ручку и с удовлетворением посмотрел на написанное.

– Готово! – шепотом воскликнул он. – Все получилось, как надо! – Он позвал Мегги и протянул ей листок. – Читай! – сказал он, тревожно глядя на дверь.

– Это все? – Мегги недоверчиво смотрела на бумагу.

– Ну конечно! Больше ничего и не нужно! Главное – найти правильные слова. Читай же!

За дверью хохотали, и Мегги никак не могла сосредоточиться. Не успела она дочитать первое предложение, как за дверью внезапно все стихло и послышался голос Сороки:

– Что здесь происходит?

Фенолио мгновенно выхватил у Мегги листок и спрятал его под матрац. Едва он опустил простыню, как дверь отворилась и вошла Сорока.

– Вот твой обед, – сказала она Мегги и поставила на стол тарелку.

– А мне? – спросил Фенолио с фальшивой беспечностью.

Старик боялся, что Сорока заметит сбившийся матрац, под который он засунул листок, но она даже не взглянула на него. Мегги уже поняла, что Сорока считала Фенолио просто лгуном.

– Съешь все, – приказала она Мегги, – а потом переоденься. Одежда у тебя такая грязная!

Она подозвала свою служанку, девочку на четыре-пять лет старше Мегги, которая, похоже, знала, что Мегги считают ведьмой, и, стараясь не смотреть на нее, повесила белое платье на дверцу шкафа.

– Не нужно мне это платье! – сердито сказала Мегги и отвернулась. – Я надену свитер. – Она взяла свитер Мо, но Сорока вырвала его у нее.

– Замолчи! Каприкорн подумает, что на тебя надели мешок. Это он выбрал тебе платье, и ты его наденешь, иначе мы сами наденем его на тебя. Я зайду за тобой, когда стемнеет. Умойся и причешись, а то выглядишь как бродячая кошка!

Служанка с опаской прошла мимо Мегги, словно боялась обжечься об нее. Сорока нетерпеливо вытолкнула ее в коридор и вышла из комнаты.

– Закрой за мной, – приказала она Плосконосу. – Скажи своим дружкам, чтоб убирались. А ты должен караулить.

Плосконос со скучающим видом пошел к двери. Мегги заметила,

как он скорчил рожу за спиной Сороки.

– Я не люблю ходить в белом, – сказала Мегги, разглядывая платье. – Псы смерти – белые. Мо рассказывал мне о них сказку.

– Да, красноглазые псы смерти, – произнес Фенолио. – Привидения тоже белые, а древним богам в жертву приносили только белых животных. Да нет! – быстро исправился он, увидев испуганные глаза Мегги. – Каприкорн, конечно, не думал об этом, выбирая тебе платье. Он и не знает этих историй! Белый – это цвет начала и конца, и мы с тобой позаботимся о том, чтобы он означал конец Каприкорна.

Он подвел Мегги к столу и усадил ее на стул.

– Что это? – спросила Мегги.

– Наверное, телятина.

Мегги отодвинула тарелку.

– Я не хочу есть, – сказала она.

Фенолио с жалостью посмотрел на нее.

– Знаешь, Мегги, – сказал он, – я думаю, следующую историю я напишу о тебе, о том, как ты всех нас спасаешь своим голосом. Это будет захватывающая история…

– У нее будет хороший конец?

Мегги взглянула в окно. Скоро совсем стемнеет. А что, если Мо придет на праздник и снова попытается ее освободить? Он же ничего не знает об их планах. А вдруг в него опять будут стрелять? А если они все-таки попали в него вчера ночью?.. Мегги печально уронила голову на руки.

Фенолио погладил ее по голове.

– Все будет хорошо, Мегги! – шепнул он. – Поверь, мои истории всегда хорошо заканчиваются, если я так захочу.

– У этого платья очень узкие рукава, – сказала Мегги. – Как я достану листок, чтобы не заметила Сорока?

– Я отвлеку ее. Надейся на меня.

– Но все могут увидеть, как я достаю листок.

– Чепуха. У тебя все получится. – Фенолио приподнял ей голову за подбородок. – Все будет хорошо! – повторил он, смахивая слезу с ее щеки. – Ты будешь не одна. Я с тобой, где-то рядом Сажерук. Поверь мне, я знаю его, как самого себя, он придет хотя бы для того, чтобы посмотреть на книгу, и при первой возможности попытается завладеть ею… Кроме того, на свете есть еще твой отец и тот мальчик, который так влюбленно смотрел на тебя тогда на площади у памятника, где я встретил Сажерука.

– Прекратите!

Мегги слегка толкнула его локтем в живот и улыбнулась, хотя слезы застилали ей все: стол, собственные руки и морщинистое лицо Фенолио. Ей казалось, что она наревелась за последнее время на всю оставшуюся жизнь.

– Почему же? Он красивый мальчик! Я бы замолвил за него словечко твоему отцу.

– Перестаньте!

– При условии, что ты все-таки поешь. – Фенолио пододвинул ей тарелку. – И эта ваша родственница, как ее?..

– Элинор.

Мегги положила в рот маслину.

– Да. Может, и она где-то рядом, вместе с твоим отцом. Боже, подумать только, нас получается даже больше!

Мегги чуть не подавилась косточкой от маслины. Фенолио улыбался. Когда Мо смешил ее, он поднимал брови и делал такое удивленное лицо, как будто не мог понять, над чем она смеется. Мегги вдруг так четко представила его, что едва удержалась, чтобы не протянуть руку…

– Ты скоро увидишься с отцом, – шепнул Фенолио, – и расскажешь ему, что нашла свою мать и спасла ее от Каприкорна. Все будет здорово, правда?

Мегги кивнула.

Платье было велико Мегги. Ступив в нем два шага, она споткнулась о подол. Воротник и манжеты кололись, а рукава были узкие, однако тонкий листок бумаги можно было легко просунуть под манжету.

Когда над колокольней взошла бледная луна, Сорока пришла за Мегги.

– Ты не причесана! – разозлилась Сорока.

С ней была другая служанка, красноликая женщина невысокого роста, которая, похоже, совсем не боялась колдовских чар Мегги. Она с такой силой провела гребнем по ее волосам, что Мегги чуть не вскрикнула.

– Туфли! – рявкнула Сорока, увидев под платьем Мегги ее босые ноги. – Почему никто не подумал о туфлях?

– Пусть свои наденет. – Служанка показала на стоптанные

кроссовки Мегги. – Платье такое длинное, что никто и не заметит. А разве ведьмы не босиком ходят?

Сорока так посмотрела на служанку, что та запнулась на полуслове.

– Конечно! – произнес Фенолио, с улыбкой наблюдавший за тем, как наряжают Мегги. – Как раз так они и ходят. А не переодеться ли и мне для такого случая? Что надевают на казнь? Я, наверное, буду сидеть с Каприкорном?

Сорока выпятила свой подбородок, такой маленький и мягкий, словно его сняли с другого, более доброго лица.

– Ты можешь остаться в чем есть, – язвительно сказала Сорока, вставляя в волосы Мегги заколку с жемчугом. – Узники могут не переодеваться.

– Узники? – спросил Фенолио.

– Да, узники. А кто же? – Сорока отошла и оглядела Мегги. – Годится, – сказала она. – Интересно, с распущенными волосами она мне кого-то напоминает.

Мегги опустила голову, а Фенолио стал отвлекать Сороку, чтобы она не увлеклась своими наблюдениями.

– Но я не обычный узник. Поймите это наконец! – отрезал он. – Без меня всего этого вообще не было бы, включая и вашу малоприятную особу!

Сорока смерила его презрительным взглядом и взяла Мегги за руку – к счастью, не за ту, где под манжетой был спрятан листок Фенолио.

– За тобой придут в свое время, – бросила она ему, идя с Мегги к двери.

– Помни, что говорил тебе отец! – крикнул Фенолио вслед Мегги. – Слова оживут тогда, когда ты почувствуешь их вкус на языке.

Сорока подтолкнула Мегги в спину.

– Поторапливайся, – сказала она, закрывая дверь.

Огонь

– Я знаю, что делать! – крикнула Багира, вскакивая. – Ступай скорее вниз, в долину, в хижины людей, и достань у них Красный Цветок. У тебя будет тогда союзник сильнее меня, и Балу, и тех волков Стаи, которые любят тебя. Достань Красный Цветок!

Красным Цветком Багира называла огонь, потому что ни один зверь в джунглях не назовет огонь его настоящим именем. Все звери смертельно боятся огня и придумывают сотни имен, лишь бы не называть его прямо.

Р. Киплинг. Маугли[22]

С наступлением сумерек Мо и Фарид отправились в путь. Помня о своей последней ночной вылазке в деревню Каприкорна, они решили, что Гвина с собой лучше не брать. Фарид шел впереди – Мо не знал, что он боится ночных духов, и не смеялся над ним, что уменьшало страх Фарида.

Он осторожно, но уверенно спускался по крутому склону, как будто духи стали его бояться и он даже может ими повелевать, как

[22] Перевод Н. Дарузес.

Сажерук огнем.

Они решили поджечь дом Каприкорна, так чтобы пожар не перекинулся на горы, но поглотил то, что для Каприкорна дороже всего, – сокровища.

В деревне было шумно и многолюдно. Автостоянку охраняли четверо вооруженных, а у сетчатой изгороди вокруг футбольного поля стояли машины, фары которых ярко освещали поле, отчего асфальт был похож на белую скатерть, раскинутую в темноте.

– Значит, представление будет здесь, – прошептал Мо. – Бедная Мегги!

В центре площадки был установлен помост, а напротив – клетка, вероятно для чудовищ, которых должна была вычитать Мегги, а может быть для пленников. С левой стороны поля размещались длинные деревянные скамьи – предполагалось, что зрители будут сидеть спиной к деревне. На них уже сидело несколько чернокурточников, словно вороны, присмотревшие теплое местечко для ночлега.

Сначала Мо и Фарид решили пробраться в деревню через автостоянку: скорее всего, их не узнали бы в толпе, но затем они выбрали все-таки более длинный и темный путь. Фарид снова шел впереди. Они крадучись перебегали от дерева к дереву, пока не добрались до пустыря в деревне. Но и там часовых оказалось больше, чем обычно. Мо и Фариду приходилось пробираться, скрываясь то в дверном проеме, то за разрушенной стеной, и затаив дыхание ждать, пока пройдет часовой. В деревне Каприкорна было немало темных углов, а часовые беспечно бродили по улицам.

Фарид нес в рюкзаке все необходимое для разведения огня. Мо собрал на всякий случай еще хвороста. Знали они и о запасах бензина, который был у Каприкорна. Бочки обычно никто не охранял, но, возможно, бензин и не понадобится.

Погода была безветренная, и пламя должно было хорошо разгореться. Фарид помнил наставление Сажерука: «Не разводи огонь на ветру. Ветер будет раздувать его, пока он не бросится на тебя и не слижет у тебя кожу с костей».

Осторожно выглянув из переулка, они увидели на площади около полудюжины чернокурточников.

– Чего они здесь толкаются? – шепотом спросил Фарид, прижимаясь к стене. – Ведь скоро начнется представление.

Две служанки вынесли из дома Каприкорна стопки тарелок и

понесли их в церковь – вероятно, там должны были отметить успешно проведенную казнь. Чернокурточники стали что-то кричать вслед женщинам, а один даже задрал стволом ружья юбку служанке помоложе, отчего она чуть не уронила посуду. Это тот, что узнал прошлой ночью Мо. Фарид, схватившись за свою рану на лбу, сыпал проклятиями. И почему здесь оказался этот чернокурточник? Он, конечно, может их не узнать, но вряд ли они смогут поджечь дом, когда тут столько подручных Каприкорна.

– Не волнуйся! – прошептал ему Мо. – Они скоро уйдут. Прежде всего нам нужно разведать, где Мегги.

– Я проберусь к площадке и посмотрю, там ли она, – шепнул Фарид.

Вдруг Сажерук сейчас в клетке на площадке. Тогда ему можно сообщить, что с ними его друг, который спасет его, – огонь.

В это мгновение из дома Каприкорна вышла старуха с ястребиным лицом. Она тянула за собой Мегги – Фарид едва узнал ее в длинном белом платье. За ними с ружьем наперевес шел тот самый чернокурточник, что стрелял по ним. Достав из кармана связку ключей, он закрыл дверь и позвал своего товарища – наверное, поручил ему охранять дом. Значит, у дома останется только один часовой.

Казалось, Мо сейчас бросится к дочери. Фарид сжал его ладонь, но Мо забыл обо всем – один неосторожный шаг, и он окажется на виду!

Фарид с трудом оттащил его назад. К счастью, люди Каприкорна в это время смотрели на старуху, которая шла так быстро, что девочка несколько раз споткнулась, заплетаясь в своем платье.

– Какая она бледная! – печально прошептал Мо. – Боже мой, ей, наверное, страшно! Посмотрела бы она сюда – мы бы подали ей знак…

– Нет! – возразил Фарид, вцепившись в него. – Мы должны поджечь дом, а потом поможем ей. Пожалуйста, Волшебный Язык!

– Не зови ты меня «Волшебный Язык»! Не могу уже слышать это.

Старуха с Мегги скрылись между домами. За ними неуклюжий, как медведь, которого нарядили в черный костюм, шел Плосконос. Затем двинулись и все остальные, возбужденные от того, что обещала ночь: появление в их деревне нового чудовища.

Остался только часовой у дома Каприкорна, с мрачным видом

проводивший своих товарищей – только он не увидит представления…

Фарид быстро рассказал Мо, как можно убрать часового. Выйдя из темноты, они притворились, будто только что следовали по переулку, и подошли к часовому. Вскинув ружье, он недоверчиво посмотрел на них, но не узнал ни того, ни другого.

– Послушай, нам нужна твоя помощь! – крикнул ему Мо. – Эти кретины забыли отнести трон Каприкорна.

– Еще чего! Он такой тяжелый, что можно спину надорвать. А вы кто? – Он всматривался в лицо Мо, будто вспоминал, где он видел его раньше, а на Фарида не обратил внимания. – Вы с севера? У вас там, говорят, весело.

– Правду говорят, – сказал Мо и так близко подошел к часовому, что тот отпрянул. – Поторопись, ты же знаешь, Каприкорн ждать не любит.

– Ладно, – недовольно проворчал часовой. – Все равно тут нечего охранять. Они, наверное, думают, что пожиратель огня придет сюда воровать золото, но он же трус, его давно уж и след простыл…

Тут Мо ударил часового прикладом по затылку и оттащил его за дом Каприкорна.

– Слышал, что он сказал? – спросил Фарид, связывая ноги часового, лежавшего без сознания. – Жонглер сбежал!

– Да, слышал. Я, конечно, рад этому, как и ты, но моя дочь у Каприкорна.

На площади было безлюдно – казалось, что, кроме них, в деревне Каприкорна не было ни души.

Фарид достал из рюкзака два факела и бутылку спирта. «Жонглер сбежал!» – повторял он про себя.

Мо пробежал вокруг дома Каприкорна, выбил одно окно, прижав к нему куртку, чтобы не слышно было звона стекла.

– Не могу найти спички!

Фарид стал рыться в вещах Сажерука, но Мо не выдержал и отобрал у него рюкзак.

– Дай-ка! – раздраженно шепнул он. – Займись факелами.

Фарид пропитал спиртом вату, морщась от резкого запаха. «Жонглер вернется за Гвином и меня с собой возьмет!» – думал он.

Вдруг послышались мужские голоса. Казалось, они приближаются, но потом их перекрыла музыка с автостоянки.

Мо достал из рюкзака коробок спичек. В боковом кармане

рюкзака хранился блокнот, который Фарид часто рассматривал. Там были вклеены вырезанные из книг изображения фей, ведьм, кобольдов, нимф. Мо вытащил блокнот и увидел фотографию, вложенную между страницами. Это была фотография служанки Каприкорна, которая помогала Сажеруку и за это должна была расплатиться жизнью. Удалось ли ей бежать? Мо смотрел на фотографию так, будто во всем мире для него больше ничего не существовало.

– Ты что? – спросил Фарид и зажег факел.

Фарид протянул факел Мо – ему было сподручнее бросить его в окно с высоты своего роста. Но Мо словно остолбенел, он все смотрел на фотографию.

– Это служанка Каприкорна, которая помогала Сажеруку, – сказал Фарид. – Она тоже за решеткой. Он, по-моему, в нее влюблен. На! – Мальчик снова протянул Мо пылающий факел. – Чего ты ждешь?

Мо посмотрел на Фарида, словно его разбудили.

– Влюблен?.. – пробормотал он и взял факел.

Положив фотографию в нагрудный карман, он бросил взгляд на площадь и швырнул факел в разбитое окно дома Каприкорна.

– Подними меня, я хочу посмотреть на огонь! – попросил Фарид.

Когда Мо приподнял его, Фарид увидел, что это был чей-то кабинет: там был письменный стол и портрет Каприкорна на стене. Вероятно, кто-то умел здесь писать. Пылающий факел лежал на исписанных листах, лизал, глотал их, радовался щедрому угощению, разгорался и переползал дальше, на стол, а оттуда на занавески, поглощая темную ткань. Все в комнате стало красно-желтым. Дым ел Фариду глаза.

– Пора! – Мо резко поставил его на землю.

Внезапно наступила пугающая тишина. Мо кинулся в переулок, ведущий к автостоянке. Фарид проводил его взглядом – у него была другая задача: он ждал, когда пламя вырвется из окна, а потом закричал:

– Пожар! В доме Каприкорна пожар!

Голос мальчика гулко прозвучал на пустой площади. Сердце у него, казалось, выпрыгнет из груди. Он побежал за угол и взглянул на колокольню. Часовой вскочил. Фарид зажег второй факел и бросил его к дверям церкви. Часовой наконец зазвонил в колокол.

Фарид пустился вдогонку за Мо.

Предательство, болтливость и глупость

И тогда он сказал:

– Я должен умереть, в этом не может быть никаких сомнений; нет мне спасения из этой тесной тюрьмы!

Али-Баба и сорок разбойников

Элинор гордилась своей храбростью, хотя она понятия не имела, что им предстоит испытать, а ее племянница, может быть, и знала больше, но всем своим видом скрывала, что ничего хорошего их не ждет.

Тереза стойко держалась на глазах у бандитов, когда они выводили ее из тюрьмы, она не плакала, а ругаться не могла, лишившись голоса, как изношенного платья. Но у нее были два измятых клочка бумаги, которые, правда, были так малы, что не могли вместить все слова, накопившиеся за девять лет, однако это было лучше, чем ничего, и она исписала их малюсенькими буковками. Элинор просила ее рассказать о том, что с ней произошло, но она только отмахивалась.

Ее мучили лишь вопросы о дочери и о муже, и Элинор шептала ей ответы – совсем тихо, чтобы Баста не узнал, что две женщины, обреченные вместе с ним на казнь, знают друг друга с тех пор, как младшая из них училась ходить между длинными, забитыми до отказа книжными полками Элинор.

Баста держался плохо. Порой они замечали, как белели его вцепившиеся в решетку пальцы. Элинор даже показалось как-то раз, что он заплакал, но, когда их выводили из камеры, его лицо было похоже на посмертную маску. А после того, как их заперли в клетку, он сел в углу на корточки и застыл, словно кукла, с которой больше не хотят играть.

В клетке стоял зловонный запах – вероятно, в ней держали собак. Подручные Каприкорна, проходя к скамейкам, стучали ружьями по решетке и сыпали на Басту издевательства. Но он даже не шевельнулся – так велико было его отчаяние.

Элинор и Тереза старались держаться от него подальше, насколько позволяла клетка. Они отошли от решетки, чтобы до них

не достали руки злодеев, и, обняв друг друга, горевали, но в то же время каждая радовалась, что она здесь не одна.

На краю площадки, у входа, поодаль от мужчин сидели женщины, которые работали на Каприкорна. Притихшие и печальные, они смотрели на Терезу со страхом и сочувствием.

Когда все места были заняты, на площадке появился Каприкорн. Он прошел мимо чернокурточников и мальчишек, сидящих прямо на земле, даже не взглянув на них, как на воронье, слетевшееся на его зов. Зато перед клеткой с пленниками он остановился и самодовольно посмотрел на каждого. Баста, увидев Каприкорна, посмотрел на него, как собака, просящая прощения у хозяина. Но Каприкорн не сказал ему ни слова. Когда он сел в свое кресло, за ним встал, широко расставив ноги, Кокерель – вероятно, он стал его новым любимчиком.

– Ой, да не смотри ты на него! – накинулась Элинор на Басту, заметив, что он не сводит глаз с Каприкорна. – Он сейчас скормит тебя чудовищу, как муху лягушке, а ты молчишь. Где же твои угрозы: «Язык отрежу, на куски покромсаю!»

Но Баста лишь потупил голову. Он вдруг представился Элинор устричной раковиной, из которой высосали жизнь.

Когда Каприкорн сел, перестала звучать музыка и ввели Мегги. Она шла гордо подняв голову, и Сорока едва втащила ее на помост.

– Здравствуй, дорогая! – крикнула Элинор, поймав испуганный взгляд девочки. – Не бойся, я пришла, чтобы послушать, как ты читаешь.

На площадке стояла такая тишина, что голос Элинор твердо и бесстрашно прозвучал по всему полю. Но никто не слышал, как бьется ее сердце, и не догадывался, что она еле дышит от страха, потому что Элинор надела свою испытанную броню, которая всегда спасала ее в трудные времена, а пережила Элинор немало, и с каждым горем ее броня становилась крепче.

Услышав ее слова, чернокурточники рассмеялись, и даже Мегги едва улыбнулась. Элинор прижала к себе Терезу.

– Взгляни на дочь! – воскликнула она. – Она храбрая, как…

Ей хотелось сравнить Мегги с каким-нибудь отважным героем, но они были мужчины и не такие храбрые, как эта девочка, гордо смотревшая на подручных Каприкорна.

Вместе с Мегги Сорока привела какого-то старика. «Это, наверное, тот человек, из-за которого мы здесь, – подумала Элинор, – Фенолио. Это он выдумал Каприкорна, Басту и остальную мерзость, в

том числе чудовище, которое скоро убьет меня». Элинор не любила писателей и поэтому недружелюбно смотрела на старика, которого вел Плосконос. Для старика был приготовлен стул рядом с креслом Каприкорна. «Уж не значит ли это, что у Каприкорна появился новый друг?» – задала себе вопрос Элинор. Но, когда за спиной Фенолио с мрачным видом встал Плосконос, она поняла, что это новый узник.

Старик сел, а Каприкорн поднялся и медленно обвел взглядом длинные ряды своих молодчиков, словно вспоминая, что каждым из них сделано у него на службе. В воздухе висел страх.

– Думаю, вам не надо рассказывать, в чем вина этих узников, – громко заговорил Каприкорн. – Скажу только, что речь идет о предательстве, болтливости и глупости. Вы спросите, можно ли считать глупость преступлением и заслуживает ли она смертной казни. Мой ответ – да, потому что у нее те же последствия, что у предательства.

Внезапно раздался звон колокола. Каприкорн дал знак, Плосконос удалился с несколькими чернокурточниками. Началось смятение, люди вскочили со своих мест. Но Каприкорн поднял руку, успокаивая всех.

– Ничего не произошло! – крикнул он так резко, что на площадке мгновенно установилась тишина. – Это пожар. Разве мы не знакомы с пожарами?

Кто-то засмеялся, но многие с тревогой оглядывались на деревню.

«Так и есть, – подумала Элинор, прикусив губу, – Мортимер с мальчиком устроили пожар». Ни дыма, ни огня над крышами не было, и все снова стали слушать Каприкорна, который продолжал плести словеса о предательстве и дисциплине. Элинор почти не слушала его, все время оборачиваясь на деревню, хотя знала, что тем самым выдает себя.

– Но хватит об узниках! – произнес Каприкорн. – Поговорим о тех, кто сбежал от нас.

Кокерель взял мешок, лежавший за креслом Каприкорна, и подал его хозяину. Тот с ухмылкой достал из него рваную окровавленную рубашку.

– Они уже мертвецы! – напыщенно объявил Каприкорн. – Их убили при попытке к бегству. Впрочем, известного вам пожирателя огня не жалко – он предатель, а у Волшебного Языка есть дочь, которая унаследовала его дар.

Тереза с ужасом посмотрела на Элинор.

– Он врет! – шепнула ей Элинор, уставившись на окровавленные лохмотья. «Он использовал мою выдумку! Это не кровь, а обыкновенная краска», – подумала она.

Но Реза, как и Мегги, ей, похоже, не верили. Элинор хотелось крикнуть девочке, что слова Каприкорна – ложь, но пока пусть он будет в неведении и думает, что все мертвы и праздник состоится.

– Подлый поджигатель, что ты хвастаешь своей кровавой тряпкой? – прокричала она. – Нашел чем гордиться! Зачем тебе еще чудовище, когда вы сами все чудовища! Истребители книг, похитители детей!

На Элинор никто не обратил внимания. Тереза подошла к решетке и посмотрела на Мегги.

Каприкорн положил окровавленную рубашку на свое кресло. «Я уже видела эту тряпку! – подумала Элинор. – Они живы! Кто же еще мог устроить пожар?» – «Пожиратель огня», – подсказал ей внутренний голос. «Нет, у этой истории должен быть хороший конец!» Элинор не любила истории с плохим концом.

Тень

Мое небо из меди
Земля – из стали
Луна моя – глины комок
Чума – мое солнце
Палящее в полдень

И дыхание смерти
В ночи.
У. Блейк. Вторая элегия Эниона

Хотя Мегги приходилось не раз читать в книгах о горячей ненависти, на празднике Каприкорна она узнала, что ненависть холодная, и почувствовала ее ледяную руку, сжимавшую сердце. Девочку знобило от ненависти, хотя ночь была теплая и легкий ветерок ласкал ее, словно хотел сказать, что мир по-прежнему прекрасен.

– Сегодня мы должны не только наказать предателей, но и встретить старого друга, – продолжил Каприкорн. – Кто-то из вас, возможно, помнит его, но ни один не забудет его, увидев хоть раз.

Многих охватил страх от слов Каприкорна. На худом лице Кокереля отразилась несчастная улыбка.

– Ну а теперь мы будем слушать чтение, – сказал он, кивнув Сороке.

Та хлопнула в ладоши, и к ней направился Дариус, держа в руках ту самую шкатулку, что стояла в ее комнате. Он открыл шкатулку и, опустив голову, подал ее Сороке. Сорока достала змей, не надевая перчатку, – они, наверное, спали – и повесила их себе на плечо. Она вытащила из шкатулки книгу, потом осторожно, как дорогое ожерелье, положила змей на место и отдала шкатулку Дариусу, с несчастным видом стоявшему на помосте. Мегги поймала его взгляд, полный жалости, когда Сорока, посадив ее на стул, положила ей на колени книгу.

Вот он, этот злополучный том в ярком бумажном наряде. Мегги стало интересно, какого же он цвета под суперобложкой, и она осторожно приподняла ее и увидела красную, словно огонь вокруг черного сердца, ткань переплета. От этой книги пошли все несчастья, и спасения можно было ждать только от ее автора. Прежде чем открыть книгу, Мегги погладила переплет. Она делала так всегда, это она переняла у Мо. С детства Мегги помнила, как отец берет книгу, с нежностью проводит рукой по переплету и открывает ее, как сундук, наполненный сокровищами. Иногда бывало и так, что под переплетом не оказывалось чудес. Такую книгу разочарованно закрывали, но это не относилось к «Чернильному сердцу». Плохие книги не оживают. Из них не выйдет ни Сажерук, ни даже Баста.

– Послушай меня, детка! – проговорила Сорока. Ее платье пахло лавандой, и этот запах повеял на Мегги словно угроза. – Если ты не выполнишь как следует то, что от тебя ждут, если станешь специально оговариваться или неправильно читать, и тот, кто нужен Каприкорну, не появится, то знай: Кокерель, – она вплотную нагнулась к Мегги, – перережет горло тому старику. Правда, Каприкорн может не дать такого приказа, потому что верит россказням старика, но я им не верю, поэтому Кокерель выполнит мой приказ. Поняла?

Она ущипнула Мегги тощими пальцами за щеку. Мегги оттолкнула ее руку и посмотрела на Кокереля, который, стоя за спиной Фенолио и улыбаясь ей, «полоснул» пальцем по горлу писателя.

Фенолио отпихнул его и взглядом постарался утешить Мегги, глазами передавая, как он подшучивает над кошмаром, в котором они оказались. Только от него теперь зависело осуществление их плана. Мегги перелистывала страницы, почти не чувствуя своих рук, а спрятанный в рукаве листок царапал ей кожу. Место, откуда она должна была начать читать, не было отмечено загнутым уголком – там была вложена черная как уголь закладка.

– Если ты откинешь волосы со лба, это будет для меня знак, – сказал ей Фенолио.

Но едва она подняла левую руку, как вдруг все заволновались. Плосконос, у которого лицо было вымазано в саже, быстро подошел к Каприкорну и что-то прошептал ему на ухо. Каприкорн нахмурился и посмотрел в сторону деревни. Мегги увидела клубы дыма над колокольней.

Каприкорн встал и начал говорить. В его голосе звучала насмешка взрослого над проделкой детей, но лицо выражало другое.

– К сожалению, вынужден немного испортить праздник, но у нас закричал красный петух. Правда, он совсем хилый, но нужно сломать ему шею. Плосконос, возьми себе в помощь человек десять! – Плосконос стал собирать команду. – И не возвращайтесь, пока не найдете поджигателя! – крикнул Каприкорн.

Все тревожно оборачивались на деревню. На Мегги уже никто не смотрел. Над колокольней стояло багряное зарево, а над крышами навис серый дым.

– Что такое? Что вы так уставились на дым? – злобно вопил Каприкорн. – Мы не позволим испортить нам праздник! Огонь – наш

лучший друг!

Мегги увидела, как все снова обернулись к ней. И тут кто-то из женщин выкрикнул имя Сажерука.

– В чем дело? – Каприкорн так резко крикнул, что Дариус чуть не уронил шкатулку со змеями. – Он мертв, и во рту у него земля, а на груди – его куница. И чтоб я больше не слышал это имя!

– Неправда! – прокричала Мегги, так что сама испугалась своего голоса. – Он здесь! – Девочка подняла книгу над головой. – Каждый, кто прочтет эту книгу, узнает его, услышит его голос и увидит его фокусы с огнем.

Наступила мертвая тишина. Вдруг Мегги услышала сзади какой-то звук, будто часы тикали, или кто-то цокал языком, изображая часы: тик-так, тик-так, тик-так. Звук исходил с той стороны, где стояли машины. Мегги не выдержала и оглянулась. Свет фар слепил глаза. Мегги разозлилась на себя за глупость, ведь не только она могла заметить тонкую фигурку, показавшуюся из-за машины! Но, кажется, никто ничего не заметил.

– Красиво сказано! – проговорил Каприкорн. – Но ты здесь не для того, чтобы поминать мертвого предателя. Твое дело читать.

Мегги заставила себя посмотреть на него. Нельзя, нельзя оборачиваться на машины. Вдруг это и правда был Фарид?

Сорока могла слышать этот звук. Вряд ли ей известна история капитана Крюка, который боялся крокодила с будильником в желудке… Нет, она ее не знала. А вот Мо был уверен, что Мегги поймет этот знак. Как часто он будил ее, поднося к уху будильник: «Мегги, вставай! Крокодил уже здесь!» И поэтому Мо знал, что Мегги узнает тиканье, с которым Питер Пэн пробрался на корабль Крюка, чтобы спасти Венди.

«Венди! – мелькнуло в голове у Мегги. – Что ж с ней случилось?»

Девочка так увлеклась своими мыслями, что почти забыла, где находится, но тут Сорока напомнила ей об этом, отвесив подзатыльник.

– Начинай, наконец, маленькая ведьма! – злобно приказала она.

Мегги быстро вынула закладку. Нужно скорее читать, чтобы опередить Мо, ведь он не знает об их с Фенолио задумке.

– Я приступаю к чтению и прошу мне не мешать! – крикнула она. «Пожалуйста, – думала она, – пожалуйста, ничего не предпринимай!»

Кто-то из чернокурточников засмеялся, а Каприкорн развалился в

кресле, сложив руки.

– Все слышали? – спросил он. – Тот, кто помешает ей, пойдет на корм Тени!

Мегги проверила в рукаве записку Фенолио.

– Вот кто мне мешает! – сказала она, указав на Сороку. – Я не могу читать, когда она стоит у меня над душой.

Каприкорн раздраженно кивнул Сороке. Она скривила лицо, как будто ее заставили есть мыло, но отошла на три шага, вероятно полагая, что этого было достаточно.

Откинув со лба волосы, Мегги тем самым сделала знак Фенолио, и он начал разыгрывать спектакль.

– Нет-нет! Она не будет читать! – закричал он и шагнул к Каприкорну. – Я автор этой книги и не хочу, чтобы с ее помощью совершали убийства!

Кокерель кинулся на старика, пытаясь зажать ему рот, но Фенолио укусил его за руку и так ловко вывернулся, что удивил Мегги своей прытью.

– Это я тебя придумал! – кричал он, убегая от Кокереля. – И теперь жалею об этом, вонючий мерзавец!

Хромоногий настиг его у клетки с узниками. Все смеялись, и разозленный Кокерель так заломил Фенолио руку, что старик вскрикнул от боли. И все-таки он был доволен тем, что выкроил для Мегги время. Дрожащими пальцами она достала листок и незаметно вложила его в книгу.

– Повторяю последний раз, – рявкнул на Мегги Каприкорн. – Читай! Узники ждут палача!

Снова наступила тишина, в которой таился страх.

Мегги посмотрела в книгу – буквы плясали у нее перед глазами.

«Появись! – говорила она себе. – Появись и спаси нас всех: мою маму, Мо, Элинор, Фарида. Спаси Сажерука, да и Басту».

– «У Каприкорна было много подручных, – начала она читать, – и всех их боялись в округе. Они пахли дымом и серой. Увидев кого-нибудь из них, жители запирали двери и прятали детей. Приспешники Каприкорна днем сеяли страх, а ночью кошмаром являлись во снах. Но было нечто, чего боялись больше, чем людей Каприкорна…» – Мегги казалось, что сила ее голоса нарастала с каждым словом.

Еще две строчки, потом нужно перевернуть страницу, и там буквы, написанные Фенолио. «Посмотри же, Мегги! – шептал он ей

тогда, показывая листок. – Ну что может быть прекраснее букв? Волшебные знаки – кирпичики миров, знаки-утешители, спасители от одиночества, хранители тайн…»

«Пробуй на язык слово, Мегги, – говорил ей Мо, – пусть оно тает у тебя во рту. Чувствуешь краски, ветер, ночь, страх, радость, любовь? Почувствуй их, Мегги, и все оживет».

«…И называли Тенью. Тень являлась только по зову Каприкорна и была то красной, как огонь, то серой, как пепел, в которую огонь превращает все, что пожирает. Подобно языкам пламени, вспыхивающим в костре, она пробивалась из земли. Пальцы ее несли смерть, как и ее дыхание. Тень, безмолвная и безликая, вырастала у ног своего господина и, принюхиваясь, как гончая, идущая по следу, ждала, когда хозяин укажет ей жертву. Рассказывали, что Каприкорн приказал кому-то из кобольдов или гномов, искусных во всем, что связано с огнем, сотворить Тень из пепла его жертв. Никто не знал наверняка, но ходили слухи, что Каприкорн умертвил тех, кто вызвал Тень к жизни. Как и ее хозяин, Тень была бессмертна и безжалостна».

Мегги умолкла, словно ветер унес ее голос.

На гравии, покрывавшем площадку, что-то появилось, стало подниматься, вытягиваться, расправляя пепельно-серые конечности. Запах серы ел Мегги глаза, буквы стали расплываться, но нужно было читать, непрестанно читать до тех пор, пока чудовище росло все выше и выше, как будто стремилось дотянуться до неба своими серными пальцами.

– «Но однажды в теплую звездную ночь Тень явилась не на зов Каприкорна, а на девичий голос. Как только девочка назвала это имя, Тень обрела память и вспомнила всех, из чьего пепла была создана…»

Сорока тряхнула Мегги за плечо.

– Что ты читаешь?

Мегги вскочила, и старуха не успела выхватить у нее листок.

– «И она решила отомстить, – громко читала Мегги, – отомстить тем, кто наслал большую беду, кто отравил мир жестокостью…»

– Остановите ее! – Это был голос Каприкорна.

Мегги метнулась от Сороки, рискуя упасть с помоста.

И вдруг Дариус, пораженный происходящим, осторожно, не торопясь, будто у него было бесконечно много времени, поставил шкатулку на землю и схватил Сороку своими худыми руками. А Мегги продолжала читать, глядя на Тень, у которой действительно не

было лица, а глаза были страшные и красные, как полыхавший огонь.

– Отнимите у нее книгу! – ревел Каприкорн, не в силах шагнуть. – Живо!

Но все остолбенели, глядя на Тень, а она стояла и вслушивалась в голос Мегги, как будто девочка поведала ей забытую историю.

– «И тогда Тень подошла к своему хозяину, – читала Мегги. Почему так дрожит у нее голос? Но разве легко убивать, даже когда это делает за тебя кто-то другой, – протянула к нему серые, как пепел, руки…»

Гигантское чудовище беззвучно двинулось…

Мегги пробежала глазами следующую фразу Фенолио: «И Каприкорн рухнул наземь, и его черное сердце остановилось…» Мегги не смогла произнести эти слова. Все оказалось напрасно.

Внезапно кто-то встал у нее за спиной – Мегги даже не заметила, как он поднялся на помост, а рядом с ним был мальчик, нацеливший свое ружье на скамьи. Но там все замерли. Ни один не шелохнулся, чтобы спасти Каприкорна. Мо взял у Мегги книгу, посмотрел на листок Фенолио и твердым голосом дочитал:

– «И Каприкорн рухнул наземь, и его черное сердце остановилось, и все, кто с ним жег, грабил и убивал, исчезли, как пепел, развеянный на ветру».

Покинутая деревня

В книгах встречаю я мертвых живыми, в

книгах вижу я грядущие времена. Со временем все портится и проходит; все славное было бы предано забвению, когда бы Господь не дал в помощь смертным книги.

Р. де Бери[23]

Каприкорн погиб так, как написал Фенолио. В то же мгновение, когда он упал замертво, сгинул Кокерель и многие бандиты. Все остальные бросились бежать, а навстречу им шли те, кого Каприкорн отправил на поиски поджигателей. Они были в ужасе: на их глазах Плосконос и несколько подручных Каприкорна испарились в воздухе. Они исчезли, словно никогда и не существовали. Возможно, так и было: человек, который создал этих злодеев, теперь сам уничтожил их, стер, как лишнюю черту на рисунке, как пятна с белой бумаги. А все те, кто появился не из слов Фенолио, спешили доложить Каприкорну о происходящем. Но Каприкорн был мертв. И только огромная серая Тень с глазами как две пылающих звезды все еще стояла там. Напуганные, они обо всем забыли и бросились к машинам на автостоянке, боясь, что их настигнет чудовище.

Когда Мегги опомнилась, никого вокруг уже не было. Она спрятала голову под мышкой у Мо, как делала всегда, когда не хотела смотреть на мир. А Мо держал дочь в объятиях, пока все не улеглось, и только Тень стояла тихо, будто убийство хозяина окончательно отняло у нее силы.

Мегги вдруг услышала голос Мо:

– Фарид, ты сможешь открыть клетку? – И тут она увидела Сороку, которую все еще держал Дариус, но она уже не сопротивлялась, а глазела на Каприкорна, и слезы градом текли по ее щекам.

Фарид побежал открывать клетку.

– Мегги, – прошептал Мо, – давай подойдем к узникам. Я хочу тебя кое с кем познакомить.

– Не надо. Я знаю, кто это, – сказала Мегги, сжав отцу руку. – Я давно хотела тебе это сказать, но тебя не было рядом. Мы должны прочитать последние слова. – Она взяла у Мо книгу и нашла листок. – Они на обороте. Фенолио не умеет писать мелко, поэтому они не

[23] Цитируется по А. Мангелю.

уместились.

Где же Фенолио?

Неужели его увели люди Каприкорна?..

– Мо, его нет! – испугалась Мегги.

– Сейчас поищем его, – успокоил ее отец. – Но сначала читай быстрее! Может, я прочту?

– Нет!

Тень двинулась, шагнула к трупу Каприкорна и неуклюже отпрянула, как танцующий медведь. Мегги услышала стон. У Фарида подкосились ноги, когда на него глянули красные глаза. Элинор и мать Мегги тоже отшатнулись. Но Мегги уверенно прочитала:

– «Тень неподвижно стояла, испытывая боль от воспоминаний, от которой она, казалось, лопнет на куски. Она слышала крики и стоны людей, чувствовала их слезы на своей серой коже, и страх, пережитый всеми, как дым ел ей глаза. Но внезапно Тень поникла и упала на колени. Гигантское чудовище рассыпалось, и вдруг все, из чьего пепла оно было создано, воскресли: женщины, мужчины, дети, собаки, кошки, кобольды, феи и другие существа».

На площадке стало тесно. Воскресшие растерянно озирались, будто их разбудили. Мегги прочла последние слова Фенолио:

– «Они словно проснулись от тяжкого сна, и все стало хорошо».

– Его нет! – воскликнула Мегги, когда Мо взял у нее листок Фенолио и вложил в книгу. – Мо, он в книге!

Мо снова положил книгу под куртку.

– Да, наверное, – произнес он. – Значит, мы ничего не можем поделать.

Он повел за собой Мегги сквозь толпу воскресших людей и странных существ. За ними пошел Дариус. Он наконец отпустил Сороку, и она стояла, опершись костлявыми пальцами на стул, на котором сидела Мегги, и беззвучно плакала.

По дороге в волосы Мегги залетела крошечная фея, а потом им встретились косматое существо и стеклянный человечек.

Когда Мо и Мегги подошли к клетке, Фарид все еще возился с замком. Он ворчал, что все делает так, как учил его Сажерук, но этот замок особенный.

– Здорово! – ухмыльнулась Элинор, прижавшись лицом к решетке. – Тень не поужинала нами, так мы сами умрем здесь с голоду. Какая же храбрая твоя дочь, Мо! Я бы на ее месте не

вымолвила ни слова! Боже мой, я думала, у меня сердце остановится, когда старуха стала вырывать у нее книгу.

Обняв Мегги за плечи, Мо улыбнулся, но смотрел он не на дочь. Девять лет – большой срок.

Фарид наконец справился с замком и распахнул дверь.

Но не успели пленницы выйти, как в углу поднялся Баста и бросился на мать Мегги.

– Стой! – завопил он. – Куда ты, Реза? Думаешь, я не понял, о чем вы шушукались в склепе?

– Отпусти ее! – закричала Мегги.

Почему она решила, что Баста убит вместе с Каприкорном? Почему он не испарился, как Плосконос, Кокерель и все остальные?

– Оставь ее, Баста! – тихо проговорил Мо, как будто уже не в состоянии был кричать. – Ты не выйдешь отсюда, и никто не придет тебе на помощь – все исчезли.

– Нет, выйду, – не сдавался Баста. – Если ты меня не выпустишь, я задушу ее. Ты знаешь, что она немая? Немая как рыба, потому что ее вычитал этот неумеха Дариус. Но я знаю тебя, ты и такую возьмешь ее!

– Почему ты жив? – разозлилась Элинор. – Почему не умер, как твой хозяин, или не растворился? Признавайся!

Баста пожал плечами и что-то проворчал, не выпуская из рук Резу.

Она стукнула его ногой, но он сдавил ей горло.

– Сорока тоже осталась, – может, потому что всегда других заставляла делать грязную работу. А меня, наверное, посчитали за хорошего, потому что был узником? А может, я жив, потому что давно ничего не сжигал и не убивал с удовольствием, как Плосконос? Все может быть… Однако я здесь… А теперь пропусти меня, любительница книг!

Но Элинор не двинулась с места.

– Нет! – сказала она. – Ты выйдешь отсюда, если отпустишь ее. Я не верила, что все это хорошо кончится, но конец настал. И ты, мерзавец, не испортишь его, не будь я Элинор Лоредан! – Она смело загородила собой дверь клетки. – В этот раз ты без ножа, – с угрозой прошептала она, – а твой поганый язык тебе не поможет. Дай ему в глаз, Тереза, ударь его, укуси подонка!

Но Баста вдруг отшвырнул Терезу, рванулся к двери и побежал, расталкивая воскресших. Фарид и Мо не успели броситься в погоню

за ним, и он скрылся.

– Чудесно! – сказала Элинор, выходя с Терезой из клетки. – Теперь эта сволочь будет мне сниться. И если я услышу ночью в саду шорох, мне будет мерещиться, что это он идет на меня с ножом.

В ту же ночь, когда исчез Баста, пропала и Сорока.

Уехать из деревни Каприкорна оказалось непросто – на автостоянке не было ни одной машины.

– Не может быть! – простонала Элинор. – Неужели опять придется тащиться пешком по этим колючкам?

– У тебя нет телефона? – спросил Мо.

Он теперь не отпускал от себя Терезу. Заботливо осмотрев ее шею – на ней были красные следы от пальцев Басты, – он потрогал прядь ее волос. Да, девять лет и в самом деле немалый срок, и Мегги видела, как осторожно, словно по узкому мостику через пропасть, идут друг к другу ее родители.

Телефона у Элинор, конечно, не было: Каприкорн приказал забрать его. Фарид кинулся на поиски его, но ничего не нашел.

Тогда все приняли решение переночевать в деревне. Ночь стояла теплая, и можно было вполне устроиться на ночлег под открытым небом.

Мегги и Мо даже раздобыли одеяла, их оказалось немало в опустевшей деревне. Ничего не взяли только из дома Каприкорна. Мегги не хотела переступать его порог – даже не потому, что оттуда еще тянуло гарью, а потому, что ее, как хищные звери, терзали воспоминания.

Усевшись с родителями под старым дубом недалеко от автостоянки, она вдруг вспомнила Сажерука. Что с ним? Жив ли он или лежит где-то в холмах мертвый? «Наверное, я так и не узнаю, что с ним случилось», – подумала Мегги.

Деревня стояла как заколдованная. Всюду звенели странные голоса, туда-сюда сновали какие-то сказочные существа, словно явившиеся не из слов старика, а из детских снов. Где же теперь Фенолио? Хорошо ли ему в его книге? Мегги хотела, чтобы ему было там хорошо, но она думала, что он будет скучать по своим внукам, игравшим в прятки в шкафу.

Сон уже тяжелил Мегги веки, но она увидела в окружении фей Элинор с таким счастливым лицом, какого у нее, наверное, никогда не было. А рядом с Мегги сидели ее родители, и мама что-то писала на листьях дуба, на своем платье, на песке. И все слова хотели, чтобы

их написали… Столько слов…

Тоска по дому

Но все же Бастиан знал, что не сможет уйти без этой книги. Теперь ему стало ясно: он и попал-то сюда из-за нее – это она приманила его каким-то таинственным образом, потому что хотела быть у него, да и всегда, в сущности, была его книгой!

М. Энде. История, конца которой нет[24]

Сажерук нашел в доме Басты бинокль и наблюдал за происходящим с крыши дома, стоявшего на безопасном для него расстоянии. Сначала он хотел спрятаться в своем укрытии: ему так часто приходилось видеть, как Тень убивает. Но на праздник Каприкорна его влекло странное, неразумное, как вера Басты в амулеты, чувство, что своим присутствием он поможет сохранить книгу. Он не мог признаться самому себе в том, что хотел увидеть казнь Басты в тот самый бинокль, в который Баста обычно разглядывал своих жертв.

И вот он сидел на дырявой крыше, у холодной печной трубы, зачернив лицо углем, чтобы не выдать себя в темноте, и смотрел, как

[24] Перевод А. Исаевой и Л. Лунгиной.

над домом Каприкорна клубится дым. Он видел, как Плосконос пошел со своим отрядом тушить пожар, как появилась Тень, как погиб Каприкорн. Но Сажерук был огорчен тем, что Басте и Сороке удалось скрыться.

Сажерук, не участник, а зритель, видел все.

Он столько раз бывал лишь зрителем, и это была не его история. Ему безразлична судьба Мо, его дочери, любительницы книг и той женщины, которая вновь принадлежала другому. Она выбрала не его и осталась со своей дочерью, и он выбросил ее из своего сердца, как всегда делал это с тем, кто занимал в нем прочное место. Он был рад, что ее не настигла Тень, но она больше не интересовала его. Теперь все свои необыкновенные истории, избавлявшие от одиночества и развеивавшие тоску по дому, Реза будет рассказывать Волшебному Языку.

А ему нужна только книга! Он видел, как Мо прятал ее под куртку, и твердо решил ее получить. Закрыв глаза, он будет гладить страницы и представлять, что он снова дома.

Тот старик с морщинистым лицом теперь там. «Ты трус, Сажерук! – с горечью подумал он. – Почему ты не пошел на праздник? Может быть, тогда исчез бы ты, а не старик».

Фея с молочно-белой кожей и крыльями бабочки полетела за ним. Она остановилась перед окном и улыбнулась своему отражению в стекле, потом покружилась, пригладила волосы и, как всегда, стала смотреть на себя так, будто удивлялась своей красоте. Тщеславная какая! Другие феи, которых знал Сажерук, не были так тщеславны – напротив, они могли намазать себе лицо тиной или цветочной пыльцой и, смеясь, играть с ним в прятки.

«Надо было поймать какую-нибудь фею! – подумал Сажерук. – Она бы сделала меня невидимкой. Или кобольда – я выступал бы с ним, а все думали бы, что это карлик в меховом костюме. Кто же, кроме кобольда, сможет так долго стоять на голове или корчить смешные рожицы, а так забавно танцевать?!»

Луна прошла уже полнебосвода, а Сажерук по-прежнему сидел на крыше. Фея нетерпеливо летала у него над головой и пронзительно звенела. Что ей нужно? Хочет, чтобы он вернул ее туда, откуда она явилась, где у всех фей крылья как у бабочек и где понимают их язык?

– Это не ко мне, – прошептал ей Сажерук. – Видишь вон там внизу девочку с мужчиной и русоволосой женщиной? С ними

поговори! Правда, должен тебя предупредить: они могут выманить в свой мир, но отправить обратно не умеют. Но вдруг тебе, в отличие от меня, повезет!

Фея посмотрела вниз, бросила на него взгляд и, обидевшись, улетела. Сажерук видел, как она присоединилась к другим феям, и они, сверкая, играли в догонялки в ветвях деревьев. Феи не умели долго сердиться или огорчаться. И в теплом ночном воздухе они наверняка все забыли.

В деревне все уснули лишь на рассвете. Фарид остался караулить – он всегда был бдительным, если не забывался, развлекаясь с огнем. Сажерук вспомнил, как однажды он обжег себе губы, когда украдкой вытаскивал факелы из его рюкзака, – вспомнил и невольно улыбнулся.

Мо и Реза спали под деревом, а между ними, угревшись, уснула Мегги, как птенчик в гнезде. Чуть поодаль лежала Элинор. Она улыбалась во сне, и Сажерук подумал, что ни разу не видел ее такой счастливой. Элинор ладонью прикрывала у себя на груди свернувшуюся калачиком фею. Личико спящей феи было чуть больше ноготка на мизинце Элинор, сквозь пальцы которой пробивалось свечение, словно она поймала звезду.

Увидев Сажерука, Фарид мгновенно вскочил и схватил ружье (скорее всего, прежде оно принадлежало кому-нибудь из окружения Каприкорна).

– Ты… не погиб? – изумленно пролепетал мальчик.

– Нет, не погиб. – Сажерук посмотрел на Мо и на Резу. – А где Гвин? Надеюсь, ты хорошо с ним обращался?

– Когда в нас стреляли, он убежал, но потом вернулся, – с гордостью сказал Фарид.

– Даже так? – Сажерук присел рядом с Мо.

Да, он знал, как вовремя скрыться, – весь в хозяина.

– Вчера ночью мы спрятали его в укрытии, потому что знали, что тут будет опасно, – сказал мальчик. – Но я заберу его, когда закончу дежурить.

– Я сам схожу за ним. Ты не беспокойся, с этой куницей ничего не случится, никуда она не денется.

Сажерук осторожно просунул руку под куртку Мо.

– Что ты делаешь? – испуганно спросил Фарид.

– Беру то, что мне принадлежит, – ответил Сажерук.

Мо крепко спал. Почему же ему теперь не спать? Он получил все,

чего желал.

– Она не твоя!

– Моя.

Сажерук поднялся и посмотрел на дерево, где спали три феи, – непонятно, как они могут спать на деревьях и не падать. Он осторожно снял двух фей с тонкой ветки, слегка дунул им в лицо – они зевнули, приоткрыли глаза – и положил их в карман.

– Они засыпают, если на них подуть, – объяснил он мальчику. – Может, тебе пригодится. Надо знать на всякий случай, как с ними обращаться. Но, по-моему, это относится только к синекожим.

Кобольда он будить не стал – кобольды существа упрямые – надо долго убеждать его, а в это время Волшебный Язык проснется.

– Возьми меня с собой! – попросил мальчик, встав у него на пути. – У меня твой рюкзак.

Фарид поднял его, словно выторговывая для себя возможность пойти с Сажеруком.

– Нет! – отрезал Сажерук, забирая у него рюкзак.

Он закинул его за плечо и повернулся, собираясь уйти.

– Возьми! – Мальчик побежал за ним. – Ты должен взять меня, иначе… что мне сказать Волшебному Языку, когда он увидит, что книги нет?

– Скажи, что ты спал.

– Ну пожалуйста!

Сажерук остановился.

– А как же она? – Он показал на Мегги. – Тебе ведь нравится девочка. Ты не хочешь остаться с ней?

Мальчик покраснел. Он долго смотрел на Мегги, будто запоминал, как она выглядит, а потом снова повернулся к Сажеруку.

– Я им чужой.

– Мне ты тоже чужой.

И Сажерук пошел прочь. Когда он подходил к холмам, Фарид все еще плелся за ним. Он так тихо ступал, что Сажерук его не слышал, а когда обернулся, Фарид встал как вкопанный, будто его поймали с поличным.

– Ну что ты пристал? Я же здесь не надолго, – разозлился Сажерук. – Книга теперь у меня, мне нужно найти того, кто сумеет вчитать меня обратно, хоть какого-нибудь заику наподобие Дариуса, который отправит меня домой хромоногим или плосконосым. И что ты тогда будешь делать совсем один?

Мальчик пожал плечами и глянул на Сажерука своими угольно-черными глазами.

– Я научился выплевывать огонь, – буркнул он. – Пока тебя не было, я много тренировался. Только глотать еще не умею.

– Потому что это труднее, а ты всегда спешишь. Я тысячу раз тебе говорил.

Они нашли Гвина у обгоревшего дома. Он был сонный, к его мордочке прилипли перья. Увидев Сажерука, он так обрадовался, что даже лизнул ему руку, но потом держался с Фаридом. Они весь день шли к морю, на юг. А когда стемнело, сели отдохнуть на привале и подкрепиться. Сажерук взял в буфете Басты немного острой красной колбасы, сыр, хлеб и оливковое масло. Хлеб уже слегка зачерствел, но они ели его, обмакивая в оливковое масло. Потом молча посидели на траве и отправились дальше. Под деревьями рос голубой и бледно-розовый шалфей. В кармане у Сажерука трепетали феи, а за ним, как вторая тень, шел мальчик.

Домой

И поплыл он домой, и плыл почти целый год, и много недель, и еще день, пока не оказался в своей комнате, где стояла ночь и ждала еда, еще не успевшая остыть.

М. Сендак. Там, где живут чудовища

Утром Мо обнаружил, что книга пропала. Мегги решила, что ее взял Баста, и страшно испугалась, когда представила, как он ходил вокруг них, пока они спали. Но Мо явно подозревал кого-то другого.

– Мегги, Фарид тоже пропал! – сказал он. – Разве он пошел бы с Бастой?

Да, Фарид мог уйти только с одним человеком. Мегги даже нарисовала себе картину, как Сажерук появляется из темноты, как в ту ночь, когда все началось.

– А Фенолио? – спросила она.

Мо вздохнул.

– Не знаю, Мегги, хотел бы я, чтобы он вообще вернулся. Столько недоброго вышло из этой книги, я ведь не писатель, который умеет подобрать нужные слова. Ты же знаешь, я книжный лекарь. Я могу смастерить для книг новые переплеты, вывести книжных жучков и сделать так, чтобы со временем книги не теряли свои страницы, как люди с возрастом теряют волосы. Но сочинять истории я не умею. Это совсем другая профессия. Один знаменитый писатель говорил: «В писателе живет рассказчик, учитель или волшебник… но господствует все-таки волшебник». Я думаю, это так.

Мегги не знала, что ответить. Она чувствовала, что ей уже не хватает Фенолио.

– А Динь-Динь теперь тоже придется остаться здесь? – спросила она.

Фея резвилась на поляне с другими феями, и издалека все вместе они были похожи на рой мушек. Мегги терялась в догадках, как же она не угодила в кувшин Басты.

– Ну, если меня не подводит память, Питер Пэн даже забыл, что она была, – ответил Мо. – Да?

Конечно, Мегги знала это.

– Бедный Фенолио! – бормотала девочка.

Но как только она это произнесла, Тереза замотала головой. Мо порылся в карманах, но нашел только квитанцию с автозаправки и фломастер. Тереза улыбнулась и начала писать, а Мегги присела рядом с ней на траву. «Не надо его жалеть. Он попал в другую, неплохую историю».

– А Каприкорн еще там? – спросила Мегги.

Они с Мо часто говорили об этом, ведь в «Чернильном сердце» по-прежнему рассказывалось о нем. Но, может, и в самом деле за

напечатанной историей скрывался целый мир, такой же изменчивый, как и этот.

«Я слышала, – писала Тереза, – что он был в отъезде. Но там хватало таких, как он. В том мире столько ужасов и красот, и… – дальше Мегги с трудом разобрала мелкие буквы, – я понимаю тоску Сажерука по дому».

Мегги встревожилась и озабоченно посмотрела на мать, а та засмеялась и взяла ее за руку. «По тебе и твоему папе я тосковала гораздо больше», – написала она на ладони дочери, и Мегги сжала кулачок, словно хотела сохранить эти слова. И пока они добирались до дома Элинор, она все читала их.

Элинор не могла примириться с тем, что ей нужно снова идти по холмам, где в колючках ползали змеи. «Я же не сумасшедшая! – возмущалась она. – У меня ноги начинают болеть при одной только мысли об этом». И они отправились с Мегги снова искать телефон. Им было неприятно рыскать в заброшенной деревне, идти мимо закопченного дома Каприкорна и обгоревшего портала церкви. Однако они обыскали почти десяток домов, но ничего не нашли. Мегги не отваживалась войти в злосчастный дом и объяснила Элинор, как найти комнату Сороки. Элинор взяла с собой ружье, опасаясь, что старуха могла вернуться за своими сокровищами и теми, что награбил ее сын-бандит. Вскоре Элинор вернулась с улыбкой победительницы и телефоном в руке.

Она вызвала такси и стала ждать его на дороге, чтобы водитель не увидел фей и кобольдов. Мо и Элинор оставили Мегги с матерью в деревне, а сами доехали на такси до ближайшего городка, чтобы взять напрокат машины, вернее, им пришлось взять микроавтобусы, потому что Элинор надумала поселить у себя все странные существа, появившиеся в деревне. «Им нужно пристанище, – говорила она. – В нашем мире всегда не хватало терпения и внимания к людям, которые не совсем такие, как все. А как жить тем, кто вообще синего цвета, да еще с крыльями?»

Некоторое время всем пришлось объяснять предложение Элинор. Большинство людей захотело остаться в деревне Каприкорна – вероятно, она напоминала им родные места, а Мегги рассказала детям о сокровищах, хранившихся в подвалах Каприкорна, которых было столько, что можно было кормить всех жителей деревни до конца их дней. Животные, вырвавшиеся из Тени, разбежались по холмам. Несколько фей и стеклянных человечков были так восхищены

цветами дрока, ароматом розмарина и узкими улочками, древние камни которых поведали им свои истории, что решили никуда не уезжать из этой деревни.

В конце концов в автобусах на серых спинках сидений разместилось сорок три феи. Динь-Динь осталась, но Мегги не расстроилась: она поняла, что у феи Питера Пэна вздорный характер, к тому же фея раздражала своим диньканьем, а она все время динькала, особенно когда не получала то, что хотела.

Вместе с Элинор поехали четыре кобольда, тринадцать стеклянных человечков и Дариус. Бедолага не хотел оставаться в этой проклятой деревне, там у него было слишком много тяжелых воспоминаний. Он предложил Элинор помочь восстановить библиотеку, и она согласилась (Мегги подумала, что ей, наверное, хотелось, чтобы Дариус почитал вслух, ведь теперь он мог не запинаться – Каприкорн ему уже не помешает).

Мегги долго смотрела на деревню, пока они выезжали из нее. Конечно, она не забудет ее, как не забываются ужасные истории, которые страшно читать.

Мо уточнил, хочет ли она сначала ехать к Элинор. Странно, но Мегги больше соскучилась по дому Элинор, а не по своей старой крестьянской усадьбе, где они жили с Мо.

За домом на лужайке, где бандиты сожгли на костре книги, еще оставалось пепелище, но Элинор велела убрать пепел, прежде наполнив им банку из-под варенья. И теперь эта банка стояла на ночном столике возле ее кровати.

Книги, которые валялись на полу, были возвращены на свои места, а те, что были повреждены, лежали на рабочем столе Мо, но полки в библиотеке были пусты, и Мегги видела, как Элинор сквозь слезы смотрела на них.

В ближайшие недели Элинор занималась тем, что покупала книги, разъезжая за ними по всей Европе. Ее сопровождал Дариус, иногда с ними был Мо. А Мегги в это время вместе с мамой садилась в большом доме у окна, и они наблюдали, как феи строят себе гнезда, словно мячики, развешанные на ветвях деревьев. На чердаке стали жить стеклянные человечки, а кобольды прорыли себе норы под большими деревьями в саду. Элинор долго упрашивала все эти существа не покидать ее поместье. Она предупреждала их об опасностях, подстерегавших за изгородью, но феи все равно летали

по ночам на озеро, кобольды путешествовали в соседние деревни, а стеклянные человечки прятались в высокой траве на склонах окрестных холмов.

– Не надо так волноваться! – советовал ей Мо, когда она вздыхала от их безрассудства. – Там, где они родились, тоже было небезопасно!

– Но там не было машин, – возражала Элинор. – Вдруг феи разобьются о ветровое стекло? Или попадут на мушку охотникам, которые просто так стреляют по любой движущейся цели.

Элинор знала теперь все о мире «Чернильного сердца»: Терезе пришлось потратить много бумаги, чтобы оставить свои воспоминания о нем. Каждый вечер Мегги просила ее что-нибудь рассказать, и тогда они садились рядом, и Мегги читала то, что написала мать, а иногда даже пыталась это нарисовать.

С каждым днем полки Элинор заполнялись новыми замечательными книгами. Мо отреставрировал много книг, и Дариус, занятый составлением картотеки, время от времени оставлял свое дело, чтобы посмотреть на работу мастера. Он не отрываясь наблюдал за тем, как Мо отделял старую книжку от изношенной обложки, снова сшивал потрепанные страницы, приклеивал корешок и так лечил книгу за книгой, чтобы они служили еще много лет.

Позже Мегги не могла вспомнить, когда они решили навсегда остаться у Элинор – несколько недель спустя, а может быть, уже в первый день. Мегги стала жить в той комнате с большой кроватью, под которой по-прежнему стоял ее сундучок с книгами. Она хотела почитать свои любимые книги маме вслух, хотя теперь понимала, почему Мо редко осмеливался на это. Однажды, когда она опять не могла заснуть из-за того, что ей за окном померещился Баста, она села за стол и начала писать, а в саду сверкали феи и шуршали в кустах кобольды.

Мегги хотела научиться придумывать истории, как Фенолио, уметь находить нужные слова, которые можно было бы читать вслух маме и не бояться, что из книги вдруг кто-то появится и глянет на нее глазами, полными тоски по дому. Только слова способны вернуть их обратно, и поэтому Мегги решила, что слова станут делом ее жизни, ремеслом. А где и учиться этому ремеслу, как не в доме, где книги шепчутся по ночам на полках, а в саду феи строят гнезда?

Как говорил Мо, сочинительство не обходится без волшебства.